

СООБЩЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГОВ

**СОЦИОЛОГИЯ.
ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.
ОБЩЕСТВО.**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ**

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**“Социология и обществознание:
междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности”**

МОСКВА
12 - 13
декабря
2014

РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СООБЩЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГОВ»

СОЦИОЛОГИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВО

Сборник научных статей и материалов
Всероссийской научной конференции
«Социология и естествознание: междисциплинарные подходы
к изучению социальной реальности»
12-13 декабря 2014 года

*Под редакцией
доктора социологических наук, профессора
Н.Е.Покровского*

Москва
2014

ББК 60.5
УДК 316
С 69

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект 14-06-20549 г)*

Рецензенты:

Дроздов А.В. – кандидат географических наук (Институт географии РАН)
Антонова В.К. - доктор социологических наук (НИУ «Высшая школа экономики»)

С 69 СОЦИОЛОГИЯ. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ. ОБЩЕСТВО. Сборник научных статей и материалов Всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности» 12-13 декабря 2014 года / Под редакцией д.с.н., проф. Н.Е.Покровского. М.: РОО «Сообщество профессиональных социологов», ООО «Вариант», 2014. – 205 с.
ISBN 978-5-00080-018-8

Взаимодействие различных групп наук в решении сложных теоретических и практических исследовательских задач стало новым перспективным направлением и методом научного поиска, позволившим междисциплинарным исследованиям выделиться в качестве особой области. Открытия, совершаемые на демаркационных линиях дисциплинарных областей, особенно на пересечении естественных, общественных и гуманитарных наук, требует особого внимания и осмысления. Эвристические возможности междисциплинарного диалога ученых из различных областей знания - социологов, социогеографов, демографов, биологов, психологов, культурологов - раскроют новые перспективы в познании социальной реальности. На сборнике конференции представлены результаты проводившихся в последние годы под эгидой РФФИ и РОО "Сообщество профессиональных социологов" междисциплинарных проектов, демонстрирующих плодотворных диалог и сотрудничество представителей социальных наук и естествознания.

В сборнике принимают участие ведущие ученые Российской академии наук (Институт географии РАН, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова, Институт информации по общественным наукам РАН, Институт социологии РАН), преподаватели и сотрудники крупнейших вузов (МГУ имени М.В.Ломоносова, НИУ «Высшая школа экономики», СПбГУ и др.), а также молодые ученые, аспиранты, магистры.

ISBN 978-5-00080-018-8

© РОО «Сообщество профессиональных социологов», 2014
© ООО «Вариант», 2014

Подписано в печать 10.12.2014. Формат 60x88 1/8.

Бумага офсетная. Объем 25,75 печ. л.

Тираж 100 экз. Заказ № 25

Издательство ООО «Вариант»

115093 г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	5
Раздел 1. Природный капитал в фокусе междисциплинарных исследований.....	6
Бобылев С.Н. Экосистемный подход к оценке ценности биоразнообразия.....	6
Кирюшин П.А., Михайлова С.Ю. «Зелёная» экономика и биоэкономика: теоретические и практические аспекты.....	10
Колесникова Л.А. Революция фрактального кросс-дисциплинарного синтеза или естественные начала и вопросы методологии междисциплинарного диалога в социальных и гуманитарных науках.....	13
Степанов А.К., Колесникова Л.А. Достижения современной эволюционной теории как естественнонаучная основа исследований инновационных процессов в экономике и обществе.....	18
Соловьева С.В. Экологически устойчивое развитие Москвы: индикаторы и индексы.....	24
Ермолаева Ю.В. Утилизация отходов и феномен «мусорной культуры»: социологическая концептуализация.....	28
Раздел 2. География и социология. Пространственная мобильность населения.....	32
Трейвиш А.И. Миры в движении и покое: институт второго жилища между мобильностью и оседлостью.....	32
Нефедова Т.Г. Поляризация социально-экономического пространства России и география трудовых миграций населения.....	37
Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Пульсация населения Московского столичного Региона.....	44
Неретин А.С. Пригородный и междугородний транспорт в Московском столичном регионе как фактор обеспечения мобильности населения.....	49
Аверкиева К.В. Горожане в деревне: особенности «дачного» освоения сельской местности в Костромской и Ивановской областях.....	57
Землянский Д.Ю. Подвижность местного и пришлого населения в Приокских районах за пределами Московской области.....	62
Гулько М.С. Взаимосвязь малых городов и сельской местности в регионах Ближнего Севера (на примере городов Шарья и Макарьев).....	65
Старикова А.В. Мобильность и плотность жизнедеятельности населения Баварии.....	71
Глазков К. Картографические материалы: «Верховная реальность» или инструмент постановки гипотез.....	76
Раздел 3.	
Социальная сплоченность: социально-философский, социологический и историко-антропологический ракурсы.....	79
Гофман А.Б. О концептуальных основаниях изучения социального единства.....	79
Покровский Н.Е. П.А.Кропоткин о сплоченности, самоорганизации сообществ, взаимопомощи и альтруизме. (Современные реминисценции).....	82
Лыткина Е.И. Социальная сплоченность: контекст, смежные понятия и особенности эмпирических исследований.....	86
Николаева У.Г. Социальная сплоченность в архаических обществах: проблемы методологии.....	95
Алмакаева А.М. «Круги» доверия и их измерение в сравнительных исследованиях.....	110
Васильева М.Ю. Сравнительный анализ подходов к измерению доверия.....	117

Раздел 4. Российские регионы в зеркале социологии	125
Лапин Н.И. Междисциплинарный характер социокультурной компаративистики российских регионов (10 лет программы «Социокультурные портреты регионов России»).....	125
Дроздова Ю.А. Имидж региона в дискурсе СМИ (на примере Волгоградской области).....	131
Раздел 5. Социология и социальные процессы	137
Полухина Е.В. Основания и возможности интеграции количественного и качественного подходов в социальных науках (от методологического плюрализма к 3-х парадигмальному континууму).....	137
Ильин В.И. Земляческие сети мигрантов как социальный ресурс.....	142
Григорьева И.А. О направлениях политики возраста.....	147
Колобова А.Е. Практика инклюзивного образования в современной России: опыт образования пожилых людей в регионе.....	152
Дрючина И.Н. Технологии управления социальными коммуникациями.....	153
Чернецкая А.А., Малянов В.П. Инновационные технологии протезирования в социальной реабилитации ампутанта.....	155
Спирина М. Организационная специфика волонтерского движения: сравнение опыта России и Франции.....	156
Конобеева Е.А. Производство смыслов в работе государственных организаций: случай Почты России.....	159
А.С.Смирнова Условия выбора стратегии гражданского (не)участия (на материалах интервью с жителями г. Казани).....	163
А.И.Землякова Самопозиционирование в социальных сетях как форма публичной коммуникации.....	165
А.М.Полякова «Дачное» движение и современный процесс дезурбанизации: концептуальная модель, система индикаторов, прикладное исследование.....	166
Раздел 6 Исследования медиасферы: междисциплинарная перспектива	168
Войнилов Ю.Л. Медиасфера как объект исследования: попытка преодоления разрыва между теоретической моделью и эмпирическими показателями.....	168
Задорин И.В. Реконцептуализация и операционализация понятия "медиаграмотность".....	171
Кеворкова Д.А. Развитие функциональности социальных сетей в России.....	173
Мальцева Д.В. Использование современных технологий электронной демократии в России: гражданское участие vs. технический вызов.....	178
Римский В.Л. Связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан в российской полиции и их преломление в социо-информационном поле.....	180
Савельева О.О. Актуальное искусство как рекламный посредник в городской среде.....	188
Тимофеева О.А. Междисциплинарный подход к изучению видеоигр.....	193
Карпова Г.Г., Ловцова Н. И. Производство нового родительства: доверие медийным образам матери.....	198
Сведения об авторах	204

Взаимодействие социальных наук и естествознания в решении сложных теоретических и научно-практических задач, связанных моделированием социально-экономических, социально-демографических и социально-экономических процессов, стало перспективным направлением современной научной деятельности. Эвристические возможности междисциплинарного диалога ученых из различных областей знания – социологов, социогеографов, демографов, социобиологов, психологов, культурологов – открывают новые перспективы в познании меняющейся социальной реальности.

В данном сборнике представлены результаты проводившихся в последние годы под эгидой Сообщества профессиональных социологов, Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Института географии РАН, Института проблем экологии и эволюции им. А.Н.Северцова, Института социологии РАН, Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, других ведущих научных и учебных заведений России. Многие из публикуемых материалов подготовлены в рамках крупных междисциплинарных научных проектов, осуществляющихся при поддержке крупнейших научных фондов России - РФФИ, РНФ, РГНФ, других научных фондов. Публикуемые результаты исследований демонстрируют плодотворный диалог и сотрудничество представителей социальных наук и естествознания.

Сборник научных статей и материалов публикуется к ежегодной научной конференции Сообщества профессиональных социологов, которая в этом году посвящена диалогу ученых разных областей знания: "Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности" (12-13 декабря 2014 г., Департамент социологии НИУ ВШЭ, Мясницкая 9/11). Конференция поддержана Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ, проект 14-06-20549 г).

В представленных материалах вы найдете статьи как ведущих ученых вузов и научно-исследовательских институтов Российской академии наук, так и совсем молодых ученых, аспирантов и магистрантов.

Материалы публикуются в авторской редакции.

*Председатель оргкомитета конференции
доктор социологических наук, профессор
заведующий кафедрой общей социологии НИУ ВШЭ,
президент Сообщества профессиональных социологов
Никита Евгеньевич Покровский*

РАЗДЕЛ 1.

ПРИРОДНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ФОКУСЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.Н. Бобылев
(МГУ им. М.В.Ломоносова)

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЦЕННОСТИ БИОРАЗНООБРАЗИЯ

Проблеме сохранения биологического разнообразия и экосистемных услуг уделяется в мире все больше внимания. Биоразнообразие является важной частью природного капитала и его сохранение ежегодно приносит огромные выгоды в мире: связывание углерода лесами на сумму 3,7 трлн.долл., вклад в продукцию сельского хозяйства в 190 млрд.долл. в год и в 240 млрд.долл. в фармацевтический рынок [6]. И сейчас даже сложно предположить, каким эколого-экономическим ущербом может обернуться потеря даже одного вида в будущем.

Сохранение биоразнообразия является одной из глобальных экологических проблем и с каждым годом все больше обостряется по мере исчезновения новых видов. Современные темпы потери видов животных и растений в мире превышают естественные темпы в 50-100 раз. При сохранении этих темпов к 2020 г. исчезнет 15% всех существующих на Земле видов. Катастрофическое уменьшение биоразнообразия связано, главным образом, с разрушением среды обитания в результате антропогенной деятельности, с природоёмким развитием сельского и лесного хозяйства, загрязнением окружающей среды.

Огромен экономический ущерб от потерь экосистем и их услуг. Только от обезлесения мир теряет экоуслуг на сумму 2-5 трлн.долл. в год [4]. Оценка глобальных отрицательных экологических экстерналий (внешних эффектов) оценивается в 7 трлн.долл. в год, что составляет 11% глобальной экономики. Около 35% этого ущерба дают 3000 крупнейших мировых компаний, среди которых много энергетических.

В мировой теории и практике учет и оценка биоразнообразия и экосистемных услуг связаны с реализацией экосистемного подхода. В последнее десятилетие растет понимание необходимости использования такого подхода при управлении территориями. Моноресурсный подход к управлению экосистемами преобладал в практике природопользования до недавнего времени и продолжает использоваться даже сейчас. Однако в последнее десятилетие его ограничения вступили в противоречия с целями перехода к устойчивому развитию. Наиболее ярко это проявилось в управлении биоразнообразием, водными и лесными экосистемами.

Экосистемный подход представляет собой стратегию комплексного управления земельными, водными и живыми ресурсами с целью обеспечения их сохранения и устойчивого использования на справедливой основе [3]. Это подход по управлению природными ресурсами, который, основываясь на принципе равенства, уделяет необходимое внимание культурному разнообразию, учитывает взгляды местного населения и цели по децентрализации, принимая во внимание также социальные, экономические, культурные факторы и факторы окружающей среды.

Применение экосистемного подхода является приоритетом в деятельности Европейского сообщества (как участника Конвенции по сохранению биоразнообразия), ЮНЕП, Всемирного банка и других международных организаций.

Рассмотрим основные принципы экосистемного подхода, важные для формирования экономического механизма сохранения экосистем, компенсации потерь биоразнообразия.

Задачи управления водными, земельными и живыми ресурсами определяются обществом. Различные слои общества рассматривают экосистемы с позиций собственных экономических, культурных и общественных потребностей. Экосистемы должны управляться с учетом их истинных ценностей, на справедливой и равной основе с целью получения как материальных, так и нематериальных выгод для человека.

Признавая возможность положительных результатов управления сохранения биоразнообразия, следует тем не менее осуществлять управление экосистемой с учетом экономического контекста. Любая программа управления экосистемой должна: а) устранять диспропорции в структуре рынка, которые отрицательно влияют на биологическое разнообразие (в частности, заниженность или отсутствие цен на экосистемные услуги); б) предоставлять стимулы для сохранения биологического разнообразия и устойчивого использования; в) по мере возможности интернализировать (сосредоточивать) все затраты и выгоды внутри самой экосистемы. Опаснейшая угроза биологическому разнообразию в целом заключается в их замене альтернативными системами землепользования.

Среди экономических мер по реализации экосистемного подхода для биоразнообразия и экосистемных услуг можно в первую очередь выделить следующие [5]:

- взимание платежей за экосистемные услуги и использование биоразнообразия, организация соответствующих рынков торговли ими;
- включение интересов сохранения биоразнообразия в практику управления другими секторами, такими как сельское хозяйство, лесоводство и рыболовство;
- получение выгод местными общинами;
- устранение субсидий, стимулирующих чрезмерное использование экосистемных услуг (и по возможности использование данных субсидий для оплаты нетоварных экосистемных услуг);
- устойчивая интенсификация сельского хозяйства;
- устранение неустойчивых структур потребления;
- замедление изменений климата и адаптация к ним;
- замедление глобальных темпов сброса биогенных веществ;
- корректировка сбоев рыночного механизма и учет внешних экологических последствий (экстерналий), которые ведут к деградации экосистемных услуг;
- интегрирование сохранения биоразнообразия и планирования развития;
- повышение прозрачности и отчетности деятельности государственного и частного секторов в области принятия решений, оказывающих воздействие на экосистемы, в том числе через посредство более широкого участия соответствующих субъектов деятельности в процессе принятия решений;
- необходимость распространения результатов научных исследований и данных среди всех слоев общества.

При применении экосистемного подхода в практику охраны окружающей среды приходится вводить понятия, которые основываются на экономической оценке услуг экосистем. Однако правовая база для такого подхода еще не разработана, как и не развита понятийно-терминологическая база устойчивого развития в целом. Нет хорошо измеримых показателей влияния на экономику состояния окружающей среды, нет интегрированных показателей состояния окружающей среды на глобальном, национальном и региональном уровнях. Экономическая эффективность охраны окружающей среды не отражается в макроэкономике страны и регионов, а охрана окружающей среды не осознана как экономический инструмент бюджетной политики.

Существуют три общие причины деградации биоразнообразия и экосистем: неэффективность (провалы) рынка, государственного регулирования и институтов. Такая ситуация приводит к недостаточному инвестированию сохранения биоразнообразия.

Для принятия экономического решения необходимо определять экономическую эффективность, сопоставлять затраты и выгоды. Современная рыночная система не способна адекватно оценить биологические ресурсы и экосистемные услуги, цена на них занижена или вообще отсутствует. Тем самым происходит заведомое занижение выгод от сохранения живой природы. В результате при сопоставлении вариантов «биоразнообразный» вариант проигрывает при сравнении с традиционными решениями, которые дают выгоды, которые рынок может хорошо оценивать. Здесь же следует упомянуть проблему игнорирования экстерналий, экстернальных издержек. Угольное предприятие, осушая болото для использования участка в

горнодобывающей деятельности, не принимает во внимание возможность иссушения и деградации соседнего леса или уничтожения птиц и животных, живущих в лесу.

«Экологическая неполноценность» современной экономики признается экономистами. Например, можно упомянуть ставшее классическим исследование группы экспертов, выполненное под руководством Роберта Констанца (Мэрилендский университет) [2]. Расчеты ученых дали суммарную годовую оценку экосистемных функций Земли в среднем в 33 трлн. долл., что почти вдвое превышает создаваемый человечеством ВВП (18 трлн. долл. в год). Основная часть стоимости функций экосистем находится вне рынка.

Государство своей деятельностью также может способствовать уменьшению биоразнообразия. Выделение субсидий для сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых приводит к дополнительному завышению выгод для природоэксплуатирующих видов деятельности по сравнению с сохранением живой природы, которое и так маловыгодно. Тем самым создается заведомо некорректная конкуренция между различными вариантами развития конкретного участка. Существенной проблемой является и выбор государством экономической политики, базирующейся на стандартных экономических показателях ВВП, ВНД и др. Так как деградация окружающей среды, сокращение биоразнообразия не отражаются на этих показателях и не уменьшают их, то государство может проводить антиустойчивую политику.

Уменьшению биоразнообразия способствует и институциональная неэффективность. Биологическим ресурсам свойственно выступать в качестве общественного блага, к которому имеется открытый доступ. Неопределенность прав собственности приводит к усиленной эксплуатации биоресурсов, их истощению.

Перечисленные три причины уменьшения биоразнообразия в различном сочетании сейчас можно наблюдать во многих странах мира. Особенно это актуально для развивающихся стран, где потеря видов, способствующая этому хищническая вырубка лесов приводят к катастрофическим последствиям для биологических ресурсов. Обостряются проблемы сохранения живой природы и в России, что является следствием природоохранных макроэкономической и секторальных политик, сокращения финансирования охраны природы. Не столь остры проблемы биоразнообразия в развитых странах. И это во многом связано не с их богатством, а с тем, что во многих развитых странах уже нечего сохранять. Активная экономическая экспансия XIX и XX вв. привела к исчезновению многих видов.

Важной экономической проблемой в сохранении биоразнообразия является несовпадение глобальных, национальных и локальных выгод. То, что невыгодно для отдельного региона, страны, может оказаться жизненно важным для других стран, всей планеты. Например, вырубка лесов, осушение болот, утрата редких видов флоры и фауны в отдельных странах оказывают негативное воздействие на биосферу всей планеты. Локальные выгоды от таких действий гораздо меньше глобальной выгоды от сохранения этих природных ресурсов. В то же время в случае сохранения природных благ на локальном уровне (охраняемые территории, леса и пр.) местное население далеко не всегда получит выгоды, а, наоборот, может ухудшить свое благосостояние. Эта ситуация типична для многих развивающихся стран.

Для попытки разрешения этого противоречия на международном уровне, в частности, создан Глобальный экологический фонд (Global Environmental Facilities), основная цель которого — инвестировать природоохранные мероприятия, не дающие значительной локальной выгоды (сохранение биоразнообразия, тропических лесов и пр.), но важные для всей планеты.

В показателях затрат и выгод явление несовпадения глобальных и локальных выгод можно описать следующим образом:

$$Vd - Cd < 0 \quad (1)$$

где Vd и Cd — соответственно локальные выгоды и затраты.

Превышение локальных затрат над локальными выгодами (1) показывает, что для местного сообщества не выгодно сохранять биоразнообразие, и в этом случае будет использован другой, природоохранный вариант развития.

Основным условием выгоды для мирового сообщества и отдельных стран сохранения биоразнообразия на данной территории является следующее условие:

$$(Vd + Vn + Vg) - Cd > 0 \quad (2)$$

где V_g и V_n – соответственно глобальные и национальные выгоды.

Соотношение (2) показывает необходимость превышения суммы локальных, национальных и глобальных выгод над локальными затратами.

Для того, чтобы сохранение биоразнообразия было выгодно экономически, самым сложным является корректный учет выгод такого сохранения, экономической оценки биологических ресурсов [1]. И здесь перспективной является концепция общей экономической ценности (стоимости) (total economic value). В ней делается попытка наряду с прямой потребительной стоимостью оценить и стоимость «неиспользования» ресурса, его сохранения и консервации, что является принципиальным для биоразнообразия. Учет косвенной стоимости использования, стоимости существования, метод субъективной оценки стоимости и др. делают попытку экономически оценить довольно тонкие экологические, социальные, этические и эстетические аспекты сохранения биоразнообразия, что в современной «антиэкологичной и утилитарной» экономической действительности с постоянным сопоставлением затрат и выгод необходимо.

Для сохранения биоразнообразия наиболее распространенными являются две группы мер:

— прямое регулирование, когда государство создает соответствующую правовую и нормативную среду, а также институциональные структуры (организации, ведомственные подразделения), ответственные за сохранение биоразнообразия и координацию своей деятельности с другими ведомствами (экономики, сельского и лесного хозяйства и т.д.);

— экономическое стимулирование сохранения биоразнообразия и его устойчивого использования.

Мероприятия по прямому регулированию сохранения живой природы разработаны и используются достаточно широко. Вторая группа мер, связанная с рыночными механизмами, только зарождается (более подробно эта группа мер, связанная с платежами за экосистемные услуги (payments for ecosystem services), компенсацией потерь биоразнообразия (biodiversity offsets), финансово-банковских механизмов (species and habitats banking) и др.

К группе мероприятий, связанных с экономическими стимулами, относятся выделение специальных субсидий, грантов местными и федеральными властями, а также международными организациями; дотации на интенсивное ведение сельского хозяйства, препятствующие расширению аграрных площадей; компенсации за ущерб от диких животных и другие. Особое значение имеет стимулирование местного населения, так как браконьерство, охота, уничтожение и контрабандная продажа редких видов являются одной из главных причин уменьшения биоразнообразия, что во многом объясняется мизерностью локальных выгод от сохранения биологических ресурсов. Для роста локальных выгод большое значение может иметь развитие экотуризма, специальных видов рекреации и т.д., что создает дополнительные стимулы, рабочие места, доходы у местного населения.

К группе экономических мероприятий относятся и различного рода экономические санкции (штрафы, налоги и пр.), которые содержатся в правовых документах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев С.Н., Захаров В.М. Экосистемные услуги и экономика. М: Институт устойчивого развития/ЦЭПР, 2009.
2. Costanza, R. d'Arge, R. de Groot et al. The value of the world's ecosystem services and natural capital. (1997) Nature, 386.
3. Developing International Payment for Ecosystem Services: Towards a Greener World Economy. UNEP/IUCN, 2007.
4. Guide to Corporate Ecosystem Valuation, the World Business Council for Sustainable Development, 2011.
5. Millennium Ecosystem Assessment. 2005. Ecosystems and Human Well-being. UNEP, Island Press, Washington DC, 2005.
6. Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. UNEP, 2011.

«ЗЕЛЁНАЯ» ЭКОНОМИКА И БИОЭКОНОМИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

1. «Зелёная» экономика

Одной из первых научных работ, в которой был использован термин «зелёная» экономика», стало исследование «Проект зеленой экономики», изданное в 1989 году [1]. В 2011 году Программой ООН по окружающей среде было дано следующее определение: «зелёная» экономика – это экономика, которая обеспечивает повышение благосостояния людей и сокращение социального неравенства, при этом существенно снижая риски для окружающей среды [2]. По сути, это модель новой экономики, призванная внести вклад в переход общества на путь устойчивого развития, дающего возможность удовлетворения потребностей нынешнего поколения без ущерба для возможностей удовлетворения своих потребностей будущими поколениями [3]. В основе «зелёной» экономики лежат рациональное использование природных ресурсов, внедрение новых технологий, повышение уровня экокультуры.

Среди макроэкономических характеристик данной концепции можно выделить следующие [4]:

1. Использование новых подходов к измерению развития – в дополнение или вместо традиционного индикатора ВВП, который является неэффективным для измерения социально-эколого-экономического развития.

2. Интернализация экстерналий – включение воздействия экономики на окружающую среду в стоимость товаров и услуг. Например, сейчас типичной является ситуация, когда завод оказывает вредное воздействие на природную среду и здоровье, при этом величина издержек по компенсации вредного воздействия не соотносится со стоимостью продукции завода.

3. Оценка природного капитала и экосистемных услуг и учёт их стоимости при реализации экономической деятельности. Хрестоматийным примером является вопрос стоимости экосистемных услуг подмосковных болот, поддержание которых в первоначальном виде могло бы оказаться выгоднее, чем их осушение, которое стало одной из причин пожаров 2010 года.

4. Важной характеристикой «зелёной» экономики является эффективное использование энергии и ресурсоэффективность в целом. Не секрет, что именно через более эффективное – не только в количественном, но и в качественном отношении - использование ресурсов воздействие на окружающую среду может быть сокращено существенно.

5. В основе «зелёной» экономики лежит ориентация на человека. То есть, в отличие от традиционной модели, «зелёная» экономика предполагает внедрение принципа «экономика для человека», а не «человек для экономики». При этом также предполагается, что окружающая среда – общий дом, в котором мы живем.

Принципы «зелёной» экономики реализуют развитые и активно развивающиеся страны, в том числе, Германия, Дания, Бразилия, Китай, Казахстан. Например, план развития Китая на 2011-2015 гг. включает раздел по «зелёному» развитию. Среди ключевых его показателей - снижение энергоёмкости ВВП, повышение доли возобновляемых источников в энергобалансе, снижение выбросов углекислого газа, увеличение площади лесов [5]. В то же время, причина перехода на принципы «зелёной» экономики в разных странах могут существенно отличаться. К примеру, построение «зелёной» экономики в Дании может быть связано в первую очередь с ориентацией на экспорт высокотехнологичной продукции и на обеспечение электоральной поддержки, а переход к «зелёной» экономике в Китае может быть

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта 14-06-00385 «Разработка комплексного междисциплинарного подхода для оценки эколого-экономической эффективности биоэкономики (на примере биоэнергетической отрасли)».

обусловлен, прежде всего, задачам предотвращения экологического кризиса и требованиями обеспечения здоровья населения.

Для России само понятие «зелёная» экономика является новым. Оно фактически не используется в официальных документах. Тем не менее, это понятие стало все чаще употребляться в научных дискуссиях, выступлениях официальных лиц, средствах массовой информации, особенно в связи с Конференцией ООН в Рио-де-Жанейро (2012). Также, намеченные на ближайшие 10-20 лет в РФ цели во многом корреспондируют с целями перехода к «зелёной» экономике. Это отражается в общей политике использования ресурсов, охраны окружающей среды и в имеющихся правовых и налоговых инструментах. Главная задача российского государства на современном этапе, отраженная в основных документах развития страны на среднесрочную и долгосрочную перспективы, выступлениях Президента РФ и Премьер-министра РФ – уход от сырьевой модели экономики. Эта задача является центральной и в концепции «зеленой» экономики. Потенциальные выгоды для России от реализации принципов «зелёной» экономики могут быть связаны с экономической модернизацией, обновлением технологических фондов, уходом от экспортно-сырьевой зависимости, социо-культурным развитием и другими возможностями, обеспечивающими долгосрочное устойчивое развитие страны.

2. Биоэкономика

Концепция биоэкономики стала активно формироваться в мире в середине 2000-х гг., когда Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Европейская комиссия (ЕК) начали разрабатывать программы по продвижению биоэкономики в разных странах. Целью подобных программ стала реализация потенциала биологических материалов (таких как гены, стволовые клетки и ткани) и природных ресурсов (леса, сельскохозяйственных культур и т.д.) на основе биотехнологий для научно-технического прогресса и социально-экономического развития [6].

В настоящее время существуют различные интерпретации понятия «биоэкономика».

Во-первых, биоэкономику можно рассматривать как ответвление социальных наук, призванное интегрировать биологические и экономические дисциплины с целью создания теории, объясняющей экономические события через призму биологии. Биоэкономика, таким образом, может считаться наукой, определяющей оптимальный порог социально-экономической деятельности, при котором биологические системы могут быть использованы эффективно и рационально, не нарушая их способности к регенерации, то есть устойчиво [7]. Во-вторых, биоэкономика понимается как процесс устойчивого производства и преобразования биомассы для пищевых, медицинских, волоконных и промышленных продуктов, а также энергии. Такое определение биоэкономики было дано объединением «BioEconomy Technology Platforms» (BECOTEPS), включающим ряд европейских технологических платформ [8]. В-третьих, распространенными являются понятия биоэкономики, основанной на знаниях (knowledge-based bio-economy), и экономики, основанной на биоресурсах (bio-based economy), которые подразумевают, что основные материалы для такой экономики, химические вещества и энергия получаются из возобновляемых биологических ресурсов, животных и растительных источников [9].

Наиболее популярным является определение, которое было дано ОЭСР в 2009 г., согласно которому биоэкономика рассматривается как «мир, в котором биотехнологии являются источником значительной доли экономического производства» [10]. С точки зрения ОЭСР биоэкономика базируется на трех «столпах»:

1. Использование знаний генов и клеточных процессов для проектирования и разработки новых продуктов.
2. Применение возобновляемых биологических источников и эффективных биопроцессов для стимулирования «устойчивого» производства.
3. Интеграция знаний в области биотехнологий и их применение в различных секторах.

Независимо от интерпретации биоэкономики ее неотъемлемой частью являются биотехнологии, которые подразумевают модификацию и изменение организмов для создания новых способов их практического применения в первичном производстве, здравоохранении и промышленности.

Различают несколько видов биотехнологий, причем типологии биотехнологий варьируются, и различные организации и страны по-разному сегментируют рынок. Приведем одну из классификаций [11]:

- 1) «зеленые», применяемые в сельском хозяйстве, например при разработке генетически модифицированных культур или селекции растений;
- 2) «красные», относящиеся к здравоохранению и фармацевтике;
- 3) «голубые», используемые для описания морских и водных применений биотехнологий;
- 4) «белые», или промышленные биотехнологии;
- 5) «серые», охватывающие технологии, направленные на защиту окружающей среды, как в случаях разливов нефти либо очистки сточных вод;
- 6) «современные» биотехнологии – термин, введенный, чтобы отделить более традиционные методы от новых приложений биотехнологий типа генной инженерии и клеточного слияния.

В настоящее время согласно оценкам экспертов рынок биоэкономики в Европе превышает 2 трлн евро и обеспечивает 22 млн рабочих мест, составляющих около 9% рабочего рынка Евросоюза (ЕС), в таких секторах экономики, как сельское хозяйство, лесная, пищевая и химическая промышленность, а также в производстве экологически чистой энергии [12].

В России биотехнологические отрасли, представляющие, по сути, биоэкономику, начали развиваться еще в советский период, и на основе прикладных исследований создавались производства истроились предприятия. В период после 1990 г. процесс развития биоэкономики в нашей стране практически остановился – исследования продолжались, однако новые производства почти не создавались. Тем не менее, в последние годы отмечается рост интереса государства и бизнеса к развитию биотехнологий. В частности, в 2012 г. постановлением Правительства РФ от 24.04.2012 № 1853п-П8 была утверждена Комплексная программа развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 г.. Программа предусматривает выход России на лидирующие позиции в области разработки биотехнологий и создание глобально конкурентоспособного сектора биоэкономики, который, наряду с наноиндустрией и информационными технологиями, должен стать основой модернизации и построения постиндустриальной экономики. К 2020 г. намечено увеличение объема производства биотехнологической продукции в России в 33 раза; рост доли экспорта в производстве биотехнологической продукции – более чем в 25 раз; выход на уровень производства биотехнологической продукции в стране – в размере около 1 % ВВП к 2020 г. и создание условий для достижения сектором объемов не менее 3% ВВП к 2030 г.

Подводя итог, можно отметить, что оба явления – «зеленая» экономика и биоэкономика – являются современными попытками преодоления социально-экологического кризиса традиционной экономики. В то время как «зеленая» экономика задает вектор общественно-политическому и экономическому развитию в целом, биоэкономика становится одной из возможностей достижения устойчивого равновесия. Это становится возможно за счет активного использования возобновляемых биологических ресурсов и интеграции знаний в области биотехнологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pearce, D.W., Markandya A. and Barbier, E.B. (1989). *Blueprint for a Green Economy*. Earthscan Publications, London
2. UNEP, 2011, *Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication*

3. Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию: Пер. с англ. / Под ред. И с посл. Евтеева С.А. и Перелета Р.А. М.: Прогресс. 1989.
4. Бобылёв С.Н., Захаров В.М. "Зелёная" экономика и модернизация. Эколого-экономические основы устойчивого развития. Бюллетень Института устойчивого развития Общественной палаты РФ №60, 2012 [Http://www.ecopolicy.ru/upload/File/Bulletins/B_60.pdf](http://www.ecopolicy.ru/upload/File/Bulletins/B_60.pdf)
5. Сарафанова С.М. Китай на пути к «зелёной» экономике // Анализ потенциала инновационного экологически устойчивого развития экономики региона (на примере Калининградской области): Коллективная монография / Под редакцией П.А. Кирюшина и О.В. Кудрявцевой. — М.: ТЕИС, 2013 <http://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=8969&p=attachment>
6. Birch K. Knowledge, place, and power: geographies of value in the bioeconomy. *New Genetics and Society*, 2012, vol. 31, no. 2, pp. 183–201
7. Mateescu I., Popescu S., Paun L., Roata G., Bancila A., Oancea A. Bioeconomy. What is bioeconomy? How will bioeconomy develop the next two decades? *Studia Universitatis "Vasile Goldiş"*, Seria Ştiinţele Vietii, 2011, vol. 21, no. 2, pp. 451–456.
8. BECOTEPS. The European Bioeconomy in 2030 - Delivering Sustainable Growth by addressing the Grand Societal Challenges. Available at: HYPERLINK. URL: http://www.plantetp.org/images/stories/stories/documents_pdf/brochure_web.pdf (accessed 03.07.2014).
9. Brunori G. Biomass, Biovalue and Sustainability: Some Thoughts on the Definition of the Bioeconomy. *EuroChoices*, 2013, vol. 12, no. 1, pp. 48–52
10. OECD. The Bioeconomy to 2030: Designing a Policy Agenda. Main Findings and Policy Conclusions. Paris, 2009.
11. McCormick K., Kautto N. The Bioeconomy in Europe: An Overview. *Sustainability*, 2013, vol. 5, pp. 2589–2608.
12. Staffas L., Gustavsson M., McCormick K. Strategies and Policies for the Bioeconomy and Bio-Based Economy: An Analysis of Official National Approaches. *Sustainability*, 2013, vol. 5, pp. 2751–2769

Л.А. Колесникова
(ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ)

РЕВОЛЮЦИЯ ФРАКТАЛЬНОГО КРОСС-ДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА ИЛИ ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАЧАЛА И ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДИАЛОГА В СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Введение или почему – РЕВОЛЮЦИЯ?

Предлагаемая публикация представляет собой взгляд на возможности и методологические вопросы кросс-дисциплинарного синтеза в современных условиях сопряжения эволюционных и революционных сдвигов в развитии различных областей научного знания – прорывов в естественных и точных науках, обладающих потенциалом *доказательности*, и противоречивых, а во-многом, кризисных состояний в социальных и гуманитарных науках, ограниченных той или иной степенью своей *убедительности*. Новые возможности междисциплинарного диалога и взаимодействия обусловлены появлением *универсального* фундамента нового качества научной рациональности – *фрактально-эпигенетического* понимания эволюции как процесса *естественного упорядочения* в условиях растущей энтропии, двумя гранями которого служат эволюционные концепты *отбора* и *номогенеза* в различных своих вариациях, непримиримо оппонировавшие друг другу ранее. Этот многообещающий тренд еще только формируется, но уже набирает силу и практически проявляет себя как в технико-технологическом развитии, так и технологиях управления – пока, в основном, на микроуровне – предприятий и организаций.

Универсальный характер научного фундамента действий управленцев, реализующих, по факту, фрактальные модели лидерства, как правило, не осознается ими. Они

просто устроены так, что для них это - естественно. Однако, его восприятие и осознание исследователями в социальных и гуманитарных науках открывает захватывающие возможности междисциплинарного диалога для формирования интеллектуальных оснований продуктивного влияния Науки и Образования на лидеров мнений в медиа и полит-технологиях и, соответственно, на локальных и глобальных лидеров действий для принятия ими социально- и экологически ответственных решений в самых разных «точках сборки». **А так как исторически и до последнего времени наука за редкими исключениями оставалась и остается в уязвимой позиции служения Власти в ее борьбе за свое укрепление, а не Миру, то эти перемены обладают подлинно революционным потенциалом.**

Почему СИНТЕЗ, а не конвергенция?

Знания – в широком контексте, включая способность к творчеству и предпринимательству как самореализации личностей и организаций - относят к ключевым факторам, определяющим динамику развития *современных* обществ и экономик. Но что есть знание, его формы и эффекты влияния на процессы развития на самых разных уровнях? Большинство социологов и философов сфокусировано на изучении *отношения* к знаниям в контекстах классовых, территориальных и других различий, сводя знания к отражению различных типов исследований и опыта, в том числе – социального. Но пространства знаний имеют более сложную интерактивную природу. В теории и практике управления знания рассматривают как источник власти и лидерства наряду с позицией в организационной / социальной иерархии, харизмой, деньгами и контролем над другими ресурсами.

Знания *не гомогенны* по своим внутренним структурам и их мощности, и *не нейтральны* в отношении тенденций и форм своей реализации. При этом иерархия предметных научных областей и соответствующих базовых принципов той или иной научной парадигмы, в подавляющем большинстве современных научных работ остается на периферии сознания их авторов. В естественных и точных науках это обусловлено, зачастую, продолжающимся углублением их специализации, когда, действуя «от достигнутого, в очередном шаге итеративного процесса для его результата достаточно и даже более продуктивно простое, по сути, *автокаталитическое* воспроизводство привычных методов без размышления о причинах и последствиях получаемых с их помощью новых результатов. В социальных же и гуманитарных науках, изначально ограниченных лишь степенью своей убедительности, по сложившимся традициям, именуемой все же «доказательной базой», в дополнение к указанному фактору узкой специализации констатируем вполне благополучное для своих апологетов сосуществование научных школ, стоящих на исходных принципах, редуцируемых к кардинально различным фундаментальным картинам мира. Эти различия являются закономерным источником противоречий, возникающих в дальнейшем в обществах и экономиках, когда практики, будучи по меткому эпитету Д.-М.Кейнса, «рабами того или иного теоретика прошлого», начинают конкурировать друг с другом, доводя эти противоречия до кровавых противостояний и войн.

Простым сложением или слиянием соединить то, что стоит на кардинально отличных фундаментальных принципах, невозможно. Зато теперь становится возможным трансформировать саму систему базовых принципов в новое качество, позволяющее переосмысливать решения и пересматривать системы действий. А для этого необходимо именно синтез исходных фундаментальных парадигм, чему и служит фрактально-эпигенетический подход к пониманию эволюции. Принятие этого тезиса определяет важность осмысления подходов к *методологии кросс-дисциплинарного анализа и синтеза* результатов исследований из различных предметных областей, а также методологии проведения исследований на их стыке, и поиск консенсуса научного сообщества по следующим вопросам:

- Меж-, мульти-, транс- и кросс-дисциплинарные подходы к анализу и синтезу: различия и целесообразность;
- Уровни генерации рисков и управленческих решений в организациях как техно-социокультурных системах и соответствующие разновидности кросс-дисциплинарного (КД) анализа и синтеза;
- Методология как синтез методов и синтез принципов: философские аспекты и приложения для КД-исследователей и КД-исследовательских команд;

- Ко-эволюция понимания универсальности и локальности законов развития: в чем и где новые потенциалы поиска решений сложнейших конфликтов и противостояний;
- “Человек думает весь”: возможности кросс-парадигмального синтеза и междисциплинарного диалога исследователей из «жестких» и «мягких» наук, искусства и теологии с позиций новой научной рациональности;
- Результативность и производительность КД-исследований и их оценка: вопросы риск-менеджмента для лиц, принимающих решения;

Меж-, мульти-, транс- и кросс-дисциплинарный подходы к анализу и синтезу: различия и целесообразность в своих визуальных образах представлены ниже на рисунке 1.

Внутри-, меж-, мульти-, транс- и кросс-дисциплинарные подходы к КД-синтезу

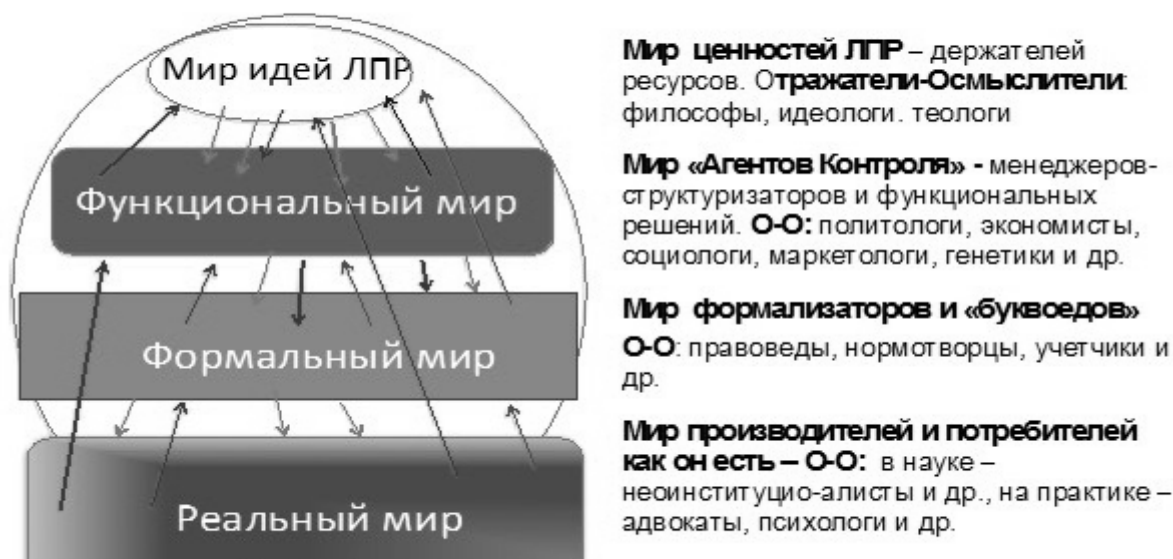
Л.А.Колесникова. 2014

10

Рис.1

Уровни генерации рисков и управленческих решений в организациях как техно-социо-культурных системах и разновидности КД-синтеза (рис.2)

Уровни анализа/синтеза, генерации рисков и принятия решений (на основе 4-х миров по Б.Райану)

Л.А.Колесникова. 2014

8

Рис.2

Методология как синтез методов и принципов: философские аспекты и приложения для КД-исследователей и КД-исследовательских команд;

Растущее внимание представителей социальных наук как в России, так и в других странах подтверждается растущим числом адресных научных событий и исследований по данной проблематике, представляющих собой весьма разноплановые вектора интересов их организаторов. Так, в Центре анализа рисков Института Кеннеди (Гарвард, США) организаторы семинара для исследователей *Cross-disciplinary Research Synthesis Seminar* (3 октября 2013 г.) определили задачу семинара как обсуждение методов синтеза. Существуют три основных метода – **статистический обзор, мета-анализ и экспертных оценок**. Задача КД-исследователя – **выбрать их выбрать или скомбинировать**. Однако методология – это не только комбинация методов. Это еще и набор определенных принципов, образующих ту или иную научную парадигму. И соответственно, **методология кросс-дисциплинарного синтеза, в особенности в социальных и гуманитарных науках должна включать опережающий анализ парадигмальных различий синтезируемых знаний и совместное формирование согласованных принципов той платформы, на которой будет происходить уже далее синтез методов**. Обсуждению ключевых вопросов – философских приложений для КД-исследователей и исследовательских команд было уделено внимание в публикации ранее [1].

Ко-эволюция понимания универсальности и локальности законов развития: в чем и где новые потенциалы поиска решений сложнейших конфликтов и противостояний

От идей и разработок А. Богданова, В.Вернадского, А.Чаянова, Н.Винера, П.Анохина, И.Пригожина – И.Стенгерс и других ученых, открывающих своим последователям все новые возможности универсального знания об устройстве жизни и различных форм ее организаций на нашей планете, развитие которых дополнялось идеями и разработками, акцентирующими различие и многообразие форм этой жизни, в начале нового столетия научная кросс-дисциплинарная мысль вышла на качественно иной уровень. Становление фрактально-эволюционного подхода к пониманию организационного развития в настоящее время уже можно признать потенциально-прорывным направлением развития междисциплинарных исследований для задач тонкой координации организаций как техно-социо-культурных систем на самых разных уровнях. Наш анализ отечественных и зарубежных разработок в этой области (прежде всего, [2-5]) показывает, что идеи фрактальных организаций и фрактального управления уже начинают приобретать все большую популярность в мире, хотя остаются пока точечными островками в океане публикаций, опирающихся на традиционные подходы, редуцирующиеся, в своем большинстве, все еще к равновесному пониманию среды социально-экономического развития. Адресные фрактальные разработки во-многом имеют своими источниками такие фундаментальные исследования, как,

- теория *эволюции как процесса естественного упорядочения* Эрика М. Галимова (Россия, 2001) в противовес и дополнение к теориям *номогенеза* и неodarвинистским концепциям *отбора*;
- современные *универсальные* теории: фрактальной природы живого и сознания Бориса А.Богатых, (Россия, 2011) и фрактальной теории самоорганизации Алексея Куракина (Гарвард, США, 2011), преломивших революционные идеи фрактальной геометрии Бенуа Мандельброта к масштабируемым природным процессам и явлениям, и показавших тем самым удивительное научное предвидение (в части возможности открытия универсальных законов развития) А.А.Богданова - автора тектологии или всеобщей организационной науки, концепция классов универсальности квантовой механики и современные разработки в области методов ре-норм групп;
- теория *неравновесной термодинамики (диссипативных структур)* Ильи Пригожина и разработки его брюссельской школы, в том числе, посвященные исследованию феномена времени, синергетические концепции кооперативного поведения элементов систем Г.Хакена, темпоральности и нелинейной динамики организаций как сложных открытых систем В.С.Курдюмова и Е.Н.Князевой.

Отметим и следующие прикладные разработки:

- Концепции фрактального предприятия Ханса-Юргена Варнеке, (Германия) впервые применившего идеи Б.Мандельброта к задачам управления качеством и инновационным развитием предприятия, и совместного (по сути – фрактального) внутрифирменного предпринимательства Евгения Р.Тушкина;
- неоинституциональный подход к пониманию факторов, определяющих поведение личности и организаций;
- Концепция организации как техно-социо-культурной системы и теория фаз и кризисов организационной трансформации Фридриха Глазла – Бернарда Ливехуда (Германия);
- Концепции 4-х миров организационного развития и уровней организационного потенциала как базисные составляющие теории стратегического учета Боба Райана (Великобритания);
- теория трансакционных издержек Р. Коуза, концепции *цепочек ценности* М.Портера и *современные ее трансформации в концепции сетей ценности*;
- концепция нелинейной динамики инновационных процессов Феликса Янсена и другие.

“Человек думает весь!” - 4ый и 5ый уровни КД-синтеза: встреча умов и энергий из «жестких» и «мягких» наук, искусства и теологии с позиций новых возможностей научной рациональности

Новая тенденция развития отношений науки и теологии в корне отличается от предшествующего ей периода мирного сосуществования Науки и Веры со взаимным этикетным уважением и очевидной политической составляющей, смешанными с нейтралитетом или преимущественным взаимным фактическим игнорированием содержательных аспектов за небольшими исключениями. Этот период регулярно прерывался активными попытками РПЦ занять лидерские позиции (относительно других религиозных структур, также имеющих свою длительную историю развития на территории нашей страны), во взаимодействии, например, с образовательной системой, что неизбежно встречало соответствующее сопротивление в обществе. Ростки же нового качества диалога Науки и Веры связаны с открытиями и достижениями естественных наук (генетики, биоинформатики и биофизики, теоретической и астрофизики, космологии, аналитической химии и геохимии), а также современной философии и эволюционной теории, которые позволяют и ученым, и теологам по-новому взглянуть на знания, передаваемые из поколений в поколения приверженцами разных вероисповеданий, и на место разных познавательных практик, в том числе, религиозных, в познании нашего мира. Эта тенденция требует отдельного пристального внимания и раскрытия. Здесь лишь отметим, что повышение взаимного интереса давних, а порою смертельных, оппонентов - науки и теологии, традиционно считавшихся несовместимыми из-за своих способов познания мира, приводят к их встречному содержательному движению уже не только на страницах печатных изданий и интернет-ресурсов. Так, значимым событием научной жизни Москвы в свете обсуждаемой проблематики в 2014 году стал организованный РЭШ цикл открытых публичных лекций Homo Religiosus по темам: Экономика Талмуда, Экономика Ислама и Экономика Христианства. И хотя на ряд острейших и интереснейших вопросов авторы оказались не готовы ответить, отсутствие ответов как вариант ответа служит мощным импульсом дальнейших их поисков.

В заключение акцентируем: междисциплинарный научный диалог и соответствующие исследования не могут проводиться на основе *простого сложения* различных методологий, изначально разработанных в качестве “плацдармов для отвоевания различными дисциплинами территорий друг у друга”. Постепенно должен сформироваться консенсус относительно *принципов кроссдисциплинарной (сквозной по сути) методологии*, перечень и содержание которых еще будут осмыслять, обсуждать, формулировать и уточнять представители разных наук. Но очевидно, что этот консенсус необходим в качестве отправной точки для нахождения решений общих фундаментальных проблем эосистемы Земли и человеческой цивилизации. И невозможно не отдавать себе в этом отчет, предлагая свою их версию.

Литература:

1. Колесникова Л.А. Время Четвертого Синтеза или Манифест кроссдисциплинарного методолога// Человеческий капитал (научно-практический журнал). - 2012, №8(44). – Сс. 104-107
2. Галимов Э.М. Феномен жизни. Между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. – УРСС. - 2010.- 254 с.
3. Богатых, Б. А. Фрактальная природа живого: системное исследование биологической эволюции и природы сознания / Б. А. Богатых. - Москва : URSS : Либроком, сор. 2011 (Чебоксары). - 253 с.
4. Alexei Kurakin. The self-organizing fractal theory as a universal discovery method: the phenomenon of life. (1) Department of Pathology, Beth Israel Deaconess Medical Center and Harvard Medical School, Boston, MA 02215, USA. 2011
5. Варнеке Х.Ю. Революция в предпринимательской культуре Фрактальное предприятие. / Пер. с нем. – М.: URSS, 2004. - 280 с.

А.К. Степанов (МГУ),
Л.А. Колесникова
(ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ)

ДОСТИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ КАК ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЙ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЭКОНОМИКЕ И ОБЩЕСТВЕ

Введение

Современное состояние междисциплинарных связей не только социальных и гуманитарных наук, но и их пересечений с различными областями естественно-научного знания характеризуется мощной динамикой. Ее наиболее многообещающий тренд связан, на наш взгляд, с достижениями эволюционной теории, прежде всего, представителей отечественной науки. Эти достижения обусловлены, в свою очередь, прорывными идеями и концепциями фрактальности устройства живой и неживой природы, включая природу сознания, и способны стать новым продуктивным фундаментом для формирования/ синтеза концептов и теорий, позволяющих находить решения сложнейших современных социальных и гуманитарных, экологических проблем, к которым еще вчера подступиться считалось невозможным. И хотя эти концепции и теории еще переживает стадию первичного становления и остаются не замеченными подавляющим большинством как исследователей из социальных и гуманитарных дисциплин, так и представителей естественных и точных наук, «процесс пошел» и уже набирает силу. И поскольку он позволяет сформировать интеллектуальную поддержку инновационным процессам в экономиках и обществах, то целью предлагаемой публикации является рассмотреть его содержательные основания на уровне ключевых идей и принципов, отражающих новое понимание эволюционного процесса. Его источниками, прежде всего, следует назвать фундаментальный труд - теорию *эволюции как процесса* естественного *упорядочения* Эрика М. Галимова (Россия) в противовес и дополнение к теориям *нормогенеза* и неodarвинистским концепциям *отбора*, а также *универсальные* теории фрактальной (самоподобной) природы живого и сознания Бориса А.Богатых (Россия) и фрактальной самоорганизации Алексея Куракина (Гарвард, США), преломивших идеи фрактальной геометрии Бенуа Мандельброта к масштабируемым природным процессам и явлениям, и оказавших тем самым удивительное научное предвидение А.А.Богданова - автора тектологии или всеобщей организационной науки.

В рамках данной публикации мы подробно остановимся на идеях Э.М.Галимова, практически на 10-летие опередившего других интереснейших авторов, перечисленных выше и оставшихся за пределами рассмотрения в данной статье. Эти идеи подкреплены фундамен-

тальным научным аппаратом и обобщением данных различных научных дисциплин (биологии, геологии, физики, химии), предлагая оригинальную концепцию, характеризующую свойства живого и закономерности его развития. В заключительной части мы рассмотрим кратко приложения эволюционного подхода к пониманию инновационного процесса, хотя, конечно, эти приложения еще предстоит раскрыть с позиций тех ключевых идей и принципов, которые мы попытались свести в сравнительную таблицу, отражающие отличие основных положений теории естественного упорядочения от теории отбора.

Ключевые элементы теории естественного эволюционного упорядочения Э.М.Галимова в сопоставлении с другими концепциями

Размышляя об изменениях, сопровождающих шаги эволюции на пути усложнения форм, Э.М.Галимов отмечает способность к предвидению как качественное отличие Homo sapiens, выводя 2 следствия.

1) **Эволюция материи живого не замкнута в пределах органического мира.** Созданные человеком искусственные сооружения, дома, заводы и города являются таким же низкоэнтропийным продуктом эволюции, как и биологические системы: и когда говорят об эволюции живого, речь идет об очень общем свойстве материи, а не свойстве лишь биологических систем»¹.

2) **Об основном двигателе эволюции.** Обычно в этом качестве благодаря Ч.Дарвину и его многочисленным последователям понимают естественный отбор. Однако:... «современный дарвинизм рассматривает эволюцию, как процесс накопления небольших изменений, обусловленных мутациями. Каждое изменение подлежит испытанию естественным отбором, и закрепляется в популяции, если дает селективное преимущество его носителю в конкурентной борьбе. Сегодня в руках человека атомная энергия, лазеры и компьютеры. Вряд ли это эволюционно необходимый инструмент в конкурентной борьбе с шимпанзе и гориллами. Что произошло реально в физическом смысле? Произошел огромный скачок в массовом упорядочении материи, в массовом производстве низкоэнтропийного продукта, совершенно не соответствующего адаптационным или конкурентным потребностям нового вида — человека. Эти соображения я привел, чтобы на примере таких масштабных феноменов эволюции, имевших место и в геологическом прошлом, подчеркнуть, что они вызваны, по-видимому, внутренними законами развития материи, не сводящимися к механизму отбора»². Исторический обзор идей эволюционизма, включая современных эволюционистов-неодарвинистов, приводит многих исследователей к вопросам, на которые концепция отбора ответа не дает.

Первое -неудовлетворительные подтверждения существования промежуточных форм. Так, исследователи не раз обращали внимание на то, что в ископаемых остатках геологических напластований отсутствуют промежуточные формы, которые свидетельствовали бы о плавном переходе от одного вида к другому. В палеонтологии существуют отчетливо идентифицируемые виды. По родственным признакам они группируются в семейства и классы, подтверждая тем самым существование эволюционного разветвления. Но, как правило, не удается обнаружить небольшие эволюционные преобразования облика существ, формы их органов и т. п. Р.Дукинс считает, что отсутствие промежуточных форм в палеонтологических образцах является иллюзией, так как геологическая летопись имеет недостаточное разрешение. Эволюция от мыши до слона, по мнению Р. Дукинса, занимает около 60 тысяч лет. В геологическом разрезе это соответствует десятку сантиметров осадочных отложений. На этом коротком интервале просто невозможно зарегистрировать тысячи последовательных изменений. С таким объяснением, однако, нельзя согласиться. Отбор образцов происходит не в одном, а в сотнях геологических разрезов. Если бы промежуточные формы имели место, они бы статистически неизбежно проявились³.

Затем Э.М. Галимов отмечает, что «теория селекции путем естественного отбора не

¹ Галимов Э.М. Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. М.: УРСС, 2001. - С.17.

² Там же. С. 17-18.

³ Там же. С.23-24.

содержит никаких принципиальных ограничений против обратной эволюции»¹. Однако этого не происходит. И наиболее важная претензия к эволюционизму заключается в том, что эволюционизм ограничен рамками периода существования жизни как феномена. Однако он совершенно неприменим как концепция к моменту зарождения жизни.

Анализируя термодинамическую интерпретацию дарвиновской теории, Э.М.Галимов отмечает, что ряд параметров, которые традиционно считают связанными с естественным отбором, таковыми не являются.

Э.М.Галимов предлагает механизм эволюции, включающий естественный отбор, однако опирающийся на другую движущую силу. Принципы эволюции, согласно Э.М.Галимову:

1. Непрерывное и необратимое взаимодействие молекулярных систем в живом веществе
2. Постоянная потребность живой системы в энергии
3. Главенство ферментов как управляющей силы реакций в живой системе.
4. Соответствие химических реакций заданному коду.

Обсуждая вопрос упорядоченности, Э.М.Галимов замечает: «энтропия стремится к максимуму и достигает его в частных равновесных состояниях. Работа фермента представляет собой жестко ограниченное предписание: только молекулы определенного химического состава и строения, определенной хиральности, могут взаимодействовать. Энтропия уменьшается по мере увеличения степени предписанности поведения вещества. **Упорядочение — это нарастающая степень несвободности поведения.** Идентифицируемость функции, следовательно, состоит в способности определенным образом ограничивать свободу взаимодействий»². Соответственно, ставит вопрос: «Существуют ли в природе такие процессы, функцией которых в определенных обстоятельствах является производство упорядочения?»³, и посылает: для того, чтобы эволюцию жизни можно было охарактеризовать как самопроизвольный процесс, необходим эволюционно-способный механизм, который бы не сводился к спонтанному или однократному возникновению низкоэнтропийного продукта, а обеспечивал эволюционное развитие в сторону последовательного уменьшения энтропии. Такой механизм необходимо искать в области неравновесных процессов. Свойства такой реакции:

- 1) «она должна обеспечить поток низкой энтропии в систему;
- 2) она должна быть высокоэнергетической, чтобы поддерживать стационарное состояние необратимых потоков;
- 3) она должна хорошо сопрягаться химически с реакциями, протекающими в системе. Способ ее химического сопряжения должен быть достаточно универсален;
- 4) поскольку мы связываем с ней зарождение и эволюцию жизни, она с самого начала, должна быть присуща еще неорганическому миру»⁴.

Другим свойством эволюционно-способных систем, по Э.М.Галимову, является **итеративность**, имеющая фундаментальное значение в процессе перехода микроскопического упорядочения в макроскопическую форму, и **устойчивость**. Особенностью устойчивого состояния структуры является то, что, если система из него выведена, она самопроизвольно к нему возвращается. **Но развитие процесса в сторону устойчивого состояния может вести как к упорядочению, так и деградации»**⁵.

Резюме понимания естественного отбора Э.М.Галимова: «...в неявном виде он присутствует в механизме эволюции, так как требование минимума производства энтропии предполагает конкуренцию между участниками процесса, способными обеспечить этот минимум. **Естественный отбор сопровождает эволюцию, модифицирует пути эволюции, но не является обязательным фактором упорядочения»**⁶. **Трансферабельность** как способность к переносу элементов из сочетания в сочетание, да и вообще комбинируемость, не яв-

¹ Там же. С.25.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С.43.

⁴ Там же. С.59.

⁵ Там же. С.67.

⁶ Там же. С.67.

ляется, по мнению Э.М. Галимова, «существенным фактором отбора в дарвиновской эволюции. Но эта способность является одним из главных селективных факторов в механизме упорядочения»¹.

По Э.М.Галимову «биологическая эволюция совершается как результат **двух противоположных тенденций в эволюции материи**. Первая состоит в усложнении организации, когда возникают и эволюционируют низкоэнтропийные структуры. Это — восходящая линия эволюции. Одновременно и неизбежно действует тенденция к разупорядочению, равномерному распределению, деградации (в которой более устойчивые компоненты обнаруживают селективное преимущество), т. е. тенденция к увеличению энтропии. Это — нисходящая линия эволюции. Она не может привести к более высокоорганизованным формам. Но она также формирует лик биоты. Расширение биологического разнообразия, адаптация к внешней среде и естественный отбор связаны главным образом с этой стороной эволюции.

Жизнь и ее эволюция — это сочетание двух противоборствующих начал: стремление к свободе и к ограничению ее. В неживой природе стремление к свободе доминирует. Жизнь, как это не печально звучит, принципиально связана с ограничением свободы. Однако время от времени случаются революционные изменения, когда теряется устойчивость монотонной линии эволюции и возникают качественно новые формы»².

Мерой упорядочения является функциональное соответствие, а не фенотипическая полезность. Соответствующая функция может быть фенотипически не выражена. Поэтому создание низкоэнтропийного продукта и его эволюционное сохранение не нуждается в верификации естественным отбором. **Естественный отбор может сопровождать как процессы упорядочения, так и процессы дезинтеграции и распада.** Естественный отбор нейтрален по отношению к производству низкоэнтропийного продукта.

Не только к элементарным химическим системам, но и к организации биосферы в целом, могут быть отнесены основные условия упорядочения, стационарный характер процессов, непрерывное поступление энергии, микроскопически сопряженное упорядочение, трансформируемое посредством автокатализа в макроскопическое явление, итеративность. Принцип упорядочения, предполагают возникновение низкоэнтропийного продукта путем сочетания уже имеющихся форм упорядочения.

Рассматривая вопросы адаптационной роли мутаций и генетического дрейфа. Э.М. Галимов отмечает, что возникновение новой функции живого организма требует взаимной адаптации генов. Анализ причин и видов мутаций проводился Э.М.Галимовым с учетом теории японского генетика М.Кимуры, получившей название нейтральной, так как предполагается, что генетический дрейф осуществляется почти нейтральными мутациями, не нарушающими существенно функцию гена. По-существу, это — антидарвиновская теория, так как в ней отрицается роль полезной мутации, закрепляемой конкурентным естественным отбором»³. Однако сущностная проблема теории Кимуры: она не предлагает механизма упорядочения.

Резюмируя:

- упорядочение имеет объективную природу;
- упорядочение присуще определенному классу природных процессов;
- принципиальное отличие от дарвиновской концепцией эволюции - в ответе на вопрос: возможна ли эволюция в условиях неизменности внешней среды и неограниченном доступе ресурсов?⁴ И Э.М.Галимов показывает удивительную схожесть путей эволюции в изолированных ареалах на примере млекопитающих Австралии и остальных континентов. Однако предостерегает от приписывания генам свойств, которыми они не обладают.

Фрактальность и хаос в биологической эволюции по Э.М.Галимову

Э.М.Галимов полагает, что, если в основе биологической эволюции лежат сформулированные им принципы, фрактальность должна быть присуща биологическим формам. Автор приводит ряд примеров фракталоподобных структур живой природы (брокколи, раковина

¹ Там же. С.68.

² Там же. С. 72-73.

³ Там же. С.144.

⁴ Там же. С. 154-155.

аммонита) и приходит к выводу, что «фрактальность биологических структур лежит вне логики дарвинизма. Ни возникновение итератора, т.е. определенных правил микроскопического упорядочения, ни итеративное поведение сами по себе не гарантируют фенотипическую полезность. Ветвление дерева, которое является примером фрактальности, обеспечивает большему числу листьев доступ к свету. Ветвление коралла позволяет коралл строящим организмам получить доступ к большому объему питательных веществ. Но это преимущество выявляется, когда структура уже возникла как целое. Иными словами, не естественный отбор приводит к возникновению фрактальности, а возникшие, как форма упорядочения, фрактальные структуры подвергаются естественному отбору, который закрепляет наиболее устойчивые в данных условиях формы»¹. Феномен жизни, таким образом, по Э.М.Галимову содержит черты, предопределяющие конечное наступление хаоса: итеративность и неизбежный элемент нелинейности. Хаос — это то, чем заканчивается упорядочение: «нелинейные итеративные процессы и системы кратковременны и короткоживущи. Они во множестве присутствуют в живой материи, создавая впечатление преимущественной нелинейности биологических процессов. Но в своих долговременных (относительно) проявлениях жизнь базируется на линейных процессах. Содержащийся в любых процессах элемент нелинейности в конечном счете ограничивает время существования итеративных систем, даже такой долговременной, как существование биосферы. Мы входим в точку ее бифуркации как целостной системы»². При этом эволюционное упорядочение обеспечивается сочетанием производства низкоэнтропийного продукта и процессов итерации. Итерация, т.е. **производство себе подобных структур**, проявляется в широком диапазоне явлений от молекулярного автокатализа до процессов размножения организмов, смены поколений и т.п.

Табл.1. Сравнительный анализ теории естественного эволюционного упорядочения Э.М.Галимова (2001) и концепций отбора Ч.Дарвина и его последователей

<i>Принцип</i>	<i>Дарвинистский подход</i>	<i>Подход Э.М. Галимова (концепция естественного эволюционного упорядочения)</i>	<i>Примечание</i>
(1)	(2)	(3)	(4)
Механизм эволюции	Естественный отбор	Естественное непрерывное упорядочение , Применительно к биосфере, в процессе борьбы жизни с переходом в равновесное состояние	Галимов, 221
Движущая сила эволюции	Позитивная мутация	Направленный поток энергии (АТФ) и обмен веществом	
Источник возникновения жизни	Случайность (т.е. объяснение лежит вне логики собственно дарвиновской концепции, является исключительным допущением)	Проявление упорядочения (объяснение в логике концепции)	
Возможность эволюционирования без явной пользы для организма	Отсутствует	Есть	Галимов, 219
Значение мутации	Эволюционное (мутация - единственный способ возникновения новых последовательностей ДНК)	Адаптационное (эволюция совершается путем генетического дрейфа , обусловленного мутационными изменениями. Генетический дрейф осуществляется почти нейтральными мутациями, не	Галимов, 140, 144 (идея генетического дрейфа разработана М. Кимура в рамках нейтральной теории эволюции)

¹ Там же. С. 204.

² Там же. С. 210.

		нарушающими существенно функцию гена)	
Уникальность изменения генома	Изменение уникально (случайная мутация)	Допускается коллективный характер изменений (эпидемическое изменение генома)	Галимов, 152 (идея эпидемического изменения генома предложена М. Кимурой в рамках гипотезы комбинаторной эволюции)
Возможность эволюционирования в условиях неизменности внешней среды при неограниченном доступе ресурсов	Маловероятна - эволюция не происходит	Упорядочение происходит	Галимов, 155
Последствие эволюционного процесса для предшественников	В случае полезной функции – вытеснение новым видом вида - предшественника	Новая функция не означает обязательно усовершенствование и безусловное преимущество. Возможен симбиоз и взаимопомощь старой и новой популяций.	Галимов, 156
Фрактальность	= Следствие естественного отбора (отбор -> фрактальность)	= Форма упорядочения: фрактальные структуры подвергаются естественному отбору, который закрепляет наиболее устойчивые в данных условиях формы (фрактальность -> отбор -> закрепление)	Галимов, 204
Итеративность как характеристика эволюционно-способных систем	Не обязательна	Обязательна в процессе перехода микроскопического упорядочения в макроскопическую форму	
Трансферабельность	Отсутствует	Ключевая характеристика	
Филогенетическая модель	1. Ветвящееся древо 2. Сеть (двумерная)	Многомерная структура	Галимов, 140
Удел неприспособленных в эволюционном процессе	Гибель	1) Гибель; 2) Переход в иную экологическую нишу, в которой их слабые стороны могут стать сильными по причине иной внешней среды	Галимов, 156
Возрастание сложности организмов в эволюционном процессе	Не обязательно (обязательно лишь возрастание приспособленности, выживаемости)	Обязательно именно возрастание сложности (эволюция как улучшение не гарантирована)	Галимов, 212
Применимость к абиогенному миру	Неприменима	Применима	Галимов, 217

Описанная теория в основных своих идеях и принципах отличается от Дарвиновской и не обращена лишь к биологическому упорядочению, позволяя рассматривать в одинаковом ключе как механизм зарождения жизни, т.е. механизм упорядочения в первично абиогенном мире, так и собственно биологическое развитие, а также процессы в обществе и экономике, в том числе – инновационные.

Инновационные процессы в зеркале эволюционных аналогов

Известно, что если количественно выразить уровень технологического развития человеческого общества в неких условных единицах и построить график, отложив по горизонтали время существования человека, то можно увидеть, что 99% времени человеческой истории развитие шло крайне медленно. Однако, затем произошло взрывное развитие, которое все более ускоряется. Эта точка – неолитическая революция – время, когда люди, ранее использовавшие каменные орудия и умевшие лишь поддерживать, но не добывать огонь, в краткий срок сделали важнейшие изобретения, овладели технологиями производства, в том числе земледелия, научились работать с металлом, одомашнили ряд животных, ставших источником рабочей силы и пищи, средством транспорта. Здесь налицо сходство с феноменом Кембрийского взрыва (внезапного - в геологическом смысле - появления в раннекембрийских отложениях окаменелостей представителей многих подразделений животного царства, на фоне отсутствия их окаменелостей или окаменелостей их предков в докембрийских отложениях. По сути, как отмечает известный микробиолог Михаил Матц., автор неожиданного открытия гигантских амёб, изменившего существенно понимание картины эволюционного процесса, образ филогенетического дерева напоминает, по факту не дерево с мощным стволом и постепенным выростанием на нем все новых и новых ответвлений, как это виделось Ч.Дарвину, а аналог образа «выстрела из бутылочного горлышка». Этот принцип можно проиллюстрировать такой схемой фазовых переходов:

- (1) Точка возникновения будущего лавинообразного процесса →
- (2) Период накопления «взрывного материала», обмен информацией и т.д. →
- (3) СОБЫТИЕ «ВЗРЫВА» - инновационного перехода →
- (4) Существование в новом состоянии после перехода к инновации в фазу диффузии/проникновения в другие сферы применения и →
Запуск нового инновационного/ эволюционного цикла.

Вывод: неотъемлемая характеристика истинной инновации – взрывной, интенсивный (а не экстенсивный) характер и быстрая экспансия в окружающую среду, напоминающая эпидемический процесс. Описанные сходства инновационных и эволюционных процессов до знакомства с фрактальными эволюционными разработками могли казаться внешними. **Теперь можно на новом фундаментальном базисе анализировать закономерности подобных лавинообразных процессов, в том числе, технологических и социальных, результирующих соответствующие эволюционные процессы по результатам запускающих их импульсов.**

С.В. Соловьева (МГУ)

ЭКОЛОГИЧЕСКИ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ МОСКВЫ: ИНДИКАТОРЫ И ИНДЕКСЫ¹

Оценка устойчивого развития города требует исследования всех факторов, определяющих такое качество: экономических, социальных и экологических. Для этого необходима разработка соответствующих индикаторов устойчивого развития городов.

Можно выделить два наиболее распространенных в теории и на практике подхода к построению показателей устойчивого развития.

---

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 14-06-00075.

Первый подход предполагает построение интегрального (агрегированного) индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на основе трех групп показателей: экономических, экологических, социальных. Именно такой подход соответствует целям построения экологического рейтинга, так как он позволяет получить один показатель.

Второй подход базируется на построении системы индикаторов, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития. Чаще всего в рамках общей системы выделяются следующие подсистемы показателей:

- экономические,
- экологические,
- социальные,
- институциональные.

В мире имеется ряд исследований по разработке индикаторов устойчивого развития городов. Для измерения качества и устойчивости городской окружающей среды реализован проект Программы по охране окружающей среды ООН (UNEP) и Глобальной базы информационных ресурсов UNEP/GRID-Arendal. Для подготовки Докладов по охране окружающей среды городов в Интернете (Cities Environment Reports on the Internet (CEROI)) представлена система индикаторов, которая характеризует состояние окружающей среды в городах и позволяет анализировать отдельные городские проблемы более детально, объединяет экономические, экологические и социальные компоненты и индикаторы для изучения потребностей настоящего и будущих поколений (7). UNEP/GRID выделены две системы городских экологических индикаторов: 1) ключевых, включающих 29 показателей, 2) общая система, включающая ключевые и специфические городские индикаторы, состоящая из 90 показателей. Выбор индикаторов направлен на достижение баланса между различными мероприятиями в рамках устойчивого развития городов и системами индикаторов международных организаций. Выбор показателей сделан исходя из разработок пяти организаций: Международный совет по местным экологическим инициативам (МСМЭИ) (the International Council for Local Environmental Initiatives (ICLEI)), центр Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ЦНПООН) (the United Nations Centre for Human Settlements (UNCHS or Habitat)), Европейское агентство по окружающей среде (ЕАОС) (the European Environmental Agency (EEA)), Европейский фонд улучшения условий проживания и работы (ЕФ) (European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (EF)) и общие европейские индикаторы для городской окружающей среды (ОЕИ) (European Common Indicators (ECI)).

Среди последних исследований в России в области разработки индикаторов городского развития и построения соответствующих рейтингов можно отметить две разработки: рейтингового агентства "GSM" и компании «Эрнст энд Янг».

Агентство "GSM" составило рейтинг устойчивого развития городов России в 2012 г. [3]. Рейтинг составлен по 170 городам Российской Федерации с населением свыше 100 тыс. человек. Предложен интегральный показатель – индекс устойчивого развития городов (ИУР). Он рассчитывался на основе 32 статистических показателей, характеризующих устойчивое развитие города по трем основным составляющим: экономической, экологической, социальной сферы. Все составляющие включали в себя по две группы показателей, отражающих различные стороны городского развития: уровень и качество экономической базы города, состояние коммунальной, инженерной и социальной инфраструктуры, состояние населения, структуру трудовых ресурсов, экологическую обстановку.

Результаты рейтинга устойчивого развития городов Российской Федерации позволили выделить группы лидирующих и отстающих муниципалитетов, многие из которых определяются их географическим положением, структурой экономики и специализации, административным статусом. Выделены следующие десять городов-лидеров: Красногорск, Москва, Новый Уренгой, Королев, Белгород, Мытищи, Балашиха, Екатеринбург, Калуга, Подольск. Также определена десятка городов-«аутсайдеров»: Новочеркасск, Махачкала, Новошахтинск, Артем, Сызрань, Орск, Хасавюрт, Ачинск, Невинномысск, Серов, Прокопьевск.

Рейтинг "GSM" на наш взгляд довольно конструктивен, однако определенные сомнения вызывает два фактора: 1) половину городов-лидеров представляют Москва и Московская область. Здесь, видимо, свою роль сыграли слишком высокое значение индикаторов географического и административного статуса; 2) по-видимому, занижена роль экологического ущерба в городах, что не отразилось на высоких позициях городов с неблагоприятной экологической ситуацией, например, таких как Москва и Екатеринбург.

В рамках проекта для Минприроды российским отделением международной компании «Эрнст энд Янг» была разработана методология экологического рейтинга городов России и представлен соответствующий рейтинг городов [8]. Рейтинг за 2012 г. рассчитан по 85 российским городам с населением свыше 57 млн. человек (54% от числа горожан в России). Рейтинг имеет следующие составляющие: воздушная среда, водопотребление и качество воды, обращение с отходами, использование территорий, транспорт, энергопотребление, управление воздействием на окружающую среду. Первые 6 мест в 2012 г. заняли: Курск, Москва, Калуга, Саранск, Ижевск, Санкт-Петербург. Основная проблема данного рейтинга - различный уровень систем сбора статистической информации в городах и в некоторых случаях ее недостаток. Также вызывает сомнения расчет некоторых индикаторов. Например, город Санкт-Петербург вошел в число лидеров в категории «Воздушная среда», хотя по данным Росгидромета ущерб от загрязнения воздуха в этом городе, в том числе для здоровья, весьма велик.

Перспективными в области индикаторов является адаптация для России двух индексов: скорректированных чистых накоплений (Всемирный Банк) и индекса человеческого развития (ООН).

Наиболее проработанным в теоретическом плане, имеющим хорошую статистическую базу и возможности расчета на региональном и национальном уровнях является интегральный эколого-экономический индекс «скорректированных чистых накоплений» (adjusted net savings). Его адаптация может быть перспективна для построения оценки устойчивости развития городов и анализа ее динамики. Первоначально этот индекс назывался "истинными (внутренними) сбережениями (накоплениями)" (genuine (domestic) savings) и был разработан английскими учеными и специалистами Всемирного Банка (4, 5). Москва не относится к регионам России, которые интенсивно потребляют свои природные богатства, но как огромный мегаполис оказывает сильное воздействие на состояние окружающей среды. Поэтому оценка интегрального индикатора скорректированных чистых накоплений весьма важна для социально - экономической политики Москвы. По нашим оценкам скорректированные чистые накопления г. Москвы как чистые сбережения, скорректированные на величину ущерба окружающей среде и увеличенные на расходы бюджета в человеческий капитал, составляют 14,8 % ВВП. Скорректированные чистые накопления г. Москвы положительны, превышают средний российский уровень и находятся на среднем европейском уровне.

В качестве интегральной оценки социально-экономической компоненты качества жизни в городах может выступать Индекс человеческого развития (Human Development Index) (ИЧР), разработанный Программой развития ООН (United Nations Development Program). Он отражает прежде всего социальный аспект устойчивого развития. ИЧР рассчитывается на основе трех показателей: долголетия, измеряемого как продолжительность предстоящей жизни при рождении; достигнутого уровня образования; уровня жизни, измеряемого на базе ВВП на душу населения на основе паритета покупательной способности (ППС). Методические подходы ИЧР и соответствующие расчеты возможно адаптировать к российским городам. Это делается, в частности, в рамках публикации Докладов о человеческом развитии для России под эгидой ПРООН [2].

Москва входит в первую тройку лидеров рейтинга среди субъектов РФ наряду с Санкт-Петербургом и Тюменской областью. Структура ИЧР хорошо показывает значение социальной компоненты для человека, качества его жизни. Лидирующее положение Москвы определяет экономическая компонента качества жизни (душевого ВВП на душу населения) и социальные показатели такие как здоровье населения (ожидаемая продолжительность жизни) и уровень образования.

Наряду с интегральными индикаторами устойчивого развития городов в мире широко используются системы индикаторов устойчивости для урбанизированных территорий.

Наиболее важные ключевые индикаторы экологически устойчивого развития для Москвы, которые отражают позитивные или негативные тенденции в формировании экологически устойчивого развития города. Всего нами выделено 16 таких индикаторов, для которых имеется корректная официальная статистика:

1. Интенсивность выбросов в атмосферу.
2. Стабилизация выбросов загрязняющих веществ автотранспортом на территории г. Москвы
3. Выбросы твердых взвешенных частиц
4. Выбросы CO₂
5. Водоемкость
6. Снижение сброса загрязненных стоков
7. Потребление воды.
8. Объем образования отходов производства и потребления.
9. Доля (объем) использованных и обезвреженных отходов производства и потребления.
10. Потребление энергии (электричества) в целом
11. Электроемкость (отношение потребления электроэнергии к ВРП)
12. Коэффициент обновления основных фондов.
13. Пассажирооборот общественного транспорта.
14. Общий объем инвестиций, направленных на охрану окружающей среды.
15. Увеличение площади ООПТ (в % от площади г.Москвы).
16. Площадь ООПТ и озелененных территорий на душу населения.

В результате анализа ключевых индикаторов и индексов следует признать, что до последнего времени экономический рост в Москве оплачивался ценой экологических потерь, экономический рост сопровождался усилением давления на природу, и экономическое падение сопровождалось уменьшением давления на природу. Подобная динамика характерна для традиционного типа экономики города.

В качестве стратегической цели мировой политики, политики многих стран и городов является декарпинг - разьединение экономического роста и экологического фактора, потребления природных ресурсов. Достижение декарпинга требует значительных изменений в городской политике, а также в привычках потребления населения. Существенную роль также должны сыграть модернизация и инновации в экономике, ресурсосберегающие технологии. Модернизация экономической структуры города в направлении экономики знаний, финансового и туристического центра также может ускорить декарпинг. В 2000-е годы «дематериализация» экономического роста в Москве проявляется в устойчивом снижении использования свежей воды и сокращении сброса загрязненных стоков.

Список источников

1. Бобылев С.Н., Минаков В.С., Соловьева С.В., Третьяков В.В. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели расчета / под ред. Резниченко А.Я., Шварца Е.А., Постновой А.И. М.: WWF России, РИА Новости, 2012. 147 стр.
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2013 год. Устойчивое развитие: вызовы Рио / под ред. С.Н. Бобылева. М: ПРООН, 2013. 201 стр.
3. Рейтинг устойчивого развития городов РФ за 2012 год. М.: SGM, 2013. 45 стр.
4. Where is the Wealth of Nations? Measuring Capital for the 21st Century. World Bank, Washington DC, 2006. 188 p.
5. World Development Indicators. World Bank, Washington DC, 2013. <http://data.worldbank.org>
6. UN-Habitat (2013). State of the World's Cities 2012/2013. New York: United Nations. 152 p.
7. <http://www.ceroi.net/ind/indicat.htm>
8. <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=131353>

УТИЛИЗАЦИЯ ОТХОДОВ И ФЕНОМЕН «МУСОРНОЙ КУЛЬТУРЫ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ

Аннотация. В статье кратко дан обзор на современные работы, касающиеся феномена отходов в материальном, социальном, культурно-антропологическом аспекте, намечены основные тенденции направлений исследований данной проблемы в теоретической социологии.

Ключевые слова: мусор, отходы, мусорная культура, теория риска, экология, эконосоциология, энвайронментальное неравенство

Современные философские, социологические теории и исследования, посвященные тематике отходов, феномену распространению мусорных масс открывают нам, что отходы – это не только порождаемые промышленностью остаток материалов и безответственность структур, отвечающих за экологическое здоровье среды, но и все, что может быть отторгнуто, выброшено, определено как ненужное, нечистое и прочее «не» - то, от чего некоторое общество хочет избавиться. Синонимом мусорас точки зрения современности может стать все – предметы, взаимоотношения, информация. Главнымивопросами, на которые ученым теперь приходится искать ответ: почему нечто определено как чистое и почему нечто становится грязным? Почему образуется такая категория как «отходы»? В проблематику отходов вплетается гигиена – тела, жилого пространства; эстетика и ольфакторное восприятие, представления медиков о природе загрязнения. История отходов и история представлений о гигиене, доминирующие установки экологических менталитетов, действующих на той или иной территории, тесно связаны.

Первое, что следует отметить: больше всего работ по проблеме отходов выпускается в США, в странах Азии, и странах третьего мира, и бедных регионов Латинской Америки. Во втором, третьем и четвертом случае в большей степени затронут социальный аспект мусорособирателей в точечном регионе, в США тематический перечень наиболее широк (от экономики, новых технологий до культурологических аспектов). В России, в которой проблема образующихся отходов стоит, пожалуй, не менее остро, чем в странах третьего мира на данный момент, публикации по проблеме отходов хорошо распространяется в техно-экологический журналах «Твердые бытовые отходы» и «Recycling», без анализа данной проблемы на макро-уровне с других позиций (власти, политики, культуры, учета общественного мнения).

Весьма подробно опыт борьбы с отходами в Европе (и Франции особенно), рассказываются в переведенной на русский язык и завоевавшей определенную популярность книге Катрин де Сильги «История мусора: От средних веков до наших дней»[1], вышедшей в 2011 году. Основной вывод, к которому приходит автор малоутешителен: «Необходим глобальный подход, и он должен опираться на 4 принципа:

- 1) Принцип предупреждения – для минимизации выбросов.
- 2) Принцип ответственности – когда платит тот, кто загрязняет и столько, насколько загрязняет.
- 3) Принцип защищенности.
- 4) Принцип близости – отходы должны обрабатываться там же где и производятся».

Это пока первый труд подобной тематики, переведенный на русский язык. Призыв использовать глобальный подход здесь не случаен, даже официальные юридические документы, касающиеся управления отходами в мире (Базельская конвенция, принцип ZeroWaste, множество объединённых альянсов) дают вполне ясную ориентацию: эти принципы должны распространяться глобально, в противном случае они не эффективны. Однако, этот идеал, далекий от практики, с успехом пока применяется только в развитых странах, задающих моду на новые технологии экокультурных трендов, в том числе это касается и отношения к отходам. Схожие с тематикой Катрин де Сильги (истории и применении мусора), в США выпускались следующие труды: Элизабет Ройт (Royte, E. Garbage Land: On the Secret Trail of Trash)[2], рассказывающей о применении мусора в повседневной жизни, Хитера Роджерса (Rogers, H. Gone Tomorrow:

TheHiddenLifeofGarbage) [3]– про особенности американской истории мусора, СюзанСтрассер (StrasserS. WasteandWant: A SocialHistoryofTrash)[4].Терезы Гован (GowanT. Hobos, Hustlers, andBacksliders: HomelessinSanFrancisco)[5] – этнографическое описание жизни бездомных и их взаимодействие с отходами. Известна работа Дэвида Пеллоу(Pellow D. Garbage wars : the struggle for environmental justice in Chicago)[6]. «Мусорные войны» – собственный термин автора, обозначающий любые конфликты, касающиеся отходов, и борьбу за равную возможность пользования природными и социальными ресурсами. Эти конфликты возникают на почве поиска безопасной ниши – в результате политических и этнических столкновений, и как правило, в среде людей с очень низким доходом. Более распространена тема мусорособирателей как главного актора во взаимоотношениях с мусором у Мартина Медины (Medina M. Scavenging on the Border: A StudyoftheInformalRecyclingSectorinCity)[7].

История окружающей среды и человека – это история проб и ошибок их взаимодействия. Если можно обозначить такое направление как социальная история охраны окружающей среды (основываясь на работе «История окружающей среды»[8]), то мы увидим, что последствия всех экологических катастроф носит 1)социальные основы, в попытках разделить и добыть необходимые для экономического и энвайронментального роста ресурсы, и всегда природа сводится к вопросам о власти; 2)являются следствием социокультурной структуры конкретного общества, создавшего катастрофу, выраженных в верованиях; 3)они неизменно возникают вследствие взаимодействия человека со средой; 4) парадигмы экологического сознания развиваются циклично – «равнодушная нерациональность», провоцирующая и сталкивающая людей с катастрофой (обеднение почв, массовые пожары, отсутствие здоровых лесных территорий, возникшие вследствие выпаски скота, нерационального использования изначальных ресурсов) сменяется повышенным экологическим вниманием и поиском технических решений для избавления от существующих проблем. Отходы впервые появляются в экологии как следствие добычи ресурсов, в процессе отделения искомого из сырья, то же самое касается и производства предметов, а масштаб катастрофы данное явление приобретает только во вторую половину XX века, когда игнорировать последствия именно производства становится невозможным.

На некоторых теориях стоит остановиться подробнее. Центральная теория, не утрачивающая своей актуальности и лаконичности сегодня отсылает нас к классическому исследованию М. Дуглас «Чистотаиопасность. Анализ представлений об осквернении и табу»[9]. Для нечистое и нечистое – релятивистский язык символов, а «гигиена – дело эстетики, не связанное с религией». Мы узнаем, что нынешние представления о грязном берет начало в 19 веке когда были открыты болезнетворные организмы, и что грязь – это упорядочивание социальной структуры, т.е. «вещи не на своем месте» - ботинки на обеденном столе, невымытая посуда. «Наше поведение, касающееся нечистоты - это реакция, отторгающая любые предметы и идеи, не отвечающие и противоречащие нашим классификациям»[9, с.230] - это «остаточная категория», выкинутая из норм, естественный фильтр восприятия. Первобытное – недифференцируемое, прогресс – это дифференцируемое.

Жерар Бертолини, социолог и экономист, в своем эссе «Мусор – это другие»[10] пытается определить значение мусора и отходов в жизни человечества. Он подводит под понятие отходов экскременты, бытовой и промышленный мусор, а также трупы. При этом, он соотносит действия по утилизации мусора с действиями, которые характерны для обращения с человеческими отходами «гроб – мусорный бак, катафалк – мусоровоз, погребение – вывоз на свалку или захоронение; кремация – сжигание; Бертолини настаивает на том, что понятие «отходов» так или иначе сходно с понятием экскрементов, которые негативно и с отвращением воспринимаются окружающими, как и все, что может с ними косвенно быть связано – люди, которые связаны с отходами, а также вещи, которые их касаются. Так, мусорный бак становится «оскверненным», опасным и отвратительным. Ученый использует психоаналитическую концепцию З. Фрейда, где взросление человека проходит определенные стадии, в том числе связанные с отношением к собственным отходам жизнедеятельности, выделяя психологические отклонения, основанные на отношении к отходам и потребительстве.Одна группа патологий стремится накапливать вещи, другая – использовать, пачкать, третья выражается в чрезмерной любви к чистоте и патологической боязни грязи.

Термин «мусорная культура» - “*culture of waste*” как некая целостная культура потребления современности, включающая ряд феноменов и особенностей культуры (быстрый ритм жизни, одномерность, одноразовость, поверхностность по отношению к знаниям и человеческим взаимоотношениям в целом) впервые употребляется в работе Зигмунда Баумана “*Wasted lives*” [11], где отходы приобретают новый смысл, где культура андерграунда, маргинальность вписываются в выброшенные *предметы*. Люди, социальные группы, целые нации становятся «человеческими отходами», а механизмы формирования таких потоков «совершенствуются» благодаря миграции, повышающемуся уровню безработицы и расслоению внутри общества. Подобный поворот дает новое измерение для трансформации культуры бедности в целом, пониманию необходимости рассматривать феномен человеческой «ненужности» как структурный механизм, который ввиду возрастания среди контрастирующих и конфликтующих на одном поле социальных групп. Данная работа продолжает тему его труда «Текущая современность» применимо к отторгаемому. Как отправная точка к исследованию культурного и антропологического смысла отходов, где энвайронментальное неравенство отражает социальное, - это серьезный шаг к тому, чтобы эта проблема была услышана остальным научным сообществом. Хочется прибавить: полемика о ГМО продуктах, химикатах, отравляющие последствия ядерных экспериментов, десятилетия влияющие на генетику непосредственно пострадавших, и их последующих поколений отсылает к циничному понятию «генетических отходов», где нужен социобиологический междисциплинарный подход.

Потребление как категория, следующая за отходами, тоже заслуживает внимание у Ж. Бодрийера, Ги Дебора, Э. Тоффлера, медленно распространяющейся сегодня идеи фригганства среди тех, кто выступает против феномена общества потребления, приглашая осмыслить первоосновы вещей и зависимость от них, немаловажную роль в них занимают и отходы как возможное сырье для воссоздания нового пространства.

Доменик Лапорт в своей работе «История дерьма» замечает, что язык формирует идеологию дурных запахов, описывая их благовонное и зловонное начала, он выдвигает культурные ограничения и запреты. Он считает, что процесс очищения всегда распространяется на все культурные ценности – оно обозначает не только очищение улиц, но и создание этикета, визуального пространства. Его основная метафора-идея состоит в том, что любая культура содержит некоторое очищающее пространство, сточную канаву, которая « превращает попадающий в нее продукт в золото», т. е. существует некоторой «оборот» нечистот. Второй его тезис – тот, кто контролирует отходы и испражнения, обладает властью. Третий тезис – «в основе любого производства лежит производство нечистот» [12, с. 467] - довольно спорное, на наш взгляд суждение, относящиеся к рассматриваемому им Новому времени, однако в большинстве случаев характеризующее промышленное производство. Его социология нечистот разделяет приватную сферу, т. е. представления о гигиене, отправлениях и интимности, это формирует и социальную дистанцию, и этику внимания к запахам, порог чувствительности и неприятия по отношению к другому. Он уверен, что цивилизация двумысленна по отношению к отходам, с одной стороны она желает от них избавиться, с другой – они являются необходимыми удобрениями. Влияние места и ситуации определяет отношение к отходам. Двойственность отходов – единственное их постоянное свойство, обусловленное желанием выгоды.

Ирландский социолог Анна Дэвис [13] занимается анализом международных отношений в сфере управления отходами. Энвайронментальное управление она понимает как взаимодействие структуры и агентов, которые связаны определенными практиками и пытается определить роль каждого элемента в данной системе. Рассматривая существующие мировые наднациональные организации, наделенные властными полномочиями регулировать экологическую ситуацию, она приходит к выводу что для глобальной энвайронментальной модернизации политики утилизация мусора нужны тесные партнерские отношения между муниципальными властями, государством и мировыми регулятивными корпорациями. Отходы могут быть вопросом только глобального управления. Наиболее продуктивными подходами Дэвис считает сетевую теорию Кастельса и институциональное направление. Соответственно, она представляет государства и регионы как сеть обмена ресурсов – как ресурсов возможностей, так и обмена отходами, где основными акторами выступают социальные институты разного масштаба.

Объединения, организации мусорособирателей, их долгая и интересная история подъема и рисков профессии мусорщика изложена в работах М. Медины, Д. МакГоверн, К. Фуреди, С. Диас [14], известны узконаправленные работы Ч. Чаппы (индийские мусорособиратели)[15], исследования вьетнамских мусорособирателей (Nguyen H.T.L., Chalin C.G., Lam T.M., Maclaren V.W.), [16] а также), мусорособиратели стран латинской америки (Ц. Родригез, Х. Эррера)[17].

Еще не существует некой концепции, способной охватить все многообразие проблем, которые отходы вносят в нашу жизнь, однако исследователи смещаются к макро стратегии построения теории, желая обозначить масштабность трагедии. Однако уже существующие теории риска, развитые У. Беком, Э. Гидденсом, Э. Карантелли, К. Перроу, Бехманн Г. и др. энвайронментальный подход могут стать отправными метатеориями к последующим изысканиям и концепциям, очень плодотворна и перспективна применение сетевой концепции географии управления отходами А. Дэвис, которая могла бы послужить мощным инструментом анализа и российской ситуации. В данной статье перечислены только некоторые концепции, позволяющие посмотреть на гигиену и отходы с разных проблемных точек. Основной тезис в самом деле состоит в том, что представление об отходах динамично и резко меняется: мы находимся в критическом понимании того что эта катастрофа при (еще пока не поздно) рациональном и благожелательном с точки зрения экологии подходе, способно превратить в новые ресурсы, уже не столь безобидные с точки зрения тех первозданных ресурсов, которыми когда – то обладало человеческими, но менее опасными, нежели они существуют сейчас. Поэтому, помимо чисто экологических, экономических, технологических исследований необходимы социо-ориентированные, способные повлиять на формирование правильных экоустановок в сфере производства и потребления, т. е. качественный холистический здоровый междисциплинарный подход.

Библиография

1. Сильги, К., История мусора: От средних веков до наших дней. – М.: Текст, 2011. – 288 с.
2. Royte, E. Garbage Land: On the Secret Trail of Trash. – Back bay Books, 2011.
3. Rogers, H. Gone Tomorrow: The Hidden Life of Garbage, - Library of congress cataloging in publication data, 1970.
4. Strasser, S. Waste and Want: A Social History of Trash, - Metropolitan books, 1999.
5. Gowan, Teresa. Hobos, Hustlers, and Backsliders: Homeless in San Francisco. Mineapolis: University of Minnesota Press, 2010.
6. Pellow D. Garbage wars : the struggle for environmental justice in Chicago. - The MIT Press 2002, 246 p.
7. Medina, M. Scavenging on the Border: A Study of the Informal Recycling Sector in City: Porrua. 1990.
8. Радкау, Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. Нац.исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 472 с.
9. Дуглас, М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
10. Бертолини, Ж. Мусор – это другие// Отечественные записки. 2007, № 3(35).
11. Bauman Z. Wasted lives. Political Press, 2009.
12. Лапорт Д. Nonolet – не пахнет// Ароматы и запахи в культуре. Изд. 2-е, испр. Книга 1 /Сост. О.Б. Вайнштейн. М.:Новоелитературноеобозрение, 2010.
13. Davies, Anna. The geographies of garbage governance. - British Library Cataloguing in Publication Data, 2008.
14. McGovern D. The Campo Indian Landfill War The Fight for Gold in California's Garbage, University of Oklahoma Press, 1995.
15. Organizing Informal Waste Pickers A Case Study of Bengaluru, India. Cambridge: WIEGO Limited, 2013.
16. Nguyen H.T.L., Chalin C.G., Lam T.M., Maclaren V.W. Health & Social Needs of Waste Pickers in Vietnam. Ho Chi Minh City Environmental Improvement Project, 2000.
17. Rodríguez C. Alternative Production, Globalization and Social Exclusion: A Study of the Cooperatives of Informal Garbage Pickers in Colombia. Princeton, Princeton University Press, 1991.

РАЗДЕЛ 2.

ГЕОГРАФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

А.И. Трейвиш
(Институт географии РАН)

МИРЫ В ДВИЖЕНИИ И ПОКОЕ: ИНСТИТУТ ВТОРОГО ЖИЛИЩА МЕЖДУ МОБИЛЬНОСТЬЮ И ОСЕДЛОСТЬЮ¹

Начало заголовка навеяно книгой о росте международных миграций на рубеже тысячелетий [Worlds in Motion..., 1998]. Этот рост не нов, более 40 лет назад Уилбур Зелински объяснял его своей гипотезой «миграционного перехода», увязанного с демографическим [Zelinsky, 1971]. Спорна в ней 1-я фаза с близкой к нулю мобильностью догородских обществ. Как тогда люди заселили Ойкумену, и куда записать кочевников?

Впрочем, большинству нужен также оседлый покой, дополняющий движение и активность, как Инь дополняет Ян, зима – лето, мир – войну. Поиски компромисса между этими ценностями вечны, а найденный баланс зависит от эпохи и строения социума. Тренд все же нацелен на усиление миграционной мобильности в широком смысле, чему способствует сервисно-информационный и коммуникационный бум, рост дохода и географического кругозора потенциальных странников, глобализация. Современный Homo mobilis (неомад, перекатипеле) – это не только бизнес-акула в аквариумах глобальных городов, их офисов, отелей, ресторанов, аэропортов [Десягин, 2011], но и вполне «средний» человек.

Его мобильность типизируется по ряду оснований.

- **По времени** и, так сказать, радикальности она бывает *безвозвратная* (переселенческая миграция на ПМЖ) и *возвратная* (оборотная, зачастую регулярная, ритмическая).
- **По территории**, для ее ячеек, от материков до муниципалитетов, это мобильность *внешняя* и *внутренняя*, *межрайонная*, *межселенная*, иногда и *внутриселенная*, но ее к миграции относят редко.
- **По направлению**, маршруту: *отточная* и *приточная* (иммиграция и эмиграция), *встречная*, *круговая*, *ступенчатая* (каскадно-замещающая).
- **По мотиву**: *экономическая* (трудовая, потребительская), *социальная* (учебная, лечебная, семейная), *экологическая*, *культурная*, *политическая* (в т.ч. воинская и стрессовая беженская) и др.
- **По регуляции**: массово *организованная*, вплоть до принудительной, и *неорганизованная*, стихийно-индивидуальная.

Вид потока характеризуется комбинацией признаков. Так, маятниковая миграция комьютеров относится к ежедневно возвратной, межселенной, но не дальней (пригородной), встречной с дисбалансом в пользу основных центров концентрации занятости, трудовой и учебной, не требующей усилий работодателя при нормальной работе транспорта и доступности его услуг. Рекреационно-туристическая мобильность имеет разную, в том числе весьма большую протяженность во времени и пространстве, другие (в частности сезонные) ритмы, более сложные (например, социокультурные или медико-экологические) мотивы, она чаще бывает центробежной, но не исключает и центростремительности.

Есть основания полагать, что возвратные движения в целом мощнее, разнороднее и неформальнее безвозвратных. В другие страны едут на ПМЖ до 250 млн. чел., что близко и к числу актов миграции: сменить за год ряд стран сложно. А лишь международных турпоездки

---

¹ Исследование выполнено в Институте географии РАН при финансовой поддержке гранта РФФИ №14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

набирается за тот же год свыше миллиарда. Учет туристов внутри стран неполон; косвенные оценки дают в сумме по миру около 5 млрд. Туризм понимают порой очень широко, но многие движения к нему никак не сводятся. Таковы временные работы (разные командировки, отходничество, гастарбайтерство), бегства от всяких напастей (без гарантии возврата, но с шансом на него), целое море поездок с потребительскими и бытовыми целями (развлекательных, шоппинговых, гостевых, оздоровительных и др.).

Особое место занимают те, что связаны с наличием у людей **второго жилья**. Предлагаемая компромисс движения с покоем, о котором уже шла речь, оно сужает географию движения, но вместе с тем стимулирует его частоту. Движение всегда ограничено своим темпом и сроком нашей жизни. Едучи постоянно лет 30 со скоростью 60-70 км/час, можно обогнуть Землю 5000 раз, одолев полпути до Марса. Вряд ли это кому по плечу, но, делая на электричке по 50 км 260 раз в год, совершишь за 30 лет до 10 кругосветок [Трейвиш, 2013]. Жизнь дачника, как и трудового мигранта, приближает человека к подобному рекорду.

При такой активности своих перемещений он не теряет оседлости ни по месту основного обитания, ни по адресу регулярных визитов за его рамки. Небезызвестная возмутительница академического спокойствия в кругах урбанистов XX века Джейн Джекобс как-то заметила, что мигрант – еще не номад. Продолжая в этом стиле и добавляя иронии, скажу, что «мобильник» (человек, как и телефон) сам по себе – еще не путешественник. Намотать длину экватора можно и трамбуем.

«Втородомье» и «многодомье» знакомо кочевым и оседлым народам с неолита, протодачным формам тоже тысячи лет [Трейвиш, 2014]. Однако их специфика еще в том, что второй дом может стать первым, пускай и ценой дауншифтинга. Античный образец – Диоклетиан Август, родом иллириец Диокл. Уехав после 20 лет цезарства в 305 г. в Салону (Сплит), он отклонял просьбы о возврате, предлагая ходатаям оценить его капусту. Усадьбы отставных китайских чиновников XV-XIX вв. сделали из Сучжоу музей садового искусства. На два дома, в городе и за ним, жили дворяне Европы, позже выходцы из нее в колонии. Русские декабристы в сибирском селе ставили дом и рядом в тайге – дачу, атрибут привычного уклада. Дача у нас – жилье-символ: в XVIII в. и середине XX – обласканности властью, в иные периоды – делового успеха и достатка.

А вот изучен феномен, ставший одним из социальных брендов страны, слабо. Сам я еще недавно считал одной из причин отсутствие большой науки о нем на Западе, который мы в этом смысле копируем зря [Нефедова, 2012, Трейвиш, 2013; Потенциал Ближнего Севера..., 2013, с. 150]. Недавно предпринятый обзор литературы заставил изменить мнение [Трейвиш, 2014]. Оказалось, что поток работ, скромный на фоне других, но превосходящий российский, давно течет в Европе (Франции, Англии) и растет [Cribier, 1969; Bielckus et al, 1972; Second homes..., 1977; Multiple Dwelling..., 2006; Paris, 2010; Second Home Tourism..., 2013 и др.].

В романских странах тема тяготеет к **рекреационной**, в англоязычных – к **анализу недвижимости**, не всегда, но часто похожей на дачную. Кстати, во многих странах ко вторым не относят дома, чьи владельцы сдали их внаем (кому-то они уже первые), пустующие в ходе перепродаж, выпадающие из категории домохозяйств. Сомнительны трейлерные дома на колесах, которые трудно назвать недвижимостью, корпоративные, клубные владения.

Тут важны переписи жилья вроде [English Housing..., 2010]. По ним, дач у англичан, не считая жителей Шотландии, Уэльса, свыше полумиллиона (но менее 3% всех жилищ), притом 58% – за рубежом: во Франции, Испании и т. д. Хотя данных об иностранных собственниках английских дач нет, ясно, что их «импорт» больше. Цель покупки для 50% англичан – отдых в отпуск и по выходным; для 40% – инвестиция; 17% планируют переехать сюда на пенсии; у 9% этот дом был прежде первым, 18% указали иные мотивы (опрос допускал несколько ответов). Налоги на первое жилье тут выше, а жесткой регистрации нет, и на нескольких домах можно сэкономить, записав дорогие (в центре Лондона, как и Парижа) вторыми.

В США «вакационные» и полуобитаемые дома – забота Бюро цензов. В 2010 г. их насчитали 4-5 миллионов (3-4%). Во Франции – более 3 млн. (10%). Меньше число, но выше доля в Скандинавии и Финляндии, местами в Южной и Восточной Европе, где дачи по зна-

чимости мало уступают нашим (20-40% семей). При сходстве традиций или климата, есть немалые отличия. Для евросеверян дача есть, прежде всего, уединение: не забором, а удалением от соседей; они ценят причал у воды, рыбалку, но не дары лесов и огородов [Williams, Kaltenborn, 1999; Кошелева, 2009].

Как только не именуют вторые дома! Они и загородные, и сезонные, и отпускные или вообще досуговые, и пляжные. Есть национальные названия. Дача у нас, hytte (лачужка) у норвежцев, mökki, kesämökki (июньский домик) либо huvila (вилла) у финнов; хибара (cabin), особняк (mansion), уикэндер, коттедж, бунгало (и фазенда как самоироничный синоним русской дачи), château и pied-à-terre («шаг на землю», второй дом в том же городе, где стоит первый) у французов и не только у них. По-разному зовут, а то и никак не зовут сопряженную мобильность. В нашей научной лексике зияет термин для обозначения «жилищного» туризма, residential tourism по-английски. Зато за рубежом многие знают слово «дача».

По ее массовости мы все-таки чемпионы. Полных цифр нет, но только садоводств числится 14 млн. А вместе со старыми дачами, новыми виллами в пригородах, на своих и заграничных курортах, наследными или покупными сельскими домами выйдут, как минимум, 17-20 млн., что эквивалентно 1/3 всех и 1/2 городских семей, а скорее – еще большей их части. Ценность дачной недвижимости повышали советские строгости, делавшие ее единственной формой домо- и землевладения, дозволенной горожанам вне места прописки. Этих рестрикций нет, а институт дачи лишь окреп благодаря многообразию видов дач, их функций, спросу на них при разном достатке и уровне первого жилья в городе, сезонному фактору в нашем климате, который технически и экономически затрудняет конвертацию второго дома в первый (пусть былой запрет на регистрацию в нем и отменен).

Все мотивы покупки второго дома, названные англичанами, важны для русских дачников, плюс аграрное и промысловое самоснабжение. Если это не диктуется дефицитом и ценами на продукты, то сохраняется как хобби, как гарант экологичности заготовок и т.п. Западная дача – нередко атрибут престижного потребления, но есть страны с дачами разного уровня, включая бедные, без удобств, огородно-подсобные, широким рынком второго жилья, Его формирует сама урбанизация: молодежь, покидая периферию, наследует там дома, делая их дачами, местами ностальгического туризма (roots tourism) или продавая. А в городах России мало комфортных низкоэтажных домов, тогда как жителям душных квартир, особенно старым и малым, надобен хотя бы летом глоток воздуха, общение хотя бы с пригородным суррогатом живой природы. Вот почему наша суб- и контрурбанизация пока сохраняет сезонно-дачный характер, несмотря на тягу горожан к выезду из центров на ПМЖ [Потенциал Ближнего Севера..., 2013, с. 140-166].

Для общемировой оценки масштабов второго жилья и его типологии не хватает сравнительного материала, ведь типология – это и есть сжатый итог множественных, не только парных сравнений. Их мало даже в сборниках, где представлены труды о втором жилье разных стран [Multiple Dwelling..., 2006; Paris, 2010; Second Home Tourism..., 2013]. Отсюда пере- или недооценки социального статуса института, его местной специфики.

Из опыта личных визитов вытекает признание его неповсеместности. Так, дачи не характерны для «рисовых» культур и стран, даже для Японии, то ли из-за дефицита и ценности земли, то ли из-за жесткости контроля частной недвижимости (в КНР). Однако перенос образцов происходит. У тех же японцев в 2000-х гг. стали популярны туры на русские дачи в Приморье, о чем сообщали СМИ. В том, что стали появляться дачи и в самой Японии, можно усмотреть влияние соседей. В странах переселенческого капитализма наличие феномена бесспорно. Так, в 2010 г. была защищена географическая диссертация о вторых домах в Южной Африке – не исключено, что первая в стране по данной теме [Hoogendoorn, 2010].

Распространение и районирование вторых жилищ – особый вопрос, прежде всего к географам. Места и ландшафты, где повышена абсолютная и/или относительная концентрация вторых домов, неодинаковы, связаны с разным генезисом, предназначением, режимом посещения домов и участков. Ниже представлен набросок типологии дачных ареалов, базирующийся на их европейском спектре [Трейвиш, 2014], достаточно широком, чтобы быть, по мнению автора, универсальным.

Первый, сельско-периферийный тип рождает депопуляция, оставляя много домов их наследникам и покупателям-горожанам. Обнимая широкие зоны старого аграрного освоения, тип бывает почти повсеместным, но дачи рассеяны, как на Севере Европы (в Нечерноземье РФ, в Финляндии). То есть велика доля вторых домов в жилфонде, но не их плотность на территории. Скопления появляются в транспортно доступных местах с привлекательной природой. Аграрное перенаселение юга препятствует «дачизации», но и туда проникает этот тип. Например, в Португалии процент вторых домов выше всего на востоке, в горах, которые постоянные жители покидали, чем на урбанизированном морском побережье, куда они переселились и где дач вообще-то больше [Second Home Tourism..., 2013, p. 235-262].

Второй тип – курортный, ярко выраженный как раз в приморских и горных местностях с рекреационно-туристическим имиджем, в том числе в городах. Конечно, при их уплотнении может начаться вытеснение дач совсем другой застройкой и объектами: высокоприбыльными санаториями, многоэтажными гостиницами, ресторанами, инфраструктурой развлечений.¹ На известных курортах и в их дачных окрестностях одновременно повышена как плотность, так и удельный вес вторых домов в составе всего жилья. Это хорошо видно на картах вторых домов во Франции [Second Home Tourism..., 2013, p. 145], где традиционно выделяются курорты средиземноморского и атлантического побережий, включая теперь о. Корсика, и Альпы, к которым попозже добавились Пиренеи. Однако в стране представлены и другие типы. Примерами расширения за последние десятилетия географии первого типа, сельско-периферийного, служит существенное уплотнение второго жилья в Центральном Массиве (называемом «французской пустыней»), в удаленных районах Бретани, Нормандии. Есть во Франции и мощные ареалы третьего типа, характерного для субурбий.

Пригородный тип выделяется по числу вторых домов, хотя оно может меняться в процессе эволюции места, и притом его невысокая, чаще даже низкая доля, поскольку речь идет об ареалах концентрации постоянного населения и основного жилья. Как и в случае с курортным типом, экспансия городской застройки, инфраструктуры и т.д. может приводить к вытеснению дачных массивов, особенно из самых близких к главному центру пригородов. А вот куда, просто в следующую зону удаленности от центров или дальше, за пределы агломераций, в местности, которые следует относить уже к другим типам, заранее неясно. Действует совокупность факторов: политика властей разного уровня, фаза экономического цикла, цены на недвижимость и на перевозки. Автомобили, скоростные поезда, дешевые авиарейсы стирают различия в доступности регионов и стран Европы, способствуя расширению рынков, связанных с туризмом и со вторым жильем. Но в условиях кризисов условия содержания последнего нередко осложняются.

Три названных типа можно считать главными, но география вторых жилищ ими не ограничена. Легко представить и другие типы, в частности исторические местности, запечатлевшие опыт и вкус преджних поколений дачников. Примером служит средняя Луара со знаменитыми средневековыми замками. В XIX веке она стала излюбленной зоной вторых домов парижских буржуа, унаследовавших тягу к этой «феодальной долине». Кстати, ее трудно без колебаний отнести как к пригородному типу, поскольку до Парижа целая сотня верст, так и к сельско-периферийному; скорее это переход между ними или сочетание. Подобные случаи нередки, что делает типологию таких мест, как берега Финского залива вблизи Петербурга или Бургундия (где 40% с лишним вторых домов в 1980-х гг. были построены веками раньше). Видимо, их, а также местности с наиболее живописной природой, следует считать подтипами, дифференцирующими основные ландшафты главных типов.

Использованное в типологии соотношение показателей густоты и доли дач «работает» и за пределами Европы. В США разница районов по этим признакам тоже велика. По доле (10-16%) выделялись такие штаты Новой Англии, как Мэн, Вермонт, Нью-Хэмпшир. А чем-

---

¹ Обратная эволюция отмечается нечасто, в местностях вроде озерного края Хэйворд в Висконсине, которые сочетают в себе признаки ареалов первого и второго типа. Летние и зимние приюты для туристов, которые некогда содержали местные жители, позже вытеснили дачники из агломераций Миннеаполиса–Сент-Пола и Чикаго. На их владения уже давно приходится половина всего жилья [Williams., Kaltborn, 1999].

пионами по обилию вторых домов были Флорида, Калифорния, Нью-Йорк [Housing Characteristics, 2010]. При среднефедеральной доле в 3-10% отдельные места, где она достигает 40-50%, как в странах-лидерах Европы по второму жилью, можно назвать очень даже дачными. Встречаются и такие локусы, чаще всего из числа сельско-периферийных, где вторые дома резко преобладают.

Будущее вторых жилищ давно стало предметом научных дискуссий. С одной стороны, обычно констатируют их рост и географическое расширение. Но есть и были скептики и критики. Заголовки вроде «Второй дом: благо или проклятие?», «новая жизнь или поцелуй смерти?», «деревни-призраки», «дом не для здешних» нередки.

Известный французский географ Поль Клаваль, заключая развернутым послесловием сборник [Second Home Tourism..., 2013, p. 309-326], связал идею втородомья со старой утопией города-сада Эбенезера Ховарда, города широких горизонтов (Broadacre City) Фрэнка Ллойда Райта, а по сути – с пригородным типом, где разница между первым и вторым домом часто стерта. Но если тяга к активному отдыху, спорту и приключениям на природе раньше вела людей дальше от города, то нынче в нем самом есть спортивные и фитнес-залы, тренажеры, бассейны, искусственные стены для альпинизма. Натуралистические утопии XIX-XX веков, пишет Клаваль, отмирают, зато в обществе потребления по-прежнему цветет неравенство, в том числе дачное: при малом недостатке дом и земля стали недоступнее. Между тем обостряются экологические проблемы, в которые вносят свою лепту туристы и дачники. Вывод для политики: дачную экспансию нужно жестче контролировать, даже всячески сдерживать.

В науке нельзя без разномыслия, включая сюда спор об ее собственной судьбе. Какова же судьба того сравнительно молодого направления, которое по-русски для краткости следовало бы называть *дачеведением*?

Оно существует и растет не как устоявшаяся дисциплина, но на стыке общественных и естественных наук, их разных отраслей: истории, географии, демографии, социологии, экологии, экономики, архитектуры и др. Поэтому поток публикаций у нас и за рубежом дробится на рукава, так что за ним трудно следить. Но даже неполного знакомства хватает, чтобы признать наше российское отставание. А ведь отечественная наука должна была бы стать мировым лидером, учитывая социальный и пространственный масштаб самого феномена, значение дач в жизни страны и в личной жизни многих из нас. Он рос и менялся буквально на наших глазах, часто с нашим прямым практическим участием.

Впрочем, это не редкость и не парадокс. Примелькавшийся, знакомый объект не замечают, пока внимание к нему не стало традицией. «Лицом к лицу лица не увидать // Большое видится на расстояньи». Все равно обидно, что не видим собственного носа, даже стыдно. Это, кстати, притом, что за дачами стоит крупный активный рынок, масса информации прикладного свойства – рекламной, риелторской, строительно-ремонтной и прочей.

А должны быть еще и массовые опросы (да, недешевые, но без них не уточнить даже размеры явления, обойденного статистикой), капитальные монографии, карты, справочники, монографии. Будут ли?

Литература

1. Делягин М. «Новые кочевники» воюют против России // Завтра. 2011. 21.04.
2. Джекобс Дж. Экономика городов / пер. с англ. Новосибирск: Культурное наследие, 2008.
3. Кошелева К. Культ Mökki // STOP in Finland – Вся правда о Финляндии. No. 7 (89), 26.08.2009 <http://www.stopinfin.ru/archive/111/2097/>
4. Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 204 – 215. <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/n38.html>
5. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения / Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. (ред.). М.: Логос, 2014.
6. Трейвиш А.И. Пространственная мобильность населения и распространение информации // Информатизация географических исследований и пространственное моделирование

природных и социально-экономических систем. М.: Тов-во научных изд. КМК, 2013. С. 141-158.

7. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 22-32.

8. Bielckus C.L., Rogers A.E., Wibberley G.P. Second homes in England and Wales: A study of the distribution and use of rural properties taken over as second residences. London: Wye College School of Rural and Related Studies, 1972.

9. Cribier F. La grande migration d'été des citadins en France: essai d'une géographie de la récréation. Editions du C.N.R.S. Mémoires et Documents, No. hors série. 1969.

10. English Housing Survey. Household report 2008–09 London: Department for Communities and Local Government Publications, 2010.

11. Hoogendoorn G. Second homes and local economic impacts in the South African post-productivist countryside. PHD dissertation in Geography. Bloemfontein, University of the Free State, Faculty of Humanities. 2010.

12. Housing Characteristics 2010 from 2010 Census <https://www.census.gov/prod/cen2010/briefs/c2010br-07.pdf>

13. Multiple Dwelling and Tourism / McIntyre N., Williams D., McHugh K. (eds.). Oxfordshire, UK, Cambridge MA: CABI Publishing, 2006.

14. Paris C. Affluence, Mobility and Second Home Ownership. London: Routledge, 2010.

15. Second homes: curse or blessing? / Coppock J.T. (ed.). Oxford: Pergamon Press, 1977.

16. Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (ed.). Farnham, UK – Burlington, USA: Ashgate Publishing, 2013.

17. Williams D. R., Kaltenborn B. P. Leisure places and modernity: The use and meaning of recreational cottages in Norway and the USA // Leisure/Tourism Geographies. Practices and geographical knowledge. London – NY: Routledge, 1999. P. 214-230.

18. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millennium / Massey D. et al. New York: Oxford University Press, 1998.

19. Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition // Geographical Review. 1971. No. 6. P. 219-249.

Т.Г.Нефедова
(Институт географии РАН)

ПОЛЯРИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ И ГЕОГРАФИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ¹

Для современной России характерен резкий и весьма болезненный переход от трудодефицитной модели с большим количеством занятых к трудоизбыточной с большой долей теневых безработных и занятых. Этот переход парадоксальным образом сочетается с уменьшением трудовых ресурсов в связи с депопуляцией населения, особенно сильной в небольших городах и сельской местности. В результате население уезжает из тех районов, где трудовых ресурсов остро не хватало в советское время. Проблема имеет явно географическое измерение, поскольку тесно связана с пространственными различиями в экономическом и социально-демографическом состоянии городов и сельской местности.

На состояние городов, «притягивание» или «выталкивание» ими населения для жизни или работы влияет множество факторов. Помимо размера города и его статуса (столицы регионов обычно более благополучны и привлекательны) большое значение имеет положение города на осях «центр-периферия» и «север-юг».

---

¹ Исследование выполнено в Институте географии РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме»).

Исследования занятости в городах России разного размера показали, что с уменьшением размера города доля незанятых в экономически активном населении повышается, а средний уровень зарплат снижается. Из 1056 городов России 560 характеризуются неблагоприятием многих параметров, включая депрессию промышленных предприятий, повышенную долю незанятого населения, отсутствие инвестиций, низкий уровень зарплат, пониженный товарооборот и ввод жилья на душу населения. При этом малые города с населением менее 50 000 жителей составляют 89% этой страты депрессивных городов. Доля трудоспособного населения, не имеющего стабильного хотя бы минимального дохода, в таких городах колеблется от 30 до 70%. Их «негородская» инфраструктура (недоступность канализации, часто водопровода и газа более чем для половины домохозяйств малых городов) служит дополнительным выталкивающим фактором. Его действие усиливается при глобализации информации и проникновении в каждый дом телевизора, транслирующего крупногородской (и даже столичный) образ жизни.

Исследование территории между Москвой и Санкт-Петербургом показало огромные различия в состоянии городов в пристоличных Московской и Ленинградской областях, особенно в агломерационных зонах, и в регионах, расположенных между ними, которые можно отнести к внутренней периферии [Нефедова, Трейвиш, 2013].

Таблица 1. Число городов в столичных и межстоличных регионах с разными оценками экономического состояния без областных центров

Города с населением	Число городов с разной оценкой состояния					Всего городов
	Лучшие	Хорошие	Средние	депрессивные	с глубокой депрессией	
Ленинградская обл.	3	12	10	5	1	31
Новгородская обл.	0	0	2	3	4	9
Псковская обл.	0	0	3	5	5	13
Тверская обл.	0	1	1	10	10	22
Московская обл.	6	42	22	9	1	80
Всего	9	55	38	32	21	155

В Московской области 60% всех городов получили повышенные оценки по сумме перечисленных выше показателей, притом, что их жители могут пользоваться и благами самой столицы. В Ленинградской области таких городов половина. А в Тверской области, наоборот, подавляющая часть городов, помимо Конаково и Удомли, получили по совокупности показателей довольно низкие оценки. В Новгородской области к депрессивным также можно отнести 8 из десяти городов (средние оценки только у Боровичей и Валдая). Это огромная часть городского населения: почти 400 тысяч человек в Тверской и по 100 тысяч горожан в Новгородской и Псковской областях.

В пригородных Московской и Ленинградской областях тоже есть депрессивные города, в которых живет суммарно около 180 тысяч человек. Но при этом почти 4 миллиона человек имеют гораздо лучшие возможности самореализации. А в межстоличных регионах таких возможностей кроме, как в региональных центрах, почти нет, что и подталкивает население к отъезду или поиску временной работы ближе к столицам. В межстоличных Новгородской, Псковской и Тверской областях города продолжали концентрировать местное сельское население до 1990 г., в первой половине 1990-х служили пристанищем для переселенцев из стран СНГ. Однако к концу 1990-х гг. они теряют привлекательность. Дольше «держатся» средние города с населением свыше 50 тысяч жителей, собирающие остатки сельского населения, но и они к 2010 г. уже имеют нулевой миграционный прирост из-за переезда населения ближе к крупным центрам. Вместе с естественной убылью стареющего городского населения это приводит к уменьшению численности почти всех городов между столичными регионами. Тем не менее, и в небольших городах межстоличья в 2000-х гг. возникают новые предприятия

[Аверкиева, 2014]. Однако они единичны на фоне упадка бывших советских заводов и требуют гораздо меньше занятых.

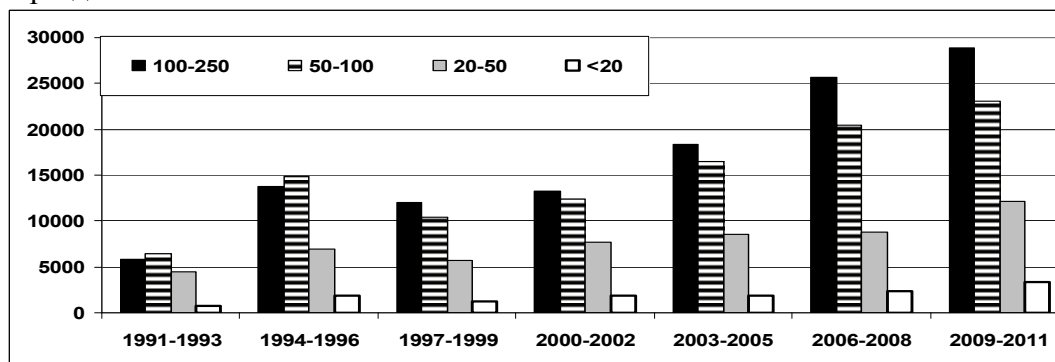

Рис. 1. Миграционный баланс городов разного размера (тыс. жителей) в пригородных Московской и Ленинградской областях, человек в среднем за 3 года

Рис. 2. Миграционный баланс городов разного размера (тыс. жителей) в Новгородской, Псковской и Тверской областях, человек в среднем за три года

Велики различия между пригородами крупнейших центров и всей остальной территорией и в количестве и плотности городов, а, следовательно, и в их влиянии на окружающую сельскую территорию (таблица 2). Так, в Московской области на 10000 кв. км насчитывается 18 городов. А всего их 80, из них 17 - больших с населением более 100 тысяч человек и 21 – средних (от 50 до 100 тысяч жителей). В соседней Тверской области на 10000 кв. км - всего 3 города, помимо Твери больших городов нет, а средних всего два: Ржев и Вышний Волочек. В 1990 г. к группе средних городов еще относились Кимры и Торжок, быстро теряющие население. В Псковской области плотность городов та же, а кроме регионального центра был всего один большой город Великие Луки, который в 2000-х гг. перешел в категорию средних городов. В Новгородской области к средним относится только г. Боровичи, а плотность городов снижается до 2-х.

Таблица 2. Число городов в столичных и межстоличных регионах в разной численности населения без центров регионов

Города с населением	Число городов с разной численностью населения, тыс. человек					Всего городов
	100-250	50-100	20-50	10-20	Менее 10	
Ленинградская обл.	0	6	11	8	6	31
Новгородская обл.	0	1	1	6	1	9
Псковская обл.	0	1	1	4	7	13
Тверская обл.	0	2	7	5	8	22
Московская обл.	17	21	28	13	1	80
Всего	17	31	48	36	23	155

Различия «север-юг» также сказываются на состоянии городов. Так, южные города, даже малые, по сути, центры сельскохозяйственных районов, имели лучшие оценки и оставались привлекательными для мигрантов, переезжающих из северных и восточных регионов и из стран СНГ, вплоть до 2009 г. (Рис. 3).

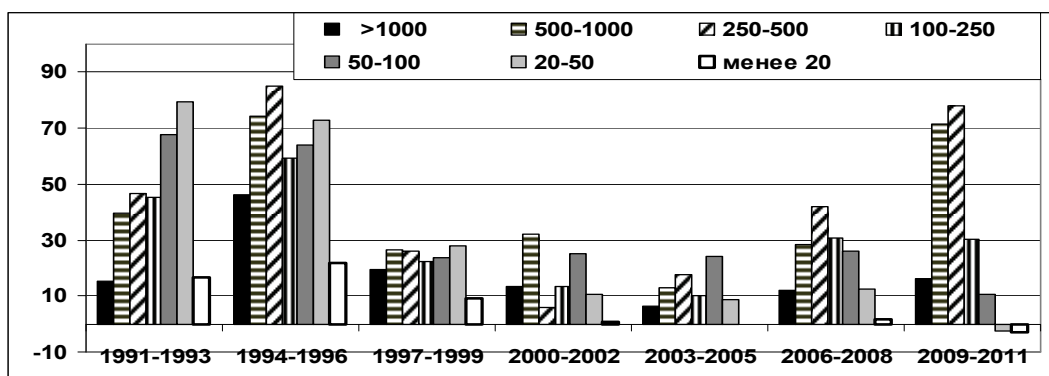

Рис. 3. Миграционный баланс городов разного размера (тыс. жителей) на равнинных территориях Северного Кавказа, тыс. человек в среднем за три года

Исследования сельской местности также показали сильную поляризацию пространства и формирования обширных очагов депрессии, усиленной длительной депопуляцией сельской местности, особенно в Нечерноземье [Потенциал Ближнего Севера, 2014]. Для нее характерна еще более ярко выраженность пространственных различий социально-экономического состояния по осям «север-юг» и «пригород-периферия». Длительная депопуляция сельского населения в наибольшей степени затронула нечерноземные регионы, а внутри них – периферийные районы, которые за последние 50 лет потеряли более 50-70% населения, при этом уезжали молодые и наиболее активные люди. Доля деревень с населением менее 10 человек и заброшенных селений здесь достигает 70-80%. В то же время численность сельского населения в Московской области уменьшилась незначительно, здесь крупные поселения благодаря постоянной подпитке извне, притом, что Москва весь XX век «втягивала» население своего окружения. Как ни покажется странным, в Московской и Ленинградской областях лучше сохранились агропредприятия, часто работающие в общей вертикальной структуре с городскими переработчиками сельхозпродукции. И даже поголовье крупного рогатого скота в Московской области при сильном дефиците земель и вытеснении сельского хозяйства жилищной и дачной застройкой больше, чем в окружающих областях с их заброшенными полями и зарастающими лесом лугами [Нефедова, 2013, сс. 251-258].

Меньшая степень депопуляции характерна и для юга, который и в советское время, и сейчас привлекает мигрантов. Здесь лучше сохранились сельскохозяйственные предприятия – бывшие колхозы. Выгодность производства зерна на юге России способствует приходу инвестиций, здесь работают агрохолдинги, много фермерских хозяйств.

В современных условиях усиления экономической поляризации, закрытие «местообразующих» предприятий в средних и малых городах и в сельской местности становится ключевым фактором выживания, даже, если населения осталось немного. И на более благополучном юге проявляется трудоизбыточность, поскольку новые модернизированные предприятия и фермеры требуют гораздо меньше работников, чем советские колхозы [Нефедова, 2013, сс. 262-281]

Но если и есть места приложения труда, увеличение разрыва в его оплате даже в бюджетной сфере в 3-4 раза в крупных центрах и на периферии регионов также порождает перемещение населения в экономически активные места¹. Такие миграции с целью заработка при

¹ Например, в Лихославльском районе Тверской области в 2012 г. открылась новая районная больница, но оказалось, что работать в ней некому. Из 12 тысяч жителей Лихославля 2 тысячи ездят работать в Тверь (45 км) и в Московскую область (более 200 км) в вахтовом режиме, в т.ч. врачи, медицинский персонал [Путешествие..., 2014, Кн. 2, с. 207]. Исследование пассажиропотока по железной дороге подтвер-

сохранении регистрации в месте проживания для многих стали единственным выходом из бедственного положения. Первыми начали изучать этот феномен экономисты [Рынок труда, 2013] и социологи [Плюснин и другие, 2013], хотя проблема очень географична, поскольку связана с перемещениями на разные и часто большие расстояния. И если в 1990-х гг. преобладали перемещения внутри своих регионов, для 2000-х гг. характерно усиление межрегиональных трудовых миграций.

Анализ миграций на постоянное место жительства (ПМЖ) показал, что их интенсивность в России при сравнительно невысоких доходах и неразвитом рынке жилья ниже, чем в некоторых западных странах. В США внутренняя межрегиональная миграция составляет 26 перемещений на 1000 чел. населения, в Великобритании, Японии, Швеции - 20, в России - 6 на 1000 чел. [Мкртчян, 2009]. Однако появление такого «невидимого» статистикой феномена современной жизни как временные трудовые миграции или отходничество ломает представления о подвижности населения. Однако адекватного учета количества работников, покидающих с недельным, месячным, полугодовым ритмом свои дома и семьи ради временных заработков в крупных центрах и агломерациях, нет.

О гастарбайтерах – временных иностранных рабочих, в основном из стран СНГ – говорят и пишут часто и много. А об отходничестве из российских регионов, отчасти из-за отсутствия какой-либо официальной информации, сложности этого феномена и даже определенной стыдливости в отношении к нему написано мало.

Отход крестьян на заработки, особенно зимний период, был весьма распространен и в начале XX века. Между Москвой и Петербургом отход в крупнейшие города на заработки, порой с длительным проживанием в них, практиковали от 7 до 15% мужского населения деревень, а в Московской губернии и к юго-востоку от нее – до 20% [Миронов, 1999, Т.1, с. 247, Рыбников, 1928]. Во второй половине XX века жители деревень, получившие паспорта после советского «закрепощения», и обитатели малых городов стремились переехать в крупные центры на постоянное место жительства. Но и тогда временные работы в городах практиковали и мужчины, и женщины (последние нянечками, домработницами, уборщицами и т.п.). В 1990-х гг. зарплата в сельской местности резко упала со 100% от уровня городской до 20%. Поднявшись ныне до 50%, она на этом уровне и застряла, притом, что часто ее задерживают или платят только в сезон работ. В результате кризиса сельского хозяйства и промышленности резко сократилось количество рабочих мест в сельской местности и в малых городах. К открытию собственного мелкого бизнеса население, в течение десятилетий, терявшее своих наиболее активных сограждан, оказалось не готово, за исключением пригородных и некоторых южных территорий, где лучше сохранился человеческий капитал. Товарное личное хозяйство в российских условиях было возможно зачастую только с помощью колхозов, которые помогали обрабатывать землю, давали корма для скота и т.п. С их уходом и старением населения свернулось и мелкое хозяйство, не оправдав надежды политиков на процветание массового производства экологически чистой продукции в нечерноземных деревнях. А развитие несельскохозяйственных видов деятельности, включая услуги, лимитировалось очень низкой платежеспособностью населения. Население не может позволить себе переезд в более комфортные условия жизни и работы (опросы показали, что около половины отходников и не хочет этого делать) и вынуждено отрываться от дома и семьи на несколько дней, недель, месяцев для работы в городах. Все это запутало понимание того, сколько же населения реально живет в разных населенных пунктах. Тем не менее, современные возвратные миграции отличаются от дореволюционных, прежде всего, тем, что в большинстве регионов России они происходят на фоне не избытка, а недостатка трудовых ресурсов в местах выхода мигрантов и наличия там незанятых рабочих мест из-за очень низких зарплат.

Современные трудовые миграции российских граждан можно условно разделить на две основные группы: маятниковые миграции и отход. Первые связаны с ежедневными поездка-

---

дило, что Лихославль прочно входит в зону отходничества в Москву и Московскую область: только из Твери идет 11 полностью заполненных рейсов поездов в сутки, а до Москвы можно добраться за 3 часа. Расписание региональных и скоростных поездов составлено так, что большая их часть отправляются в сторону Москвы утром, а из Москвы вечером [Неретин, 2014].

ми к месту работы и характерны преимущественно для агломерационных зон крупных городов. Отход предполагает отсутствие дома в течение некоторого времени, что влияет на отношения в семье и имеет много других социальных последствий, которые подробно исследуются социологами [Плюснин, 2013, Великий, 2010 и др.] С другой стороны периодическое относительно длительное пребывание дома, примерно равное времени на работе, дает возможность не только ведения домашнего хозяйства, но и дополнительных временных подработок и формирует особый тип личности отходников, которым уже трудно вернуться к ежедневному наемному труду. Сам отход весьма разнообразен и профессионально, и по длительности. Длительный отход на несколько месяцев является наследником советских нефтяных вахт, которые практикуются и поныне. Однако существуют и переходные формы, например, работа в течение суток с тремя выходными, отход на рабочие дни недели с выходными дома и т.п. Обычно такой «полуотход-полумаятник» характерен для окраин агломераций. Например, так живет значительная часть населения в северной части Тульской области, работающая на крупных предприятиях в южной части Московской области и Новой Москве. Кроме того, такие формы отхода практикуются и в глубинке с плохим состоянием дорог и отсутствием регулярного транспорта.

В последние годы Федеральная служба государственной статистики стала давать оценки потоков трудовых мигрантов между регионами России, в 2012 г. они оценивали их численность в 2,3 млн. человек. Ю.М. Плюснин считает, что численность отходников составляет до 20 млн. россиян [2013]. Если учесть, что в основных местах отхода живет 57 млн. человек (в малых городах России - 16 млн., в поселках городского типа - 7 млн. и в сельской местности - 34 млн. человек) и нетрудоспособная стареющая часть достигает половины населения, то получается, что на отходе работают все трудоспособные (и мужчины, и женщины) люди этих типов поселений. Как показал наш опыт и оценки специалистов, проводящих опросы временных мигрантов, эти данные явно завышены, но и официальные сильно занижены. Доля трудоспособного мужского населения, регулярно работающего на отходе и зарегистрированного в сельской местности в разных обследованных нами регионах, колебалась от 10 до 30%. Она зависела от удаленности места от крупного центра, транспортного положения, демографического состава населения, набора предприятий и их состояния. Правда в отдельных «раскрученных» местах, жители которых закрепились в определенном виде столичного бизнеса, чаще в строительстве, эта доля охватывала до 70% мужского населения. В таких местах даже возрождение местного производства уже не способно вернуть население к прежней жизни. Завышение рядом исследователей показателей отходничества связано еще и с тем, что часть населения, особенно молодежь, давно уехала в крупные города, живет там постоянно, работает или учится, но зарегистрирована в сельской местности или малом городе, изредка приезжая к родителям, как на дачу. Таких людей вряд ли стоит относить к отходникам.

Для межрегиональных исследований придется пользоваться официальными данными. Например, в Москве общее число приезжающих в столицу трудовых мигрантов достигает по данным ФСГС более 1,1 млн. человек, что составляет 18% к общему числу занятых в столице. Правда, половина их – маятниковые мигранты из Московской области. Само Подмосковье привлекает по официальным данным 183 тысячи трудовых мигрантов, что не компенсирует ее потери в столице. Все эти сложные накладывающиеся друг на друга потоки перемещающегося населения вокруг столицы с разными временными интервалами требуют постоянного мониторинга. Однако его нет, поэтому приходится опираться на неполные данные, выборочные наблюдения и оценки специалистов.

Тем не менее, несмотря на недостатки официальной информации, анализ ее территориального распределения может помочь понять соотносительные масштабы этого явления в разных регионах. Расчеты показали, что для отходников привлекательны те же регионы и города, что и для основного потока мигрантов, приезжающих на постоянное место жительства, прежде всего, крупные города, Москва и Подмосковье. Остаются привлекательными для трудовых мигрантов Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский округа. Коэффициент корреляции баланса въезда/выезда российских трудовых мигрантов и нетто-миграций городского населения составляет 0.51.

Наибольшие потери трудовых ресурсов испытывают, помимо пристоличных Московской и Ленинградской областей, отдающих своих работников Москве и Петербургу, соседние с ними регионы, которые в отличие от пригородов столиц, не получают компенсацию из других регионов. При этом зона сбора трудовых мигрантов столичными регионами в последние годы заметно расширилась. Если на рубеже веков это были в основном Центральный и Северо-западный ФО, то теперь она охватывает значительную часть поволжских и южных регионов вплоть до Ставропольского края. Произошло и общее увеличение их численности (по оценкам ФСГС) с 2005 г. – в 2,5 раза. Это вдвое больше, чем численность иностранных рабочих, имеющих разрешение на трудовую деятельность, численность которых тоже занижена и в 4 раза больше, чем приток населения на постоянное место жительства в города.

Тем не менее, при общих географических векторах временных трудовых и постоянных миграций, в ряде регионов, особенно в южных, потоки отходников и мигрантов на ПМЖ диаметрально противоположны. Например, Белгородская область известна как привлекательный для мигрантов регион, однако расширяющиеся масштабы отходничества практически сводят на нет прибавки населения. Например, в 2012 г. миграционный баланс на ПМЖ увеличился на 8 тыс. человек (из них лишь 60% трудоспособного населения), в то же время из области выехало на работу по заниженным данным ФСГС так же 8 тыс. человек.

Размеры пространства России ограничивают «свободу маневра» в ходе модернизаций, которая сама по себе всегда неравномерна. Поэтому ожидать уменьшения территориальной и социальной поляризации было бы неразумно. Правда в результате расширяющегося кризиса, связанного с западными санкциями и падением цен на нефть, возможно «нивелирование вниз» крупнейших центров, как уже было в начале 1990-х при инфляции и распаде системы снабжения. Тогда поток мигрантов короткий период был направлен не в Москву, а из Москвы.

Каждое место, район, регион – большой, средний, малый город, пригородная и удаленная деревня, северные и южные районы – имеют свои достоинства и недостатки. К настоящему времени градиенты социально-экономического состояния небольших городов и сельской местности между северными и южными, пригородными и периферийными территориями возросли. Это создало огромные контрасты не только возможностей обучения и самореализации, которые способствовали отъезду в крупные центры в советский и ранний постсоветский периоды. Это лишило возможностей трудоустройства и минимально-необходимых доходов значительную часть населения за пределами крупных агломераций, особенно тех, кто не расположен к предпринимательской деятельности. Большинство населения оказалось на грани выживания. При отсутствии социального и финансово доступного жилья в больших городах с их незаполненными рабочими местами и невозможности туда переехать на постоянное место жительства отходничество в современных условиях стало единственным способом обеспечения необходимого уровня жизни населения небольших городов и сельской местности.

Литература:

Аверкиева К.В. Волны промышленного развития// Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1 Два столетия российской истории между Москвой и Санкт Петербургом, М.: URSS, 2014, сс. 146-188.

Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни// Социологические исследования", 2010, №9, с. 44-49.

Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1, СПб: Издательство «Дмитрий Буланин», 1999, с. 247.

Мкртчян Н.В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа// SPERO. Социальная политика: экспертизы, рекомендации. Обзоры, 2009, № 11, с. 149-164.

Неретин А.С. Современное состояние и развитие железнодорожной магистрали Москва- - Санкт-Петербург// Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Кн. 1 Два столетия российской истории между Москвой и Санкт Петербургом, М.: URSS, 2014, сс. 87-112.

Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS, 2013.

Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Россия между двумя столицами// Региональные исследования, 2013, № 4, сс. 31-43.

Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники, М.: Новый хронограф, 2013.

Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта/ ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 495 с.

Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя. Книга 2. Путешествие из Петербурга в Москву в XXI веке. По итогам экспедиции 2013 года/ ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, М.: ЛЕНАНД, 2014.

Рыбников А.А. Основные вопросы плана сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1928.

Рынок труда и занятость населения в начале XXI века. Европа, Польша, Россия. М.: Университет дружбы народов, 2013.

Труд и занятость. Статистический справочник. М.: Федеральная службы гос. статистики, 2013.

А.Г. Махрова (МГУ им. М.В.Ломоносова)
П.Л. Кириллов (Институт географии РАН)

ПУЛЬСАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ МОСКОВСКОГО СТОЛИЧНОГО РЕГИОНА¹

В постсоветское время в новых экономических условиях поляризации пространства расширились размеры и формы пульсации или перемещения населения, включая сезонную дачную и маятниковую пространственную мобильность, что делает население городов и их агломераций непостоянным или текучим.

На территории Московского региона сформировалась крупнейшая в России и Европе городская агломерация с общей численностью населения около 19 млн. чел. Она представлена ядром – Москвой с населением свыше 12 млн чел. – и сетью пригородных поселений, образованных 76 городами, 70 посёлками городского типа и 5,8 тыс. сельских населённых пунктов. Помимо стационарной сети расселения реальную расселенческую нагрузку на территорию формируют более 10 тыс. сезонных поселений – дачных посёлков (СНТ – садово-некоммерческих товариществ) и около 1,5 тыс. населённых пунктов нового типа (коттеджных посёлков и подобных населённых пунктов) [6].

Развитие периферийно-центральных маятниковых миграций на территории Московской области в течение последних десятилетий привело к заметному территориальному росту агломерации: сейчас уже практически всё Подмосковье можно считать пригородной зоной Москвы. Ближний пояс подмосковных муниципалитетов окончательно интегрировался с ядром агломерации, а ряд городов в связи с пространственным развитием столицы оказался более интегрированным в её структуру, чем отдельные районы самой Москвы.

Разные формы взаимодействия с остальной территорией центров, притягивающих население и выталкивающих его в разное время суток и сезонов, характеризуют разные виды миграций. В данной статье основное внимание уделено анализу трудовых маятниковых и дачных миграций населения. Обе эти формы маятниковой подвижности населения не учитываются официальной статистикой, что представляет отдельную сложность для их анализа. Для оценки трудовых связей населения были совместно использованы показатели сальдо

¹ Исследование выполнено в Институте географии РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме»).

трудовых маятниковых миграций, получаемые из сводного баланса трудовых ресурсов Москвы и Московской области (данные Мосгорстата и Мособластата), статистических ежегодников по Москве и Московской области, а также обработанные деперсонифицированные данные Пенсионного фонда РФ по месту жительства и месту работы граждан и экспертные оценки специалистов. Для изучения сезонной дачной миграции вселения были использованы материалы сельскохозяйственной переписи 2006 г. и материалы Росреестра по Москве и Московской области, а также обобщены материалы исследований, ранее проводившихся по данной тематике [1, 3, 4, 8 и др.].

Трудовые маятниковые миграции. Дисбаланс между расселением населения и размещением рабочих мест, растущая «уникальность» многих профессий вызывает рост трудовых маятниковых миграций между центральными и периферийными районами столицы и муниципалитетами Московской области.

В постсоветский период лучшая динамика социально-экономического развития Москвы привела к тому, что столица за 1990-е гг. значительно расширила свою зону трудового тяготения. По разным данным поток трудовых мигрантов в Москву достигает 1,3 млн. чел. Другие оценки (по числу указавших Москву в качестве места работы/учёбы) дали немного более скромный результат – 1,07 млн человек. К концу 1980-х гг. он оценивался примерно в 750 тыс. чел. [5].

С середины 2000-х гг. активный рост экономики Московской области привел к росту потоков маятниковых миграций и из Москвы (прежде всего вблизи границ с Москвой из-за субурбанизации офисно-деловых и торгово-развлекательных функций), которые оцениваются, соответственно, примерно в 300 тыс. чел. Увеличение числа мест приложения труда в период экономического роста не только в ближнем и среднем, но и в дальнем Подмоскowie ещё больше усилило агломерационный эффект, стимулировав поток маятниковых миграций из соседних областей, достигающий 200 тыс. чел. [3].

Результаты проведенного социологического опроса¹ показали, что в наибольшей степени в ежедневные связи вовлечено население ближнего к столице пояса муниципалитетов – в среднем почти треть его жителей регулярно ездит в Москву. По мере удаления от столицы поток маятниковых мигрантов снижается в геометрической прогрессии – регулярно ездят на работу в Москву только 6% жителей внешнего пояса. Наибольший охват регулярными поездками наблюдается среди жителей северо-восточного сектора, который генерирует более 40% общего потока регулярных мигрантов из области в столицу.

Оценка рациональности пространственной организации рынка труда в пределах Московской городской агломерации может быть проанализирована на основании данных о месте жительства и месте работы маятниковых мигрантов, которые показывают, что фактор транспортной доступности (комфортности миграций) играет существенную роль при выборе месте приложения труда. Так, например, более 60% маятниковых мигрантов из западных муниципалитетов области предпочитают работать в административных округах своего направления, включая Центральный административный округ (ЦАО). В то же время рабочие места жителей северо-востока области, напротив, более дисперсно распределены по территории Москвы (помимо ЦАО в территориальной структуре мест приложения труда выделяются только смежный Восточный административный округ и, как ни странно, наиболее удалённый в пределах МКАД Юго-Запад).

Таким образом, при развитии рынка труда Московской агломерации фактор физической и транспортной доступности места работы относительно места жительства является ключевым.

---

¹ Для анализа трудовых маятниковых миграций населения в работе были использованы результаты социологического опроса, проведенного в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития Московской области в 2014 г. Объем выборки составил 1200 респондентов по Москве (в старых границах) и 4000 респондентов по Московской области. Выборка строилась пропорционально численности населения и социально-демографическим показателям административных округов города, за исключением Зеленограда, а также согласно аналогичным характеристикам муниципальных образований Московской области, сгруппированных в три пояса удаленности и четыре географических сектора.

В целом, уровень трудовой мобильности населения Московской области в целом следует расценивать как умеренный. Среди взрослого населения Московской области, охваченного регулярными поездками в Москву с целью работы или учёбы, он составляет около 18%. Для работающих и учащихся, скорректированная оценка охвата населения маятниковыми миграциями составляет около 27%. Вместе с тем, большая часть респондентов (39% всех опрошенных) работает или учится в пределах своего населённого пункта. Однако и этот показатель имеет существенную территориальную дифференциацию, отражающую центр-периферийные различия в выборе и доступности московского рынка труда и образовательных услуг.

Важно заметить, что результаты опроса населения отражают и гендерную дифференциацию трудовой мобильности населения – доля мужчин, выезжающих на работу в Москву, в среднем на 5% выше аналогичного показателя среди женщин. При этом выбор Москвы в качестве места работы/учёбы предпочтительнее среди молодого поколения. В то же время и доля собственного населённого пункта в структуре ответов представителей младшей когорты трудоспособного возраста также выше средней.

Особенность рынка труда Московского столичного региона – его полииерархичность. Значительная часть регулярных трудовых миграций замыкается в пределах своей области (в основном их конфигурация определяется транспортной доступностью мест приложения труда, т.е. преимущественно они ориентированы вдоль основных транспортных маршрутов и/или замыкаются в пределах крупнейших агломераций второго порядка).

Определяющим критерием выбора места работы является и уровень образования. Среди граждан с высшим образованием уровень вовлечённости в маятниковые трудовые миграции выше среднего на 5%. При этом существенные различия отмечаются при сопоставлении этого показателя с группой населения со средним или средним специальным образованием (23% против 14%). При этом среди обеих групп практически одинаков уровень популярности локальных рынков труда (38 и 40%, соответственно).

Среди факторов выбора места работы в Москве на первое место по популярности ожидаемо вышел ответ, отражающий дифференцированность рынка труда столицы и уровень оплаты. При этом результаты опроса показали практически идентичный ответ среди мужчин и женщин. Вместе с тем существенные расхождения наблюдаются в зависимости от возраста респондентов. В целом общая система критериев выбора места работы сильнее проявляется среди молодых, для работающих пенсионеров более существенным оказываются квалификационный критерий и комфортность коммуникаций.

Дачная мобильность населения. Важной особенностью развития Московской агломерации, как и других агломераций России, является сезонная субурбанизация, связанная с проживанием москвичей летом и в выходные дни во втором постоянном или временном жилье, в так называемых «дачах» – домах в многочисленных дачных, садовых и огородных товариществах, расположенных в сельской местности, а также в современных коттеджных поселках.

В Московской области садово-дачные и коттеджные поселки образуют альтернативную сеть поселений преимущественно для сезонного проживания: их число превышает число сельских поселений вдвое, а потенциальная селитебная емкость «дач» составляет около 4 млн чел. [5]. Так, если число сельских поселений в Подмоскovie составляет 5,8 тыс. единиц, то общее число только садово-огородных посёлков превышает их почти в 2 раза (10,7 тыс. ед.¹). Эти бесстатусные поселения образуют на территории области целые сезонные городки, коренным образом трансформируя базовую систему расселения области. Пик их создания пришёлся на 1980-е гг. и первую половину 1990-х гг. (соответственно, 28% и 51%) [2].

Традиционные дачные и садово-огородные посёлки остаются по-прежнему наиболее распространённым элементом в системе сезонного расселения в пригородной зоне Московской городской агломерации. К 2006 г. на территории Московской области было свыше 1,3 млн. участков в садовых, огородных и дачных товариществах. Для разных типов этих посёлков характерны свои особенности в размещении. Дачи в большей степени тяготеют к зоне

¹ По данным реестра СНТ Московской области за 2013 г.

средних и ближних пригородов (85% всех дач), их больше всего на западе (почти 40% площади всех дачных участков) и меньше всего на востоке. Садово-огородные посёлки с более дешёвым жильём сосредоточены в среднем и дальнем Подмоскowie [5, 7].

С учётом всего вышесказанного численность временного населения Московской области можно оценить почти в 3,7 млн. чел.; это означает, что в летний сезон фактическое население Подмоскowie возрастает больше чем в 1,5 раза [5].

Вместе с тем начинает развиваться стандартная субурбанизация, когда всё более значительная часть домов в коттеджных, а также в удачно расположенных дачных посёлках начинает использоваться для постоянного проживания. В зависимости от жизненного цикла семьи оно является вторым или единственным постоянным жильём. Следствием этих процессов стало появление загородных школ с более высокими стандартами обучения, наращивание элементов социальной инфраструктуры в коттеджных посёлках (магазины, кафе, начальные школы и детские сады, службы быта, спортивно-оздоровительные комплексы, аптечные пункты и др.), часто используемых совместно несколькими рядом расположенными посёлками [7].

«Новое» загородное расселение. Наиболее отчётливым признаком перемен, происходящих в сети сезонного расселения, можно считать появление организованных коттеджных посёлков. Московская область является лидером в России по их развитости, и хотя пока число коттеджных посёлков невелико относительно сопоставимых столичных агломераций Европы и Северной Америки, оно быстро увеличивается. Первые «элитные» коттеджи появились в начале 1990-х гг., и располагались они нередко на шестисоточных участках с огородами. Более активно коттеджное строительство стало развиваться с середины 1990-х гг., а появление организованных посёлков относится к началу 2000-х гг. В 2001 г. в области было всего около 30 коттеджных посёлков, в 2004 г. – более 300, в 2008 г. их число превысило 700, а в 2014 г. – почти 1,5 тыс. образований [5, 6].

Большинство современных посёлков – это относительно небольшие по размерам поселения со средней площадью 30 га и средним числом домовладений около 100, которые используются как второе постоянное или сезонное жильё наиболее состоятельными слоями общества (элитой и верхними слоями среднего класса) [5]. Основная часть существующих коттеджных посёлков, независимо от типа их застройки (коттеджи, таунхаусы, дуплексы) – это закрытые поселения («gated communities», которые в российской практике часто называются «золотые гетто» или «резервации для богатых»). Их главный недостаток – изолированность от окружающего мира и отсутствие условий для социализации и общения молодёжи. Жизнь «на два дома» недоступна широким слоям населения и сдерживает развитие субурбанизации [7].

На Западе проблемам преодоления социальной пространственной сегрегации населения придаётся большое значение, в России эта проблема ещё не осознана, а наиболее состоятельное население для обеспечения своей безопасности и статусного соседства считает такие замкнутые посёлки единственно возможным вариантом проживания за городом.

Коттеджные посёлки, как и другие «новые» объекты загородной недвижимости (комплексы таунхаусов, многоквартирные жилые комплексы, участки без строительного подряда, а также поселения с комбинированным типом застройки) размещены по территории области неравномерно. Наибольшая их концентрация, аналогично дачным участкам, характерна для западной и северо-западной части Московской области. При этом отмечается сохранение приоритета их радиального распространения и выраженной функциональной дифференциации по отдельным направлениям. Так, например, собственно коттеджные посёлки в основном размещаются вдоль западных трасс. Основным ареалом распространения таунхаусов стало северо-западное направление (вдоль трассы М10). Участки без подряда наиболее массово сконцентрировались на южном направлении.

К настоящему времени роль объектов «новой» загородной недвижимости как атрибута классической субурбанизации заметна на фоне базового (традиционного) расселения, однако по масштабам она пока ещё значительно уступает сезонной (дачной) субурбанизации.

Причем кроме коттеджных посёлков и садово-огородных товариществ, которые сконцентрированы вокруг Москвы, ещё большее развитие получает сезонная миграция на «дальние дачи», когда москвичи покупают дома в сельской местности в областях соседях второго и

третьего порядка. «Дальние дачи» существовали еще в советские годы, появившись в 1970-80-х гг. и в виде садово-дачных поселков, и домов в сельской местности, включая полученные по наследству [9,10]. Особое распространение дальние дачи получили со второй половины 2000-х гг. из-за растущего давления на природные ландшафты ближних пригородов, обилия коттеджных и садово-дачных поселков, машин и соседей, что превращает пригороды в своеобразные густонаселенные загородные варианты «многокоттеджного» жилья. Для владельцев этих сверхдальних дач важны уже не столько удалённость и стоимость дома, сколько хорошая природно-экологическая среда и привлекательность самого места, хотя выбор покупателей таких дач ограничен традиционными сельскими домами.

Распространенность дальних дач приводит к перекрыванию зон дачного влияния центров отдельных регионов, хотя у каждого из этих сообществ пока есть свои ареалы преимущественной концентрации. Как показывают данные полевых наблюдений в Псковской области, москвичи «базируются» преимущественно в пригородах Пскова (полукольцо от южного побережья Чудского озера до Изборска) и в Пушкиногорском районе «поблизости» от пушкинских мест, где земля довольно дорогая. Питерцы и мурманчане сосредотачиваются в местах «попроще»: Опочецкий, Красногородский, Палкинский районы на юге, Гдовский, Струго-Красненский, Плюсский районы на севере. Экспансия «иноземцев» в Псковскую губернию возрастает с каждым годом, прежде всего, в результате дачного расползания москвичей, хотя увеличивается количество дачников и из Санкт-Петербурга, и из Мурманска (в основном за счет людей пенсионного и предпенсионного возрастов).

Растущий спрос на «дальние» дачи отражает не только расширение масштабов сезонной контрурбанизации (квазиконтрурбанизации), но и устойчивость этого процесса, когда жители крупных городов, сохраняя адрес своей регистрации, меняют свое место жительства в течение года. Этот процесс трансформации сети расселения проявляется в сильной сезонной пульсации людности не только городских агломераций, но и территорий, расположенных на значительном удалении от ее границ [1].

Оценка реальной расселенческой нагрузки на территорию области позволяет принципиально пересмотреть её объёмы как в целом по области, так и в пределах отдельных частей. За счёт размещения коттеджных и дачных посёлков в ближнем Подмосковье и в западных направлениях и сдвига садово-огородного сегмента в более удалённые районы востока, севера и юга области происходит территориальная стратификация загородного жилья – и по качеству, и по социальному составу проживающих, и по целевому использованию (для сезонного и временного проживания).

Вместо заключения. Система расселения, сформировавшаяся на территории Московской области, сама по себе представляет важный ресурс социально-экономического развития региона. Помимо динамической изменчивости системы расселения области в долгосрочной и среднесрочной перспективе, для неё характерны существенные колебания размещения населения в течение годовых, сезонных, недельных и суточных циклов жизнедеятельности.

Для анализа реальной расселенческой нагрузки на территорию области необходимо сопоставить данные о размещении населения по отдельным слоям расселения. Такая оценка может быть формально привязана к характерным сезонам и дням – так, например, минимальная концентрация населения будет наблюдаться в зимний будний день, а максимальная в летний выходной. Как показали расчёты, численность населения, единовременно находящегося на территории может достигать 11,3 млн человек. При этом амплитуда численности наличного населения в целом по Московской области достигает почти двух раз. При этом в отдельных поясах и секторах (максимум – в дальнем поясе западного сектора) максимальная временная численность населения Московской области может превышать минимальную в 3 раза. Напротив, наименее изменчиво наличное население ближнего пояса северо-западного сектора – Химок, Долгопрудного и Лобни (с учётом маятниковых миграций на территории этих городских округов значение показателя изменчивости будет ещё ниже).

Пространственно-временная неравномерность пульсации населения Москвы и Московской области порождает проблемы пиковых нагрузок на транспортную, социальную и инженерную инфраструктуру региона. Перенасыщенность агломерации населением препят-

ствуется созданию и поддержке устойчивому развитию благоприятной экологической и здоровой социальной среды, а также – современной экономики. Решение этой проблемы помимо нерациональной пространственной организации территории невозможно без решения проблем на всех других масштабных уровнях страны. Причём, как показал опыт «Новой Москвы» простые меры, такие как, например, административно-территориальные преобразования, эту проблему решить не могут.

Текущую или пульсацию населения игнорировать нельзя, хотя изучать очень сложно из-за отсутствия официальной статистической информации. Из-за низкого качества статистических данных и отсутствия статистического учета некоторых категорий подвижности населения необходимо проведение дополнительных оценок структуры населения и его ключевых показателей. Без понимания того, какие группы населения и какой спрос предъявляют в разное время на разные территории агломерации создание комфортной среды, удобной для жизни весьма затруднительно.

Литература:

1. Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации // Известия РАН. 2013. № 2. С. 19 – 29.
2. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (в 9 томах). Том 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.
3. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное и перспективное состояние // Региональные исследования. 2009. № 4 – 5 (25). С. 42 – 54.
4. Махрова А.Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области) // Региональные исследования. Смоленск. 2008. № 2 (17). С. 13 – 20.
5. Махрова А.Г. Особенности стадийного развития Московской столичной агломерации. Вестник МГУ. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 10 – 16.
6. Махрова А.Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 4. С. 49 – 59.
7. Махрова А.Г. Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2006. №2. С. 29 – 34.
8. Нефедова Т.Г. Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Осень – зима 2011. № 15. С. 161 – 172.
9. Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 204 – 215.
10. Нефедова Т.Г. Большой, малый, средний город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. Смоленск, 2013. С. 171 – 190.

А.С.Неретин (Институт географии РАН)

ПРИГОРОДНЫЙ И МЕЖДУГОРОДНИЙ ТРАНСПОРТ В МОСКОВСКОМ СТОЛИЧНОМ РЕГИОНЕ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ¹

Региональная пассажирская транспортная система Московского столичного региона представляется одной из наиболее сложных в нашей стране. Интенсивное автобусное и железнодорожное сообщение, сформировавшееся в окрестностях столицы, стимулирует местных жителей к регулярным маятниковым поездкам в Москву и обратно. Постепенно, с развитием сети сообщений, повышением комфортности подвижного состава, увеличением скорости движения, объём маятниковой миграции может возрасти, но он зависит не только от ха-

---

¹ Работа выполнена в Институте географии РАН в рамках проекта РНФ №14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

рактик транспортного сообщения. Величина маятниковой миграции между небольшими населёнными пунктами и крупными центрами тяготения связана с обоюдной численностью населения, социально-экономической ситуацией, половозрастной структурой населения и многими другими факторами. Транспортная составляющая в данной ситуации становится либо ограничителем, барьером, если сообщение между крупным городом и его окрестностями получило недостаточное развитие, либо своего рода импульсом к осуществлению регулярных поездок благодаря качественным и количественным достоинствам.

Транспортное сообщение между любой парой населённых пунктов может быть охарактеризовано по следующим критериям (с указанием единиц измерения):

- протяжённость маршрута (км);
- время в пути (ч./мин.);
- тариф (руб.);
- частота сообщения (количество рейсов за единицу времени, их распределение в течение суток);
- комфортность сообщения (выражается в баллах или каких-либо иных условных единицах).

Логично предположить, что чем ниже длина маршрута, чем меньше время в пути, чем ниже тариф, чем выше частота сообщения и чем выше комфортность, тем больший объём регулярных маятниковых поездок жителей может быть совершён. Это сложное сочетание различных по своей природе факторов с трудом может быть сформулировано с целью получения точного значения пассажиропотока. Вместо пассажиропотока можно попытаться вычислить среднюю заполняемость транспортных средств на данной корреспонденции, но эта задача тоже не так проста. Каждый выполненный рейс должен быть обследован отдельно, иначе можно «потерять» существенную часть пассажиропотока при неумелой экстраполяции данных. По этой причине пассажиропоток на пригородном и большинстве видов междугороднего транспорта может быть оценен лишь косвенно. Точность оценок уменьшается из-за повсеместного распространения нелегальных автобусных перевозчиков и безбилетных пассажиров, но и система учёта пассажиров на любом виде транспорта в нашей стране не идеальна.

Из этого следует вывод, что при расчётах подвижности населения важно применять любые доступные приёмы, в том числе метод полевых наблюдений и социологический метод. При этом указанные выше 5 основных параметров принимают потенциальную форму, так как, зная их, мы не можем ничего сказать о реальной заполняемости транспортных средств, и, как следствие, - величины потоков в сельско-городском континууме.

В настоящей статье предлагается рассмотреть результаты, которые можно получить после проведения полевых наблюдений на вокзалах и опроса пассажиров. Они могут дать некоторое представление о пассажиропотоках, которые можно разделить на пригородные и междугородные с выделением поясов дальности, а также качественно охарактеризовать их. Пока мы остановимся на проблематике автобусного сообщения, так как этот вид транспорта остаётся наименее изученным в отечественной экономико-географической литературе по причине отсутствия годной статистической информации.

Летом 2014 года на территории Москвы были найдены все пункты отправления автобусов, направляющихся за пределы городской черты. Нами зафиксировано около 40 пунктов отправления междугородних и международных автобусов и примерно столько же пунктов отправления пригородных автобусов. Автобусные рейсы могут отправляться по одному из трёх графиков:

- по чётко установленному расписанию (как правило, это относится к дальним рейсам);
- по заявленным интервалам движения (в точке отправления автобусов ставится табличка с указанием интервалов, отнесённых к периодам дня; также указывается время начала и прекращения движения);
- по заполнению (рейс отправляется тогда, когда он заполняется пассажирами полностью, или же с таким количеством занятых мест, когда отправление рейса становится рентабельным для перевозчика).

Для каждого маршрута можно указать точное количество рейсов, которое совершается в одну или в другую сторону в течение дня. Для тех рейсов, которые отправляются по запол-

нению, были рассчитаны интервалы отправления по факту. При выполнении полевых наблюдений было замечено, что обычная заполняемость транспортных средств составляет 50-75% от количества посадочных мест, но увеличивается в часы пик: утром – по направлению к Москве, вечером – по направлению из Москвы; при этом в обратных направлениях заполняемость несколько ниже среднесуточной. Так как обследование было проведено только летом, мы не можем учесть фактор сезонности: зимой некоторые рейсы, отправлявшиеся летом, могут быть отменены, но по некоторым направлениям могут быть добавлены новые рейсы.

После расчёта количества выполненных рейсов в неделю для каждого маршрута, маршруты были сопоставлены с направлениями из Москвы согласно вылетным шоссе (всего 14 направлений). Кроме того, для каждого маршрута была указана категория дальности. Всего категорий – четыре:

- *пригородное сообщение*: это маршруты, не пересекающие автодорогу А107 «Московское малое кольцо». Спорные случаи: Бронницы, чья основная застройка находится в пределах кольца, относятся к пригородному сообщению, а Звенигород, чья основная застройка сформировалась по ту сторону от кольца – к междугородному сообщению;
- *междугороднее внутриобластное сообщение*: это маршруты, пересекающие автодорогу А107, но не пересекающие границу Московской области;
- *междугороднее межобластное сообщение с соседними регионами и Ивановской областью*; Ивановская область была отнесена к данной категории по причине особой близости регионального центра к столице (в пределах 300 км);
- *междугороднее межобластное сообщение с остальными регионами РФ и зарубежными странами*.

В таблице 1 в каждой ячейке указано суммарное количество рейсов в неделю, которые отправляются по данному направлению и попадают в ту или иную категорию дальности.

Таблица 1. Структура отправок автобусных рейсов из Москвы по вылетным трассам и по категориям дальности корреспонденций.

		Количество автобусных рейсов в неделю, ед.			
Направление (с указанием трассы)	Тип транспортного средства	Пригородное сообщение (в пределах А107)	Междугороднее внутриобластное сообщение (за пределы А107)	Междугороднее межобластное сообщение с соседними регионами и Ивановской областью	Междугороднее межобластное сообщение с остальными регионами РФ и зарубежными странами
Тверское (М10)	Автобус	9127	633	238	33
	Микро автобус	6490	0	0	35
Дмитровское (А104)	Автобус	1414	346	62	0
	Микро автобус	2354	0	0	0
Ярославское (М8)	Автобус	7458	649	149	49
	Микро автобус	3680	0	118	50
Щёлковское (А103)	Автобус	2114	671	164	0
	Микро автобус	6429	0	0	0
Горьковское (М7)	Автобус	2213	718	577	328
	Микро автобус	13173	255	5	49
Егорьевское (Р105)	Автобус	0	415	54	0
	Микро автобус	2357	0	0	0

Рязанское (М5)	Автобус	6620	769	221	186
	Микро автобус	31895	0	0	0
Каширское (М4)	Автобус	3021	210	365	1098
	Микро автобус	8533	0	203	0
Тульское (М2)	Автобус	4808	864	289	97
	Микро автобус	1038	106	1246	0
Троицкое – территория Новой Москвы (А101)	Автобус	3340	1179	321	121
	Микро автобус	4422	408	0	0
Киевское (М3)	Автобус	1706	235	24	98
	Микро автобус	1807	1319	0	42
Можайское (М1)	Автобус	2506	129	103	54
	Микро автобус	3188	0	112	0
Рублёвское (А106)	Автобус	364	377	0	0
	Микро автобус	3181	0	0	0
Волоколамское (М9)	Автобус	1176	548	80	54
	Микро автобус	4572	0	0	0
Суммарно, количество рейсов в неделю	Автобус	45867	7743	2647	2118
	Микро автобус	93119	2088	1684	176
Суммарно, количество рейсов в сутки	Автобус	6552,4	1106,1	378,1	302,6
	Микро автобус	13302,7	298,3	240,6	25,1

В нижних двух строках таблицы 1 указаны совокупные значения отправления автобусных рейсов из Москвы в сутки по каждой категории дальности.

При оценках пассажиропотока важно представлять, какие типы транспортных средств отправляются в данном направлении. Один микроавтобус в среднем перевозит в 2,5 раза меньше людей, чем автобус. Если таким образом унифицировать транспортные средства и предположить, что заполняемость рейсов на каждом маршруте в среднем одинаковая, можно сделать вывод: на пригородное автобусное сообщение (в пределах Московского малого кольца) приходится 85,5% от всего автобусного пассажиропотока с Москвой, а на Московскую область – 94,3%. То есть на ближний пояс, ограниченный автодорогой А107, приходится в 8 раз больше автобусных пассажиров, чем на оставшуюся территорию области.

Так как мы имеем раскладку по направлениям, для каждого из них можно выявить свои особенности. Наиболее интенсивное автобусное сообщение наблюдается на Рязанском и Горьковском направлениях, наименее интенсивное – на Рублёвском, Егорьевском и Киевском. В целом, такое положение вещей соотносится с распределением численности населения на территории области.

Отметим, что полевое наблюдение интенсивности пассажирского сообщения в совокупности с замерами заполняемости транспортных средств может привести к успешным результатам в условиях отсутствия иных адекватных источников информации.

Параллельно с полевыми наблюдениями, в августе-сентябре 2014 года был проведён социологический опрос жителей Московской области, проживающих как в ближнем, так и дальнем поясах. Цель опроса заключалась в выявлении закономерностей регулярных или нерегулярных поездок жителей в столицу; всего через ресурсы сети Интернет было оформлено 1936 анкет. Задавались следующие вопросы:

- 1). В каком городе Вы проживаете?
- 2). Как часто Вы ездите в Москву на автобусе?
- 3). В какое время суток Вы обычно отправляетесь в Москву?
- 4). В какое время суток Вы обычно возвращаетесь из Москвы?
- 5). Как называется остановка, на которой Вы садитесь на автобус в Москву?
- 6). От какой станции метро Вы выезжаете на автобусе из Москвы?
- 7). Укажите, пожалуйста, стоимость билета до Москвы.
- 8). В чём Вы видите преимущества автобусного транспорта?
- 9). Какая основная цель Ваших поездок в Москву?
- 10). Что бы Вы хотели изменить при поездках на автобусе в Москву?

На данном этапе было уделено внимание только тем жителям региона, которые пользуются автобусным транспортом. Так как пригородные и междугородные автобусные перевозки несопоставимы по пассажиропотокам с пригородным и междугородним железнодорожным сообщением, выборка пользователей железнодорожного транспорта должна быть больше. Кроме того, одной из важных задач опроса был сбор информации о пространственном распределении пассажиров на микроуровне, поэтому задавался вопрос №5 о названии остановки в своём городе, которой пользуется пассажир (то есть вблизи которой он проживает). Также через онлайн-ресурсы сложно достать точную информацию о тарифах на автобусном сообщении; этот пробел заполняют ответы на вопрос №7. На следующем этапе опроса те же вопросы будут задаваться тем пассажирам, кто регулярно ездит в Москву на пригородных электропоездах.

При проведении опроса мы старались в большей степени охватить жителей городов, которые либо не связаны с Москвой прямым железнодорожным сообщением (Протвино, Пущино, Лыткарино), либо связаны, но поездки на железной дороге должны проигрывать по времени и комфортности поездкам на автобусе (Монино, Фрязино, Егорьевск, Дубна). Это сделано для того, чтобы опрос отразил общую комфортность автобусных поездок из городов зоны тяготения Москвы в столицу, так как анализ переключения пассажиров с одного вида транспорта на другой при поездках в Москву – отдельный вопрос, который будет изучаться нами в дальнейшем.

Отвечая на вопрос №2 о частоте своих поездок в Москву, 42,7% респондентов заявила о том, что совершает поездки не менее 2 раз в неделю, при этом 21,2% ездят в Москву 5 дней в неделю и даже чаще (то есть являются маятниковыми мигрантами). Но почти столько же, 40% отвечавших, бывают в Москве всего лишь несколько раз в месяц или в год: 8% не ездят в Москву вообще. Стоит отметить, что опрашивалась наиболее мобильная страта населения, в возрасте от 18 до 35 лет. Но это данные в целом для Московской области; в зависимости от удалённости города соотношение меняется. К примеру, из 30 опрошенных жителей Апрелевки 18 респондентов (60%) бывают в Москве не менее 5 раз в неделю. В Егорьевске совершенно иная картина: из 49 опрошенных 28 человек ездят в Москву не чаще 1 раза в неделю, что составляет 57%. Длительность поездки из Апрелевки составляет около 40 минут, а из Егорьевска – около 2,5 часов. Из 22 опрошенных дубненцев только один ответил, что в каждый будний день ездит в Москву.

Превалирующая доля жителей региона обычно отправляются в Москву утром (рис. 1). Большинство выезжает с 6 часов утра до 10 часов утра: таких более половины от числа опрошенных (55%). Интересно, что относительно велика доля тех, кто направляется в Москву несколько позже типичного начала рабочего дня. Всё же те, кто так отвечал, обычно не делают это каждый день, а только от случая к случаю, и, как правило, не по рабочим целям. Посменный график работы не характерен для многих людей, исходя из результатов опроса. Абсо-

лютное большинство из тех, кто обычно выезжают в Москву до 6 часов утра, делают это не чаще 2-4 раз в неделю, то есть не ежедневно.

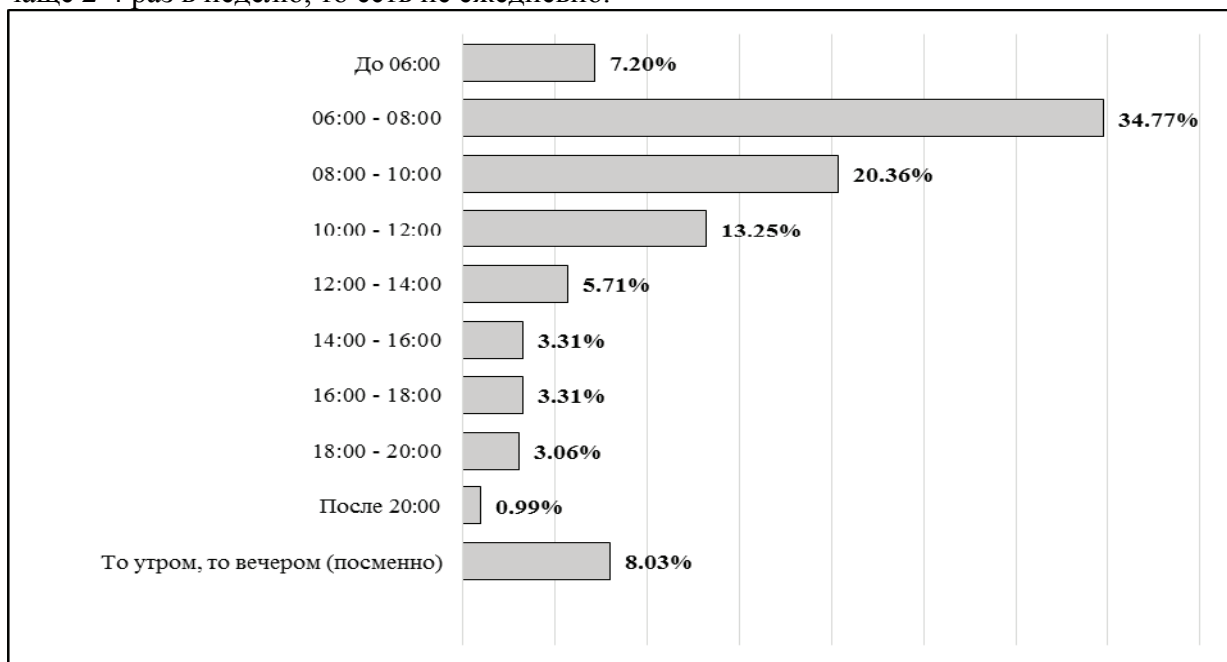

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос "В какое время суток Вы обычно отправляетесь в Москву?".

Из Москвы большинство людей выезжает вечером, максимум наблюдается в период с 18:00 до 20:00 (33% опрошенных). Но это вовсе не значит, что утром в направлении области поток настолько мал: опрос не был нацелен на опрос большого количества москвичей, регулярно выезжающих за пределы столицы. Сравнивая время выезда из своего города и время выезда из Москвы, утренний поток из Москвы формируется в основном за счёт тех немногих, кто приезжает в столицу вечером, то это те, кто работает в ночную смену, но делают они это не каждый день (большинство ездит в Москву 1 или 2-4 раза в неделю). В целом по когортам прослеживается зависимость: чем раньше человек направляется из своего города в Москву, тем раньше он выезжает обратно.

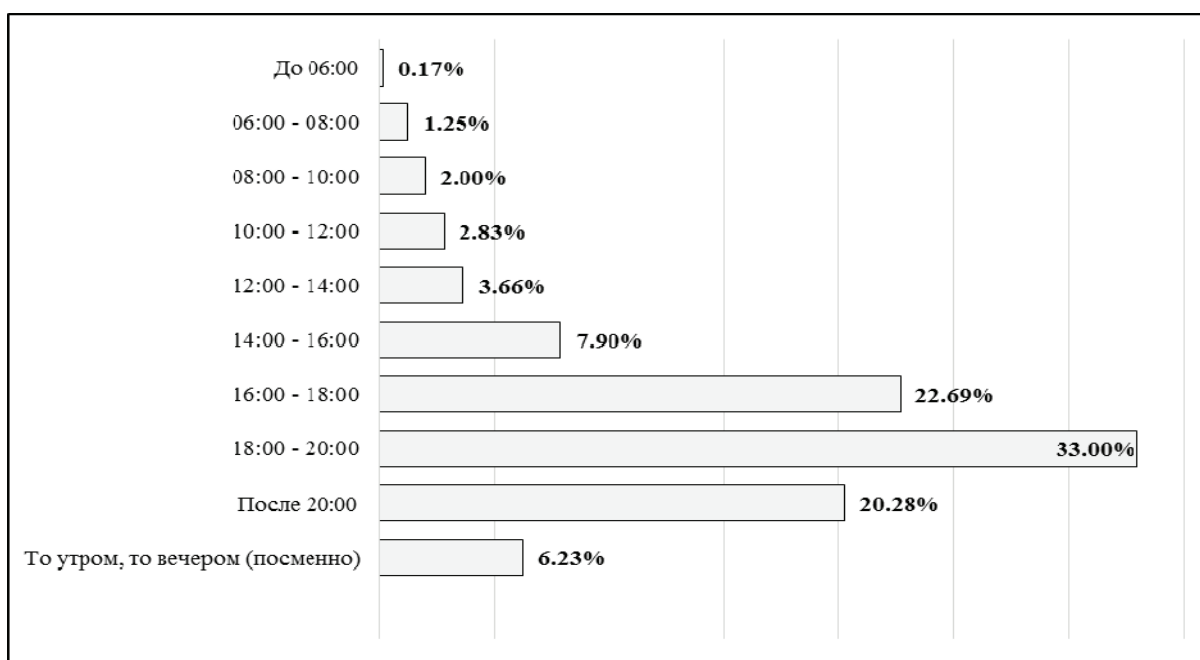

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос "В какое время Вы обычно выезжаете из Москвы?".

Респондентам задавался вопрос о стоимости проезда: сколько стоит билет от той конкретной остановки, на которой они обычно садятся в автобус, до той остановки, на которой они сходят. Такую информацию сложно достать из официальных источников: подробные матрицы тарифов обычно развешены лишь в самих транспортных средствах; кроме того, существует ряд нелегальных перевозчиков, которые не выдают билетов вообще, и стоимость билета можно узнать только со слов водителей. Реальная стоимость проезда – очень важный параметр для оценки потенциала маятниковой миграции; этот фактор, наравне с затрачиваемым временем в пути, становится барьером при принятии решения об эффективности частых поездок в центр притяжения (как по рабочим, так и по личным целям). Как видно из рисунка 3, уже в ближнем поясе Подмосквья тариф составляет 50-100 рублей в одну сторону; для наиболее удалённых территорий (к примеру, г. Дубна на севере или пос. Шаховская на западе) тариф на проезд в автобусе до Москвы превышает 300 рублей. Для соседних с Москвой региональных центров проезд в столицу обойдётся не менее чем в 350 рублей в один конец. В настоящее время тарификация в пригородном железнодорожном сообщении почти сравнялась со стоимостью билетов на автобусном транспорте: несколькими годами ранее проезд в электричке обходился дешевле, но перевозчик ОАО «ЦППК», курирующий пригородное железнодорожное сообщение в Московской и ряде прилегающих областей, увеличивал тарифы более быстрыми темпами, чем это делали автобусные перевозчики. Уже заявлено, что с 1 января 2015 года стоимость проезда в пригородном сообщении на территории Московской области возрастёт с 17,5 рублей до 19 рублей за 10 км (на 8,6%).

Как в случае железнодорожного, так и в случае автобусного сообщения цена проезда зависит от километража (количества зон). Чем более извилист маршрут, тем выше стоимость. К примеру, город Руза расположен на кольцевой трассе А108, но большинство автобусов следуют в этот город по неудобному пути через Звенигород и Тучково; если сравнивать Рузу с Воскресенском, который так же располагается на трассе А108, то первая в сообщении с Москвой проигрывает как по стоимости проезда (190 рублей против 154 рублей), так и по времени (2 ч. 10 мин. против 1 ч. 50 мин.).

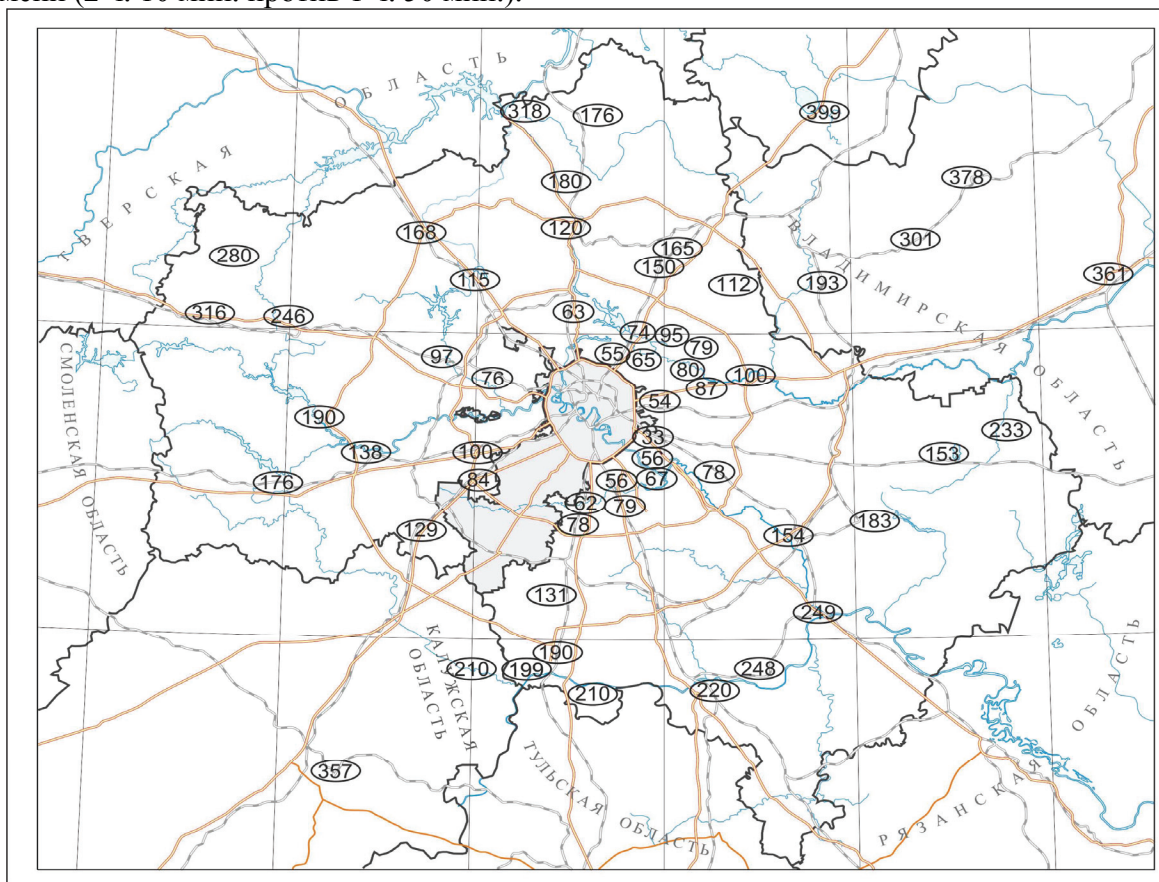

Рисунок 3. Величина тарифов на проезд до Москвы в автобусном сообщении в одну сторону по данным социологического опроса; значения тарифов географически привязаны к расположению городов, от которых они отсчитываются.

Отвечая на вопрос о причине выбора автобусного транспорта (в тех городах, где есть альтернатива), респонденты отмечали его повышенную комфортность (39,7% опрошенных) и близость остановки к дому (23,3% опрошенных). Намного меньше людей говорили о дешевизне и скорости автобусного транспорта.

По результатам опроса, в возрастной когорте 18-30 лет почти 40% респондентов регулярно ездят в Москву по рабочим целям, чуть менее 35% обучаются в столице. За покупками в Москву регулярно направляются 16%, а посещают родственников – 10%. Как и ожидалось, преобладающее большинство тех, кто ездит издалека и редко, либо навещают родственников, либо едут за покупками; среди тех, кто ездит в Москву не менее 2 раз в неделю, почти все выбрали ответ «на работу» или «учусь».

В конце опроса мы просили респондентов рассказать, чтобы они хотели изменить в автобусном сообщении с Москвой. Большинство сетовало на высокую стоимость проезда, но очень много пассажиров отметило недостаточное количество рейсов. Это важный показатель того, что людям даже из удалённых городов (такие как Пушкино, Коломна, Егорьевск) требуется более интенсивное сообщение, особенно в часы пик и в вечерне-ночное время. Люди в опросах часто отмечали, что им приходится возвращаться из Москвы очень поздно из-за задержек на работе или по личным мотивам, но рейсы в этот период дня уже не отправляются. В настоящее время перевозчики готовы отправлять рейсы после 23:00 только на пригородных маршрутах, где большой поток будет обеспечен даже в эти часы, а рейсы отличаются повышенной оборачиваемостью.

По результатам опроса можно сделать вывод, что жители Московского Столичного региона в его широких границах требуют большей транспортной обеспеченности в связях с Москвой, и это уже касается и наиболее удалённых территорий. Наблюдается устойчивая доля пассажиров из самой мобильной когорты населения, проживающих вне 1,5-часовой зоны доступности Москвы, но несколько раз в неделю едущих в Москву по разного рода мотивам. После сопоставления значений разных критериев, заложенных в опросе, становится понятно: размывается типичная модель маятникового транспортного поведения по принципу «ранним утром в Москву и сразу после работы обратно». Люди становятся более свободными в выборе своего графика, становится нормальным позже приезжать на работу, и дольше оставаться в Москве. Но эти тренды лишь накладываются на базовую модель поведения, которую условно можно представить следующим образом:

- в ближнем поясе Подмосковья люди приезжают в Москву часто, обычно утром и возвращаются вечером; большинство ездит либо работать, либо учиться; вечерний час пик сильно размыт и длится с 16:00 до позднего вечера;
- в дальнем поясе Подмосковья люди приезжают в Москву реже, обычно выезжая чуть раньше утром и выезжая чуть раньше вечером (по сравнению с пассажирами из ближнего пояса). Повышается доля пассажиров, едущих на работу вахтовым или посменным образом (с длительными сменами). Повышает доля пассажиров, приезжающих в Москву исключительно с целями посещения родственников, совершения покупок и по иным личным целям.

Литература:

1. Бабурин В.Л., Казьмин М.А. Столичные функции и проблемы территориального управления развитием Московского региона // Вестник Московского университета. Сер. 5. Геогр. 1998. №1.
2. Бугроменко В.Н. Современная география транспорта (сущность, проблемы, перспективы) // Территориальные аспекты развития транспортной инфраструктуры. Владивосток, 1984.
3. Бугроменко В.Н. Транспорт в территориальных системах. М., 1987.
4. Гольц Г.А., Лаппо Г.М., Трейвиш А.И. и др. Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда (опыт географического исследования). М., 1988.
5. Гольц Г.А. Транспорт и расселение. - М., 1981.
6. Концепция развития автовокзалов (автостанций) в городе Москве до 2020 года с подготовкой предпроектных обосновывающих материалов по трём автовокзалам (автостан-

циям): Красногвардейский, Тёплый Стан, Варшавский / ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор». М., 2014.

7. Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М., 2008.

К.В. Аверкиева
(Институт географии РАН)

ГОРОЖАНЕ В ДЕРЕВНЕ: ОСОБЕННОСТИ «ДАЧНОГО» ОСВОЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В КОСТРОМСКОЙ И ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТЯХ¹

Присутствие городских жителей в сельской местности центральной России уже давно не вызывает удивления. Существуют как сложившиеся в послевоенные и более поздние советские годы дачные товарищества и кооперативы, так и многочисленные новые формы присутствия горожан в деревне: дачники-«домовладельцы» в деревнях, покупающие старые дома и проводящие в сельской местности от пары недель до нескольких месяцев, «дауншифтеры», перебравшиеся в деревни, убягая от городской суеты, но не отказывающиеся от городской прописки, жители родовых поместий и многие другие.

В рамках данного исследования на примере различных районов Ивановской и Костромской рассматривалось многообразие типов дачного освоения сельской местности жителями городов, изучались варианты оценки количества дачников на территории, а также механизмы взаимодействия различных типов дачников с местным населением и властями.

«Советские» дачи: 6 соток

Наиболее привычный тип присутствия горожан в сельской местности – дачные 6 соток – распространён не только в Подмосковье, но и в других регионах. В частности, в регионах исследования – Ивановской и Костромской областях. Как правило, такие дачи получали ещё до войны 1941–45 гг. представители региональной номенклатуры в непосредственной близости от региональных центров в наиболее живописных местах (на Волге под Костромой или на берегах Уводи недалеко от Иваново). Более массовое дачное движение началось уже с середины 1950-х гг., когда дачные участки стали выдавать работникам предприятий. Размещались такие дачи или ближайших пригородах, или даже в пределах городской черты. Подобные дачные товарищества сохранились и в Костроме (например, большой массив, примыкающий к микрорайону Ребровка), и в Иваново, а также около большинства малых городов обеих областей, где в советские годы работали предприятия, которые выдавали своим сотрудникам дачи. Например, дачи получали работники Механического завода в Нерехте, автокранового – в Галиче, химического – в Буге, работники предприятий деревообработки в Шарье, Мантурово, Нее, Кадые и др. Такие дачные участки сейчас не очень востребованы: дачи выдавались не в лучших местах, нередко – в неудобьях (осушенные торфяники, отработанные карьеры, прочие, непригодные для ведения сельского хозяйства участки). Дачные участки небольшие, капитальные постройки – только сараи и небольшие летние домики. Сейчас такие дачи непопулярны ни у местных жителей (многие побросали свои дома, не приезжают, по оценкам, используется от 1/3 до 1/5 таких дач, особенно в пригородах малых городов), ни у жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

Традиционные СНТ и ДНТ бывают привлекательными в качестве «дальних дач» только если они расположены в живописных ландшафтах: на берегах рек и озёр, вблизи различных достопримечательных объектов: усадеб, монастырей и других памятников истории и культуры. В таких случаях москвичи и жители других крупных городов стремятся выкупить сразу несколько соседних участков (желанный участок должен иметь площадь 15–20 соток, не меньше), строят капитальные дома, подводят коммуникации. Но, в целом, такой формат «дальних дач» – исключение.

^{1 1} Исследование выполнено в Институте географии РАН за счет гранта РФФИ №14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

Более распространённый вид дачного освоения – это покупка домов в деревнях. Такая практика имеет глубокие корни: деревенские дома для сезонного отдыха москвичи и петербуржцы начали покупать ещё в конце 1960-1970-х гг. Это движение сохраняется до сих пор, а его формы становятся всё более многообразными. Существуют сезонно обитаемые дома, дома, владельцы которых проводят в деревне до полугода, постоянно обитаемые дома, дачные дома, купленные с перспективой постепенного переезда в сельскую местность и другие. Во многих сельских поселениях встречаются почти все типы перечисленных домовладений, хотя определённая пространственная логика их размещения всё же угадывается. Ниже будут рассмотрены основные выделенные типы сельских домовладений горожан на примере различных сельских поселений в Костромской и Ивановской областях.

«Дальние дачи» столичной интеллигенции

Такой тип дачного освоения сельской местности близок к «Угорскому проекту» в Леонтьевском поселении Мантуровского района Костромской области, хотя аналогичных примеров в других районах – немало [Нефедова, 2008, 2012, Потенциал Ближнего Севера, 2014, сс. 140-167]. Истории освоения таких дачных местностей очень похожи. Примерно в 1970-х гг. кто-то из москвичей приезжал в удалённую деревню к дальним родственникам или на родину к няне, обнаруживал прекрасные ландшафты с одной стороны, и наличие пустующих домов, которые можно купить по низкой цене – с другой. Покупал здесь дом, звал друзей, чтобы они покупали соседние пустующие дома – и формировалось целое сезонное дачное поселение (по выражению одного из респондентов из Антроповского района – дачная «колония»). Постепенно состав дачников менялся, кто-то переставал ездить, кто-то звал новых друзей. Постепенно первое поколение дачных «колонистов» сменялось новым – на дальнюю дачу начинали ездить дети «первопроходцев». Насколько жизнеспособными оказывались такие дачные поселения, во многом зависело от местного населения и состояния инфраструктуры: в случае, когда местных жителей не оставалось совсем, многие поселения забрасывались. При этом непосредственно в «дачных» деревнях наличие постоянного населения необязательно, но наличие постоянных жителей в центральном поселении сельского «куста» или просто в соседней деревне крайне желательно. Сейчас связи сезонных жителей и постоянного населения приобретают симбиотический характер: одни без других почти не могут существовать.

В рамках исследования в 2014 г. детально были изучены три дачных куста в Антроповском, Кологривском и Мантуровском районах Костромской области. Их выявление стало возможно только благодаря личным контактам исследователей. Поиск аналогичных дачных «колоний» в других районах и регионах центральной России требует глубокого погружения и детального исследования территорий, анализа местной прессы и проникновения в интернет-сообщества. Дать оценку масштабов распространения такого формата дачного освоения сельских периферий, не проводя полевые исследования, крайне трудно.

Отражаются ли дачные дома в деревнях в местной статистике? Как правило – нет, если чрезвычайные обстоятельства (например, лесные пожары 2010 г.) не вынуждали местные власти пересчитать всех до единого жителей, постоянных и сезонных. «Дальние дачи» менее всего подлежат учёту. Лишь в отдельных сельских администрациях специалисты ведут учёт домовладений и постоянного населения, выявляя, сколько домов сохранилось в деревне и используется дачниками. Такие подсчёты нужны только в рамках общей инвентаризации имущества поселения, никуда «выше» такая статистика не поступает. При этом масштабы дачного освоения малых деревень велики, особенно по сравнению с численностью постоянного населения.

Так, в двух «дачных» деревнях Кологривского района сезонно обитаемы около 40 домов (т.е. в сезон приезжает около 100 и более человек), хотя по статистике обе деревни полностью обезлюдели. Аналогичные примеры и в Григорцевском (ныне вошедшем в состав Пригородного) сельском поселении Нерехтского района: в 8 деревнях, не считая центральной усадьбы, из 174 изб 104 – дачные, то есть 60% домов в деревнях – сезонно обитаемые. Брошенных домов почти нет.

Дачники в таких деревнях взаимодействуют с местными жителями, занимаются благоустройством территории, готовы участвовать в схемах самообложения для решения инфраструктурных проблем (ремонт дороги, электросетей и др.) и нередко выступают инициаторами таких действий. Они дают местным жителям работу, покупают грибы и ягоды, просят следить за домами в зимний период. В то же время между сезонным и постоянным населением всегда ощущается определённая дистанция.

Дачи «с видом на жительство»

Другой вариант домовладений в деревне – это тоже «дальние» дачи, но купленные сравнительно недавно с ориентиром на то, чтобы постепенно проводить в деревне всё больше времени. Такие домовладельцы-дачники не исключают, что на пенсии станут жить в сельской местности постоянно. Они более требовательны к сельской инфраструктуре, хорошо бы, чтобы к деревне подходила хорошая асфальтированная дорога или хотя бы грейдерированная дорога («с улучшенным покрытием»), желательно – газифицированные, наличие водопровода и канализации также приветствуется. В отличие от дачников-«колонистов», этот тип дачников не стремится к полному уединению, они предпочитают людные деревни, где ещё остались сельские жители, потому что многие осознают необходимость постепенной интеграции в сельский социум, да и благоустройство в крупных сёлах лучше. Идеальное сочетание условий для покупки дачи – это большое село, желательно – историческое, чтобы присутствовала определённая эстетика, село было вписано в ландшафт, имелся храм и другие доминанты, к которому подведена дорога, а рядом был живописный водоём: река или озеро.

Таким условиям удовлетворяют многие сёла Ивановской области и отдельные сёла на юге Костромской. В рамках исследования детально были изучены сёла Дунилово и Введенье в Шуйском районе Ивановской области, расположенные на двух берегах р. Тезы – старинного торгового пути. В каждом селе есть крупный монастырь (Николо-Шартомский в Введенье и Дуниловский в Дунилово), несколько старинных храмов, оба села расположились в долине Тезы, к ним подведена хорошая дорога, сёла газифицированы. Они чрезвычайно популярны у дачников! Даже при беглом взгляде на сёла заметно обилие новых или отремонтированных домов, новые кровли, стальные заборы, в сельских магазинах обязательно присутствуют отделы «для стройки и ремонта». Добраться от Москвы – «4 часа лёту», как говорят местные жители. То есть без пробок на своём автомобиле можно доехать за 4-5 часов по Горьковскому или Ярославскому шоссе. Аналогичные примеры встречаются во многих других районах в областях вокруг Московской.

Отдельный подтип среди таких дачников – это «северяне», жители северных и северо-восточных регионов России, которые раньше остальных выходят на пенсию и ищут жильё в центральной полосе России. Их присутствие в сельской местности легко «вычислить» по номерам автомобилей: региональные коды 51 (Мурманская область), 11 (республика Коми), 86 (ХМАО), 89 (ЯНАО) и другие. «Северяне» также стремятся покупать благоустроенные дома в деревнях, где ещё осталось сельское население. Сначала они используют дома в режиме дач, приезжая на лето и привозя с собой детей и внуков, а позже перебираются сюда на постоянное место жительства. Зачастую формируются региональные сообщества: многие хотят видеть своих друзей рядом, поэтому подыскивают для них дома по соседству. Так, например, в селе Марьинское Нерехтского района около половины постоянно проживающих жителей (52 человека) – «северяне», которые сначала были обыкновенными дачниками, а сейчас получили местную прописку и живут круглый год.

Категория таких дачников (как «северян», так и просто жителей крупных городов, обосновавшихся в крупных населённых пунктах) легче поддаётся учёту. Поскольку они проводят в сельской местности по несколько месяцев, они стараются получить временную регистрацию для экономии на коммунальных платежах в городе (особенно это актуально для «северян»). Поэтому данные о таких дачниках, как правило, есть в администрациях сельских поселений. В 2014 г. функции временной регистрации по месту пребывания были переданы в районные центры в подразделения федеральной службы учёта, но администрации запрашивают такую статистику. В подробно исследованном Введенском сельском поселении Шуй-

ского района на 1900 местных жителей каждое лето приходится около 400 зарегистрированных дачников, то есть численность населения увеличивается на 20%. При этом регистрируются не все дачники – многие установили приборы учёта воды и не нуждаются в справках о временном пребывании. Незарегистрированных дачников, проводящих в деревне всё лето, по экспертным оценкам, в 1,5 раза меньше зарегистрированных. Таким образом, численность населения Введенского поселения каждый сезон увеличивается на 31% (на 600 человек), т.е. почти на одну треть.

Дачники в крупных сёлах тесно взаимодействуют с местным населением. Интересные заметки о сельской жизни приводит дачница-журналистка Алёна Солнцева из «Газеты.ru» - она описывает жизнь деревни Марково в Островском районе Костромской области, близ усадьбы Щельково [Солнцева, 2014]. В структуре описываемого в цикле её статей сельского сообщества обязательно присутствуют дачники, проводящие в деревне значительную часть года, а также местные жители, которые уже многие годы живут за счёт обслуживания дачников. Такая же ситуация – в селе Дунилово Ивановской области, где даже существует предприятие, которое специализируется на строительстве дачных домов и других работах, а также багетная мастерская, которая обслуживает заказы дачников и их «городских» друзей.

Сотрудники местных администраций уже почти не разделяют жителей сёл на «своих» и «несвоих», хотя и ропщут, что проку от дачников мало: бюджетные дотации всё равно распределяются, исходя из численности постоянного населения. Тем не менее, такие дачники ещё более активно участвуют в схемах самообложения, готовы участвовать в культурной жизни села, нередко подают местным жителям пример активной жизненной позиции и сами держат скот, птицу, активно включают в подсобное хозяйство. Для местных администраций такие дачники – перспективные сельские жители. В Нерехтском районе главы сельских поселений стимулируют дачников-пенсионеров получать местную прописку, объясняя, что все улучшения в деревне возможны лишь при увеличении постоянного населения и дотаций на каждого жителя.

Сельский дауншифтинг

Ещё один тип присутствия горожан в сельской местности – это современный дауншифтинг, своеобразное бегство из города в поисках размеренной жизни в гармонии с природой. Дауншифтерами нередко становятся горожане трудоспособного возраста и даже молодёжь. Они сдают жильё в городе (как правило, в Москве или в Санкт-Петербурге) и живут в деревне, занимаясь творчеством или работая в режиме удалённого доступа через интернет. Дауншифтеры встречаются в различных сельских районах Центральной России. В рамках исследованных территорий безусловным лидером по присутствию горожан оказался Кологривский район. В самом Кологриве, который имеет полусельскую организацию и несильно отличается от села, а также в сельских населённых пунктах вокруг него сейчас проживает свыше 50 семей «дауншифтеров», среди которых – и бывший руководитель ФАС РФ, и профессор НИУ ВШЭ, и «толстовцы», и учёные разного возраста, и просто молодые семьи из Москвы и Владимира. Многообразие мира дауншифтеров в Кологривском районе показано в фильме «Приключения москвичей на планете Кологрив» режиссёра Марии Сапрыкиной.

Дауншифтеры не очень требовательны к условиям: многие хотят уединения и покоя, поэтому выбирают дома в деревнях, исходя из собственных материальных возможностей и наличия базовой инфраструктуры. В Кологривском районе они встречаются как в удалённых деревнях, до которых трудно добраться в распутицу (например, деревня Шаблово), так и в более крупных, «живых» сёлах. При этом они избегают посёлков лесозаготовителей, известных своим пёстрым социальным составом и неблагоприятной средой. Примечательно, что популярными местами для дауншифтинга становятся районы со сложившимся образом: Кологрив как синоним провинциальной глуши или ещё более глухая Чухлома.

В целом, дауншифтинг гораздо менее распространён, чем дачное движение. Оно ещё труднее поддаётся количественным оценкам, и местные власти не всегда бывают осведомлены о жизни таких добровольных отшельников. Многие дауншифтеры тесно связаны с городами, не столько с районными центрами, сколько с Москвой или Санкт-Петербургом, где остались их родственники. Автору известна семейная пара дауншифтеров-москвичей из Га-

лического района, которые уже несколько лет проживали в небольшой деревне на берегу Галичского озера и почти ежедневно ездили в Галич на обед в пиццерию и ежемесячно ездили в Москву, чтобы постирать вещи в стиральной машине и воспользоваться другими «благами цивилизации». Насколько такие люди «перспективны» для села – непонятно.

Существуют и другие варианты присутствия горожан в сельской местности, которые остались за рамками исследования. К ним относятся, например, различные экопоселения и родовые поместья. Их исследованиями занимаются специалисты их разных городов, в частности А.А. Позаненко [2013] из НИУ ВШЭ или А.Е. Карпов из Владимирского госуниверситета [2014]. Принцип создания таких поселений предполагает определённый изоляционизм, т.к. родовые поместья создают последователи различных религиозных (кришнаиты, «анастасиевцы» и др.) или этнических сообществ (неославянские движения, например «родноверы» и др.). Они не подразумевают вовлечения жителей в сельский социум, поселения строятся вдали от сельских населённых пунктов, обеспечивая лишь «вторичную колонизацию» сельских территорий. Их влияние на сельскую местность требует дополнительных исследований.

Первые выводы

Исследования показали, что практически в любых сельских населённых пунктах присутствуют некоренные сельские жители – горожане, временно или постоянно проживающие в сельской местности.

Формы сезонного и постоянного присутствия горожан в деревне различны. Существуют как традиционные «б соток» в пригородах региональных центров, так и дома в деревнях в удалённых районах, где проживают дачники или дауншифтеры. Логика пространственной организации типов дачного освоения сельской местности укладывается в центр-периферийную модель, но осложняется микрогеографическими особенностями и наличием определённых аттрактивных объектов или притягательных для горожан образов территорий.

В пригородах региональных центров доминируют дачные товарищества, а дома в деревнях покупают пенсионеры из городов, чтобы постепенно перебраться на постоянное место жительства. Их привлекают благоустроенные дома в деревнях с хорошей транспортной доступностью, они стремятся найти дом в деревне с большим постоянным населением, чтобы постепенно включиться в сельский социум. Иногда в сельской местности пригородов оказываются горожане, выселенные из города риелторами за долги.

В районах, граничащих с Костромой и Иваново, СНТ и ДНТ встречаются лишь в форме советского наследия. Они нередко забрасываются и обретают вторую жизнь лишь в случае их удачного местоположения вблизи крупных водоёмов или других привлекательных для горожан природных объектов. В крупных сёлах появляются дачники-пенсионеры и «северяне», постепенно планирующие переехать в сельскую местность на постоянное место жительства, а в малых деревнях появляются «дальние дачи» - дома для сезонного проживания горожан, более заинтересованных в отдыхе и покое нежели во включении в жизнь села.

В периферийных районах остаются лишь «дальние дачи», т.к. слабая инфраструктурная обеспеченность отталкивает потенциальных переселенцев. Здесь сильны сезонные колебания населения, а дачники предпочитают небольшие и живописно расположенные деревни, исходя из того, что если уж забираться так далеко – надо иметь красивый вид из окна и тишину. В более крупных сёлах и посёлках дачников меньше, но иногда появляются дауншифтеры, чья логика выбора места проживания не всегда понятна.

Горожане в сельской местности (если они не переехали со сменой прописки) почти не поддаются учёту и количественной оценке, хотя в летний сезон они обеспечивают заметный прирост населения, когда нежилые деревни «оживают», расцветает торговля, а местные жители работают только на дачников.

Литература:

1. Карпов А.Е. Феномен поселений родовых поместий как одна из современных форм дезурбанизации (на примере Владимирской области) // V Международная научная конференция «Социальная география, социобиология и социальные науки: моделирование и прогно-

стика процессов развития регионов Ближнего Севера России». 2-4 мая 2014 года. М.: Грифон, 2014. С.15-21

2. Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей//Угорский проект: экология и люди ближнего Севера/ред. Н.Е.Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008. http://www.ugory.ru/eksped/Nefedova_2008_1.pdf

3. Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки 2012, Том 48(3), Городской организм, сс. 204-216 <http://magazines.russ.ru/oz/2012/3/n38.html>

4. Позаненко А. А. Поселения родовых поместий как новая форма жизни на селе // В кн.: Регион в период модернизации: социальные институты. Материалы II Международной научно-практической конференции, 5 апреля 2013 г. / Науч. ред.: Д. А. Шпилев. Н. Новгород : Издательство НИСОЦ, 2013. С. 163-173.

5. Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. Под редакцией Н.Е.Покровского и Т.Г.Нефедовой. М.: «Логос», 2014 ISBN 978-5-98704-714-9

6. Солнцева Алёна , цикл очерков «Деревенские жители» в материалах «Газета.ru», http://www.gazeta.ru/comments/2014/08/21_a_6184777.shtml?_sbrid_=1491e95a5eebaed8a29590ec26701b94___JQhEAA дата последнего обращения 30.11.2014

Д.Ю. Землянский

(Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова)

ПОДВИЖНОСТЬ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И ДАЧНИКОВ В ПРИОКСКИХ РАЙОНАХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ¹

Приокские территории Рыбновского района – традиционное место загородного отдыха горожан. В XVIII-XIX веках в районе находились загородные усадьбы аристократии (Никитинских, Кашиных), в XX веке в д. Иванчино (Кузьминский сельский совет) разместилась база отдыха «Ока», в конце XX – начале XXI века - место стало привлекательным для дачников. В этой зоне никогда не было классических дач, садовых или дачных товариществ (классификация по Т.Г. Нефедовой, 2012), а большинство отдыхающих составляли потомки деревенских жителей. Это наложило отпечаток и на современный характер дачного движения. Только в последние 5-7 лет в район начали активно приезжать москвичи и покупать сельские дома, землю возле населенных пунктов, строить коттеджи. В основном, «новые дачники» ориентируются на «Есенинские места» - территории, связанные с именем Сергея Есенина (Константиново, Кузьминское, Аксёново). Такая тенденция сходна аналогичным процессам вокруг крупных городов в других регионах России и соседних стран [Нефедова, Савчук 2014, Трейвиш, 2014].

Для изучения современного характера сельской жизни на территории Рыбновского муниципального района в июне 2014 года был проведен опрос местного населения старше 18 лет и дачников. Опрос проходил в селах Пошупово и Окаёмово Пошуповского сельского поселения, селе Новосёлки Новоселковского поселения, деревне Аксёново и селе Кузьминское Кузьминского сельского поселения. Интервью проводили студенты 2-го курса кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ. Населенные пункты, в которых проходил опрос, расположены в долине реки Ока и составляют единую локальную систему расселения на северо-востоке Рыбновского района. Опрос местного населения включал два основных содержательных блока: «трудовая активность населения» и «личное подсобное хозяйство». Опрос дачников касался причин выбора места, материального

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме»

состояния дачных домов и приусадебных участков, взаимоотношений дачников и сельских жителей.

Общее число опрошенных местных жителей составило 84 чел. (5% постоянного населения всех возрастов). Более репрезентативны результаты на территории Пощуповского сельского поселения – опрошено 11% постоянных жителей с. Пощупово и более трети жителей небольшого с. Окаёмово. Наименее репрезентативен опрос для с. Аксёново. Только 10% всех опрошенных находятся в возрасте от 18 до 30 лет, 6% - от 30 до 40, 29% - от 40 до 60 лет, более 55% - старше 60 лет. Такая структура респондентов связана не только с возрастной структурой населения района, но и со временем проведения опроса – дневные часы в будние дни, когда большая часть трудоспособного населения находились на рабочих местах. Две трети опрошенных – женщины, одна третья – мужчины. В исследуемых населенных пунктах было опрошено 116 дачников. Большинство из них старше 60 лет (более 40%), только 15% - моложе 30 лет, остальные 44% находятся в возрасте от 30 до 60 лет. Более 60% опрошенных – женщины. В целом результаты опроса нельзя считать полностью репрезентативными. Они лишь иллюстрируют основные процессы, происходящие в исследуемых населенных пунктах.

Основные результаты опроса местных жителей

Локальный рынок труда в исследуемой зоне развит слабо. Специфика этого сельского района в том, что экономическая активность одинакова почти во всех возрастах, а жители в «младших пенсионных возрастах» являются такими же участниками рынка труда, как и молодые. Поэтому они учитывались в общей выборке опроса по рынку труда. Возможные места работы в исследуемых населенных пунктах – бюджетные учреждения, в том числе сельские администрации в Пощупово и Новосёлках, школы в Костино, Новоселках и Кузьминском, сельские магазины и два малых сельскохозяйственных предприятия, расположенные в Костино и Новоселках.

Большая часть опрошенных (67%) в настоящее время нигде официально не работает. За пределами исследуемых населенных пунктов трудятся только 5 респондентов. Трое (жители Пощупово, Окаёмово и Новосёлок) работают в Рыбном, один житель Окаёмово – в Рязани, один респондент из Пощупово – в Москве. Жители Пощупово наиболее мобильны на рынке труда: только 6 из 13 работающих респондентов трудятся в самом селе, еще четверо – в соседнем Костино на сельскохозяйственном предприятии, один – в Кузьминском, остальные в Москве и Рыбном. Из 6 работающих жителей Новосёлок – 3 трудятся в самом селе (на молочной ферме), два – в Костино, один в Рыбном. Жители Кузьминского, помимо самого села, работают в Аксёново (на строительстве гидроузла), один – в музее Есенина в соседнем Константиново. Четверть опрошенных регулярно подрабатывает у дачников или на сельскохозяйственных предприятиях. Из числа неработающих жителей только один в настоящее время ищет работу, еще двое зарегистрированы в центре занятости как безработные, но в действительности не ищут работу.

Четверть опрошенных хотя бы один раз выезжала в другие населенные пункты на постоянную работу. Основными направлениями выезда были Рязань, другие населенные пункты Рыбновского района, другие районы Рязанской области. При этом у респондентов не было одного выраженного режима работы. Примерно в равных долях они выезжали каждый день на работу, ездили на 1-2 недели в месяц, выезжали на несколько месяцев. Респондентам задавался вопрос: ради какой заработной платы они бы могли переехать в другое место? На вопрос ответили только 14 человек. Из них трое удовлетворились бы суммой менее 30 тыс. руб., шестеро – от 30 до 40 тыс. руб., а трое готовы уехать только ради заработной платы более 100 тыс. руб.

У всех респондентов есть приусадебные участки. Почти все выращивают картофель, овощи, ягоды, большинство имеет телицы. Только 15 респондентов регулярно продают продукцию, и лишь 2 человека продают больше, чем потребляют сами, а подавляющее большинство (52 чел.) используют ее только для себя. Домашняя птица есть у трети респондентов. Половина из тех, кто ее держит – продаёт полученную продукцию. Крупный рогатый скот есть только у троих (по одному жителю Пощупово, Окаёмово и Новосёлок). Козы есть у че-

тырех респондентов, и лишь один – продает полученную продукцию. Кроликов держат также трое респондентов, и только один продает продукцию. Свиной жители района не держат.

Общие результаты опроса показывают, что ключевыми факторами благосостояния сельских жителей исследуемых населенных пунктов являются пенсия и состояние локального рынка труда. Территориальная мобильность очень низкая, за пределами района работают единицы, а когда-либо выезжали с целью работы – только четверть жителей. Локальный рынок труда очень узок, предложение составляет лишь несколько десятков рабочих мест. Поэтому для сельских жителей очень важное значение имеют приусадебные участки. Все опрошенные используют выращенную продукцию для собственного потребления, но лишь немногие её продают. Практически никто не содержит домашнюю птицу и скот. В неформальном общении жители указывают, что содержать скот невыгодно, для многих пенсионеров это слишком тяжелый труд.

Общие результаты опроса дачников

Состав дачников Пощуповской зоны сформировался из числа жителей Рязани, Москвы и Московской области: по 45% приходится на жителей Рязани и Москвы, только 3 человека проживают в районном центре – городе Рыбное и 9 человек (7% жители) Московской области (Балашиха, Глуховицы, Коломна, Подольск и др. города). При этом, несмотря на расстояние, для жителей Рязани, также как и москвичей, это «среднеудаленные дачи» (по классификации Т.Г. Нефедовой, по [2012 2013]). Состав дачников по населенным пунктам отличается незначительно. Только в Кузьминском поселении (Аксёново и Кузьминское) несколько выше доля москвичей. Это связано с близостью села Константиново, более известного среди жителей столицы, и в целом с более «элитным» характером дачного движения в этих населенных пунктах. Меньше всего москвичей среди дачников в Пощупово.

Подавляющее большинство дачников – выходцы из этих населенных пунктов. Более 85% опрошенных респондентов указали наличие родственников как основную причину выбора места для дачи. Другие ответы были важны только для отдельных населенных пунктов. Так, объявление о продаже домов – причина выбора для 10% дачников Пощупово. Половина дачников живут на даче постоянно в летний сезон. Среди этой категории доминируют пенсионеры. Приезжают каждые выходные 35% респондентов, еще 7% - время от времени. Постоянно живут на даче только 3% респондентов. В Новосёлках, Окаёмово и Пощупово дачники проживают, в основном, в летний сезон. В Аксёново и Кузьминское дачники чаще приезжают на выходные или время от времени, но не живут постоянно. Это в основном москвичи, которые не могут постоянно находиться на даче даже летом.

Подавляющее большинство дачников (более 80%) живут в деревенских домах, половина из них сделали в домах ремонт, в новых домах – только 11%. Дачные щитовые дома есть только в Кузьминском, Окаёмово и Пощупово. Половина домов имеют площадь до 50 кв. м. Лишь три дома, два в Кузьминском и один в Окаёмово – больше 200 кв. м. Старые дома имеют достаточно большие придомовые участки 12 соток и более, что подтверждается и в других исследованиях [Нефедова, 2012].

Выращенную на приусадебных участках продукцию, дачники преимущественно используют для себя. Только 8 респондентов указали, что они продают часть произведенных сельскохозяйственных продуктов, из них лишь 1 продает больше, чем использует сам. Четверо дачников из Пощупово держат на участке домашнюю птицу, из них двое продают продукцию. Один дачник в Пощупово держит корову. У одного дачника в Окаёмово есть коза. В других населенных пунктах отдыхающие сельскохозяйственных животных не держат.

Интенсивность взаимодействия между дачниками и местными жителями средняя. Треть опрошенных дачников совсем не взаимодействуют с местным населением. Около 35% покупают у местных жителей продукцию из ЛПХ. Только 7 респондентов указали, что давали местным жителям работу, лишь один пользуется услугами охранника.

Визуальные обследования и глубинные интервью, дополнявшие опрос показали, что между населенными пунктами и внутри них нет жесткой дифференциации между дачниками. Новые большие дома стоят рядом со старыми деревенскими, богатые жители выбирают себе

населенный пункт не по стоимости участка, а в зависимости от родственных связей или эстетических предпочтений. По значимости дачников в жизни населенного пункта выделяются с. Окаёмово и д. Аксёново, где дачников гораздо больше, чем постоянных жителей. По словам руководителей сельских администраций в Пощупово и Новосёлках количество дачников уже сравнялось с местным населением и лишь в Кузьминском постоянных жителей больше.

Социо-пространственные типы населенных пунктов

Результаты опроса в сочетании с визуальными наблюдениями и данными экспертных интервью с сотрудниками сельских администраций и глубинных интервью с местным населением позволяют выделить три социально-пространственных типа населенных пунктов в исследуемой зоне.

Первый тип – сельские населенные пункты с «новыми» дачниками. К нему относятся с. Кузьминское и д. Аксёново. В них слабо развит местный рынок труда, у местного населения доминирует неформальная занятость, большинство живёт за счет приусадебных участков и пенсий. В последние годы в самих населенных пунктах и рядом с ними москвичи активно скупают сельские дома и свободные земельные участки. Дома внутри населенных пунктов дачники чаще сохраняют и ремонтируют. На свободных землях стоят коттеджи. Этот процесс существенно трансформирует состав местного населения. Новые дачники практически не взаимодействуют с постоянными жителями, но, с другой стороны, за счет них развивается торговля продуктами питания и бытовыми товарами, что существенно повышает качество жизни.

Второй тип – сельские населенные пункты со «старыми» дачниками. К нему относятся с. Новосёлки и с. Пощупово. В обоих селах есть социальные учреждения, которые дают рабочие места. Это позволяет жителям непенсионного возраста не переезжать в другие районы в поисках работы. Такие населенные пункты достаточно большие, они расположены на некотором удалении от берега Оки и не так привлекательны для москвичей. Поэтому в них сохраняется смешанный состав рязанско-московских дачников, большинство из которых являются потомками местных жителей. Эти дачники, как правило, стремятся сохранить «родовой» дом. Многие из них жили в этих селах в детстве или бывали у родственников. Интенсивность контактов между местными жителями и дачниками в этих селах выше, чем в рамках первого типа.

Третий тип – дачные села. К нему относится с. Окаёмово. В этом небольшом населенном пункте сейчас проживают только 16 чел. и нет ни одного постоянного рабочего места. В сезон за счет дачников число жителей возрастает почти в 10 раз. В теплый сезон в селе работают два магазина, но зимой оба закрываются. Большинство дачников – потомки местных жителей. Они не отделяют себя от местного сообщества и имеют тесные социальные контакты.

Литература:

1. Нефедова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки 2012, Том 48(3), Городской организм, сс. 204-216
2. Нефедова Т.Г., Савчук И.Г., Второе жильё горожан на постсоветском пространстве (дачи москвичей и киевлян)//Известия РАН, сер. геогр. 2014, № 4, сс. 39-47
3. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на западе и в России//Известия РАН, сер. геогр. 2014, № 4, сс. 22-32.

М.С.Гулько
(Институт географии РАН)

ВЗАИМОСВЯЗЬ МАЛЫХ ГОРОДОВ И СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В РЕГИОНАХ БЛИЖНЕГО СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ ШАРЬЯ И МАКАРЬЕВ)

В России по данным последней Всероссийской переписи населения 2010 г. из 1100 городов – 781 относятся к малым. Роль малых городов в урбанизационных процессах и территориальном устройстве изучена не достаточно. Есть все основания полагать, что в условиях разреженной сети крупных и средних центров малые города приобретают значение важных узлов в опорном каркасе расселения.

Большая часть малых городов России – районные центры, управляющие территорией и предоставляющие товары и услуги значительному количеству населения.

Обобщая труды ряда отечественных и зарубежных исследователей, выделяются следующие направления связей города и сельской местности [Боже-Гарнье Ж., Шабо, 1997, Лаппо, 1997]

1. населенческие (перемещения населения);
2. экономические (производственные, торгово-распределительные, финансовые);
3. управленческие и социальные (административное управление и предоставление социальных услуг сельскому населению).

Малый город в отличие от крупного, не подчиняет своим нуждам пригородные территории, а является органичной частью окружающей сельской местности. Его внешний вид и специализация часто зависят от состояния и специализации сельской местности. Поэтому для понимания и дальнейшего решения проблем развития малых городов, необходимо изучать не только сам малый город, но единую «сельско-городскую» систему.

Ввиду того, что для проведения количественного анализа взаимодействия города и района, а также для оценки степени их связности на данный момент практически нет статистических данных, была сделана выборка наиболее репрезентативных городов и районов. Далее исследование проводилось качественными (глубинные интервью, выборочные опросы населения) методами в режиме case study.

Одним из регионов исследования выступала Костромская область, типичное Нечерноземье Центральной России. Для того, чтобы «увидеть» наиболее характерные взаимосвязи между малым городом и районом, были отобраны города – Макарьев и Шарья, удаленные от крупных городов, «перетягивающие» на себя потоки населения и выступающие основными центральными местами для жителей сельских районов. Людность ключевых городов, Макарьева и Шарья, в 2013г. была 7025 чел. и 36703 чел. соответственно. Несмотря на разную людность, оба города и окружающие их районы являются типичными представителями удаленных нечерноземных районов [Нефедова, 2013, Потенциал Ближнего Севера, 2014]

В рамках исследования было проведено 7 глубинных интервью в администрациях городов и районов, 5 – с представителями промышленных и 10 – с представителями сельскохозяйственных организаций.

При проведении опросов ввиду отсутствия ресурсов для применения случайной выборки, в исследовании применялась выборка квотная, согласно поло-возрастному составу населения исследуемой территории. Целью опроса было:

1. изучение состава домашних хозяйств, трудовой деятельности и постоянного места проживания всех членов;
2. выявить частоту и интенсивность трудовых и нетрудовых возвратных перемещений между районным центром и сельским районом членов домохозяйств;
3. определить связи сельских жителей с районными центрами и городских с сельской местностью через исследование их образа жизни: стратегий потребления, отдыха и т.д.

Для проведения опроса был использован метод формализованного интервью (по опросному листу), проводившийся в основном по месту работы или по месту проживания респондентов (в сельской местности).

В Макарьевском районе было проведено 59 опросов в 7 сельских населенных пунктах, в Шарьинском – 48 опросов в 10 населенных пунктах. В г. Макарьев – 79 опросов, в Шарье – 101.

Макарьев и Макарьевский район

Муниципальное образование Макарьевский район объединяет одно городское поселение г. Макарьев и 7 сельских поселений (138 сельских населенных пунктов).

По сравнению с 1970 г. сельское население района уменьшилось более чем в три раза, а население города сократилось менее, чем на треть. На изменение численности населения повлияли как естественная убыль, так и миграционный отток. Современная поло-возрастная пирамида Макарьевского района (включая город Макарьев) типична для периферийных районов Центральной России [Карачурина, Мкртчян, 2012]: суженное воспроизводство, преоб-

ладание населения в более старших возрастных группах с максимумом в возрасте около пятидесяти лет.

Структура расселения района – мелкоселенная, а между населенными пунктами отсутствует регулярное общественное транспортное сообщение.

В 2013-2014 гг. в Макарьевском районе работало 9 СПК, 3 ООО и 6 фермерских хозяйств и 1 ИП. Их общий яровой сев составил 2,95 тыс. га, а поголовье КРС – 1,9 тыс. голов, примерно столько же сколько в 1990 г. приходилось на 1-2 коллективных предприятия. Сжатие производства связано как с закрытием ряда предприятий, так и с модернизацией в некоторых оставшихся и новых предприятиях.

Центр района столь мал, что не способен сформировать центрально-периферийный градиент в экономике своего района. Основными факторами успеха в таких условиях становятся личность руководителя и накопленный производственный потенциал.

Несмотря на то, что лесистость района составляет 84%, занятость в лесозаготовках не очень велика. В районе работают около 60 лесозаготавливающих (мелкие предприниматели и организации); и 9 малых лесоперерабатывающих предприятий, на которых в общей сложности занято 360 человек.

Помимо использования древесины приработок населению дает сбор и реализация дикоросов – грибов и ягод. В городе расположено предприятие по переработке дикоросов – «Царь Берендей», реализующее продукцию в крупных городах (Москва, Кострома и др.).

В самом городе расположены 34 предприятия торговли и ремонта, 2 рынка, 2 предприятия общественного питания, 1 гостиница и постоялый двор. В 18 сельских населенных пунктах вообще не имеют магазинов.

Наибольшее количество занятых, как и в большинстве районов Нечерноземья, приходится на бюджетные сферы образования и здравоохранения (около 1000 человек) и малое предпринимательство (около 2000 чел.). Это треть всего занятого в экономике города и района населения.

Шарья и Шарьинский район

Шарьинский район и его районный центр город Шарья вместе с пос. Ветлужский – отдельные муниципальные образования. У города и района длительная история отдельного существования в поле государственного управления, с образованием в 1944 г. Костромской области Шарья вошла в её состав и была отнесена к категории городов областного подчинения. Хотя город в район не входит де-юре, де-факто он является его административным центром – в Шарье размещены все государственные и социальные учреждения района.

В 2013 г. Шарьинский муниципальный район состоял из 10 сельских поселений с 179 сельскими населенными пунктами, из них нежилых – 62.

Как и Макарьевский район, Шарьинский район теряет население, численность которого уменьшилась более чем в два раза, притом сокращалась она устойчиво с 1970 г. Населенность городского округа (в прошлом горсовет) менялся не столько сильно. Максимума людности горсовет достиг в 1989 г., затем численность населения начала немного сокращаться. По сравнению с 1970 г. городской округ потерял более 4 тыс. чел. (около 1/9 часть), причем пос. Ветлужский, вошедший в черту города, депопулирует быстрее.

Шарья была и остается центром притяжения для мигрантов из сельской местности. А более молодая структура населения, вступление в детородный возраст женщин поколения 1980-х нач. 1990-х гг., обеспечивает повышенные показатели рождаемости.

В структуре расселения за исключением нескольких центральных усадеб преобладают сельские населенные пункты с численностью населения в интервалах менее 10 чел. и 10–50 чел. Каждый третий населенный пункт – без населения. Связанность населенных пунктов внутри Шарьинского района выше, чем в Макарьевском. Действуют несколько пригородных и междугородных маршрутов.

Наиболее развитая отрасль промышленности в г. Шарье и Шарьинском районе – лесная. ЛПК города представляют 3 деревообрабатывающих предприятия (ООО «Кроностар», ООО «Лесопромышленный комплекс», ООО «Спика») и 35 частных пилорам. В районе действуют 3 пилорамы и 4 лесозаготовительных организации.

Главным налогоплательщиком на территории городского округа Шарья является ООО «Кроностар», предприятие со швейцарскими инвестициями. Шарья прямо и косвенно зависит от деятельности этого предприятия: помимо поступлений в бюджет городского округа, это 800 рабочих мест, активизация малого бизнеса за счет повышения платежеспособности населения (средняя зарплата на ООО «Кроностар» ок. 40 тыс. руб.), а также благотворительная помощь городу.

В городе действует 232 организации розничной торговли и бытового обслуживания, 3 рынка, 37 организаций общественного питания (в том числе ларьки) и 3 гостиницы. Но в районе в 76 сельских населенных пунктах с общим числом жителей 1124 чел., нет магазинов.

В Шарье есть и явные признаки глобализации: сетевая торговля и услуги.

В магазинах сети «Магнит» местная продукция представлена двумя наименованиями: хлеб и хлебобулочные изделия (ООО «Первый Шарьинский хлебозавод») и минеральная вода (ООО «Шарья-Хлеб»). На этом горизонтальная кооперация заканчивается. Более того, пришедшие в город сети вытесняют малый бизнес. Предприниматели города переориентируются на открытие постоянных или временных точек торговли и предоставления услуг в районе (чем способствуют и более низкие ставки налога на землю и арендная плата) или ищут рынки сбыта продукции за пределами района.

К настоящему моменту в АПК района осталось 8 сельскохозяйственных предприятий (из 12, бывших в советское время), все прошли через процедуру банкротства, также действуют 12 фермерских хозяйств и 4436 ЛПХ, хотя товарность последних мала.

Большая часть нынешних руководителей сельскохозяйственных предприятий пришли в эту сферу из лесной промышленности. На каждом сельскохозяйственном предприятии есть своя пилорама, а иногда и обработка древесины, которые и служат главными источниками дохода. А сельскохозяйственная деятельность ведется по остаточному принципу, балансируя на грани рентабельности.

Общее и различное в системе связей «город–район» по результатам опросов и глубинных интервью

г. Макарьев и Макарьевский район	г. Шарья и Шарьинский район
<i>Населенческие связи</i>	
Сопоставимые доли жителей сельской местности работающих в городе (35% в Шарье и 20% в Макарье). Горожане, занятые в районах, представлены единичными высококвалифицированными кадрами	
Регулярные культурно-бытовые миграции в город осуществляют только жители ближайших сел. Более предпочтительная стратегия – многоцелевые поездки в крупные города, чаще в Кострому.	Регулярные культурно-бытовые маятниковые миграции в город за базовыми товарами и услугами совершают жители ближайших и среднеудаленных сел. Жители южной части района ездят в Ветлугу (ближе и дороги лучше). За специализированными услугами и товарами ездят в Киров или Нижний Новгород, к Костроме относятся как к «отсталому городу».
<i>Производственные связи</i>	
Малый бизнес, работающий на сырье района: переработка дикоросов, обработка древесины (менее значима).	Крупные и малые предприятия обработки древесины из районного и привозного сырья. Вертикально интегрированная структура ООО «Кроностар».
Крупные городские предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции районов закрылись. Отдельные хозяйства либо везут продукцию в соседние районы, либо имеют собственную переработку.	
<i>Торгово-распределительные связи</i>	
Оба города являются центрами сбыта продукции фермеров и товарного ЛПХ	
Малые предприятия реализуют продукцию в городе через собственные мобильные торговые точки, лишь у одного есть договор с магазином на	У малых предприятий налажен сбыт в магазины на основе договоров между производителями и владельцами 12 торговых точек, у птицефабрики и «Шарьинского бекона» - свои мобильные торговые точки. Дей-

реализацию молока. Продукция ООО «Царь Берендей» нацелена на крупные города, в Макарьево на нее спроса нет.	ствует госзаказ на поставку молочных продуктов в школы и детские сады города.
Продукция фермерских хозяйств и личных хозяйств реализуется по предзаказам по сети знаковых, реже на рынках города. Товарность ЛПХ низкая.	
Хлеб и хлебобулочные изделия городских производителей представлены в городе (кроме «Магнита») и в магазинах сельских поселений. В отдаленные населенные пункты доставляются автолавками. Они же привозят продукцию бытового назначения	
	Ежегодно проводятся ярмарки в крупных сельских населенных пунктах, где представлена продукция пищевых предприятий города, района, фермеров, индивидуальных предпринимателей, личных хозяйств населения.
<i>Сфера услуг</i>	
В городе представлена стандартными услугами: медицина, среднее образование, 3 парикмахерских, 1 гостиница и постоялый двор, два предприятия общепита, несколько ремонтных мастерских. Типичных «городских» услуг – прачечных и химчисток - нет. Сетевых структур, кроме Сбербанка и Россельхоз банка нет. Общее качество услуг низкое.	В городе - парикмахерские и салоны красоты, кафе (в т.ч. суши бар и пиццерия), прачечная, две химчистки, несколько ателье. Конкурентная среда обеспечивает хорошее по меркам малого города качество услуг, не выдерживающие конкуренцию предприниматели «уходят» в район. Есть сетевые магазины, салоны связи, разнообразие банков. Окружная больница обслуживает население города, своего района и ряда соседних. Школы, в том числе специализированные (художественная, музыкальная) принимают учеников из района. Много сельских детей в старших классах (не во всех сельских поселениях есть общеобразовательные школы). Для доставки детей из района в город действует маршрут школьного автобуса. В 4 среднеспециальных образовательных учреждениях преобладают выходцы из сельской местности района. При управлении сельского хозяйства консультационный центр помогает сельхозтоваропроизводителям оформлять документы
<i>Транспортная инфраструктура</i>	
Плотность дорог с твердым покрытием и их качество низкие, выбоины и колеи.	
Маршрутов районного сообщения нет. Автобусные маршруты на Кострому 2 раза в день. Действуют частные ежедневные утренние «маршрутные» (легковая машина, 4 пассажира) такси до Костромы. При плохих дорогах сельские жители в теплое время года предпочитают велосипед и даже гужевой транспорт для перемещения на небольшие расстояния. Школьные автобусы действуют только по району, в город учащихся не доставляют.	Все крупные населенные пункты района связаны между собой регулярными маршрутами пригородного и межрайонного сообщения. Несколько маршрутов школьных автобусов, в том числе доставляют школьников в школы города.
<i>Управление территорией</i>	
Город в подчинении района. Единая администрация, статистический учет, документация.	Город и район с середины прошлого века - разные административные образования. Районной администрацией город рассматривается как «площадка для размещения инфраструктурных объектов и присутственных зданий».

	Единой стратегии принятия решений нет, раздельная документация, бюджет, статистический учет. Контакты администраций редкие, важное значение приобретает человеческий фактор (знакомства и заинтересованность). Наиболее активное взаимодействие в сфере молодежной политики и проведения культурных мероприятий.
<i>Рекреация</i>	
В обоих районах есть базы отдыха. В наиболее живописных местах жители Шарья и Макарьева приобретают участки земли с домом, или строят дом сами. Хотя в Макарьевском районе, такая практика довольно редка.	
На берегу Горьковского водохранилища земли под «дальние» дачи активно выкупаются жителями крупных городов – Москвы, Нижнего Новгорода, Костромы. В городе Макарьево существует несколько риэлторов, занимающихся продажей земли под такие дачи.	В районе действует детский оздоровительный лагерь для детей из города и района.

Заключение

В условиях «сжимающегося» освоенного пространства в Нечерноземье связи городов – центров районов и их сельским окружением довольно «зыбкие». Однако именно «сжимающееся» пространство и низкая связанность между населенными пунктами становятся основой тесного взаимодействия города и района: для сельских жителей сложно найти альтернативные места получения необходимых товаров и услуг, сбыта продукции, кроме ближайшего города, особенно это касается категории маломобильного населения. Здесь благополучие территории и ее жителей определяются характеристиками города: людностью и состоянием его экономики.

С кризисом сельского хозяйства крупные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции в районных центрах закрылись. Важнейшее значение приобретают инициативность и лидерские качества руководителей сельскохозяйственных предприятий, которые вынуждены активно искать места для сбыта или налаживать собственную переработку.

В городах остаются предприятия по переработке древесины и дикоросов. То есть таких ресурсов, которые требуют разовых усилий и минимизации затрат времени (приехал – собрал – уехал). Во многом это связано с качественным дефицитом кадров с предпринимательским мышлением в сельской местности.

Потеряв функцию переработки сельскохозяйственного сырья, города по-прежнему остаются важными точками сбыта готовой продукции.

Малые города, как Шарья, с численностью населения более 20 тыс. чел. в Нечерноземье, в условиях разреженной сети городов и дорог и удалении от крупных центров становятся важными центрами для сельской местности и ее жителей. Можно даже сказать, что Шарья «глобализует» жителей сельской местности, становясь «проводником» в мир больших городов.

При условии наличия крупных предприятий в таких городах развивается малый бизнес в сфере услуг. Работающие предприятия, малые и крупные, генерируют положительный синергетический эффект: появляются новые инвесторы; растущее благосостояние жителей создает плодородную почву для проникновения и привития образа жизни крупных городов: высокоскоростное мобильное соединение и интернет, сетевые предприятия торговли и услуг. Все больше видов деятельности выносятся из сферы самообслуживания: питание, стирка, ремонт и т.д. При этом, чем более разнообразна сфера услуг, тем больше становится радиус влияния города и тем меньше сельских жителей совершают регулярные многоцелевые поездки в крупные города.

Совсем малые удаленные города, не способные привлечь крупные инвестиции, теряют свое значение, несмотря на долгую и богатую «городскую историю». Даже собственные жители считают их «большими деревнями» и ратуют за скорый отъезд своих детей в большие города. По характеру развития сферы услуг, отсутствию сетевых структур и стратегии населения на

«самообеспечение» такие города все больше приближаются к деревне. Радиус влияния города Макарьев ограничивается ближайшими сельскими населенными пунктами, а за товарами и услугами население предпочитает ездить реже, но в более крупные населенные пункты.

Данные о состоянии экономики городов корреспондируют с динамикой численности населения и его поло-возрастной структурой. Согласно переписям населения оба города увеличивали численность населения до 1979 г. Далее Шарья продолжала прирастать, а Макарьев начал терять население наравне с сельской местностью. Активное население либо уезжает из города на ПМЖ, а кто не имеет такой возможности, отправляется во временный «отход».

В Шарьинском районе структура сельского населения более молодая, а сама Шарья продолжает «вытягивать» население из сельской местности. Около 40% опрошенных горожан – выходцы из сел и деревень.

Литература:

1. Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж. Очерки по географии городов // перевод с французского. Вводная статья и редакция В.В.Покшишевского. М.: «Прогресс», 1967, 424
2. Лаппо Г.М. География городов. М.: «ВЛАДОС», 1997, 480 с.
3. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989– 2002) // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М.Майергойза, под ред. Полян П.М., Трейвиш А.И. М.: «Новый хронограф», 2012, стр. 688–707.
4. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.:URSS, 2013, доп изд. 2014, сс. 193-233
5. Потенциал Ближнег Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорског проекта./ ред. Н.Е. Покровског, Т.Г. Нефедовой, М.:Логос, 2014, 495 с.

А.В. Старикова
(Географический факультет МГУ)

МОБИЛЬНОСТЬ И ПЛОТНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БАВАРИИ

Пространственная организация жизни и деятельности современного человека постоянно усложняется, что отражается во всё большем территориальном разделении мест жительства, работы, отдыха, учёбы, проведения досуга. Новые технологии, ценности и практики (в т. ч. рост готовности к перемещениям и увеличение реальных масштабов перемещений) меняют традиционный взгляд на поведение человека в пространстве и времени. Поэтому при анализе мобильности населения следует рассматривать не только направления перемещений, а также их цели и масштабы, но особое внимание уделять фактору времени. При этом время следует учитывать не в рамках привычного временного ряда из последовательности статичных состояний, а, например, переходя от традиционного понятия «место жительства» к понятию «пространство деятельности»¹ [Пространственно-временной анализ..., 1988]. Население городов и районов можно измерять не только в единицах постоянной численности на конкретную дату (по месту постоянной регистрации), но и применять понятия дневного и ночного, зимнего и летнего населения.

Это возможно при использовании таких единиц измерения, как человеко-часы, и расчёте на их основе других показателей, которые могут дать более полную и точную характеристику пространственной мобильности, деятельности и размещения населения. Обычно при

---

¹ Соответствует англоязычным «action space» («пространство действия») и «activity space» («пространство деятельности»). Пространство деятельности можно определить, как набор мест, регулярно посещаемых в рамках суточного, недельного, годового или другого цикла жизнедеятельности [3].

изучении различных возвратных миграций, тесно связанных с категорией времени, центральное место занимают вопросы их объёмов, направлений и целей, однако также важны и затраты времени на перемещение и пребывание мигранта (иногороднего студента, сезонного рабочего, дачника, туриста) в том или ином месте. Точное измерение времени имеет большое значение, т.к. все действия, составляющие нашу жизнь, требуют времени для их выполнения [Ellegård, 1999, Lenntorp, 2003], а временные затраты на перемещения в пространстве – одна из основ самоорганизации населения [Гольц, 1972].

Характерные черты современной мобильности населения интересно рассмотреть на примере немецкой федеральной земли Бавария, которая по многим показателям выделяется и между немецких земель, и среди других регионов Европы. Бавария занимает около 1/5 общей площади ФРГ. Ей принадлежит 2-е место по численности населения после Северного Рейна-Вестфалии. Здесь создается 17,8% германского ВВП, по ВВП на душу населения Бавария занимает 4-е место в стране, а без учета земель-городов Гамбурга и Бремена – 2-е (2013). Успехи экономики, многочисленные научно-исследовательские центры и учебные заведения вызывают сюда значительный (120-130 тыс. чел. в год) приток мигрантов из других земель ФРГ и зарубежных стран. Эти же факторы мобилизуют внутренние миграционные ресурсы, повышая готовность жителей Баварии участвовать в миграционных перемещениях.

После второй мировой войны в ходе экономической, хозяйственной и общественной модернизации из «индустриально слаборазвитого региона с явными признаками аграрности» [Kramer, 2008] Бавария смогла стать одним из самых экономически и технологически успешных регионов ФРГ и Европы. Если в начале 1950-х гг. здешний душевой ВВП составлял лишь 83% от среднего по стране, то в начале 1990-х гг. он достиг уровня ФРГ, а в 2013 г. превысил его более чем на 15%.

Важным фактором развития экономики и хозяйства Баварии долгое время оставалась иммиграция (как из-за рубежа, так и из других частей страны), однако до 1956 г. наблюдалось превышение оттока населения из Баварии в индустриальные центры других федеральных земель Германии над его притоком.

Миграционный поток в Баварию состоял из трёх главных волн, которые способствовали ее экономическому развитию [Kramer, 2008]. Первый крупный поток мигрантов устремился сюда в 1943 году. В Баварию направлялись эвакуированные жители со всей страны (около 500 тыс. чел.), беженцы (около 2 млн. чел.), а также и позже немцы, выселенные из других регионов Европы. Процесс индустриализации, начавшийся на территории Баварии в 1950-х гг., потребовал много рабочих рук, тогда как собственные трудовые ресурсы земли были в значительной степени заняты в сельском хозяйстве. Правительство было вынуждено привлекать рабочих из других стран, что вызвало вторую волну миграции.

Третья большая миграционная волна, сохраняющая свое силу до сих пор, связана с внутренней миграцией населения в объединённой Германии. Она направлена с севера на юг страны и формируется за счет миграции элиты и высококвалифицированных специалистов, в первую очередь с территории бывшей ГДР. По числу мигрантов этот поток превысил поток беженцев и вынужденных переселенцев первой волны. В условиях постиндустриального развития и информатизации мирового хозяйства для Германии большое значение приобрела ориентация экономики на инновационную сферу деятельности, науку и образование. Она в настоящее время способствует привлечению высококвалифицированных мигрантов в научно-исследовательские центры и центры высокотехнологичных производств, многие из которых расположены на юге страны и, в первую очередь, именно в Баварии («Баварская силиконовая долина» в Мюнхене и его окрестностях, промышленный регион Миттельфранкен и др.) [Германия, 2009, Gebhardt, 2008].

В начале XXI века на территории Баварии наблюдается устойчивый миграционный прирост населения. За период с 2001 по 2009 гг. он составил около 300 тыс. чел., что сделало эту федеральную землю лидером в данном отношении (занимающий 2-е место Баден-Вюртемберг отстает почти в 2 раза). При этом Бавария приняла свыше 1,2 млн. внутренних мигрантов (большее их число отмечено только в земле Северный Рейн-Вестфалия, но ее перевес невелик – 1,3 млн. чел.). Являясь одним из наиболее активных участников процесса

внутренней миграции среди немецких федеральных земель, Бавария также отличается значительным количеством миграционных перемещений на собственной территории.

Общее число *внутриземельных мигрантов* в 2004–2009 гг. составило почти 2 млн. чел., что превышает миграционный оборот с остальной территорией ФРГ (около 1,3 млн. чел.), указывая на роль внутриземельной миграции в общем миграционном процессе для этой земли. Рост числа внутренних мигрантов в этот период связан, среди прочего, с процессами создания на территории Баварии новых рабочих мест, требовавшими мобилизации дополнительных трудовых ресурсов. Таких, как, например, масштабная реконструкция международного аэропорта Мюнхена в начале 2000-х гг. или подготовка к проведению чемпионата мира по футболу 2006 г., включавшая строительство стадиона «Альянс Арена», ставшего одним из самых крупных и современных в Германии и Европе, модернизацию линий метро и автомобильных дорог.

Все более значимой формой перемещения населения на территории Баварии, как и в Германии в целом, становится *маятниковая миграция*, которая по некоторым показателям, характеризующим пространственную мобильность, превосходит безвозвратные перемещения. Маятниковая миграция в современном мире – это масштабное географическое явление: он распространяется на всё большие территории и затрагивает значительную часть населения.

Численность баварцев, участвующих в возвратной трудовой миграции и пересекающих при этом административные границы земельных районов и городов, возросла с 2004 по 2008 гг. более чем на 8% и в 2008 г. достигла 1,6 млн. чел., в 5 раз превысив число безвозвратных мигрантов. Постепенно увеличивается доля маятниковых мигрантов в общем числе занятых (35,2% в 2004 г., 36,4% в 2008 г.).

Районами-фокусами возвратной трудовой миграции (как видно из сопоставления показателей сальдо маятниковой миграции в расчете на 1000 занятых и ВВП на душу населения¹) являются те районы Баварии, в которых сосредоточена основная экономическая активность (где создается большая часть промышленной продукции и базируется сфера услуг). Это в первую очередь крупные города, а также некоторые земельные районы. Наибольшее число трудовых маятниковых мигрантов ежедневно приезжает в гг. Мюнхен, Нюрнберг, а также в граничащий со столицей земельный район Мюнхен. В каждом из них общее число мигрантов составляет более 100 тыс. чел., а в Мюнхене превышает 300 тыс. чел. (2009 г.). По доле маятниковых мигрантов лидирующие позиции среди баварских районов занимает земельный район Мюнхен и город Швайнфурт (в них около 77% занятых – приезжие). Наименьшее число маятниковых мигрантов как по доле среди всех занятых, так и по абсолютному числу едущих на работу из других районов отмечено на баварских окраинах (районы Гармиш-Партенкирхен, Фреунг-Графенау, Реген и др.). Таким образом, географически выделяется ось Нюрнберг-Мюнхен – экономически наиболее развитая часть Баварии, принимающая трудовых мигрантов с остальной территории земли и характеризующаяся положительным сальдо маятниковой миграции.

В эволюции трудовой маятниковой миграции в Баварии присутствует несколько тенденций. Наряду с возрастающим количеством и величиной миграционных потоков, увеличиваются расстояния, на которые совершаются перемещения. При этом особенно велики расстояния поездок мигрантов до экономически наиболее мощных городов и агломераций, имеющих избыток рабочих мест, таких как Мюнхен [Einig, Pütz, 2007].

Кроме того, в процессе субурбанизации рабочих мест изменяются традиционные направления миграционных потоков. Многие промышленные компании и фирмы сервисного профиля создают новые предприятия в окрестностях крупных городов. В результате возникают направления перемещений маятниковых мигрантов из городских центров в пригороды и потоки мигрантов между соседними земельными районами. Так, в земельном районе Фрайзинг создано более 27 тыс. рабочих мест на территории международного аэропорта Мюнхена, которые привлекают маятниковых мигрантов не только из близлежащих земельных районов, но и городских жителей из Мюнхена и Ландсхута [Haas, Wallisch, 2008].

---

¹ Собственные расчёты автора за период с 2004 по 2009 гг.

Еще одним примером изменения прежних направлений миграционных потоков может служить земельный район Вайльхайм-Шонгау, который принимает трудовых маятниковых мигрантов из трех соседних районов, что объясняется уровнем его экономического и хозяйственного развития. В отличие от большинства соседей он имеет высокий показатель ВВП на душу населения, здесь хорошо развита транспортная инфраструктура и расположены различные предприятия (основные работодатели на данной территории – швейцарская компания «Roche Diagnostics» и производитель автомобильных компонентов фирма АСР).

Концентрация рабочих мест в ограниченном числе районов федеральной земли приводит к тому, что на территории отдельных административных образований число занятых становится сопоставимо со всей численностью местного населения или превышает его. Так, например, в Ашхайме на 6,5 тыс. местных жителей приходится 5,6 тыс. занятых, а в Фельдкирхене на 5,5 тыс. жителей – 3,0 тыс. (2005 г.) [Рорр, 2006]. В некоторых случаях стратегия развития компаний изначально учитывает растущую мобильность населения, что объясняет размещение на выбранной территории таких предприятий, которые могут предоставить рабочие места не только местному населению, но и трудовым мигрантам из других районов (дополнительным стимулом для их мобильности является, например, предоставление корпоративного транспорта для проезда к месту работы). Такой стратегии придерживается компания БМВ, разместившая в небольшом городе Дингольфинг завод, на котором число рабочих мест (около 20 тыс.) превышает общее число жителей (18,5 тыс. чел. в 2013 г.).

Рассмотренные масштабы и направления перемещений во многом отражают высокий уровень мобильности населения Баварии и подчёркивают важность миграционных процессов, влияющих на различные сферы жизни и деятельности населения федеральной земли. Однако, как сказано выше, для полной характеристики пространственной мобильности, деятельности и размещения населения необходимо учесть фактор времени. Для этого автором проведено моделирование условного показателя плотности жизнедеятельности (Т) по статистическим данным, которые с немецкой педантичностью представлены в разнообразных и доступных источниках (которых остро не хватает в России).

Условный показатель плотности жизнедеятельности представляет собой фактическое количество человеко-часов (ч.-ч.) в год, проведённое жителями на определённой территории, и рассчитан по низовым единицам АД (общинам) по формуле: $T = T_i + M_1 - M_2 - O$, где

T_i – количество ч.-ч., которое жители провели бы на территории общины i , не покидая её в течение года; M_1 – количество ч.-ч., проведённых на территории общины i маятниковыми мигрантами (за 220 рабочих дней по 8 часов, обеденный перерыв 45 минут, плюс дополнительные 75 минут, проведённые по месту работы); M_2 – количество ч.-ч., которое жители общины i провели за её границами, участвуя в маятниковой миграции на тех же условиях, что и для M_1 ; O – количество ч.-ч. в отпуске (приняты 30 дней вне общины проживания).

В результате построена карта плотности жизнедеятельности (рис.1). А чтобы подчеркнуть способность данного показателя отразить современные черты пространственной организации человеческой деятельности, проведено сопоставление этой карты с картой плотности постоянного населения (рис.2).

По второй карте видно, что высокие значения плотности постоянного населения формируют в городах и вокруг них компактные зоны на фоне территорий с низкой плотностью и «пустотами» в картине расселения, что не характерно для реальной современной Баварии с её высокой мобильностью населения и освоённостью большей части территории. Иную картину даёт карта плотности жизнедеятельности (рис.1). Для большей части Баварии характерны средние значения рассчитанного показателя. Главные центры земли (Мюнхен, Нюрнберг, Регенсбург, Ингольштадт, Аугсбург) и здесь отличаются повышенной плотностью жизнедеятельности. Но в целом территория федеральной земли составляет куда более слитное, единое пространство, чем можно было судить по карте плотности постоянных жителей: на нём не видно зон с полярными значениями показателя (ареалы пониженных значений заметно отсечены к окраинам). Таким образом, карта плотности жизнедеятельности в большей степени соответствует пространственной организации экономической деятельности на территории Баварии и отражает современные миграционные процессы разного характера, затрагивающие значительную часть населения.

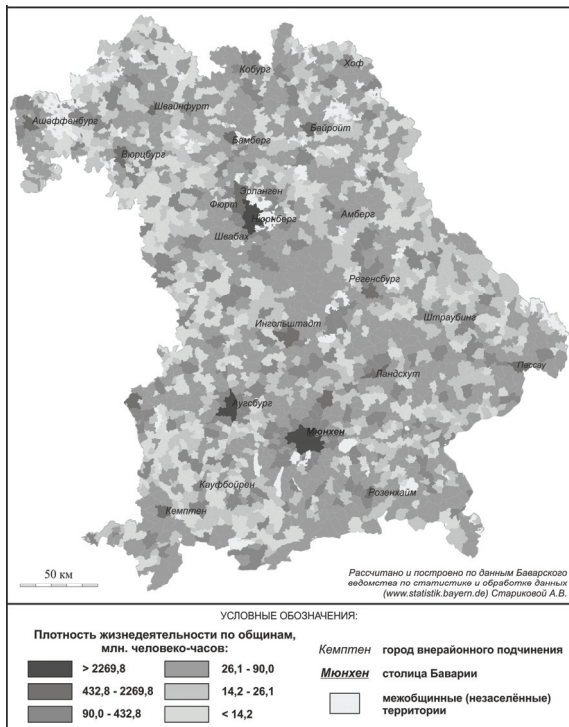

Рис. 1. Плотность жизнедеятельности по общинам Баварии, 2011 г.

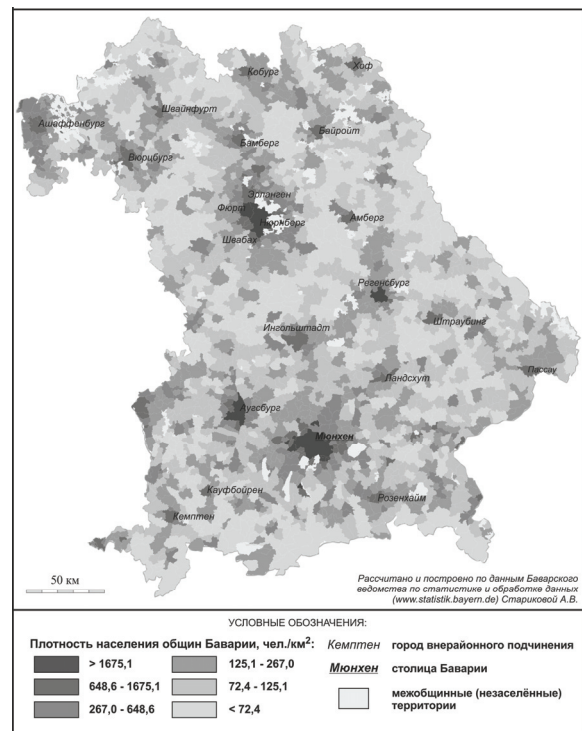

Рис. 2. Плотность постоянного населения по общинам Баварии, 2011 г.

Такой подход к изучению пространственной мобильности актуален не только для Баварии, но и для других регионов и стран, в т. ч. для России. Её огромная территория и расстояния, разнообразие природных условий и ресурсов по-своему влияют на социальное и региональное распределение ресурса времени, на его индивидуальное использование и закономерности пространственно-временного поведения жителей. Миграции, к которым можно отнести самые разные территориальные перемещения, включая возвратные (трудовые, учебные, рекреационно-туристические, семейно-бытовые), серьезно влияют на многие сферы жизни регионов выезда и въезда, участвуют в изменении структуры систем расселения, например, городских агломераций. При условии заинтересованности властей, бизнеса и т.д. практические результаты изучения мобильности могут способствовать улучшению качества жизни населения, способствуя решению проблем трафика, жилищного фонда, организации торговли и т.д.

Список литературы

1. Германия. Вызовы XXI века / под ред. В.Б. Белова. – М.: Изд-во «Весь мир», 2009. 792 с.
2. Гольц Г.А. Влияние транспорта на пространственное развитие городов и агломераций // Проблемы современной урбанизации. – М.: статистика, 1972. С. 159-190.
3. Пространственно-временной анализ системы расселения Московского столичного региона / под ред. Н.В. Петрова – М.: Институт географии АН СССР, 1988. 204 с.
4. Einig K., Pütz Th. Regionale Dynamik der Pendlergesellschaft. Entwicklung von Verflechtungsmustern und Pendeldistanzen. Informationen zur Raumentwicklung, 2007. Heft 2/3. S. 73-91.
5. Ellegård K. A time-geographical approach to the study of everyday life of individuals – a challenge of complexity. GeoJournal, 1999. No. 48. P. 167-175.
6. Gebhardt H. Süddeutschland im Standortwettbewerb der Bundesländer. Geographische Rundschau, 2008. No. 10. S. 4-9.
7. Haas H., Wallisch M. Wandel des Münchner Flughafens zur «Airport City». Entwicklungsdeterminanten und raumwirtschaftliche Ausstrahlungseffekte. Geographische Rundschau, 2008. No. 10. S. 32-38.
8. Kramer F. Aspekte der Modernisierung Bayerns. Geographische Rundschau, 2008. No. 10. S. 10-15.
9. Lenntorp B. The drama of real-life in a time-geographic disguise. 6èmes rencontres Théo Quant: nouvelles approches en géographie théorique et quantitative, 2003. 10 p.
10. Popp M. München. Boomende Stadtregion mit «Schönheitsfehlern». Geographische Rundschau, 2006. No. 6. S. 14-21.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ: "ВЕРХОВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ" ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ПОСТАНОВКИ ГИПОТЕЗ

В тексте предпринимается попытка проблематизации картографических материалов и их использования в социологическом исследовании. С позиций противопоставления вещи и обозначающего ее символа дается описание противоречивого статуса карты и вытекающих отсюда двух стратегий реализации исследования. Описываемые стратегии заставляют усомниться в адекватности разграничения качественных и количественных методов и ориентируют на поиск альтернативных основания для классификаций.

Ключевые слова: карта, территория, количественные и качественные методы.

Проблема соотношения социальных процессов и их репрезентаций

«Карта не есть территория»². Известное выражение Альфреда Коржибски, которое впервые было озвучено в рамках доклада на встрече Американского математического общества в 1931 году, обозначает не только онтологическую, но и эпистемологическую проблему. Соотношение вещи и символа ставит вопрос не столько о существовании самой вещи, о которой принято порой забывать³, сколько о возможности продуцирования суждений о вещи посредством анализа ее образа.

Образ территории среди прочих репрезентаций заключается в картографических материалах, которые ее описывают. Для географии критика картографической репрезентации послужила появлению новых отраслей: культурной и гуманитарной географии. Сомнение в том, что структура и содержание карты могут выстраиваться по логике организации самого картографического материала, позволило не только расширить инструментарий изучения пространственных представлений, но и наделить карту статусом автономного объекта-вещи, заслуживающего отдельного рассмотрения. «Иными словами, карта была не моделью той реальности, которую она намеревалась представить, а образцом для сотворения самой этой реальности... Она стала настоящим инструментом конкретизации проекций на земную поверхность»⁴. Так, карта Меркатора, завезенная европейскими колонизаторами в Таиланд в конце XIX века, в большей степени накладывала западную систему ценностей, чем уточняла представления о Земле. Вместо тайских представлений о «священных столицах и зримых населенных пунктах» пришла идея «территориально замкнутого пространства» - страны.

В рамках социологии аналогичной критике придавались опросные методики, механизм организации которых ставит под сомнение возможность получения адекватных описаний социальных процессов⁵. Однако, в отличие от географии, социология не формулирует явным образом оппозицию «опрос не есть общество», тем самым не наделяя результаты опроса и его механику онтологическим статусом.

Для нашей дискуссии наиболее интересным представляется аспект соотношения картографических и опросных репрезентаций социальных процессов. Картографирование давно включено в инструментарий социологического исследования, при этом остается не до конца понятным его статус и положение по отношению к другим методам. В статье мы

¹ Глазков Константин Павлович – студент 2 курса магистратуры Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ. Научные интересы: городские исследования, методология социологических исследований, ментальные карты. Email: glk@gorod.org.ru.

² Korzybski A. A Non-Aristotelian System and its Necessity for Rigour in Mathematics and Physics // Science and Sanity. 1933. PP. 747—761.

³ Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Издательство «Рудомино». 2001. 95 с. URL: (<http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ baudrillard-le-systeme-des-objets-81.pdf>).

⁴ Андерсен Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. URL: (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/04.php).

⁵ Blumer H. Public Opinion and Public Opinion Polling // American Sociological Review. № 13. 1948. PP. 542-549. URL: (https://www.brocku.ca/MeadProject/Blumer/Blumer_1948.html).

кратко обозначим проблему локализации картографирования в рамках оппозиции «качественные – количественные методы» и приведем размышления касательно стратегий использования данного метода в исследовании.

Ограничения карт и их безграничная власть

Использование картографических материалов в социологических исследованиях зачастую сводится к ментальному картографированию. История становления метода ментального картографирования отражает его принципиальную связь с когнитивной психологией¹ и городскими исследованиями². Эта связь, во-первых, косвенным образом накладывает содержательные ограничения на применение этого метода. К ментальным картам обращаются в том случае, если тема исследования считывается как «городская», то есть отсылает к вопросам воображаемого города, передвижения по городу и тому подобного, хотя категория «городского» сама по себе является не менее проблематичной. Во-вторых, «когнитивный» аспект переводит категорию образа в плоскость восприятия реальности, что подталкивает к поиску погрешности и отклонения от действительного³, то есть к четкому разграничению вещи и символа. Таким образом, мы можем отметить, что обращение к ментальным картам приводит или обусловлено специфическими содержательными и методологическими ограничениями.

Иная стратегия включения картографических материалов в социологическое исследование связана с использованием географических карт как подосновы для размещения социальных процессов⁴. В этом случае карта зачастую выступает в качестве результирующей. Значимые параметры и их значения проецируются на карту, тем самым образуя заведомо неизвестное распределение признака в пространстве, которое, в свою очередь, требует интерпретации, хотя во многом воспринимается как итог всех изысканий. На наш взгляд, такая логика анализа в большей степени связана с традицией географического детерминизма, для которой свойственно признание главенствующей роли пространственной упорядоченности⁵. При этом результирующая карта берется как нечто непроблематичное, не требующее отдельного рассмотрения. Она есть итог, или словами Уильяма Джеймса, «верховная реальность»⁶, в которую погружено сознание исследователя и которая определяет категории и возможности его познания, блокируя любые сомнения.

Карта в континууме «качественные – количественные методы»

Две описанные выше стратегии использования картографических материалов в социологическом исследовании по-своему локализуют этот метод по отношению к другим.

Стратегия, условно обозначенная как «когнитивная», подразумевает погружение в мир информанта. Цель «погружения» заключается в установлении индивидуальных категорий восприятия пространства для последующего понимания этих категорий с позиций социальных процессов. В таком случае процедура ментального картографирования требует детальной фиксации не только визуального материала, но и сопровождающего процесс его создания нарратива. То есть, в общем такая ситуация напоминает ситуацию интервью с использованием проективных методик.

Вторая стратегия, которую можно условно назвать «географическая», может и вовсе основываться на вторичных количественных данных. Собранные данные могут содержать

---

¹ Милграм С. Эксперимент в социальной психологии – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – С. 79-91.

² Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.

³ Golledge R.G. Representing, interpreting, and using cognized environments // Papers of the Regional Science Association, 1978. Vol. 41. PP. 169-204.

⁴ Барбаш Н.Б., Крючков Ю.А. Социальное картографирование как способ пространственной организации данных о социально-территориальной дифференциации состава и качества жизни населения // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. С. 115–129.

⁵ Голд Д. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 304 с. URL: (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/gold/index.php).

⁶ William J. The Principles of Psychology. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. PP. 913–951.

точные или категориальные оценки¹, которые на последующем шаге проецируются на карту. По сути, проделанные процедуры сводятся к визуализации количественных данных, которая мало чем отличается от графиков и таблиц.

Таким образом, использование картографических материалов не позволяет однозначно отнести данный метод к количественной или качественной стратегии реализации социологического исследования. Напротив, картографирование в очередной раз подталкивает методологов к пересмотру бинарной оппозиции в пользу других оснований для классификации подходов. Возможным основанием для альтернативной классификации могло бы послужить наличие или отсутствие разграничения между продуцируемым исследователем образом социальных процессов и самими процессами, что было описано выше.

Заключение

Следует признать, что широко используемые в социологических исследованиях картографические материалы привносят эпистемологические проблемы, которые они наследуют от смежных для социологии дисциплин (географии и психологии), где этот метод используется. Во многом эти проблемы связаны с необходимостью разграничения исследуемой вещи и описывающего ее символа. В свете конструктивистских и перформативных подходов этот вопрос стоит наиболее остро и требует отдельного рассмотрения.

В рамках противопоставления вещи и символа оппозиция «качественные и количественные методы», применительно к картам, отходит на второй план. Картографические материалы требуют дополнительной содержательной и методологической проблематизации. Она бы позволила перевести их из класса вещей-объектов «верховой реальности» в плоскость сомнения и постановки новых гипотез.

Список литературы

1. Blumer H. Public Opinion and Public Opinion Polling // *American Sociological Review*. № 13. 1948. PP. 542-549. URL: (https://www.brocku.ca/MeadProject/Blumer/Blumer_1948.html).
2. Golledge R.G. Representing, interpreting, and using cognized environments // *Papers of the Regional Science Association*, 1978. Vol. 41. PP. 169-204.
3. Korzybski A. A Non-Aristotelian System and its Necessity for Rigour in Mathematics and Physics // *Science and Sanity*. 1933. PP. 747—761.
4. William J. The Principles of Psychology. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. PP. 913–951.
5. Андерсен Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. URL: (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/04.php).
6. Барбаш Н.Б., Крючков Ю.А. Социальное картографирование как способ пространственной организации данных о социально-территориальной дифференциации состава и качества жизни населения // *Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы*. М.: Наука, 1994. С. 115–129.
7. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Издательство «Рудомино», 2001. 95 с. URL: (<http://yanko.lib.ru/books/philosoph/ baudrillard-le-systeme-des-objets-81.pdf>).
8. Голд Д. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 304 с. URL: (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/gold/index.php).
9. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
10. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии – СПб.: Издательство «Питер», 2000. – С. 79-91.

---

¹ Точечная оценка подразумевает наличие собственного значения у каждой единицы первичного анализа, которые затем используются для создания непрерывного признакового пространства (для интерполяции). Например, карта доступности городской среды для людей с ограниченными возможностями, где каждый объект инфраструктуры оценивается с точки зрения интересующего показателя, после чего делается сглаженная оценка по всей территории в целом. Категориальная оценка основывается на предварительном расчете средних показателей по группе, после чего полученные значения присваиваются конкретной категории. Например, средний ежемесячный доход по регионам.

РАЗДЕЛ 3.

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРСЫ

А.Б.Гофман (НИУ ВШЭ)

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА¹

В многочисленных исследованиях, посвященных проблематике социального единства, она осмысливается и анализируется в самых разнообразных теоретических и концептуальных формах, приобретает самые разнообразные понятийные и терминологические выражения.² Приводим перечень некоторых близких между собой по смыслу понятий, используемых для обозначения различных форм социального и человеческого единства, какв научном дискурсе, так и вне его (повседневная жизнь, политика, мораль и т.д.), часто в сочетании с прилагательным «социальный» («общественный»): *единство; единение, общность* (франц. *communion, communité*); *единогласие; соединение; объединение; единомыслие; единодушие; слияние; сцепление; спайка; монолитность; соборность; сплоченность* (англ. *cohesion; франц. cohésion*); *согласие (consensus); альтруизм; тождество; идентичность; принадлежность* (англ. *belonging; франц. appartenance*); *симпатия; консолидация; связь* [(англ. *bond, connection, ties* (множ. число); франц. *lien*); *привязанность* (франц. *attachement*); *дружба; братство; узы; скрепы; интеграция; ассоциация; союз; содружество; товарищество; кооперация; сотрудничество; гармония; взаимность* (англ. *mutuality*); *взаимопомощь; взаимобмен; совместность; вовлеченность* (франц. *engagement; нем. Einbeziehung*). Ит.д. Эти понятия имеют чрезвычайно важное значение для науки и практики, поскольку все они так или иначе выражают социальную природу человека, его *социальность* как таковую. Из всех перечисленных терминов в социологии для обозначения социального единства в самом широком смысле, вероятно, чаще всего используются четыре: *интеграция, солидарность, согласие (консенсус) и сплоченность*. Судя по всему, первый термин в большей мере ограничен рамками науки, чем три последних, хотя и он занимает определенное место если не в моральном, то в политическом дискурсе; мы говорим о «европейской интеграции», но о семье принято говорить, что она не "интегрированная", а «сплоченная».

В социологии понятие «интеграция» применительно к социальным образованиям различного масштаба (общество, группа и т.п.), выступает как наиболее общее, включающее в себя остальные параметры социального единства. Это понятие характеризует как «объективные» его стороны (институциональная и прочая взаимозависимость, взаимобмен, основанный на общем интересе и т.п.), так и «субъективные», состоящие во взаимной симпатии, при-

---

¹В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14–18–03784

²Из российских исследований последних лет см., в частности: Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Социокультурные факторы консолидации российского общества. М.: Институт социологии РАН, 2013. (ИНАБ №1 - 2013). Пантин В.И. Перспективы социально-политической и экономической интеграции России // Россия реформирующаяся. Вып.12 – ежегодник. Отв. ред. М.К.Горшков. М.: Новый хронограф, 2013. С.400-408. Согласие в обществе как условие развития современной России. Политические и социальные аспекты. Отв. ред. О.М.Михайленок. М.: Институт социологии РАН, 2011. Контурь социально-политического согласия по вопросам развития России. Отв. ред. О.М.Михайленок. М.: Институт социологии РАН, 2012. Социальная солидарность и альтруизм. Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. Сб. научных трудов. Отв. ред. Д.В.Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2014. См. также разделы, посвященные теме социальной солидарности, в трех выпусках «Социологического ежегодника» за 2011, 2012 и 2013 гг., изданных ИНИОН РАН и кафедрой общей социологии ВШЭ.

верженности одним и тем же ценностям, общая коллективная самоидентификация и т.д.). Этот вид интеграции можно обозначить как *интеграция общества*. Существует и другой ее вид, который можно квалифицировать как *интеграция с обществом*. В этом последнем случае речь идет об интеграции индивидов в определенные общества (группы) или же об интеграции групп в более широкие социальные образования. В этом втором значении понятие интеграции близко понятиям «адаптация», «социализация» и (или) «инклюзия». Соответственно, антонимами первого вида интеграции являются дезинтеграция, фрагментация или распад; второго – дезадаптация, маргинализация или эксклюзия.

Что касается понятий «солидарность», «согласие» и «сплоченность», то они фиксируют главным образом «субъективные» и моральные аспекты социального единства. Хотя эти аспекты часто базируются на «объективных» параметрах, они обладают, тем не менее, относительной автономией по отношению к ним. Одна группа может сильно зависеть от другой, получая от нее разного рода блага, но при этом совсем не испытывать к ней никакой благодарности или симпатии, не быть с ней солидарной (сплоченной) и не ощущать с ней общую идентичность. Объективная связь, взаимный интерес и зависимость в данном случае может совсем не сопровождаться эмоциональной связью и чувством общности.

Что касается понятия и проблематики солидарности, то нам уже приходилось ранее к ним обращаться.¹ Речь шла, в частности, о драматической истории идеи солидарности; теоретических уроках, которые необходимо извлечь из этой истории; современном состоянии исследований в данной области; соотношении социальной солидарности и социальной регуляции (абстрактных правил); аномии и т.д. Подчеркивалась фундаментальная полисемия слова «солидарность», тесно связанная со множественностью теоретических интерпретаций обозначаемого им явления, включая трактовку его как «объективную» взаимосвязь индивидов, групп, институтов и функций, что сближает его с понятием «интеграция». Такой точки зрения на солидарность придерживался Эмиль Дюркгейм, сделавший солидарность центральной категорией своей теории.

Среди многообразных реально функционирующих значений термина «солидарность» нами были выделены следующие: 1) объективная функциональная взаимозависимость, взаимодополнительность и общность интересов индивидов, групп, обществ; 2) субъективная взаимная симпатия, сочувствие, сопереживание социальных акторов; 3) их приверженность одним и тем же нормам и ценностям; 4) общая социальная (групповая) идентичность; 5) социальная связь в самом широком смысле; 6) социальная интеграция; 7) общность взглядов и ответственности акторов; 8) совместная деятельность для достижения определенной цели; 9) альтруистическая помощь, взаимопомощь или поддержка социальных акторов; 10) моральная обязанность, основанная на ценности справедливости и предписывающая помощь другим людям (ближним, соратникам в общем деле, нуждающимся, обделенным судьбой); 11) различные формы социальной, экономической и политической поддержки, в том числе со стороны государства, направленные на улучшение положения определенных социальных групп и слоев, включая деятельность институтов социальной защиты и социального страхования; 12) совместная ответственность за что-либо (отсюда, например, характеристика солидарности как «круговой поруки» и применения принципа «один за всех и все за одного» в словаре Владимира Даля).²

¹Гофман А.Б. Солидарность социальная // Современная западная социология. Словарь. Под ред. Ю.Н.Давыдова. М.: Изд. полит. литературы, 1990. С.314. А.Б.Гофман. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е.Покровский, Д.В.Ефременко. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. С.97-167. Idem. Социальная солидарность и альтруизм. Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. Сб. научных трудов. Отв. ред. Д.В.Ефременко. М.: ИНИОНРАН, 2014. Gofman A. Durkheim's Theory of Social Solidarity and Social Rules // The Palgrave Handbook of Altruism, Morality, and Social Solidarity. Formulating a Field of Study. Ed. by Vincent Jeffries. New York; Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2014. P.45-70.

²См.: Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм. Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. Сб. научных трудов. Отв. ред. Д.В.Ефременко. М.: ИНИОНРАН, 2014. С.29.

И все же в понятии «солидарность» «субъективные» аспекты социального единства, характеризующие сферу коллективных привязанностей, идентификаций и чувств, как правило, преобладают над «объективными». То же самое, и даже в большей мере, относится к понятию «согласие» («консенсус»). «Согласие» чрезвычайно близко по значению термину «солидарность» и является почти полным его синонимом. Иногда оно трактуется как та же солидарность, но в наивысшей степени. Именно так согласие интерпретировал Огюст Конт, который придавал обоим явлениям чрезвычайно важное значение, так же как и феномену альтруизма (само слово «альтруизм» не случайно явилось его изобретением).

Что касается «сплоченности», то семантически она очень близка к «солидарности» и «согласию» и часто используется как их синонимы. Так же как и два предыдущих слова, а возможно и больше, исторически она оказалась сильно нагруженной вненаучными, в частности, политическими коннотациями. В СССР это слово играло важную роль в политической риторике и в пропаганде. Оно часто фигурировало в разного рода политических документах, речах и лозунгах, вроде такого: «Еще сильнее, все как один, сплотимся вокруг родной Коммунистической партии и Советского правительства!». В Уставе ВКП(б), принятом ХУПсъездом партии в 1934 г., утверждалось: «Партия сильна своей сплоченностью, единством воли и единством действий, несовместимых с отступлением от программы, нарушением партийной дисциплины и с фракционными группировками внутри партии».

Тем не менее, слово «сплоченность» (франц. *cohésion*, *cohérence*; англ. *cohesion*) достаточно давно было внедрено и в язык науки, в том числе естественной, не говоря уже о социологии и социальной философии. В различных европейских языках оно издавна означало крепкую связь между объектами и элементами некоего целого и силу, которая эту связь поддерживает и укрепляет. В словаре В.И. Даля слова «сплотить», «сплачивать» связываются прежде всего с крепким соединением различных деревянных изделий, бревен, досок и т.п., с плотничьими работами (ср. *плотник*, *плот*).

Хотя для Дюркгейма термин «социальная солидарность» играл ключевую роль в первый период его творчества, он использовал также и термин «сплоченность» (“*cohésion*”), в частности в выражениях «социальная сплоченность» (“*cohésionsociale*”) и «сплоченность общества» (“*l'acohésiondelasociété*”). Этот термин, по данным, полученным нами в он-лайн библиотеке Национальной библиотеки Франции *Gallica*, в труде «О разделении общественного труда» (1893) встречается на 26 страницах, а в «Самоубийстве» (1897) – на 4-х. Иногда Дюркгейм использует его как синоним интеграции и солидарности, а иногда – как следствие или элемент последней.

Термин «сплоченность» мы встречаем и в знаменитой книге Анри Бергсона «Два источника морали и религии» (1932): «Неизменно направленная сила, которая для души есть то же, что сила тяжести для тела, обеспечивает сплоченность группы».¹ Социальная сплоченность в его истолковании выступает как базовый и необходимый признак «закрытого общества», «закрытой морали» и «статической религии», подобных муравейнику или пчелиному рою, в отличие от человеческого единства, связанного с «открытым» обществом», «открытой моралью» и «динамической религией». В трактовке обоих типов единства людей Бергсон испытал влияние Огюста Конта и Эмиля Дюркгейма.

В целом, интерпретация понятия социальной сплоченности, реальной практики его использования, позволяет сделать вывод о том, что фактически оно почти синонимично понятиям социальной солидарности и социального согласия. Точно так же, как последние, оно составляет один из компонентов социальной интеграции в первом из выделенных выше значений («интеграция общества»). Если сплоченность, так же как солидарность и согласие, относится главным образом или исключительно к акторам, индивидуальным и коллективным, то интеграция характеризует единство не только акторов, но и институтов, организаций и других элементов социальной системы.

Социальная сплоченность, так же как солидарности и согласие, тесно связана с регулятивной сферой, которая представлена правилами, выполняющими нормативную, ценностную и символическую функции. Однако, хотя указанная сфера безусловно воздействует на

---

¹ Бергсон А. Два источника морали и религии. Изд. 2-е. М.: Книжный Дом «Университет», 2010. С.214.

степень сплоченности, аналитически она автономна по отношению к последней. В чистом виде сплоченность (солидарность, согласие) базируется на отношениях «мы – они», «свои – чужие», «наши – не наши», даже тогда, когда индивиды не разделяют нормы и ценности своей группы. Приверженность своей группе обусловлена в таком случае просто тем, что это «свои», «наши», и это порождает участие индивидов в реализации определенных групповых целей и поведения. В больших, сложных обществах это порождает проблему расхождения и борьбы между партикулярными групповыми сплоченностями (солидарностями), их доминирования над более общими социальными правилами, присущими более широким социальным образованиям. А это в свою очередь чревато ослаблением интеграции этих последних и их распада. Отсюда важность различения двух базовых типов обществ: "малых", основанных на достижении общих целей, «племенной», корпоративной и т.п. солидарности, с одной стороны, и больших сложных современных обществ, основанных на соблюдении «абстрактных правил», с другой.

Разумеется, обе указанные сферы воздействуют друг на друга, влияют друг на друга, но аналитически их следует различать.

Проблема сочетания партикуляризма и универсализма имеет важнейшее значение как для «внутреннего» существования больших социетальных образований, включающих в себя разнообразные групповые сплоченности (этнические, религиозные, клановые, корпоративные и т.п.), так и для «внешнего», поскольку они так или иначе сталкиваются с необходимостью не только взаимодействия с более широкими социально-экономическими, социокультурными и политическими структурами и ареалами, но и более или менее гармоничного включения в них.¹ Решение этой проблемы – императив существования и выживания больших сложных обществ первой половины XXI века.

Н.Е.Покровский (НИУ ВШЭ)

П.А.КРОПОТКИН О СПЛОЧЕННОСТИ, САМООРГАНИЗАЦИИ СООБЩЕСТВ, ВЗАИМОПОМОЩИ И АЛЬТРУИЗМЕ. (СОВРЕМЕННЫЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ)²

Российская интеллектуальная традиция дает удивительные примеры научных открытий и озарений (insights), которые в текущей исторической эпохе достаточно неожиданно обретают вторую жизнь. Один из знаменательных примеров подобного рода обновления традиции связан с идейным наследием выдающегося российского ученого Петра Алексеевича Кропоткина. Именно Кропоткин разработал в контексте своей исторической ситуации концепцию сплоченности, самоорганизации сообществ, взаимопомощи и альтруизма, выражавших, по его мнению, самую суть общественных отношений в исторической ретроспективе и современной динамике. Кропоткин в своих произведениях и практической деятельности социального лидера воплощал приверженность идеалу гуманизма, веру в этическую природу человека, желание найти в обществе противовес индивидуализму и разобщенности, стремление сделать научную теорию инструментом преобразования социальной реальности. Сегодня его идеи, казалось бы, глубоко рефлексивные по отношению к своему времени и не претендовавшие на вневременную значимость, обнаруживают свою вневременную актуальность. Они оказываются созвучными нашему времени в гораздо большей степени, чем это можно было бы предполагать.

¹ Детальное обсуждение этой проблемы см. в упомянутой выше работе "Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции". См. также об этом: Гофман А.Б. От "малого" общества к "большому": Классические теории социального роста и их современное значение (1997) // Гофман А.Б. Классическое и современное. Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003. С.597-610.

² В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14-18-03784.

Петр Алексеевич Кропоткин (1842-1921) – русский ученый-естествоиспытатель, географ, всемирно известный социальный мыслитель, в ряде произведений отстаивал ключевую для своего учения теорию, согласно которой ткань общества и ее связующие элементы в значительной степени определяются не только и не столько внутри- и межвидовой борьбой особей за выживание, сколько принципами взаимопомощи, взаимного доверия, полагания на другого¹.

В своей книге «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса»² П.А.Кропоткин отдавал дань глубокого уважения Чарльзу Дарвину, автору учения о естественном отборе: «Несметное количество самых разнообразных фактов, которые мы прежде объясняли каждой своею причиною, было охвачено Дарвином в одно широкое обобщение. Приспособление живых существ к обитаемой ими среде, их прогрессивное развитие, анатомическое и физиологическое, умственный прогресс и даже нравственное совершенствование — все эти явления стали представляться нам, как части одного общего процесса. Мы начали понимать их, как ряд непрерывных усилий, — как борьбу против различных неблагоприятных условий, ведущую к развитию таких личностей, рас, видов и обществ, которые представляли бы собою наибольшую полноту, наибольшее разнообразие и наибольшую интенсивность жизни»³. При этом Кропоткин отмечает, что последователи и эпигоны Дарвина неправомерно обострили трактовки принципов естественной эволюции, приспособления к внешней среде и борьбы за существование, доведя их до уровня универсального закона социального бытия. В таком псевдосоциологическом виде дарвинизм предстал в виде своего рода апологии эгоизма, индивидуализма, максимизации экономической выгоды, «экономического человека» как основополагающих принципов общественного устройства, почти в чистом виде заимствованных из биологического эволюционизма. Согласно социал-дарвинизму, лишь «наиболее сильные, наиболее ловкие и наиболее хитрые» выживают для того, чтобы каждодневно вести борьбу за свое выживание, при этом слабейшие погибают, уступая свое место в социальной иерархии наиболее сильным и приспособленным к внешним условиям. В таком виде мораль и культура общества предстают лишь как чисто внешние атрибуты («одежды», выражение Томаса Карлейля⁴), прикрывающие естество реального процесса с его конкуренцией индивидов и борьбой за выживание. Одновременно с этим последующие интерпретаторы дарвинизма, в особенности Томас Гексли⁵, последовательно распространили дарвиновскую теорию естественной эволюции на сферу общества, превратив классическое учение английского эволюциониста в универсальную социологическую теорию (на что вовсе не претендовал сам Дарвин). Концепция же Кропоткина базировалась на т.н. «втором законе Ч. Дарвина» о взаимной помощи внутри одного вида, как основе эволюционного прогрессивного развития. Согласно Дарвину, «второй закон» (внутривидовой взаимопомощи) имел существенно большую значимость, чем борьба за существование («первый закон»)⁶.

Отвергая вульгарный социал-дарвинизм, Кропоткин в равной мере не соглашался и с учением Ж.-Ж.Руссо об изначальной природе как средоточии буколической любви, мира и гармонии, нарушаемых лишь с появлением человека. Руссо отказывался видеть в природе даже элементы борьбы за выживание, что на взгляд натуралистов делало руссоизм во многом нереалистичным и даже наивным. «Едва только мы начинаем изучать животных — не в одних лишь лабораториях и музеях, но также и в лесу, в лугах, в степях и в горных странах, — как тотчас же мы замечаем, что хотя между различными видами, и в особенности между раз-

---

¹ Dugatkin, L. A. The Prince of Evolution: Peter Kropotkin's Adventures in Science and Politics. Charleston, SC: CreateSpace, 2011.

² Kropotkin, Peter. Mutual Aid: Factor of Evolution. — Опул.: 1902. Первое издание на русском языке: П. А. Кропоткин. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Перевод с англ. В.Батуриного — С.-Петербург: Товарищество «Знание», 1907.

³ Кропоткин, П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса, с.13.

⁴ Карлейль, Т. Sartor Resartus. Жизнь и мысли Герр Тейфельсдрека. В трех книгах. Перевод с английского Н.Горбова. М., 1904.

⁵ See: James G. Paradis and George Williams. Evolution and Ethics: T.H. Huxley's Evolution and Ethics with New Essays on Its Victorian and Sociobiological Context. Princeton University Press, Princeton, 1989.

⁶ Vucinich, Alexander. Darwin in Russian Thought. University of California Press, Berkeley, 1988, p.349.

личными классами животных, ведется в чрезвычайно обширных размерах борьба и истребление»¹, делал вывод Кропоткин.

Таким образом, для русского социального мыслителя обе точки зрения—Дарвина-Гексли и Руссо—оказывались в равной степени, но по разным основаниям неприемлемыми. Противопоставляя им свою позицию естествоиспытателя, Кропоткин выдвигал основополагающий тезис, согласно которому в таких же или даже в еще больших размерах, в природе, наряду с борьбой за выживание, наблюдается взаимная поддержка, взаимная помощь и взаимная защита среди животных, принадлежащих к одному и тому же виду, или, по крайней мере, к тому же сообществу. При этом российский ученый затруднялся дать итоговую количественную оценку баланса элементов борьбы и взаимопомощи. Однако, на его взгляд, в природном мире взаимопомощь явно превалирует над борьбой на уничтожение. Притом речь шла не о некоей «доброй воле» и благом природном умысле предустановленной гармонии, а о явлениях вполне объективных—взаимопомощь оказывается более адаптивной стратегией в процессе приспособления к изменяющимся условиям внешней среды². Иными словами, согласно расширенной трактовке биологоэволюционной теории П.А.Кропоткина, такие наблюдаемые в мире природы явления, как сплоченность (cohesion)³, солидарность (solidarity), интеграция (integration), кооперация-сотрудничество (cooperation), взаимопомощь (mutual aid, mutual assistance), альтруизм (altruism) доказывают, что эволюционно они более эффективны, чем принцип борьбы и жесткого выживания сильнейшего (survival of the fittest). «Если же принять во внимание бесчисленные факты, которые все говорят в поддержку этого взгляда, то с уверенностью можно сказать, что взаимная помощь представляет такой же закон животной жизни, как и взаимная борьба. Более того, как фактор эволюции, т. е., как условие развития вообще — она, по всей вероятности, имеет гораздо большее значение, чем взаимная борьба, потому что способствует развитию таких привычек и свойств, которые обеспечивают поддержание и дальнейшее развитие вида, при наибольшем благосостоянии и наслаждении жизнью для каждой отдельной особи, и в то же время, при наименьшей бесполезной растрате ею энергии, сил»⁴, делал вывод Кропоткин.

Таким образом, свою, по сути, социобиологическую теорию Кропоткин противопоставлял вульгарному биологизму постдарвиновских эволюционистов⁵. Однако конечная цель русского ученого состояла в том, чтобы на основе широкого и тщательно проработанного на богатейшем эмпирическом материале социобиологического анализа природного мира перебросить мост от мира природы к социальному миру. Логика ученого достаточно очевидна. Коль скоро общество рассматривается в качестве естественного эволюционного этапа развития природы, то базовые принципы организации общества наследуют базовые принципы природы и среди них, прежде всего, взаимопомощь, которая становится ключевой категорией социологии⁶.

В ходе развития общества биосоциальный инстинкт взаимопомощи все глубже проникает в клетки социума, сплавивает его. Инстинкт превращается в обычай, фиксируется в общественной морали, закрепляется в традиции и приобретает силу институциональной нормы. Сплоченность, выросшая из инстинкта взаимопомощи трансформируется в понятие социальной справедливости, которая, в свою очередь, формирует представления о равенстве. «*Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность*—таковы последовательные шаги восходящего ряда настроений, которые мы познаем при изучении животного мира и человека. Они представляют *органическую необходимость*, несущую в самой себе свое оправдание, подтвержда-

¹ Кропоткин, П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса, с.17.

² Dugger, William. Veblen and Kropotkin on Human Evolution. In: Evolutionary Theory in Social Sciences. Ed. by William M. Dugger. Vol.II. Evolutionary Social Sciences. Routledge, New York, 2003, p.119.

³ Li, Yining. Beyond Market and Government: Influence of Ethical Factors on Economy. Springer, Berlin, 2014, p.71.

⁴ Кропоткин, П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса, с.18.

⁵ Borrello, Marc. Evolutionary Restraints: The Contentious History of Group Selection. The University of Chicago Press, Chicago, 2012, p.36.

⁶ Paleo, Urbano Fra. Cooperation versus competition in nature and society: The contribution of Piotr Kropotkin to evolutionary theory. —Radical Criminology, 2012, No 1.

ему всем развитием животного мира, начиная с первых (в виде колоний простейших животных) и постепенно поднимаясь до высших человеческих обществ. Говоря образным языком, мы здесь имеем *всеобщий закон органической эволюции...*¹.

Эволюция природного мира рассматривалась Кропоткиным как непрерывная линия преемственности природного и социального начал. Именно трансформированные принципы природы, по мысли ученого, должны были найти свою реализацию в грядущем справедливом и свободном устройстве общества, опирающемся на сплоченность его членов и имевшем единую этическую основу—принцип взаимопомощи, который становился своего рода гравитационным элементом, «клеем», связывающим индивиды в сплоченное целое².

Размышляя о будущем современного ему общества, общества как такового, Кропоткин представлял его в виде федерации внутренне сплоченных профессиональных объединений, основанных на взаимной помощи, свободном обмене умениями, способностями и знаниями. Подобная, как мы бы сказали сегодня, сетевая горизонтальная структура, по мысли ученого, должна была состоять из самоуправляющихся коммун, самодостаточных в своем материальном статусе и независимых от стороннего работодателя. На принципах свободной кооперации со своими союзниками и партнерами подобные коммуны смогли бы образовывать более крупные федерации, как по территориальным, так и профессионально-производственным признакам. В целом воистину эпическая картина целых констелляций самоуправляющихся коммун и федераций, предлагавшаяся Кропоткиным, в основе своей имела систему морали, которая опиралась на раскрепощенное природное начало в человеке, а именно взаимопомощь, ведущую к сплоченности. «Это общество, – писал Кропоткин, – будет состоять из множества союзов, объединенных между собою для всех целей, требующих объединения, – из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем касающимся, с одной стороны, устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой – снабжением продуктами питания, одеждой и т.п.»³. Так в теории реализовывалась идея российского социального мыслителя о том, что в основе исторического прогресса лежит прогресс морали, опирающейся на взаимопомощь и сплоченность.

Помимо рабочих профессиональных союзов и производственных объединений Кропоткин видел в этой стройной мозаичной конструкции общественных организаций политические союзы и партии, потребительские и иные кооперации, а также многочисленные организации по интересам. «Бесчисленное количество обществ, клубов и союзов для развлечений, для научных работ и исследований, для образовательных целей и т. п., распространившихся за последнее время в таком количестве, что потребовались бы многие годы для простой их регистрации, представляют другое проявление той же вечно действующей силы, призывающей людей к объединению и взаимной поддержке»⁴. Таким образом, с известной долей условности можно утверждать, что картина, нарисованная Кропоткиным, практически совпадает с тем, что мы называем сегодня гражданским обществом. Для Кропоткина свободные ассоциации, усиленные внутренней сплоченностью их членов, находятся в процессе постоянного изменения, медиации друг с другом и взаимодействий, которые возникают, проходят естественный социальный отбор, укрепляются, либо отмирают. Это не застывшая социальная структура, а «живая ткань общества», метафорически напоминающая жизнедеятельность природы с ее цикличностью, изменчивостью, пластичностью и динамикой.

За образным строем мысли Кропоткина прослеживался строгий стиль мышления ученого-естествоиспытателя и социолога, противопоставлявшего свою теорию теории «экономического человека» с ее акцентом на конкуренции индивидов и максимизации персональной выгоды.

¹ Кропоткин, П.А. Этика. М., 1991, с. 44.

² Zuri, M., Puertas, E. Challenges of Social Cohesion in Time of Crisis. Madrid, 2010, p.44.

³ Кропоткин, П.А. Записки революционера. М., Московский рабочий, 1988, с. 389.

⁴ Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса, с.281.

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ: КОНТЕКСТ, СМЕЖНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

В последние двадцать-тридцать лет можно констатировать рост интереса к тематике социальной сплоченности, интеграции, солидарности, доверию и смежным понятиям в различных областях. С одной стороны, подобное развитие обусловлено ростом количества, географического охвата и качества доступных данных в эмпирических исследованиях (например, Всемирного исследования ценностей, Европейского исследования ценностей или Европейского социального исследования¹), позволяющих сопоставлять различные страны и регионы, в том числе, и во временной перспективе. С другой стороны, в обществе стала острее, чем когда либо, ощущаться проблема недостатка социальных связей и необходимости «восстановления» или их замены. Так, Зигмунд Бауман также констатирует рост популярности данной тематики. По его мнению, это «реакция на ускоряющееся «разжижение» современной жизни, реакция прежде всего на один аспект жизни... – усугубляющийся дисбаланс между индивидуальной свободой и безопасностью» [Бауман 2008: 183]. Среди социальных процессов, вследствие которых исследования сплоченности являются особенно важными, Драголов с соавторами называют: рост неравенства по доходам, увеличение социального расслоения и эксклюзии, индивидуализм, разрушение локальной идентификации, рост миграции, рост этнического и культурного разнообразия [Dragolov et al. 2013: 4].

Сущность понятия «сплоченность», масштабность исследования (микро-, мезо-, макроуровень), рассматриваемые в его рамках явления и предлагаемые измерения зависят от дисциплины. Так, в социологии может изучаться поведение социальных групп и организаций с обращением к понятию социальной структуры и методологии его исследования; в социальной психологии – как одна из характеристик, наряду с другими участвующая во взаимодействии внутри и между малыми группами; в психологии это понятие может применяться к членам групп, разделяющими общие эмоциональные и поведенческие характеристики друг с другом или со всей группой; в исследованиях ментального здоровья малую группу рассматривают как динамическую систему, где социальная сплоченность определяет степень дифференциации ролей в зависимости от стадий развития групп, в исследованиях, посвященных здравоохранению, сплоченность рассматривается как часть социального и окружающего мира индивидуумов и общества, оказывающая влияние на риски для здоровья и являющаяся «охраняющим» фактором [Bruhn 2009: 31]; сплоченность изучается как один из аспектов качества жизни в работах, посвященных социальной политике и государству всеобщего благосостояния (welfare state) [Berger-Schmidt 2000], в частности, документах правительств, партий, НКО, международных организаций, таких как Всемирный Банк, Европейская комиссия, ОБСЕ.

Показательно, что в исследованиях, посвященных социальной сплоченности, называются самые различные авторы и концепции. Так, среди называемых Бруном «праотцев» исследований сплоченности мы находим различных психологов, начиная от Лебона и Фрейда до Морено, Левина и Милграма, а также представителей теории обмена (Хоманс) и др. Из «классиков социологии» упомянуты только Дюркгейм и Кули [Bruhn 2009: 32-34]. В работе Нортон и де Хаана, напротив, упомянуты преимущественно социологи: Дюркгейм, Маркс и Ленин, Вебер, Хабермас, Бурдьё и Патнам. [Norton, de Naan 2013: 6-7]. Драголов с соавторами

* В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14-18-03784. Автор выражает благодарность А. М. Алмакаевой за советы в процессе подготовки публикации.

¹ Всемирное исследование ценностей (WVS) и Европейское исследование ценностей (EVS) появились в 1981 г., Европейское социальное исследование (ESS) – в 2002 г. Последний раунд WVS включает почти 100 стран (<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>), EVS – 47 стран (http://www.europeanvaluesstudy.eu/frmShowpage?v_page_id=4386315781860116), ESS – 29 (http://www.europeansocialsurvey.org/about/participating_countries.html).

упоминают из классиков только Дюркгейма и Тенниса [Dragolov et al. 2013]. Стоит, однако, отметить, что больше количество упоминаемых авторов, в особенности, из классической социологии или психологии, до 70-ых годов не использовали понятия «сплоченность». Так, современный автор Патнам, автор книги “Bowling Alone: The collapse and revival of American community” (2000), исследует, прежде всего, «социальный капитал».

Еще одна существенная черта исследований сплоченности – отсутствие не только четкого определения, но и наличие большого числа смежных понятий, зачастую используемых в качестве компонентов сплоченности, в особенности, в междисциплинарных исследованиях, например: солидарность [Dickes, Valentova, 2013, Dragolov et al. 2013], доверие [Dickes, Valentova, 2013; Dragolov et al. 2013], участие [Dickes, Valentova, 2013], социальный капитал [Rupasinghaa et al. 2006, Guler, Nerkar 2012].

Сплоченность в англо- и русскоязычном контексте

В англоязычных словарях термин «сплоченность» (cohesion, хотя иногда употребляется и форма „cohesiveness“ [Bruhn 2009: 31]) используется не только и не столько в социологии. Так, в словаре Вебстер дается три значения – первое – близкое к социологическому и психологическому значению «процесс или состояние соединения; склеивания» [Webster's New International Dictionary 1947: 520], второе значение – из области ботаники, третье – из физики. В энциклопедии «Британника» приводятся только значения из области ботаники и физики [The New Encyclopaedia Britannica 1994: 435].

В русском контексте слово сплоченность фигурирует в глагольной форме «сплачивать», «сплотить», что описывало столярную и плотницкую работу, «пригнать плотно, вплоть» [Даль 1990 [1880-1882]: 292]. В середине двадцатого века к нему добавилось и второе значение: в переносном значении «сплотиться» - «достигнуть полного единодушия среди кого-нибудь» [Ожегов 2003: 742], «сплоченный» - «дружный, единодушный, организованный» [Ожегов 2003: 743] и «единодушный, тесно сплотившийся» [Толковый словарь русского языка 2000 [1940]: 441]. Стоит отметить, что в словаре под редакцией Ушакова данное слово помечено как «книжное», по-видимому, оно уже позже становится общеупотребительным. Сопоставим контексты, в которых используется термин «сплоченность»: во-первых, это уровень идеологии, политики, во-вторых, силы, единства коллектива, в-третьих, его «массовости»: «Мы сильны своей сплочённостью» [Ожегов 2003: 743], «Партия сильна своей сплоченностью, единством воли, единством действий» [Устав ВКП(б), цит.по: Толковый словарь русского языка 2000 [1940]: 441], «У нас в СССР укрепление основ национального братства, обеспеченный национальный мир и сплочение миллионных масс народов вокруг советской власти» [Сталин, цит.по: Толковый словарь русского языка 2000 [1940]: 441]. Это понятие использовалось в изданиях идеологического и политического толка, книгах по педагогике и психологии, в художественной литературе и лишь в последние несколько лет – в области социологии и социальной работы¹.

Таким образом, можно констатировать, что значения понятия сплоченность в русском и английском языке существенно различаются. Если в английской версии необходимо выделять контекст социальных наук, не являющийся доминирующим, но понятие сплоченности институционализированно и в социальной науке, и в бытовом понимании, то русское понятие все еще в сильной мере несет в себе политическую, идеологическую коннотацию, а в социологии встречается реже, чем смежные понятия «солидарность», «интеграция» и др.).

Обратимся к исследованиям сплоченности, главным образом, эмпирического и, в меньшей степени, методологического характера.

Сплоченность и смежные понятия в эмпирических исследованиях

Мы решили проанализировать распространенность исследований по сплоченности, а также смежных понятий, наиболее часто встречаемых в эмпирических исследованиях, – «солидарность», «доверие», «социальный капитал». Нами проанализированы публикации, ин-

---

¹ См. электронный каталог Российской государственной библиотеки, www.rsl.ru. Режим доступа: 28.11.2014.

дексируемые в библиографической базе Scopus¹ по годам, направлениям исследования, странам, где живут авторы, и журналам. Рассматривались как непосредственно исследования, где данные понятия использовались в названиях, аннотациях и ключевых словах, либо только в названиях; так же и те же параметры выбранных нами понятий с фильтром «социальные науки». Кроме того, для характеристики работ по «доверию» дополнительно использовалось понятие «обобщенного доверия» (generalized trust), как более типичного для социальных наук.

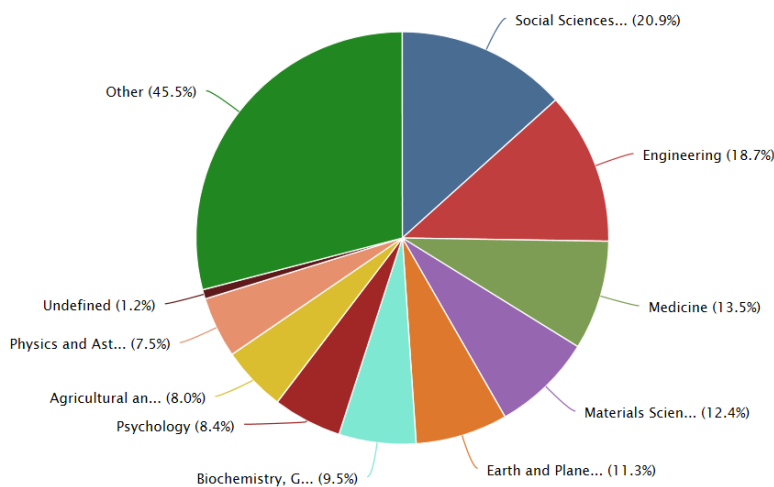
Таблица 1. Частота использования понятий в статьях, индексируемых в Scopus, за все периоды (количество публикаций).

	Сплоченность (cohesion)	Солидарность (solidarity)	Доверие (trust)	Обобщенное доверие (Generalized trust)	Социальный капитал (Social capital)
Всего, в названии, аннотации и ключевых словах	28631	9945	96043	339	13126
Из них, в названии	4191	2293	24634	90	7434
В социальных науках, в названии, аннотации и ключевых словах	5988	6005	19323	207	5266
Из них, в названии	1185	1341	5164	60	2973

Мы видим, что наиболее массовыми являются работы по исследованию доверия как в целом, так и в социальных науках. Также мы видим, что «обобщенное доверие» является более узким понятием, чем «доверие», используемое в социальных науках. Концепции «сплоченность» и «солидарность» используются в социальных науках в примерно одинаковом количестве. Все понятия используются значительно реже в заголовках, чем в аннотациях и ключевых словах. Нередко совместное использование разных понятий (например, сплоченности и социального капитала).

График 1. Использование понятий в различных сферах науки в статьях, индексируемых в Scopus, за все периоды² (количество публикаций).

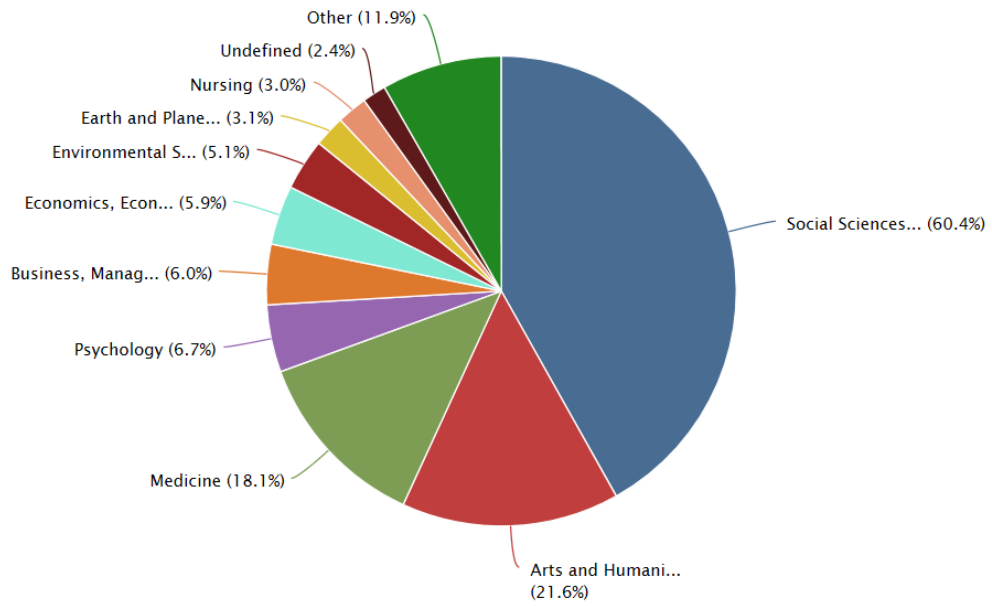
1. Сплоченность

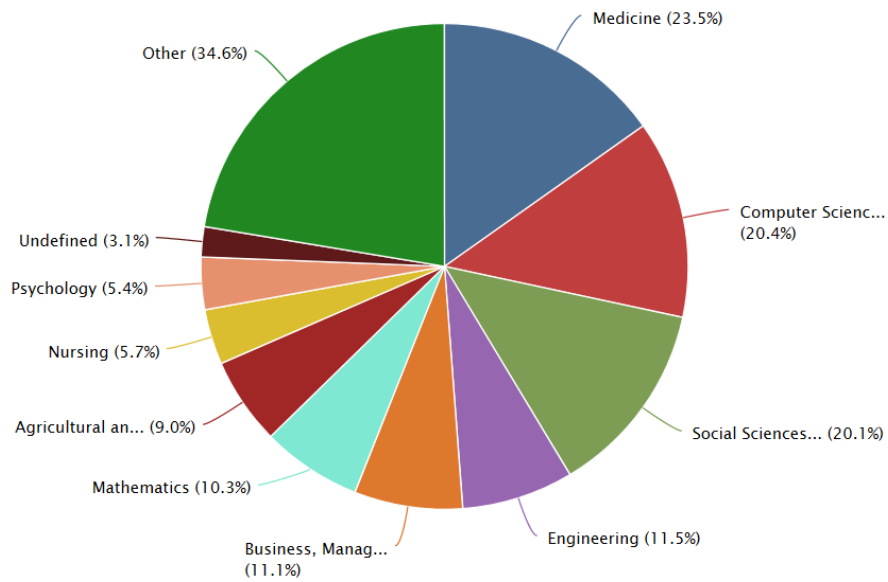
¹ <http://www.scopus.com/>. Анализ проведен 27-30.11.2014. Информация по 2014 и 2015 гг. постоянно обновляется. Потому могут быть несущественные различия в результатах по данным годам.

² Количество публикаций, где в названиях, аннотациях и ключевых словах указаны соответствующие понятия.

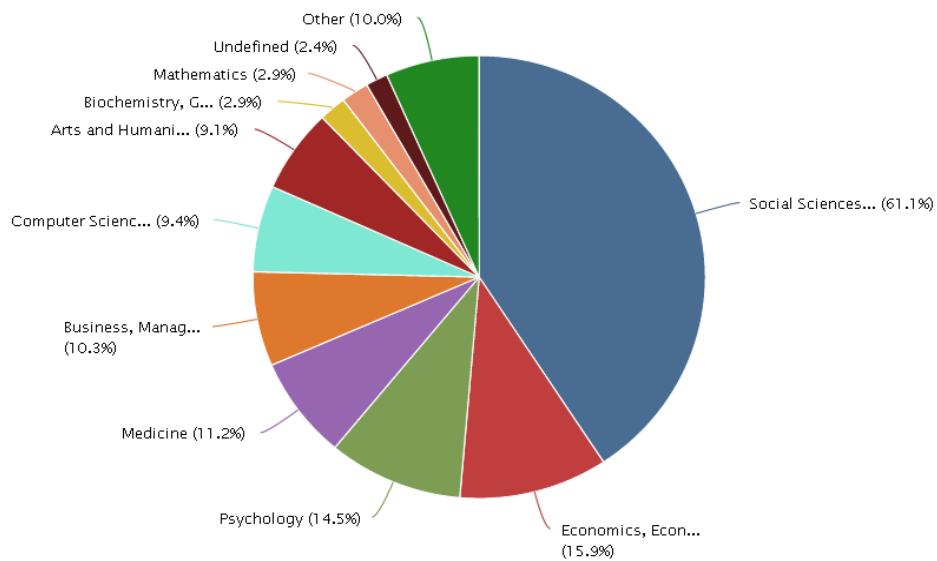
2. Солидарность

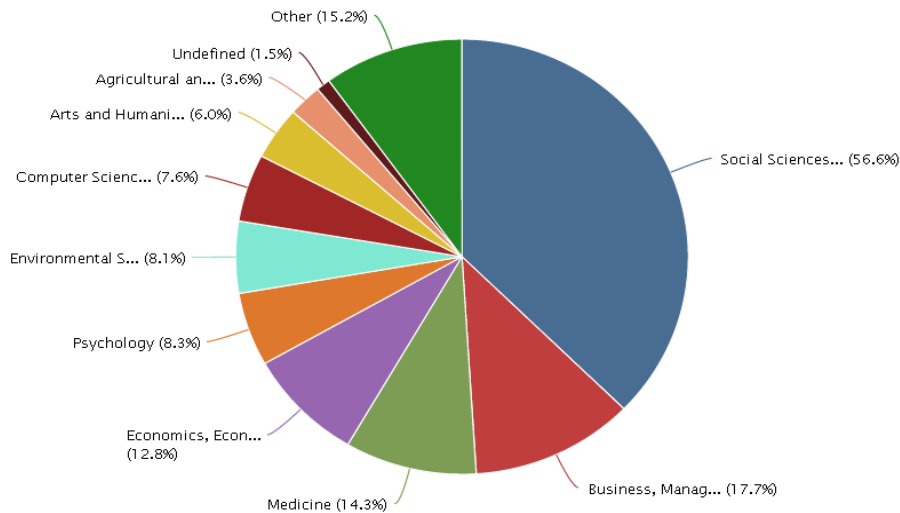
3. Доверие

4. Обобщенное доверие

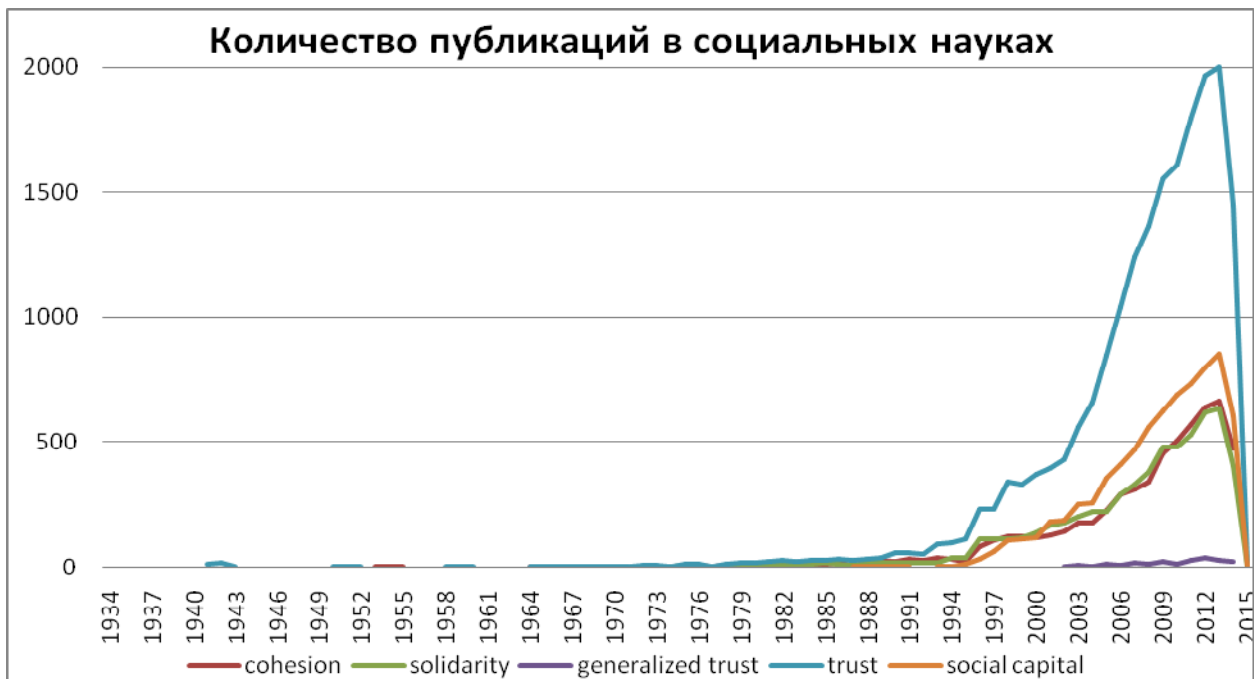

5. Социальный капитал

Как мы видим, три понятия являются преимущественно социологическими – «солидарность» (60,4% использований приходится на долю социальных наук), «обобщенное доверие» (61,1%) и «социальный капитал» (56,6%). Наиболее близким по структуре к понятию «сплоченность» является понятие «доверие»: лишь пятая часть исследований приходится на долю социальных наук, высока доля наук о медицине (13,5% и 23,5% соответственно), инженерных дисциплин (18,7% и 11,5%). Публикации по обобщенному доверию и социальному капиталу также имеют схожую структуру между собой: высокая доля экономических исследований (15,9% и 14,2% соответственно), публикаций в сфере менеджмента и бизнес-исследований (10,3% и 14,1%).

График 2. Частота использования понятий в публикациях в социальных науках, индексируемых в Scopus по годам, начиная с 1934¹ г. (количество публикаций).

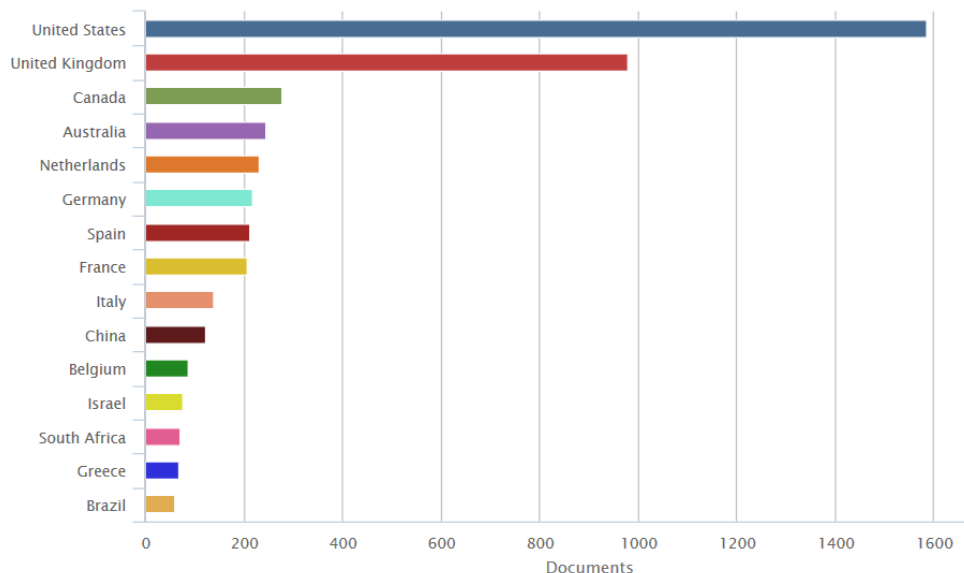

¹ Количество публикаций, где в названиях, аннотациях и ключевых словах указаны соответствующие понятия. Год появления первой публикации с использованием понятия «сплоченность» взят за основу, поскольку и в других областях количество публикаций либо являлось относительно небольшим, либо отсутствовало вовсе (например, в случае «социального капитала»).

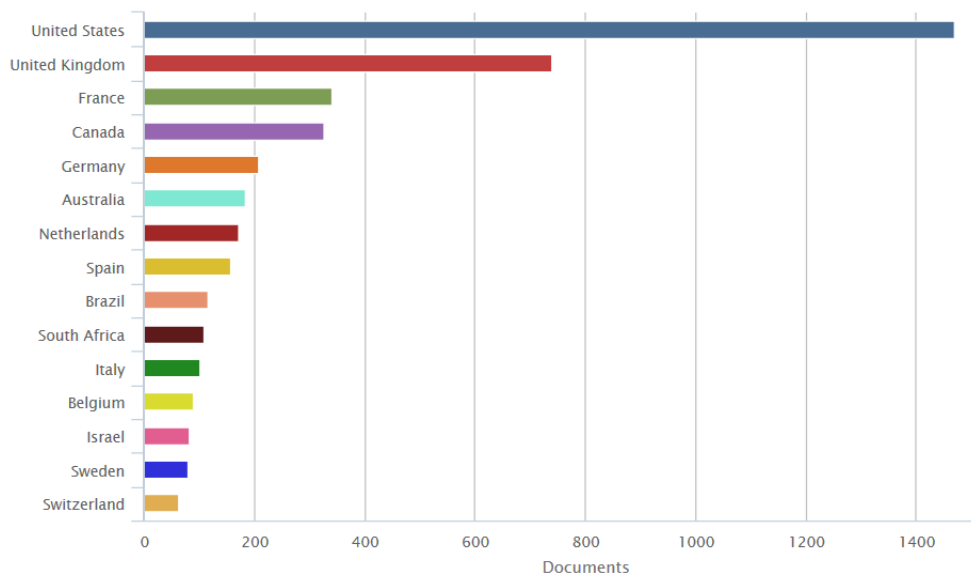
Мы видим существенный рост по количеству использования всех концепций, в особенности, начиная с середины 90-ых годов. Наиболее значительным данный рост наблюдается в случае «доверия», наименее существенный – у «обобщенного доверия». Наиболее схожими между собой по количеству и темпам роста являются понятия «солидарность» и «сплоченность». Концепция «обобщенного доверия» в социальных науках появилась позже остальных, в 1990 г.

График 2. Частота использования понятий в публикациях в социальных науках, индексируемых в Scopus по странам¹ (количество публикаций).

1. Сплоченность

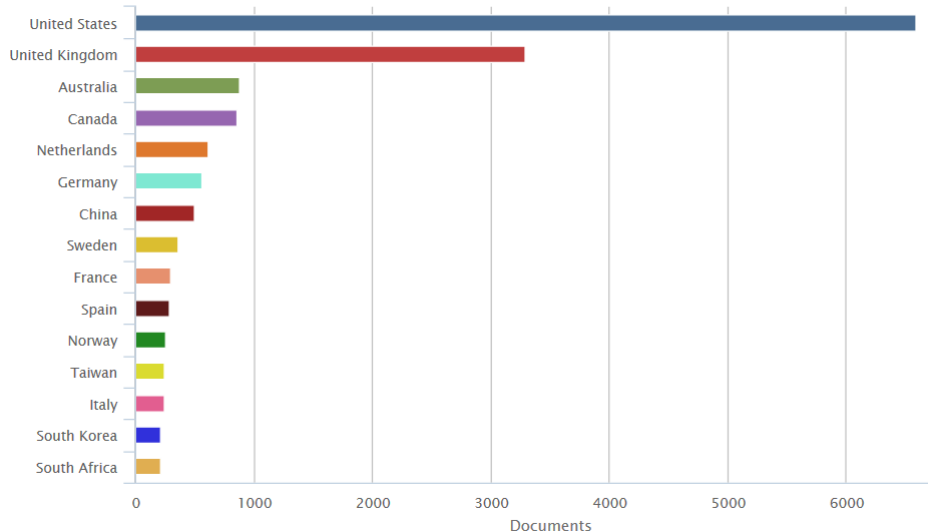

2. Солидарность

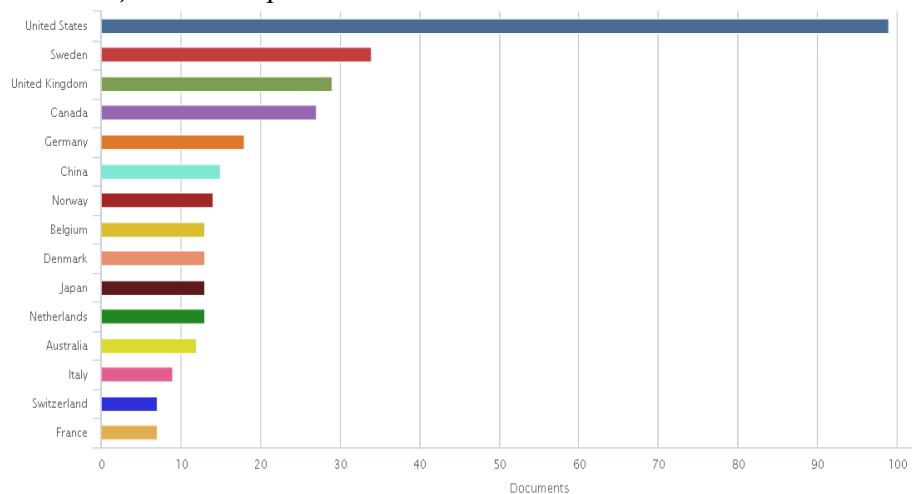

¹ Количество публикаций, где в названиях, аннотациях и ключевых словах указаны соответствующие понятия. Приводятся данные по первым 15 странам.

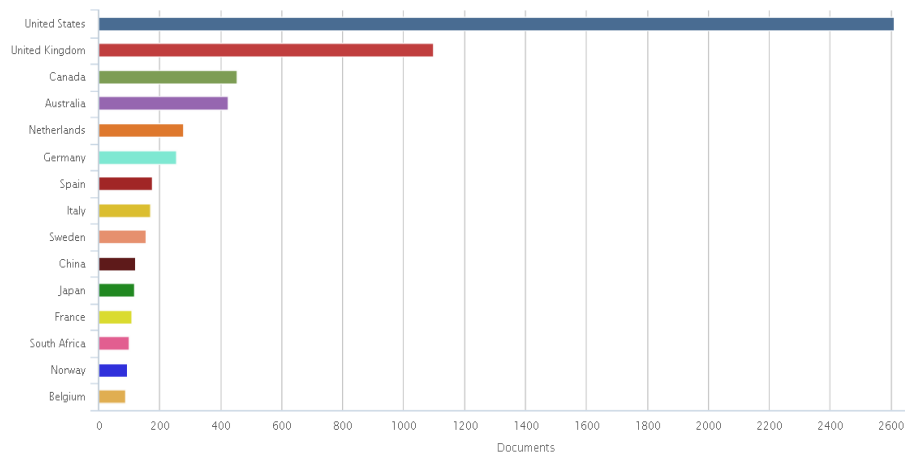
3. Доверие

4. Обобщенное доверие

5. Социальный капитал

Наибольшее количество публикаций по всем концепциям наблюдается в США (первое место) и Великобритании (второе), что связано и с наибольшим количеством публикаций в социальных науках в данных странах. Лишь в случае «обобщенного доверия» на втором месте оказывается не Великобритания, а Швеция. Более интересными представляется позиции следующих за ними стран. Так, Канада является третьей, по использованию концепций «сплоченность» и «социальный капитал», Австралия – четвертая по использованию понятий «сплоченность» и «социальный капитал» и третьей – по использованию «доверия». Это опровергает предположение Шифера с соавторами, полагающими, что «социальный капитал» активно используется в политологии и социальной политике в США, в то время как в Канаде, Европе, Австралии и ряде других государств, эту роль заняла «социальная сплоченность»

[Schiefer et al. 2012: 14]. Единственным исключением может быть вероятность использования «социального капитала» в качестве одного из индикаторов социальной сплоченности. Третьей по распространенности публикаций по тематике «солидарности» является Франция, что неудивительно, в частности, вследствие большого влияния идей Дюркгейма. Концепция «социального капитала», использованная, в частности, Бурдьё, здесь распространена менее (Франция оказывается на двенадцатом месте, частота использования данного понятия в стране несколько ниже, чем использование «солидарности», несмотря на большую популярность понятия «социальный капитал» в мире).

Уровень институционализации анализируемых концепций в социологии

Определенным показателем уровня институционализации концепций можно считать частоту использования в наиболее высоко ранговых журналах. Нами рассмотрена частота публикаций, где рассматриваемые нами понятия в названиях используются, в топ-20 журналах по социологии по версии Web of Science¹ по уровню влияния («impact factor»). Подобный анализ позволяет также говорить конкретнее о социологии, а не о социальных науках в целом. Безусловно, влияние также оказывают число публикаций в общем, тематический уклон журналов, которые здесь не в полной мере учтены.

Таблица 2. Частота использования понятий в названиях в двадцати наиболее влиятельных в области социологии изданиях согласно базе журналов Web of Science (количество публикаций).

	журнал	импакт-фактор (WOS)	Сплоченность	Солидарность	Доверие	Генерализованное доверие	социальный капитал
1	American Sociological Review	4,266	7	6	0	0	11
2	American Journal of Sociology	4,045	3	3	0	0	8
3	Annual Review of Sociology	3,63	3	0	0	0	4
4	Annals of Tourism Research	2,795	0	0	0	0	0
5	Sociological Theory	2,586	0	3	0	0	0
6	Population and Development Review	2,306	0	0	0	0	0
7	Sociological Methods & Research	2,292	0	0	0	0	0
8	Sociology of Education	2,27	0	0	0	0	7
9	Social Networks	2,138	3	0	9	0	17
10	Sociology of Health & Illness	2,014	0	0	0	0	0
11	European sociological Review	1,99	2	0	12	1	13
12	Journal of Consumer Culture	1,969	0	0	0	0	0
13	Journal of Marriage and Family	1,899	6	9	0	0	4
14	Work and Occupation	1,853	0	3	0	0	0
15	Socio-Economic Review	1,717	0	0	0	0	0
16	Sociological Quarterly	1,69	0	0	0	0	8
17	Sociology of Religion	1,667	0	0	0	0	0
18	Poetics	1,661	0	0	0	0	0
19	Social Science Research	1,515	3	0	9	0	15
20	International Political Sociology	1,5	0	0	0	0	0
	сумма		27	24	30	1	87

¹ Информация получена в базе журналов Web of Science, рейтинг на 2013 г., <https://jcr.incites.thomsonreuters.com> (дата обращения 28.11.2014).

Из таблицы мы видим, что исследования социального капитала являются наиболее многочисленными в представленных журналах, а, следовательно, степень институционализации данной концепции выше. Наименьшее количество публикаций приходится на значительно менее распространенную концепцию обобщенного доверия. В наиболее влиятельных американских изданиях не появляются исследования по доверию, а в наивысшей степени представлены исследования по социальному капиталу. Солидарность, в отличие от других концепций, единственная представлена в журнале “Sociological Theory”, в то время как другие концепции чаще всего используются в эмпирических исследованиях. Стоит отметить, что в издании, посвященном сетевому анализу “Social Networks”, наиболее представлены публикации по тематике социального капитала, менее – по доверию, присутствуют и исследования по сплоченности. Отдельно стоит отметить, что исследования по доверию чаще, чем другие, используются в материалах конференций.

Выводы

Данный анализ позволяет нам проанализировать место понятия «сплоченность» среди смежных концепций. Нами было показано, что оно является междисциплинарным, по охвату дисциплин напоминает концепцию «доверие». Во временной перспективе оно стало употребляться массово начиная с середины 1990-ых годов, что по динамике (как количеству исследований, так и характеру и их увеличению) близко к концепции солидарности. Инициативы Канадского правительства, благодаря которым «сплоченность» стала популярной не только в политических документах, но и в научных исследованиях, вывели Канаду на третье место по распространенности исследований, но не сделали «сплоченность» более популярной, в том числе и в самой Канаде, чем концепцию «социального капитала». Анализ публикаций показал, что понятия «сплоченность», «социальная сплоченность» и «доверие» в социологии больше, чем «солидарность», ориентированы на эмпирические исследования, а также используются в различных направлениях исследований. Можно говорить о схожем уровне институционализации концепций сплоченности, солидарности и доверия в социологии, значительно уступающим по этому показателю исследованиям социального капитала.

Список литературы:

1. Berger-Schmidt R. Social Cohesion as an Aspect of the Quality of Societies: Concept and Measurement // Centre for Survey Research and Methodology. Mannheim 2000. EuReporting Working Paper No 14.
2. Bruhn J. The Group Effect. Springer Science and Business Media, LLC. 2009. Chapter 2. P. 31 – 48.
3. Dickes, P.; Valentova, M. Construction, Validation and Application of the Measurement of Social Cohesion in 47 European Countries and Regions. // Social Indicators Research. Oct2013, Vol. 113 Issue 3, pp. 827-846.
4. Dragolov G., Ignácz, Z., Lorenz J., Delhey J., Boehnke K. Social Cohesion Radar Measuring Common Ground. An international Comparison of Social Cohesion Methods Report // Brettelmannsstiftung, 2013. Available at <http://www.gesellschaftlicher-zusammenhalt.de/> (дата обращения 10.11.2014).
5. Guler I., Nerkar A. The Impact of Global and Local Cohesion on Innovation in the Pharmaceutical Industry // Strategic Management Journal. May2012, Vol. 33, Issue 5, pp. 535-549.
6. Jenson J. Defining and Measuring Social Cohesion. London: Commonwealth Secretariat and Jenson J. Mapping Social Cohesion: The State of Canadian Research // Canadian Policy Research Networks Inc. 1998. CPRN Study No. F|03. http://www.cccg.umontreal.ca/pdf/CPRN/CPRN_F03.pdf (дата обращения 10.11.2014).
7. Norton A., de Haan A. Social Cohesion: Theoretical Debates and Practical Applications with Respect to Jobs. Background Paper for the World Development Report 2013. <http://siteresources.worldbank.org/> (дата обращения 27.11.2014).
8. Reeskens T., Botterman S., Hooghe M. Is Social Cohesion One Latent Concept? Investigating the dimensionality of social cohesion on the basis of the Kearns and Forrest (2000) typolo-

- gy. Center for Political Research, KULeuven. <http://www.socialcohesion.eu/> (дата обращения 27.11.2014).
9. Rupasinghaa A., Goetz S.J., Freshwater D. The production of social capital in US counties // *The Journal of Socio-Economics*. 2006. 35(1).
  10. Schiefer, D., van der Noll, J., Delhey, J., & Boehnke, K. (2012). Kohäsionsradar: Zusammenhalt messen. Gesellschaftlicher Zusammenhalt in Deutschland – ein erster Überblick [Cohesion radar: Measuring cohesion. Social cohesion in Germany – a first overview]. Gütersloh: Bertelsmann Foundation. <http://www.bertelsmann-stiftung.de> (дата обращения 28.11.2014).
  11. *The New Encyclopaedia Britannica*. 15th edition. Chicago: 1994. Volume 3.
  12. United Nations Research Institute for Social Development. 2010. www.unrisd.org (дата обращения 27.11.2014).
  13. *Webster's New International Dictionary* / Ed. by Neilson, W. 2nd edition. G. & C. Merriam Company, Springfield. 1947.
  14. Бауман З. *Текущая современность* / Пер. с англ. Под ред. Ю.В. Асочакова. Спб.: Питер. 2008.
  15. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.: Русский язык. 1990. Том 4.
  16. Ожегов С.И. *Словарь русского языка* / Под ред. Л. И. Скворцова. 24-ое изд. М.: Оникс 21 век, Мир и образование. 2003.
  17. *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д.Н Ушакова. М.: Астрель АСТ. 2000. Том 4.

У.Г.Николаева (МГУ им. М.В.Ломоносова)

СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ В АРХАИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ¹

Проблема социальной сплоченности, сплоченности общества имеет несколько теоретико-методологических измерений, в том числе социально-философское, историко-типологическое, социально-антропологическое. Прежде чем мы рассмотрим наиболее важные из этих срезов, обратим внимание на обязательность различения содержательного наполнения термина общества, по отношению к которому в дальнейшем будет использоваться характеристика «сплоченность», понимаемая в самом общем виде как объективная характеристика прочности системообразующих социальных связей, как свойство интегрированности индивидов в социальную систему. Выделение основных научных смыслов понятия «общество» (группа людей; конкретное общество как единица исторического развития - социально-исторический организм («социор», в терминах Ю.И.Семенова); совокупность обществ всех существующих конкретных обществ; человеческое общество вообще как особый тип реальности, отличный от биологической материи; человеческое общество определенного типа – феодальное, первобытное и др.). Как нам представляется, важнейшим элементом в наших рассуждениях о сплоченности общества должно стать выделение двух основных уровней рассмотрения общества – общесоциорного, то есть уровня конкретного общества как единой системы и самостоятельной единицы исторического развития, и уровень основных исторических типов обществ, типов социально-исторических организмов.

Центральной мыслью данной статьи станет утверждение значимости для анализа социальной сплоченности в том или ином обществе выявления первоначально социально-экономической природы рассматриваемого социально-исторического организма, обязательного определения его типа. Тогда реальное многообразие конкретных видов социальной сплоченности различных социальных групп в некоем конкретном обществе будет

---

¹ В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14-18-03784.

в конечном счете поддаваться определенной систематизации, типологизации и выстраивания определенной иерархии видов сплоченности по степени связанности с системообразующим уровнем социальной системы – социально-экономических отношений (отношений собственности и распределения общественного продукта). Тогда представляется возможным определить – какие виды социальной сплоченности предстают как базовые, без которых данная социальная система существовать не сможет в принципе, какие виды и формы социальной сплоченности оказываются вторичными, но также необходимыми, и, наконец, какие виды социальной сплоченности оказываются случайными, необязательными, третичными в данном конкретном обществе и не влияют на общий характер социальных связей.

При анализе конкретного общества и социальной сплоченности в нем немаловажное значение приобретает и определение того, на какой конкретной фазе развития находится система – фазе зарождения, подъема, кризиса, распада, перехода к принципиально новому состоянию. Игруют роль и внешние факторы – состояние мира или войны, к примеру. Однако первичным оказывается все-таки уровень рассмотрения социально-экономической природы данного конкретного общества, что, кстати сказать, не так просто сделать, учитывая многообразие существующих подходов к самой типологии обществ (технологический, марксистский, институционалистский, цивилизационный и другие). Для экономии времени подчеркну, что наибольшим эвристическим потенциалом в исследовании исторической типологии обществ и соответствующих им типов сплоченности, особенно архаических, обладают, как мне представляется, два подхода: современные варианты институционализма и субстантивизма (К.Полян, Дж.Дальтон, Д.Норт и др.), и, особенно значимый по мнению автора разрабатываемый в современной социальной философии и методологии глобально-эстафетный подход историка и этнографа Ю.И.Семенова (см., например: Семенов Ю.И. Экономическая этнология. М., 1993; Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2014; Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики. М., 2013; Семенов Ю.И. Политарный (азиатский) способ производства в истории России и мира. М., 2013; и др.).

Сплоченность в различных исторических типах обществ определяется различиями в системах социально-экономических отношений. Именно поэтому социальная сплоченность в истории по-разному себя проявляла, обретала различные формы и, кстати, разные формы обоснования, презентации в коллективных представлениях. Здесь только мимоходом остается подчеркнуть немаловажное само по себе положение о том, что социальная сплоченность как объективная характеристика прочности социальных связей далеко не совпадает с отражающимися в общественном сознании представлениями людей о причинах, формах и необходимости социальной сплоченности: здесь надо принимать в расчет всегда присутствующий фактор социальных иллюзий, сопровождающих функционирование любого коллективного сознания. Другими словами, представления людей о том, почему они выступают сплоченной, единой социальной силой, не следует путать с объективными основаниями таких представлений, то есть с реальными социальными основаниями такой сплоченности. Самый простой пример: самые ранние из зафиксированных в истории представления людей о сплоченности базировались на тотемизме – представлении о том, что данный род, данная социальная группа, родовая община, ведет свое происхождение от какого-то животного или растения (медведя, лося, зубра и т.д.). Необходимость помогать друг другу, делиться пищей, одеждой, орудиями труда, объективно, как понимают ученые сегодня, непосредственно вытекала из характера ранних социально-экономических отношений, но в сознании членов раннепервобытного коллектива представала совершенно в другом виде, очевидно для них следовала из единства происхождения от животного-прародителя, из наличия единого родства. Ритуальное поедание мяса тотемного животного в момент тотемического праздника оказывалось высшей точкой единения группы с прародителем, поддерживающим социальное единство. Положение о том, что объективные основания социальной сплоченности каждый раз получают искаженное отражение в социальном сознании, в коллективных представлениях (что демонстрируется в приведенном историческом примере), лишней раз подчеркивает ограниченность теории универсальности рациональных оснований социальной сплоченности, понимания социальной сплоченности

как взаимовыгодного принятия решений и обмена. Как представляется, объективные основания социальной сплоченности предстают в сознании людей в искаженном виде - мифологических схем, религиозных концептов, идеологических построений, что усложняет методологию и методику исследователя, изучающего проблему социальной сплоченности.

Предметом внимания в данной статье стали архаические типы экономики и общества, а также соответствующие им типы и формы социальной сплоченности. Термин «архаическое» применительно к обществу, как известно, использовал К.Маркс: в набросках ответа на письмо В.Засулич, написанных в 1881 г. (то есть уже после знакомства с «Древним обществом» Л.Г.Моргана), К.Маркс выделяет две основные общественные формации: первичную «архаическую», основанную на общей или коммунистической собственности, и вторичную, базирующуюся на частной собственности. При этом основной единицей архаической формации оказывается первобытная община, которая проходит в своем развитии несколько фаз¹. Таким образом, архаическое у К.Маркса – это доклассовое.

К.Поланьи выделял «примитивные» («племенные») и «архаичные» формы экономики: под первыми он понимал экономику первобытных и переходных к классовым обществ, под вторыми – экономику древних классовых, в том числе древневосточных, обществ².

В отечественной науке наиболее распространенным стало употребление термина «архаический» по отношению к так называемым переходным, предклассовым, а иногда и раннеклассовым обществам. Так, например, авторы крупного теоретического сборника «Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития»³ – историки С.И.Блюмхен, А.В.Коротаев, Ю.В.Павленко, О.Ю.Артемова – говорят об «архаическом обществе» как «самостоятельной, относительно независимой социально-экономической организации», не сводимой к состоянию переходности от первобытного общества к классовому. Основным содержанием этого «архаического общества», по их мнению, являются «процесс институализации власти (политогенез)», «приватизация» и появление «новых градаций в социальной стратификации»⁴.

В статье под ранними архаическими обществам будут пониматься первобытные, предклассовые и раннеклассовые общества. Основное внимание будет уделено проблемам осмысления социально-экономической структуры и социальной сплоченности в доклассовых обществах.

Сравнение современных и ранних архаических форм сплоченности с необходимостью предполагает краткое предварительное изучение самого процесса открытия и интерпретации архаических форм социальной сплоченности, краткой истории исследования самих ранних, домодерновых, докапиталистических обществ, выступивших в качестве особого предмета изучения дисциплины – социальной, культурной и экономической антропологии.

Первые систематические исследования ранних форм социальной сплоченности были предприняты в общественной науке еще XVIII века, в трудах М.Монтеня, Э.Морелли, Г.Мабли, Д.Дидро, А.Фергюсона и некоторых других. Уже тогда были сделаны важные обобщения, связанные с пониманием нерыночного характера архаических обществ, специфичности отношений распределения, большой роли родовых связей в обосновании социальной взаимосвязи и взаимозависимости. Именно тогда возникает представление об отсутствии эксплуатации человека человеком на ранних стадиях развития общества, о значимости принципов взаимопомощи, братства и равенства в социальных отношениях, органического характера социальной сплоченности.

---

¹ См.: Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И.Засулич / К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., изд.2. Т.19. – М., 1961. – С. 403-404, 412-413, 417-419.

² См.: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.; Поланьи К. Аристотель открывает экономику / Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 584 с. – С. 9 – 51; а также: Polanyi K. Marketless Trading in Hammurabi's Time // Trade and Market in the Early Empires. Economies in History and Theory. Ed. by K.Polanyi, C.M.Arsenberg, and H.W.Pearson. – Glencoe, 1957.

³ Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Сб. науч. трудов. 1-2. – М., 1991. – 327 с.

⁴ Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Сб. науч. трудов. 1-2. – М., 1991. – С. 3.

Следующим этапом в постижении специфики архаических форм сплоченности стали труды Л.Моргана, особенно его итоговый труд «Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877). Многие поколения ученых, в том числе К.Маркс и Ф.Энгельс, опирались в своих теоретических построениях на идеи Л.Моргана в части, касающейся ранних стадий в развитии общества, в том числе на идеи единства законов эволюции человеческих обществ. Вслед А. Фергюсоном, Л. Морган придерживался трехстадийной периодизации истории (дикость, варварство и цивилизацию). Особый вклад Л.Моргана в проблему изучения основ сплоченности общества связан в открытием двух принципиально различных типов обществ, сменявших друг друга в ходе исторического развития обществ: первый (ранний) тип обществ и способов сплоченности людей в нем основан на личном членстве, на личных отношениях (фактически, речь идет о роде); второй тип общества и способ сплочения основан на территории и частной собственности, и представляет собой государство. Если основой сплоченности в раннем обществе оказывались родовые связи и мораль, то в территориально организованном обществе основной регулирующей силой станет государство и его социальная воля, закрепленная в праве, в законе. В «Древнем обществе» Л.Морган обосновал положение об универсальности в раннепервобытном обществе материнского рода, разбив тем самым господствовавшую до того времени теорию, согласно которой основной ячейкой человеческого общества была патриархальная семья, основанная на частной собственности и власти отца. Принадлежность к материнскому роду, закрепленная тотемическими представлениями (то есть представлениями о происхождении данного рода от единого тотемного предка, как правило, какого-то вида животных) создавала особые основания для сплоченности первых человеческих родовых обществ. Работа Моргана «Древнее общество» легла в основу одного из базовых марксистских трудов по теории докапиталистических обществ – книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Что касается дальнейших этапов накопления знаний об архаических обществах, то в начале XX века начались систематические и целенаправленные полевые этнологические и социально-антропологические исследования народов, которые все еще продолжали оставаться на стадии доклассового общества. Первые попытки теоретического осмысления накопленных данных привели к первоначальной постановке проблемы несоизмеримости двух моделей описания человеческого поведения и социальной сплоченности - модели *Homo economicus*, и модели *Homo sociologicus*. Модель *Homo economicus*, которая первоначально предпринималась за основу господствующего в то время в экономической науке маржинализма, - сводила, как известно, поведение акторов к «максимизации полезности», а общественные процессы к «равновесному состоянию» благодаря открытой еще А.Смитом «невидимой руке рынка». Применение маржиналистских теоретико-методологических моделей в этнологии привело в первой трети XX века к появлению влиятельнейшего «формалистского» направления в экономической антропологии (Д.Гудфеллоу, Р.Ферс, М.Херцковиц) и обоснованию идеи универсальности «Человека экономического». Социальная солидарность и сплоченность в архаических обществах представителями формалистского направления в этнологической науке трактовались как следствия рационального и взаимовыгодного обмена между индивидами и группами, максимизирующими свою полезность. Известные уже в то время акты абсолютного альтруизма, дарения и взаимопомощи в первобытных обществах трактовались формалистами как малозначимые. Однако дальнейшее развитие этнологической науки поставило под сомнение основные утверждения формалистов.

Наибольшее значение в изучении первобытных обществ и ранних форм солидарности приобрели работы крупнейшего британского этнолога Б.Малиновского (1884 – 1942), который впервые поставил под сомнение маржиналистский подход в экономической этнологии и обосновал мысль о том, что социальные и экономические отношения в доклассовых обществах принципиально отличаются не только от капиталистических отношений, но и от товарно-денежных отношений, да и вообще от всех привычных социальных и экономических форм. Впервые в истории этнологической мысли модель *Homo*

sociologicus, сформулированная и обоснованная французским социологом Эмилем Дюркгеймом, обрела в работах Б.Малиновского законченную форму. Именно Б.Малиновскому принадлежит заслуга открытия экономической подосновы престижного дарообмена и потлача – наиболее специфических форм экономического поведения в ранних обществах. Тезис об универсальной подчиненности индивидуального поведения во все исторические эпохи принципу максимизации полезности, положение об отсутствии иных кроме взаимной выгоды обмена оснований для солидарности и сплоченности обществ, был, таким образом, поставлен под сомнение этнологами и социологами. Среди наиболее известных исследований 20-х-30-х годов, проведенных под влиянием прежних научных открытий, стала работа ученика Эмиля Дюркгейма - французского исследователя Марселя Мосса «Опыт о даре»¹, существенно обогатившая арсенал социальной антропологии в изучении дорыночных типов культуры и социального взаимодействия.

Важнейшим этапом в постижении специфики архаических типов социальной организации и соответствующих им типов социальной сплоченности, стало появление в 50-е – 60-е годы особого «*субстантивистского*» теоретического направления в социальной и экономической этнологии, восходящее в своих основных установках к новаторским идеям Б.Малиновского. Модель Ното sociologicus нашла в трудах субстантивистов фундаментальное теоретическое обоснование.

Создателями и лидерами субстантивизма стали американский экономист, антрополог и историк экономики Карл Поланьи (Polanyi K.)², а также его последователи Дж.Дальтон и М.Салинз. Центральным для субстантивистов стало положение о том, что *отличия примитивной (первобытной) экономики от капиталистической носят не количественный, а качественный, сущностный характер*. Сторонники субстантивистского направления убедительно показали, что универсальная экономическая теория маржиналистов построена на основе анализа рыночной экономики и неприменима к экономике примитивных народов. К числу заслуг субстантивистов принадлежит, несомненно, и разработка специфических категорий для анализа докапиталистической экономики – например, категорий «реципрокция» (reciprocity) и «редистрибуция» (redistribution).

Знаменательно, что центральная книга К.Поланьи «Великая трансформация» вышла в 1944 г. – практически одновременно с либеральным манифестом Ф. Хайека «Дорога к рабству»³, и не случайно некоторые исследователи книгу Поланьи рассматривают как своеобразную антитезу идеям Хайека, как своего рода антирыночный манифест⁴. Но особенно важно, что жесткая критика концепции саморегулирующегося рынка производится К.Поланьи вовсе не с позиций централизованного планового хозяйства. Крупный историк и экономист

¹ Мосс М. Опыт о даре // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. — М.: КДУ, 2011. — с.134 - 285.

² Все большую известность труды и деятельность К.Поланьи (1886–1964) получают в России, хотя и гораздо медленнее, чем это предполагает значение фигуры исследователя. В 2004 г., например, российская общественность впервые широко отмечала сорок лет со дня смерти этого выдающегося антрополога и историка экономики, а также шестьдесят лет с момента выхода в свет его самой известной книги «Великая трансформация» (Пер. на рус. язык: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.). В 2014 году международное научное сообщество отмечало юбилейные даты, связанные с К.Поланьи (например, крупнейшая конференция Международного института политической экономики имени Карла Поланьи: International Conference: The Enduring Legacy of Karl Polanyi, November 6-8, 2014, Concordia University; Fred Block and Margaret Somers, *The Power of Market Fundamentalism: Karl Polanyi's Critique*, Harvard University Press, 2014).

³ Hayek F.A. The Road to Serfdom. – L.: Routledge, 1944.

⁴ Об актуальности сегодня фундаментального спора, начатого еще в 40-50-х годах, между сторонниками субстантивизма и формальной экономической теории, говорит, например, проблематика крупной международной конференции, посвященной анализу этих двух центральных произведений крупнейших мыслителей – К.Поланьи и Ф.Хайека: «Questioning the Utopian Springs of Market Economy» состоялась 15-16 August 2014 в Сиднее с участием профессора Сандры Хальперин (Sandra Halperin (Royal Holloway University of London), автора книги «*War and Social Change in Modern Europe: The Great Transformation Revisted*» и ее оппонента профессора Филиппа Миrowsки (Philip Mirowski (University of Notre Dame), автора книги «*Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Social Meltdown*».

предлагает выйти за рамки упрощенно понимаемой бинарности стихийного столкновения индивидуальных интересов, с одной стороны, и тотального централизованного государственного регулирования – с другой, в направлении осознания сложности исторического процесса институционального оформления и встраивания экономических отношений в социальные отношения, что предполагает само по себе существенное переосмысление центральных категорий экономической теории, в том числе категории экономического. Карл Поланьи исследует многообразие форм социально-экономической организации и форм социальной сплоченности.

Обратимся теперь непосредственно к основным «субстантивистским» идеям К.Поланьи в отношении первобытной экономики и попытаемся их проанализировать. Для К.Поланьи, равно как и для его последователей – таких видных субстантивистов, как Дж.Дальтон и М.Салинз, – центральным выступает положение о том, что отличия примитивной экономики от капиталистической носят не количественный, а качественный, сущностный характер. В своих работах К.Поланьи показал, что возможно устойчивое существование обществ, в которых социальные нормы вырастают не из принципа индивидуализма и экономического эгоизма, а строятся на коллективистских, сдерживающих индивидуализм нормах, и что собственно рыночная логика максимизации полезности стала господствовать в социальной жизни европейских стран совсем недавно – лишь в XIX столетии, когда традиционные социальные нормы стали вытесняться экономической целесообразностью, а социальный статус человека стал зависеть в первую очередь от капитала¹.

К.Поланьи противопоставляет два состояния экономики по отношению к обществу – «включенный (embedded)» и «выделившийся, автономный (disembedded)»². Если до XIX века, считает К.Поланьи, экономика была «встроена» в общество, была пронизана общей нормативной системой, не выделялась в качестве отдельной системы, то с начала XIX века она «обособилась от остального общества»³.

Вообще, само название возникшего направления в экономической этнологии связано с проводимым К.Поланьи различием двух значений термина «экономика» – «формального» и «субстантивистского». Как подчеркивал К.Поланьи, экономика, безусловно, универсальна, но не в смысле наличия во всех обществах максимизации и рационального калькулирования, на чем настаивают формалисты, а лишь в том смысле, что в каждом обществе имеет место социально организованное производство, распределение и потребление материальных благ и услуг. Это последнее, по духу гораздо более близкое скорее классической политической экономии и марксизму, нежели современной экономической теории, значение термина «экономика» К.Поланьи и называл «субстантивистским»⁴.

Субстантивистами было показано, что все принципы и понятия маржинализма, возникшие на почве капиталистической рыночной экономики, совершенно непригодны для анализа экономических отношений доклассового, примитивного общества. Именно это приводило субстантивистов к выводу о необходимости создания особой теории примитивной экономики, отличной от маржинализма. Примечательный факт – лишь спустя почти сто лет после того, как К.Марксом и Ф.Энгельсом был впервые выдвинут тезис о качественных различиях экономических систем и необходимости разработки нескольких политэкономий (в узком

¹ См.: Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Васильева, С. Федорова, А.Шурбелева. – СПб.: Алетейя, 2002; Поланьи К. О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т. Шанин. – М.: Логос, 1999. – С. 510-511.

² Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 14.

³ Поланьи К. Аристотель открывает экономику ...С. 14-15.

⁴ Как известно, впервые о формальном и «субстантивистском» подходе к изучению экономики писал К.Менгер в работе «Основы политической экономии» (Grundsätze) в последнем ее варианте, который был опубликован в 1929 году. Именно в этом издании впервые говорится о том, что существуют два понимания экономики - формальное и субстантивистское, то есть с точки зрения рационального поведения и с точки зрения действий для добывания средств существования. К.Поланьи воспринял это деление, но в отличие от последователей Менгера, настаивал на субстантивистском подходе в экономических исследованиях, теоретически обосновал и разработал эту позицию.

смысле), часть западных экономистов и этнографов пришли к выводу о необходимости создания особых экономических теорий для анализа докапиталистических обществ.

Открытие принципиальных различий современной и докапиталистической системах организации социальной и экономической жизни К.Поланьи связывает с именами Г.Гегеля, К.Маркса, Г.С.Мейна и Б.Малиновского.

К.Поланьи критикует формальное определение экономического действия за его узость в исторической перспективе. Все очевиднее проявляющий себя в социальных науках «экономический империализм»¹, основанный на трактовке экономического действия как особого типа принятия решений, как устойчивого, рационального выбора, превратил все поведение человека в объект для построения формальных экономических моделей.

В контексте современных переориентаций в области экономической теории вводимый К.Поланьи признак обеспечения жизнедеятельности людей может рассматриваться как стремление сохранить понятие экономического в относительно более жестких содержательных рамках и даже как попытку вернуться к идеям классической традиции политической экономии XVIII–XIX вв., даже к некоторым важным положениям марксистской политэкономической доктрины.

Несмотря на то, что сам вывод о существенном различии между доклассовой и капиталистической экономикой был верным, сам характер этого различия, как становится понятным только сейчас, уже после сделанных в конце XX века открытий, и в первую очередь в отечественной экономической этнологии, – не был понят субстантивистами в полной мере. Вообще, в центре внимания К.Поланьи находилось не столько различие между примитивной и капиталистической экономикой, сколько между докапиталистическими экономическими системами и домонополитическим капитализмом XIX в. Среди докапиталистических экономик его прежде всего интересовали «примитивные» («племенные») и «архаичные» – под первыми он понимал экономику первобытных и переходных к классовым обществ, под вторыми – экономику древних классовых, в том числе древневосточных, обществ.

В доклассовом обществе, по мнению К.Поланьи, экономика не образует особой сферы, она как бы «погружена», «встроена», «врезана» в само общество. Поэтому процесс производства, распределения и потребления материальных благ и услуг в примитивном обществе организован посредством не специальных экономических институтов, как при капитализме, таких, как рынок, частные предприятия, заработная плата и т.п., – а с помощью неэкономических, социальных институтов, таких, например, как родство, брак, возрастные группы, религиозные организации и т.п. Другими словами, в доклассовом (и не только доклассовом, а вообще докапиталистическом) обществе в отличие от капиталистического, как следует из взглядов К.Поланьи, не существует специальных экономических отношений, их роль выполняют родственные, моральные, религиозные, политические и прочие неэкономические отношения и связи².

Логика рассуждений, таким образом, ведет К.Поланьи от положения о существовании качественного различия между примитивной (и вообще докапиталистической) и капиталистической экономикой к тезису об отсутствии в доклассовом обществе экономики в том смысле, в каком она существует в капиталистическом, в определенном смысле даже об отсутствии в примитивном обществе экономических отношений. Но, утверждая это, К.Поланьи явно вступает в противоречие со своими предыдущими утверждениями – ведь если в примитивном обществе место экономических отношений занимают отношения родственные, моральные, религиозные, то, следовательно, никакой особой теории примитивной экономики, отличной от теорий родства, морали, религии и т.п. и быть не может! А если вспомнить, то и сам К.Поланьи, и его последователи в качестве своей первоочередной задачи ставили и ставят создание именно такой специальной теории доклассовой экономики.

---

¹ Классическим примером экспансии экономической теории на область социологии, права, политики, можно считать работы Гэри Бекера (См.: Becker G. The economic approach to human behavior. – Chicago: University of Chicago Press, 1976).

² Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economics. Essays of Karl Polanyi. Ed. by G.Daiton. – N.Y., 1968. – P. 7-9, 19-23, 30, 65-66, 84.

В чем причина таких, казалось бы, явных противоречий? Дело в том, что сам ход их исследований в области первобытности все в большей степени убеждал и самого К.Поланьи, и его последователей в том, что существовали в доклассовом обществе особые экономические отношения, не сводимые к родовым или религиозным связям. Не случайно в одной из самых последних работ К.Поланьи возникает утверждение, не получившее дальнейшего развития, что *и в доклассовом обществе экономика образует особую субсистему, отличную от таких его субсистем, как политическая и религиозная*¹. Забегая вперед отмечу, что на рубеже столетий эту проблему решил на материале пеевобытной экономики Ю.И.Семенов, введя разделение на 2 типа – непосредственную (орто-) и опосредованную (транс-) социально-экономическую детерминацию общества и волевых экономических действий со стороны системы социально-экономических отношений собственности².

Несмотря на то, что субстантивизм проявил себя еще в 50-х годах, широкую известность он получил только в последующем десятилетии. Всеобщий интерес вызвала опубликованная в 1961 г. в журнале «Американ антрополоджист» статья Дж. Дальтона «Экономическая теория и примитивное общество»³, благодаря которой идеи субстантивизма впервые стали достоянием самых широких кругов антропологов. С этого времени число сторонников субстантивизма в этнологии стало быстро увеличиваться.

Большое значение в развитии экономической этнологии приобрели теоретические дискуссии 60-х годов между сторонниками субстантивистского (К.Поланьи, Дж.Дальтон, М.Салинз и др.) и формалистского направлений (Р.Болинг, Э. Ле Клер, С.Кук, П.Коген, И.Мелитц, Г.Шнейдер и др.). В результате этих дискуссий сторонники формалистического направления пришли к важному выводу о *необходимости создания еще более универсальной экономической теории наравне со специальными теориями рыночной и первобытной экономик, теориями, входящими в состав общей экономической теории на правах частных случаев*.

Дальше, однако, спор субстантивистов и формалистов зашел в тупик, выход из которого во второй половине XX века многие специалисты стали искать в марксизме, о необходимости обращения к которому в конце 60-х начале 70-х годов писал английский этнограф Р.Франкенберг, затем американский исследователь С.Кук. Большая группа французских исследователей стремилась реализовать марксистский подход в изучении доклассовой экономики (К.Мелассу, М.Годелье, Э.Терре и др.). Обратились к марксизму в 70-х годах многие английские антропологи, в том числе Дж.Клэммер, уже упомянутый Р.Франкенберг, Д.Седдон и ряд других авторов, называющих себя неомарксистами. В рамках западной марксистски ориентированной этнографии было сделано немало открытий, хотя цельной теории первобытной экономики в рамках этих направлений создать так и не удалось.

Что касается отечественной экономико-этнологической мысли, то в 20-е годы XX в., одновременно с зарождением экономической антропологии на Западе, широкие этноэкономические исследования развернулись в СССР. В результате этнографических исследований был не только накоплен огромный фактический материал о жизни народов СССР, находившихся на доклассовой и раннеклассовой стадии развития, но также были сделаны важные теоретические открытия и обобщения, особенно в трудах выдающегося российского историка Юрия Ивановича Семенова.

Во многом на исследования Л.Моргана опирались в своих теоретических построениях в части, касающейся ранних стадий в развитии общества, К.Маркс и Ф.Энгельс. Важно сегодня отдать отчет в том, что представления классиков марксизма о первобытных социально-экономических отношениях в целом были довольно расплывчатыми, недостаточно конкретными. Иными они и быть не могли – ведь основной этнографический материал о жизни первобытных народов был накоплен лишь в XX веке

¹ Polanyi K. Primitive, Archaic and Modern Economics... P. 307-310.

² Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). – М.: КРАСАНД, 2014.

³ Dalton G. Economic Theory and Primitive Society//American Anthropologist, 1961, v.63, N.1.

Первые плодотворные попытки подготовить фактическую базу для научного решения проблемы доклассовых экономик в отечественной науке были предприняты в ряде специальных исследований этнографов (Ю.П.Аверкиевой, А.И.Блинова, Н.А.Бутинова, В.М.Бахты, В.Р.Кабо, А.В.Коротаева, Б.Ф.Поршнева, Ю.И.Семенова, Л.А.Файнберга, Г.Ф.Хрустова и др.); отдельные вопросы экономических процессов докапиталистической эпохи представлены в трудах историков – специалистов по докапиталистической экономике (Е.П.Дятла, В.М.Колганова, Г.В.Коранашвили, В.И.Кузищева, Ф.Я.Полянского, М.М.Меймана, Р.М.Нуреева, Ю.И.Семенова, А.М.Румянцева и др.). Не потеряли свою значимость для понимания специфики крестьянской экономики работы крупнейших российских экономистов Н.П.Макарова, А.В.Чаянова¹, А.Н.Челинцева и др. С появлением исследования Ю.И.Семенова «Экономическая этнология»² можно говорить о том, что мировая этнологическая наука сделала колоссальный прорыв, и в целом теория первобытной экономики получила не только общие контуры, но и более конкретную частную проработку.

Среди зарубежных ученых, занимавшихся исследованием ранних стадий в развитии экономики и общества, необходимо отметить таких известных этнологов и антропологов, как Л.Морган, Б.Малиновский, Д.Гудфеллоу, Р.Ферс, М.Херцковиц, К.Поланьи, Дж.Дальтон, М.Салинз, Р.Боллинг, Э. Ле Клер, С.Кук, П.Коген, И.Мелитц, Г.Шнейдер, Р.Франкенберг, К.Мелассу, М.Годелье, Э.Терре, Дж.Клэммер, Д.Седдон и др., а также специалистов по истории экономики докапиталистических классовых обществ – Т.Радера, М.Финли, Б.Хиндесса, П.Хирста, О.Паттерсона, Э.Дженевезе, Р.Карнейро, Р.Адамса и др. Особое звучание приобретают сегодня материалы неоконченных споров о предпосылках, условиях и механизмах классогенеза, а также о соотношении государства и экономики в раннеклассовых («азиатских») обществах – дискуссий, в которых приняли участие крупнейшие зарубежные ученые К.Виттфогель, М.Годелье, Ж.Сюре-Каналь, Ж.Шено и др., а также отечественные историки Н.А.Бутинов, Л.С.Васильев, Л.В.Данилова, И.М.Дьяконов, В.П.Илюшечкин, И.М.Лурье, Н.И.Конрад, Г.А.Меликишвили, Ю.В.Павленко, Ю.И.Семенов, В.В.Струве, И.А.Стучевский, А.М.Хазанов, Л.Е.Куббель и др. Огромное значение в этой связи приобретают дискуссии об азиатском способе производства и особенностях «восточного деспотизма», а также связанного с ним регулярного социального насилия и этатистского типа сплоченности.

Резюмируя достижения историко-экономического изучения архаических форм общества и экономик, обратим внимание на некоторые особенности архаических обществ и архаических типов экономики, непосредственно влияющих на архаические формы социальной сплоченности.

В капиталистическом обществе система производственных отношений, выступая как система общественных отношений вещей, прямо, непосредственно определяет волю каждого конкретного человека в сфере экономической деятельности, причем как капиталиста, так и рабочего, который вынужден продавать свою рабочую силу (причем наиболее выгодно). Другие стимулы, кроме прямых экономических, то есть заставляющих людей в таком обществе стремиться к максимизации полезности, в этой сфере не действуют.

Совсем иначе обстоит дело в докапиталистических обществах, в которых либо мораль, либо право непосредственно определяют поведение человека как в экономической, так и во всех других сферах деятельности. Так, например, как только мы от капиталистического общества переходим к первобытному, то первое, что мы обнаруживаем, – это то, что в отличие от капитализма с приматом обмена в экономической жизни здесь на первый план выходят акты распределения: все члены первобытного коллектива, который был одновременно социально-историческим организмом, были обязаны делиться друг с другом добытыми предметами потребления, и прежде всего пищей. И в качестве силы, непосредственно заставляющей

---

¹ Главная работа А.В.Чаянова «Организация крестьянского хозяйства» (опубликована в СССР в 1925 г.) была переведена на английский язык под названием «Теория крестьянской экономики» (1966) и стала на многие годы руководством для многих западных специалистов по крестьянской экономике.

² Семенов Ю.И. Экономическая этнология: Первобытное и раннее предклассовое общество. Кн. 1. Ч. I - III. –М., 1993.

их поступать так, а не иначе, выступала мораль, находившая свое выражение в общественном мнении коллектива и закрепленная в обычаях и традициях¹. В первобытном обществе, равно как и в капиталистическом, существовали и экономические действия, и волевые отношения с экономической функцией. Но в качестве фактора, непосредственно определявшего эти действия в первобытном обществе, выступала мораль. При этом мораль в первобытном обществе играла роль не просто «рамки», «границ», в которых далее разворачивались бы действия людей, определяемые экономическими стимулами, – мораль выступала как единственный фактор, определявший действия людей по распределению материальных благ. Аналогичную роль – *регулятора экономической жизни* – в раннеклассовых обществах играет (обычное) право, посредством которого и осуществляется в этих обществах социально-экономическая детерминация.

Таким образом, «скрытость», «растворенность» социально-экономических отношений в множестве разнообразных правовых, властных, политических актов и действий приводит исследователей к отрицанию первичности (а нередко и самого наличия) социально-экономических отношений в этих обществах. Раскрытие экономической сущности отношений распределения в первобытных и раннеклассовых обществах, описание специфических форм такого распределения оказывается важной теоретической задачей, без решения которой оказывается невозможным исследование механизмов реактуализации экономической архаики в современной экономике.

В современной исторической науке принято выделять в рамках первобытности два основных этапа – *раннепервобытный* и *позднепервобытный* этапы. Для каждого из этих этапов характерны свои специфические закономерности и экономические формы. Но главное, что объединяет эти две стадии, – это отсутствие частной собственности на средства производства, а также отсутствие эксплуатации человека человеком. На стадии разложения первобытного общества – иногда этот период называют «финальной стадией первобытности»², иногда предклассовым обществом – начинается формирование как форм и методов эксплуатации, так и особых социальных групп, которые активно используют эти методы эксплуатации. Но пока ранние формы эксплуатации не выступают в качестве определяющих для всей экономической системы, эти общества еще нельзя назвать классовыми в полном смысле слова. Только тогда, когда отношения эксплуатации станут определять собой функционирование общественного производства, лягут в основу господствующего социально-экономического уклада, произойдет переход к первым классовым, или, как часто пишут, раннеклассовым обществам.

Но одна из важных особенностей эволюции первобытных производственных отношений, и, как оказывается, не только первобытных, заключалась в том, что возникновение новой их формы не означало полного исчезновения старой – оно приводило лишь к сужению сферы действия старых форм, что относится и к соответствующим этим отношениям формам сплоченности. Поэтому более ранние экономические нормы и отношения еще долго продолжали существовать наряду с новыми, причем далеко не в виде пережитка. Многие исследователи отмечают, что в первобытных социально-исторических организмах обычно одновременно действовало *несколько разных* систем распределения продуктов. Затрудняло исследование то, что движение продукта по различным принципам осуществлялось без каких-либо временных ограничений. В одном и том же конкретном первобытном обществе нормы распределения могли быть различными в зависимости от того, какие именно продукты, между кем, в какое время и в каких условиях распределялись. Такая «сложность» и «запутанность», как показывают исследования, характерна и для современной неформальной и теневой экономики, в которой действуют многоуровневые экономические связи, неустойчивые нормы распределения и перераспределения продукта.

---

¹ Как известно, права как особого социального института в первобытном обществе не было вообще, оно появилось только с переходом к классовому обществу. Все действия людей в первобытном обществе регулировала мораль.

² См. об этом в работе: Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. – Киев: Наукова думка, 1989.

Самая ранняя форма коммуналистических социально-экономических отношений начала возникать вместе с человеческим обществом, и ее особенностью было то, что никто из членов общины не получал свою долю от кого-то, а просто брал ее из общего фонда. Такого рода отношения в этнологии получили наименование *разборно-коммуналистических*. Следующей стадией в развитии раннепервобытной экономики стало появление *дележно-коммуналистических отношений* и их форм – разделодележа, дачедележа, дародачи, трудодележа и др.

Переход к фазе позднепервобытной общины был связан с появлением, наряду с распределением по потребностям, фактического распределения по труду, а также индивидуальной собственности и определенного имущественного неравенства¹.

В случае с дарообменом мы впервые сталкиваемся с интересным феноменом «*потенциальной*» собственности: человек, подаривший одну реальную вещь, становился потенциальным собственником другой реальной вещи, эквивалентной по ценности подаренной, которая рано или поздно должна была в виде *отдара* ему вернуться. Но только передаривание вещи позволяло изъять ее из дачедележного круга, который продолжал сохраняться и определять экономические отношения в области жизнеобеспечивающей экономики.

Если раннепервобытные разборные и дачедележные экономические отношения носили линейно-круговой характер (человек не выбирал, с кем делиться, наконец, делиться или не делиться вообще: дележный круг был определен с рождения, соответствующие моральные и культурные нормы предписывали время, порядок взаимных «передач», а также все сопровождающие при этом этикетные действия и знаки), то в случае с дарообменом мы впервые сталкиваемся с чисто линейной экономической связью, которая носит *персональный характер*. Богатство накапливалось и использовалось прежде всего не для удовлетворения собственных потребностей, а для дарения. Поэтому богатство человека исчислялось не массой *храняемых* ценностей, а массой *прошедших через руки* ценностей.

Процесс дарообмена представляет следующая схема:

СХЕМА ДАРООБМЕННЫХ АКТОВ:

A → дар → B → дар → B → дар → Г → дар → Д →
A ← отдар ← B ← отдар ← B ← отдар ← Г ← отдар ← Д ←

Дарообменные цепи могли включать в себя десятки людей и простирались на сотни километров. Наряду с общеродовой социальной сплоченностью общины начинала возникать особая дарообменная - «горизонтальная» форма социальной сплоченности между участниками. Участники дарообменной сети должны были принадлежать различным общинам.

С переходом к стадии позднепервобытной общины дарением и отдариванием занимались чуть ли не все взрослые в каждой общине. В результате образовывалось множество параллельно идущих в одном и другом направлении цепей обмена, составлявших от одного до нескольких потоков, нескольких троп. Такого рода обмен дарами этнографы называют *церемониальным*. Для обозначения данных экономических форм (исторические примеры – мербок, хксаро, кула и др.) Ю.И.Семенов ввел термины *дародачеобмен* и *дародачеобращение*². Среди самых знаменитых дарообменных «колец» – кула меланезийцев островов Соломонова моря, детально описанная Брониславом Малиновским в «Аргонавтах Западного Тихоокеанья». Австралийский ученый У.Э.Х.Станнер назвал такую дарообменную экономику «*церемониальной*»³, чуть позже был введен термин «*престижная экономика*»⁴.

¹ Не следует путать частную собственность на средства производства и индивидуальную собственность на результаты собственного труда – на стадии позднепервобытного общества сохранялся равный доступ всех членов общины к средствам производства, еще не было эксплуатации человека человеком.

² Семенов Ю.И. Экономическая этнология ... С. 259–260.

³ Stanner W.E.H. Ceremonial Economics of the Mulluk Mulluk and. Madngella Tribes of the Daly River // Oceania. 1933. Vol. 4. № 2; 1934. Vol. 4. № 4.

⁴ DuBois C. The Wealth Concept as an Integrative Factor in Toiowa-Tututni Culture // Essays in Anthropology Presented to A.L.Kroeber in Celebration of his Birthday. Ed. by R.Lowie. – Berkeley, 1936.

Специфика дарообмена заключалась в первую очередь в косвенном накоплении «потенциального» богатства, то есть такого, которое нельзя персонально потребить, но которым можно распорядиться в пределах возможностей, предоставляемых дарообменными связями. В форме дарообмена постепенно начал возникать и развиваться товарообмен (так называемая *дароторговля*, отличием которой от обычной торговли было то, что она всегда осуществлялась не по «формальным» правилам, не «безлично», а только между определенными людьми, – теми, которых в этнографической литературе принято именовать *торговыми партнерами*, – они были, как правило, одновременно и партнерами по дарообмену). Постепенно товарообмен приобретал самостоятельный характер, хотя это происходило не сразу, а в ряде случаев в полной мере этот процесс завершился лишь на стадии развитого классового общества.

Наиболее распространенной и живучей, сохранившейся вплоть до наших дней формой престижной экономики были дары (*дароплатежи*), связанные с определенными событиями в жизненном цикле человека – рождением, взрослением, браком, смертью. Особое значение приобретали также межобщинные престижные *дароторжества*, сопровождавшиеся масштабным обменом дарами (*великодарообменом*) и торжественным поеданием пищи (*престижными пирами*¹). Для обозначения особого рода дароторжеств, в которых на передний план выступало не поедание пищи, а дарение вещей и продуктов, этнографами обычно используется термин «*потлач*». Межобщинный престижный дарообмен порождал дополнительные формы внутрисоциальной сплоченности – подготовка к дароторжеству велась всей общиной, результатом пира был повышающийся общий престиж всей группы.

Переход от раннепервобытного общества к позднепервобытному, таким образом, был связан со своеобразным «раздвоением» системы социально-экономических отношений, когда наряду с системой циркуляции жизнеобеспечивающего продукта возникла *особая система циркуляции избыточного продукта*, состоявшая, как выявил Ю.И.Семенов, из *трех подсистем: дародачеобращения, дароплатежного обращения и великодарообращения*.

Если престижная экономика первоначально возникла как обмен избыточным продуктом, созданным в первую очередь за счет собственных трудовых усилий каждого человека, включенного в дарообменные связи, опиралась на принцип эквивалентности и не предполагала эксплуатации, то по мере своего развития эта же престижная экономика сделала возможным и использование для престижного обмена и дароплатежа *избыточного продукта, произведенного другими людьми* и присвоенного в результате успешной манипуляции престижными ценностями. Сначала появился первый – *редистрибутивный* – метод эксплуатации (основанный на несимметричном перераспределении продукта в процессе дарообмена). Среди методов эксплуатации, возникших в предклассовых и раннеклассовых обществах, – военный грабёж (милитарное присвоение), данничество, ростовщичество, посредническая торговля и некоторые другие.

И здесь необходимо подчеркнуть важность различия способов, образов, а также методов эксплуатации: способы эксплуатации связаны с антагонистическим укладом, образы эксплуатации – с вписанными в производство неукладными отношениями, наконец, методы эксплуатации возникают только в сфере вторичного распределения (они всегда «паразитируют» на том или ином социально-экономическом укладе). Такое различие оказывается важным с точки зрения анализа процессов воспроизводства в современной экономике архаических социально-экономических отношений: в современной теневой и неформальной экономике мы встречаемся с возрождением различного рода образов и методов эксплуатации, «паразитирующих» на господствующем способе производства (рэкет, блат, взяточничество, коррупция, межсоциальное перераспределение и некоторые другие). Методы эксплуатации не образуют особой системы, не определяют в целом экономику общества, но могут формировать специфические формы «негативной» социальной локальной групповой сплоченности – бандитской, коррупционной, блатной.

---

¹ Масштабы и характер разгульных пиров, устраиваемых «новыми русскими» в начале 90-х годов, на которых нувориши соревновались в «щедрости», несомненно, напоминает престижные пиры и соревнования в щедрости в позднепервобытном обществе.

Современные разработки в области исторической науки показывают, что различные докапиталистические экономические отношения в раннеклассовых, а также сословно-классовых обществах, были в большинстве случаев вовсе не рабовладельческими или феодальными, а совсем иными – магнарными, доминарными, нобиларными, политарными, либо симбиотическими (включающими в себя элементы различных указанных социально-экономических укладов). Конечно, нельзя переоценить значение этих данных для понимания той ступени в развитии общества, при анализе которой они были впервые получены. Однако их значение не исчерпывается этим. Точное определение характера докапиталистических социально-экономических отношений, господствующих в том или ином обществе, оказывается предельно важным, как только возникает необходимость в глубоком анализе процессов, происходящих в *современных* «модернизирующихся» и «развивающихся» странах, делающих шаг из традиционного общества в современное.

Наиболее важным, и одновременно, сложным явлением для понимания и изучения архаических обществ и типов социальной сплоченности, оказывается *политаризм* – первая формационная, первая окончательно сформировавшаяся классовая форма социально-экономических отношений. *Политаризм* – наиболее точный термин (введен Ю.И.Семеновым) для обозначения универсального явления человеческой истории, сущность которого может вскрыть с наибольшей глубиной именно экономическая теория. Способ производства, основанный на общеклассовой собственности, как показано здесь, – отнюдь не уникальное явление, присущее лишь некоторым периодам в истории развития древних восточных государств (древнеегипетского, древнемесопотамских, отчасти древнеиндийских, древнекитайских и ряда других обществ), но, напротив, выступает как универсальная форма организации социально-экономических отношений в период классового образования во *всех* исторически известных обществах. Более того, политаризм играет существенную роль в экономической жизни современного мира, особенно на стадии формирования единой капиталистической системы для экономических систем, существующих в условиях экономического отставания.

Сущность политаризма заключается в том, что собственником средств производства и одновременно верховным собственником личностей непосредственных производителей выступает государство в лице чиновников государственного аппарата.

Общеклассовая частная собственность определяет характер взаимоотношений государственного аппарата как корпоративного частного собственника и производителей материальных благ: весь избыточный продукт присваивается государством в виде налогов и распределяется между членами аппарата согласно их месту в чиновничьей иерархии. Политаризм – это и есть «азиатский способ производства», который возник на Древнем Востоке в конце IV тысячелетия до н.э. (сначала в Египте и Месопотамии, затем в Индии и Китае). Как свидетельствуют современные исторические исследования, именно политарная общественно-экономическая формация, а вовсе не рабовладельческая, была первой классовой формацией, первой формой так называемого «цивилизованного» общества.

Политарная общеклассовая частная собственность, предполагающая совместное владение собственностью представителями господствующего класса, которые образуют тем самым специфическую корпорацию, предполагает также, что входящий в господствующий класс человек не является частным собственником в отдельности. Поэтому частнособственнический характер такой разновидности частной собственности скрыт, что давало основание многим исследователям утверждать, что в такого типа обществах частной собственности нет вообще, а ее заменяет «власть-собственность», основанная на узурпации административно-управленческих функций и политическом господстве¹. Именно поэтому существенное отличие такой общеклассовой частной собственности от традиционной персональной частной собственности, распространенной в современном капиталистическом мире, не позволяло

---

¹ Такова, например, концепция «власти-собственности» Л.С.Васильева, которую разделяют многие российские исследователи. Близкие идеи мы обнаруживаем и у К.Поланьи в рамках выделения им особых «редистрибутивных» отношений, характерных, по его мнению, для классовых докапиталистических обществ.

многим зарубежным ученым признать в принципе то, что такого рода собственность является частной.

Политарная частная собственность была классовой, поэтому прибавочный продукт, созданный в политарной хозяйственной ячейке, совпадавшей с социальным организмом, поступал всему классу политаристов в целом, что предполагало и делало необходимым существование системы отношений по распределению этого продукта между отдельными членами данной общественной группы – политосистемы. В завершённом виде политосистема представляла собой систему мест, с каждым из которых было связано право на получение определенной доли прибавочного продукта, причем число этих мест всегда было ограниченным. Возглавлял эту особую систему политарх, он был главным распорядителем (но не собственником) общеклассовой собственности. Каждый член господствующего класса был включен в эту систему, причем только определенное место человека в политосистеме и делало его членом господствующего класса. Лишившись места в политосистеме, человек терял право на долю прибавочного продукта и выбывал из состава данного класса. Не меняет сути дела и развитие в некоторых обществах «алиментарных» отношений – выделение представителям господствующего класса отдельных секторов общеклассовой собственности (алиментариаума) с правом собирать налоги и оставлять себе часть изъятого прибавочного продукта не превращало человека в полного персонального частного собственника, поскольку смещение с должности автоматически предполагало и потерю всех прав.

В политарных обществах возникают специфические формы сплоченности вокруг государства и соответствующие им социальные иллюзии – полного единства общества, отсутствия неравенства и зримого классового деления. Систематическое насилие оказывается важным механизмом обеспечения господства чиновников, но поскольку репрессии охватывают и саму чиновничью корпорацию (для обеспечения ее единства), то возникает специфическое чувство равенства всех перед террором (См. об этом упомянутую книгу Ю.И.Семенова о политаризме¹, а также знаменитую книгу Д.Норта и соавторов о роли насилия в экономической истории²).

Изучение архаических экономических структур и открытие универсального распространения в истории такой разновидности раннеклассовых систем, как политарная, существенно меняет представление о советском обществе как об обществе социалистическом, а постсоветском обществе как обществе, осуществляющем переход от социализма к капитализму. Нет необходимости доказывать, что в Советском Союзе и в странах «социалистического лагеря» никакого социализма в том понимании, которое было предложено в свое время К.Марксом и Ф.Энгельсом, не было. Всем известны материалы многолетних дискуссий о сущности советского строя. Давно определились основные точки зрения, базовые позиции. Наибольшей эвристической ценностью мне представляется концепция неополитаризма. Общеклассовая частная собственность – то есть та самая политарная собственность, которая сложилась и в Советском Союзе, – с необходимостью предполагает регулярное насилие как по отношению к непосредственным производителям, так и по отношению к самим представителям государственного аппарата, склонным к превращению общеклассовой собственности в персональную. Террор, расправы, запугивание – обычные методы укрепления общеклассового господства и поддержания внутриклассовой монолитности. Поэтому внеэкономические понятия «террора», «насилия», «репрессий» оказываются в самой сердцевине именно экономических отношений: без систематического насилия невозможна именно экономика соответствующих политарных обществ. Им соответствуют специфические этатистские формы сплоченности.

Все это принципиально меняет наши представления о сущности тех социально-исторических событий, которые происходят в современном обществе: в современной постсоветской России протекают специфические процессы перехода от экономики политарной к экономике периферийно-капиталистической. Такой переход сопровождается

---

¹ Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства в истории России и мира. – М.: УРСС, 2011.

² Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. М., 2011

возрождением множества архаических экономических структур и форм социального и экономического взаимодействия.

Понимание *некапиталистической природы* советской социально-экономической системы – условие правильного понимания процессов, происходящих в современной России и других «постсоветских» обществах. Производственные отношения в странах бывшего советского лагеря не только не были капиталистическими, но, что еще важнее, до сих пор капиталистическими в полном смысле слова не стали. Экономике современных «посткоммунистических» обществ определяет целый сплав экономических моделей докапиталистического происхождения, включая элементы самых ранних, самых архаичных – то есть первобытных и раннеклассовых – структур. Важнейший признак периферийного капитализма – теснейшая взаимосвязь и даже взаимопроникновение капиталистических и докапиталистических отношений в периферийных обществах. Необычные мозаики создают соответствующие каждой из архаических экономических моделей архаические типы социальной сплоченности – особенно в теневой и неформальной экономических сферах¹.

Сделаем предварительные методологические выводы.

Господствующий в XX веке в западной социальной философии и экономической науке «социальный номинализм» (условно назовем эту идейно-философскую позицию именно так) закрывает саму возможность выделения в социальной жизни собственно *материальной* составляющей, несводимой ни к людям, живущим в обществе, ни к отдельным проявлениям воли или сознания людей. Попытки преодоления такого «социального номинализма», предпринятые создателями различных «структурных» теорий, логически также приводят к выделению в качестве основы общества *идеальных* явлений – ценностей, норм, обычаев, даже мифов, или *производных* от них – власти, легитимности, сбалансированности, то есть всех тех структур, которые все равно не выходят за пределы надстройки, если употреблять важное понятийное образование Маркса.

Лишь во второй половине XX века в результате огромной работы, проделанной прежде всего в области экономической этнологии, стало совершенно очевидным и может считаться доказанным наличие особого рода экономических систем, которые, оставаясь экономическими, не выглядят и не являются системами рыночной экономики.

Огромной важности идейное течение XX века было инициировано лингвистическими исследованиями в области структурной лингвистики, берущими исток из знаменитого лингвистического курса Ф. де Соссюра. Методологическим постулатом, из которого исходил Ф. де Соссюр, была чрезвычайно богатая методологическая мысль, согласно которой социальные явления, представляющие собой более ранние эпохи в истории идей, неизбежно присутствуют и в современном идейном поле не только в качестве почвы, принадлежащей наследию, но и в качестве актуального материала, оказывающего влияние на все современные процессы. Концептуально это методологическое положение было раскрыто в понятиях «синхронии» и «диахронии».

Применение этого положения ко всему идейному материалу, связанному с гуманитарными науками, положило начало особой ветви позитивистски ориентированной методологии, получившей название *структурализм*. Мало кто из адептов этого идейного течения отдавал и по сию пору отдает себе отчет в том, что именно позитивистская по интенции направленность структурализма выступает в качестве методологического ограничения этого круга идей, что приводит, в конце концов, к неудовлетворенности структурализмом и стремлению перейти к еще более общим по ориентирам идейным установкам в рамках течения, названного постструктурализмом. Между тем структуралистская доктрина, понятая как определенного рода сторона диалектических закономерностей, позволяет произвести подлинно диалектическое снятие идей структурализма, сохранив и включив структурализм в современную науч-

---

¹ См., например: Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004; Николаева У.Г. Экономическая архаика и современность. М.: «Дашков и К°», 2005; У.Г. Vita nuova архаических экономических отношений: Загадки современной российской неформальной экономики. М.: «Дашков и К°», 2005.

ную методологию в наиболее общем смысле этого последнего слова. Речь идет, таким образом, о своего рода обогащении всей философско-методологической базы современного научного познания.

Сторона новой научной методологии, о которой идет речь в данном случае, может быть сведена к положению: *буквально все в прошлом социально значимые явления действительности не умирают в истории, становясь лишь материалом для исследований историков в данной области знания, а сохраняются в актуальности в том или ином эксплицитном, имплицитном, латентном или эффективном виде в любом срезе действительности.*

Второе положение, связанное с разработкой этой методологии, есть следствие первого: оно сводится к утверждению того, что *всякий раз, когда создаются соответствующие социальные или идейные условия для актуализации тех или иных структур из исторического развития соответствующей предметной области, данная структура реализуется из этого актуального среза без обращения к истории и исторически предшествующим стадиям в развитии феномена.* Выраженное этим тезисом положение объясняет то, почему с такой легкостью выходят на свет феномены, представляющие собой на первый взгляд безнадежную идейную, вещную и процессуальную архаику.

А.М.Алмакаева (НИУ ВШЭ)

«КРУГИ» ДОВЕРИЯ И ИХ ИЗМЕРЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Интерес к изучению доверия значительно вырос в последнее время. Если еще десять лет назад ученые в основном использовали выборки, которые не выходили за пределы одного государства, то сегодня можно обнаружить огромное количество исследований, выполненных на материалах таких международных проектов, как, например, Европейское социальное исследование¹, Европейское исследование ценностей², Всемирное исследование ценностей³, Латинский, Африканский, Арабский, и Азиатский барометры⁴. Богатые базы данных, содержащие материалы опросов из различных стран мира, дают уникальную возможность рассмотреть, каким образом социальный контекст обуславливает существование различных микро-феноменов. В то же время, эта широта таит в себе и определенную опасность. Чтобы обеспечить качество результатов анализа, необходимо быть точно уверенными в том, что люди, живущие в различных культурах, одинаково понимают вопросы анкеты. Иными словами, нужно убедиться в наличии кросс-культурной инвариантности используемых показателей. В настоящей работе речь пойдет о необходимости разграничения различных типов доверия и подборе адекватных показателей для их измерения в сравнительных исследованиях.

В отечественной и зарубежной литературе принято проводить грань между обобщенным и специфическим доверием. При этом под обобщенным или генерализованным⁵ доверием подразумевается доверие к людям в целом вне зависимости от каких-либо характеристик (возрастных, гендерных, социальных, этнических, религиозных, политических и т.п.). Специфическое или партикуляризованное⁶ доверие, наоборот, может быть выражено только по отношению к конкретным, как правило, знакомым людям [Putnam, 2001; Uslander, 2002; Yamagishi, 2011]. Ученые едины во мнении о том, что именно генерализованное доверие яв-

¹ Официальный сайт Европейского социального исследования <http://www.europeansocialsurvey.org/>

² Официальный сайт Европейского исследования ценностей <http://www.europeanvaluesstudy.eu/>

³ Официальный сайт Всемирного исследования ценностей <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

⁴ В настоящее время все эти исследования объединены к проект под названием «Глобальный барометр», официальный сайт которого находится по адресу <http://www.globalbarometer.net/>

⁵ Примечание: в англоязычной литературе для обозначения генерализованного доверия используются термины «generalized» и «autgroup». В большинстве случаев, они употребляются как синонимы.

⁶ Примечание: в англоязычной литературе для обозначения специфического доверия используется термин «particularized».

ляется наиболее желательным социальным «продуктом», поскольку в доверяющих обществах лучше экономическое положение, эффективнее работают политические и правовые институты, выше уровень гражданской активности и субъективного благополучия [Bjornskov, 2003; Delhey, Welzel, 2012; Inglehart, Welzel, 2005; Rothstein, Stolle, 2008; Tokuda et al., 2010; Zak, Knack, 2001]. Тем не менее, несмотря на полное единодушие в этом вопросе, дебаты о роли специфического доверия в формировании и расширении обобщенного доверия идут до сих пор.

Основополагающие работы Банфильда и Фукуямы описывают негативный эффект тесных ингрупповых связей на генерализованное доверие [Banfield, 1958; Fukuyama, 1995]. В то же время, существующие эмпирические исследования демонстрируют противоречивые результаты. Используя объединенную базу данных Всемирного исследования ценностей Алесина и Гиулиано зафиксировали слабый, но статистически значимый негативный эффект семейных связей [Alesina, Giuliano, 2013]. Отталкиваясь от материалов кросс-культурного проекта GLOBE,¹ Реало и ее коллеги также нашли негативную зависимость между фамилизмом и генерализованным доверием на страновом уровне [Realo, Allik, Greenfield, 2008].

В свою очередь, в целом ряде работ, наоборот, обнаруживается позитивная связь между доверием знакомым и доверием людям в целом [Delhey, Welzel, 2012; Freitag, Traunmüller, 2009; Newton, Zmerli, 2011]. Предположительно, такое противоречие может возникать из-за специфического способа операционализации. Указанные выше авторы для измерения партикуляризованного доверия применяют суммарный индекс, состоящий из вопросов о доверии семье, соседям и людям, которых индивид знает лично. Для измерения генерализованного или аутгруппового доверия – суммарный индекс доверия людям другой национальности, доверия людям другой религии и доверия людям, с которыми индивид встречается впервые. Для доказательства правомерности такого подхода Делхай, Вельцель и Ньютон провели процедуру мульти-группового подтверждающего факторного анализа на выборке пятой волны Всемирного исследования ценностей, проведенной в 2005-2008 гг.² [Delhey et al., 2011]. Действительно, их модели показали довольно неплохое качество, продемонстрировав, что а) эти показатели принадлежат к разным латентным факторам; и б) обладают смысловой инвариантностью в 51 стране из пятой волны указанного исследования. Тем не менее, использование такого подхода может привести к не совсем корректной интерпретации найденных взаимосвязей. Ниже будут рассмотрены основные причины, порождающие такую опасность, и результаты повторного мульти-группового факторного анализа, выполненного на той же выборке.

Брюер описывает ингруппы как имеющие границы сообщества, характеризующиеся взаимным доверием и взаимными обязательствами. Это доверие деперсонифицировано и может распространяться на всех членов, а не только на тех, с которыми у индивида есть непосредственный контакт. Границы, о которых идет речь, в большей степени символические. Они подразумевают наличие мы-идентичности, позволяющей провести демаркационную линию между ингруппой и аутгруппой [Brewer, 1999]. Из этого определения вытекают два важных следствия. **Во-первых**, личное знакомство не обязательное и даже не необходимое условие для отнесения индивида к ингруппе. Действительно, круг «знакомых» может быть достаточно широким и потенциально включать в себя членов семьи, друзей, соседей, одноклассников, коллег по работе и даже представителей других национальностей или религий. Человек в течение своей жизни взаимодействует с бесчисленным множеством социальных групп, однако далеко не все становятся его ингруппой. Таким образом, понятие «знакомые» гораздо шире, поскольку частично вбирает в себя членов ингрупп и аутгрупп, а также тех, кого нельзя отнести ни к одной из этих категорий. **Во-вторых**, ингруппы различаются по степени интенсивности социальных связей. Очевидно, что относительно небольшие сообщества, основанные на личном знакомстве, тесных и, как правило, кровнородственных связях, характеризуются высокой сплоченностью. Именно такие образования могут с большей вероятностью со-

¹ Официальный сайт проекта http://www.tlu.ee/~sirvir/IKM/Leadership%20Dimensions/globe_project.html

² Официальный релиз пятой волны WORLD VALUES SURVEY 2005 OFFICIAL DATA FILE v.20090901, 2009.

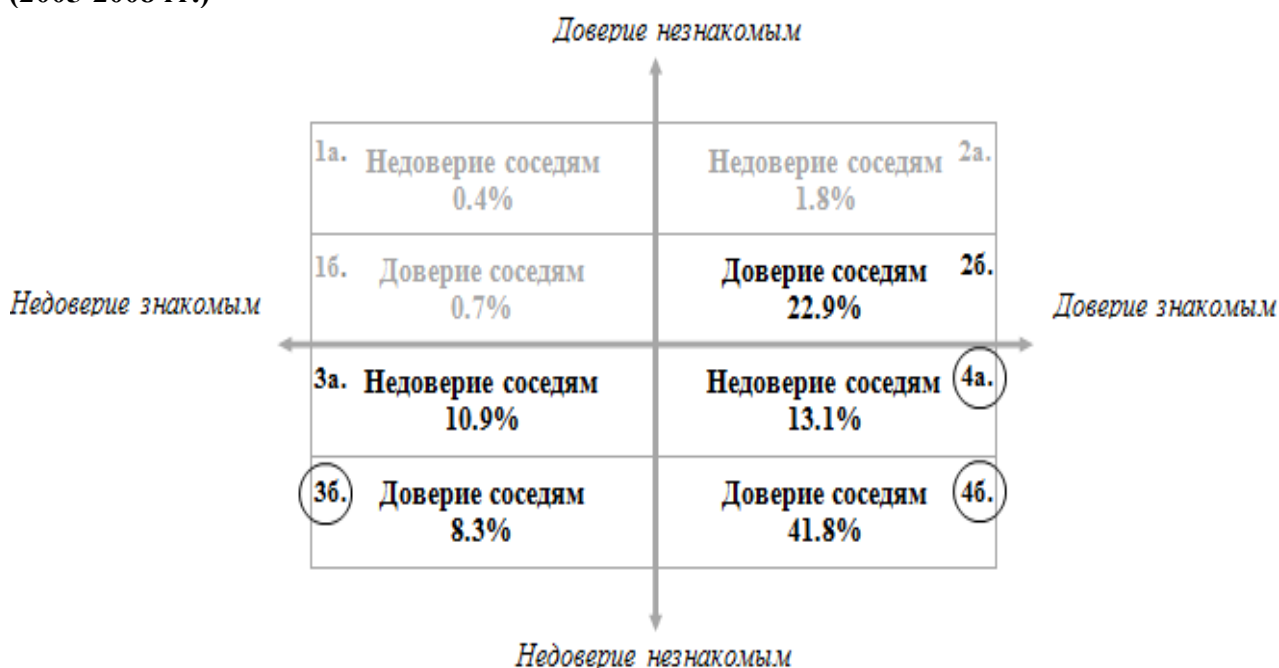

здавать то, что Патнем называет «ограничивающим»¹ социальным капиталом [Putnam, 2001]. Однако чтобы проверить эту гипотезу, нужны валидные индикаторы, отражающие именно этот тип взаимодействий.

Из всего набора вопросов, представленных в анкете пятой волны Всемирного исследования ценностей, только доверие семье в полной мере отвечает необходимым условиям. Но этот показатель имеет очень низкую вариацию. В среднем, лишь 2,4% респондентов не доверяют своим семьям. В большинстве стран доля «недоверчивых» не превышает 5%. При этом не обнаружено никакого специфического тренда. В скандинавских странах уровень доверия семье такой же, как в постсоветских, арабских или африканских. Как результат, доверие семье очень слабо коррелирует со всеми показателями обобщённого доверия (доверием незнакомым, доверием людям другой национальности и доверием людям другой религии). Средняя корреляция составляет примерно 0,08 при уровне значимости 0,001. Если мы исключим доверие семье из индекса доверия ингруппе коэффициент корреляции между этим индексом и индексом аутгруппового доверия практически не изменится.

Доверие соседям, пожалуй, самый двусмысленный индикатор из имеющихся, поскольку может одновременно сочетать в себе 3 смысла: 1. соседи как незнакомые; 2. соседи как «дальние» знакомые; 3. соседи как «близкие» знакомые или члены семьи. В первом случае доверие соседям отражает генерализованное доверие, во втором – специфическое, в третьем – ингрупповое. Как показали предыдущие исследования, уровень доверия ингруппе во всех странах выше, чем уровень доверия аутгруппе [Delhey et al., 2011; Newton, Zmerli, 2011]. Та же тенденция прослеживается и на отдельных показателях. Доля респондентов, доверяющих семье выше или, в крайнем случае, примерно равна доле респондентов, доверяющих знакомым. А число опрошенных, указавших, что они полностью или частично доверяют тем, с кем знакомы лично, в свою очередь, больше, чем число опрошенных, доверяющих незнакомым или представителям других национальностей или религий. Следовательно, чем ближе группа к индивиду, тем выше уровень доверия. Приняв это утверждение за аксиому, можно использовать вопросы о доверии знакомым и незнакомым как референтные категории для определения примерного положения соседей. На рисунке 2 отражены возможные комбинации, которые образуют три упомянутые показателя.

Рисунок 2. Типы доверия в пятой волне Всемирного исследования ценностей (2005-2008 гг.)²

¹В англоязычной литературе используется термин «bonding»

²Расчет произведен по объединенному массиву из 52 стран.

Прямоугольники 1а, 1б, 2а представляют собой маловероятные сочетания, когда доверие незнакомым выше, чем доверие знакомым и соседям. Полное доверие (2б) или полное недоверие (3а) также не представляют интереса. При совпадении всех трех категорий, разделить их довольно сложно. Таким образом, в центре внимания оказываются прямоугольники 3б, 4а и 4б.

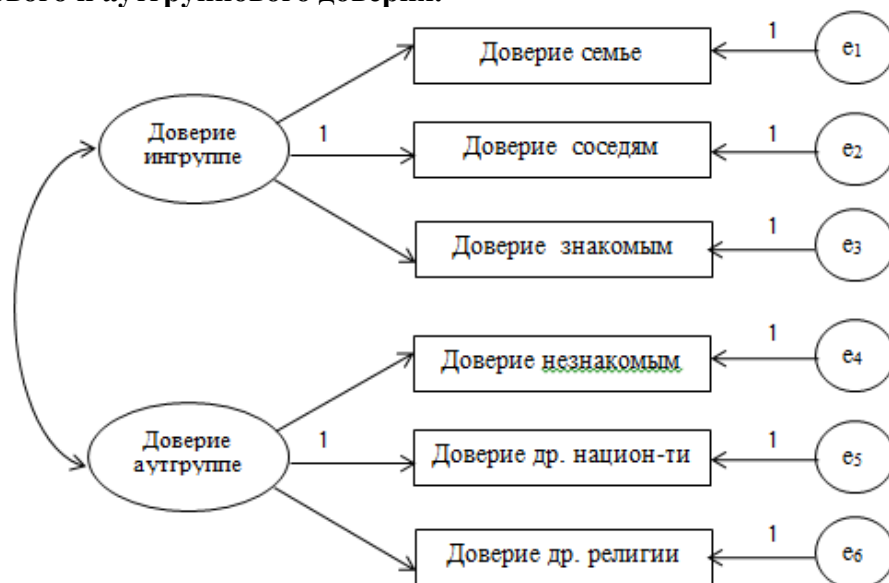
Прямоугольник 4б иллюстрирует ситуацию, когда уровень доверия соседям совпадает с уровнем доверия знакомым, однако незнакомые не входят в круг надежных людей. В этом случае соседи очень близки по положению к знакомым. Область 4а включает тех, кто верит знакомым, но не рискует полагаться на соседей и чужих людей. При таком сочетании соседи, скорее, являются синонимом незнакомым. В секторе 3б сосредоточены респонденты, у которых уровень доверия соседям выше, чем остальным двум категориям. Совершенно очевидно, что, с одной стороны, соседи попадают в круг известных людей, а, с другой, они несколько ближе индивиду, чем просто знакомые. Вариант 4б самый многочисленный (41,8%), а варианты 3а и 3б встречаются примерно в 3 раза реже (около 8% и 13% соответственно). Однако все они имеют значительную межстрановую вариацию (в среднем около 20%), демонстрирующую довольно сильные различия в понимании термина «соседи». Например, в Норвегии, Австралии, Швеции, Великобритании, Соединенных Штатах Америки, Андорре и Франции лишь около 1% опрошенных попали в категорию «3б». В Таиланде, Замбии, Иордании, Марокко, Эфиопии, Буркина Фасо, Вьетнаме, Малайзии таких респондентов уже в районе 15-18%. Описанные тенденции свидетельствуют в пользу исключения этого показателя из индекса доверия ингруппе. Следовательно, из трех индикаторов, образующих индекс ингруппового доверия, более-менее однозначным является лишь доверие знакомым, которое более корректно интерпретировать как показатель партикуляризованного, но не ингруппового доверия.

Для проверки высказанных предположений необходимо повторно провести процедуру мульти-группового факторного анализа. Если они верны, он не должен фиксировать наличие инвариантности. Она, в свою очередь, может быть протестирована на нескольких уровнях. Первый представлен конфигурационной инвариантностью, которая гарантирует, что число и структура латентных факторов, а также образующих их переменных, будет одинаковой во всех исследуемых группах. Это базовое условие для тестирования инвариантности более высокого порядка. Второй уровень – метрическая инвариантность. Она предполагает межгрупповое равенство факторных нагрузок наблюдаемых индикаторов. Третий уровень – скалярная инвариантность. Она подразумевает не только равенство факторных нагрузок, но и равенство интерсептов наблюдаемых переменных [Steenkamp, Baumgartner, 1998]. В этом случае межстрановые различия у наблюдаемых переменных могут быть с большой долей вероятности проинтерпретированы как результат содержательных, а не измерительных особенностей.

Выделяют и более высокие уровни, однако они представляют собой более строгие тесты и, как правило, редко находят подтверждение на реальных эмпирических данных. Как следствие, наличие первых трех видов считается достаточным условием для использования конструкторов в сравнительных исследованиях. Скалярная инвариантность позволяет адекватно сравнивать уровни латентных переменных, а для изучения взаимосвязей достаточно метрической или, в некоторых случаях, частичной метрической инвариантности [Steenkamp, Baumgartner, 1998].

Наиболее популярным методом для тестирования инвариантности является мульти-групповой конфирматорный факторный анализ, позволяющий сравнивать факторные структуры одновременно в нескольких группах. Используя этот метод, Делхай, Ньютон и Вельцель пришли к выводу, что меры аутгруппового и ингруппового доверия обладают конфигурационной и частичной метрической инвариантностью [Delhey et al., 2011]. Однако изложенные выше соображения, заставляют сомневаться даже в наличии базового уровня. Для проверки гипотезы о наличии инвариантности указанные авторы использовали модель, отраженную рисунке 2.

Рис. 2. Модель для тестирования межгрупповой инвариантности показателей интрагруппового и аутгруппового доверия.

Для проведения анализа они удалили все пропущенные значения, возникшие при ответах на шесть вопросов о доверии. В итоге из 73 322 респондентов осталось 63 352 или 86.4% опрошенных. При этом лишь в 24 из 52 стран пропуски не превышают 10%. Особенно много ответов на Украине (38%) и в Китае (52%). В Испании, Эфиопии, Сербии, Грузии, Индии, России, Мали, Британии, Болгарии, Западной Германии их число колеблется в пределах 20-30%. В такой ситуации исключение пропусков в данных может привести к неконтролируемым смещениям. Чтобы этого избежать был использован алгоритм максимального правдоподобия, позволяющий выполнять мульти-групповой подтверждающий факторный анализ с учетом пропущенных значений. Таким образом, число валидных наблюдений увеличилось с 63 352 респондентов до 72 731 (99.2%). Кроме того, мы включили в анализ не 51, а 52 страны. За исключением этих изменений, тестируемая нами модель идентична модели, с которой работали Делхай и его коллеги.

Все расчеты были выполнены в программе Mplus. Наряду с традиционной статистикой хи-квadrat она предоставляет еще 4 индекса, позволяющих оценить качество модели. Это два абсолютных индекса и два сравнительных (инкрементных). К первой группе относят RMSEA (Root Mean Square Error of Approximation) и SRMR (Standardized Root Mean Square Residual). Ко второй – CFI (Comparative Fit Index) и TLI (Tucker-Lewis Index). На данный момент в литературе нет единых стандартов относительно того, какие значения этих статистик говорят о хорошем качестве модели. Хью и Бентлер предлагают достаточно строгие критерии оценки. По их мнению, показателями хорошего качества являются RMSEA не более 0.06, SRMR – не более 0.08, CFI и TLI – более 0.95 [Hu, Bentler, 1998, 1999]. Марш и его коллеги предупреждает, что применять этот подход следует достаточно осторожно, поскольку множество отклоненных моделей в симуляции Хью и Бентлера на самом деле демонстрировали приемлемое качество даже с точки установленных авторами «жестких» границ [Marsh et al, 2004]. Менее строгий подход предполагает, что в качестве верхнего предела для RMSEA рассматривается значение в 0.08, для SRMR – 0.1, для CFI и TLI – 0.9 [Vandenberg, Lance, 2000].

Следуя модели на рисунке 2, мульти-групповой подтверждающий факторный анализ был проведен на выборке из 52 стран. Тестирование стартовало с проверки конфигурационной инвариантности. К сожалению, двухфакторная структура ее не выдержала. RMSEA равен 0.1, SRMR – 0.048, CFI – 0.944, TLI – 0.894. Наши результаты не идентичны, но сравнимы с результатами Дельхая и коллег. Эти исследователи также не добились хорошего качества моделей без дополнительных модификаций. Чтобы исправить положение, они добавили корреляцию ошибок между доверием соседям и доверием незнакомым и доверием знакомым. Мы повторили эту процедуру и получили примерно такие же показатели. Причем они отвечают даже самым строгим критериям Хью и Бентлера [Hu, Bentler, 1998, 1999]. RMSEA - 0.06, SRMR – 0.026, CFI – 0.985 TLI – 0.961. Технически, это очень хороший

результат, однако он внушает некоторые опасения. Как отмечает Бьерн, корреляция ошибок возникает в нескольких случаях. Во-первых, она может означать дополнительный фактор, во-вторых, – указывать на искажения в ответах респондентов, вызванные, например, эффектом социальной желательности. В-третьих – показывать, что какие-то переменные сходны по смыслу [Burne, 2012]. Следовательно, прежде чем добавлять подобные корреляции, необходимо четко обосновать их правомерность с теоретической точки зрения.

Суммарные индексы доверия ингруппе и аутгруппе были сконструированы с целью изучения взаимосвязи. Эти результаты показывают, что обнаруженная в предыдущих исследованиях [Delhey, Welzel, 2012; Freitag, Trau Müller, 2009; Newton, Zmerli, 2011] позитивная корреляция, отчасти может объясняться принадлежностью двух переменных из индекса ингруппы и одной переменной из индекса аутгруппы к одному фактору. Следовательно, разрешать такие корреляции не следует.

Для того чтобы понять, какие государства «отклоняются» от идеальной двухфакторной структуры, подтверждающий факторный анализ был проведен в каждой стране отдельно. В 5 странах (Бразилии, Чили, Перу, Руанде и Южной Африке) показатели качества модели отвечали критериям Хью и Бентлера, в 12 странах – показали приемлемый результат. В 22 странах значение RMSEA было выше 0.8, а TLI ниже 0.9. В оставшихся 13 государствах CFI, TLI и SRMR были в допустимых пределах, а вот RMSEA был выше рекомендуемого уровня (от 0.09 и более). Таким образом, двухфакторная структура выдержала проверку лишь в 17 странах.

35 моделей с плохим качеством были подвергнуты модификации. Несмотря на все усилия в Эфиопии, Марокко и Южной Корее так и не удалось достичь приемлемого результата. В Замбии была введена корреляция ошибок между доверием соседям и доверием семье, в Буркина Фасо, в дополнение к этой, – корреляция между доверием людям другой национальности и доверием людям другой религии. Она же была разрешена еще в 13 странах. Связь между доверием соседям и доверием незнакомым улучшила модели в 7 странах. В 10 странах усовершенствовать модели можно было с помощью двух примерно одинаковых стратегий – либо введением корреляции ошибок между доверием соседям и незнакомым, либо введением корреляции ошибок между доверием другим религиям и национальностям. В 7 регионах качестве альтернативы соседям была предложена связь между доверием знакомым и доверием незнакомым.

Отдельно следует отметить предложенную Mplus корреляцию между доверием представителям другой национальности и религии. Есть веские основания утверждать, что она вызвана первой причиной в классификации Бьерн, а именно, – наличием латентного фактора, который обуславливает их взаимосвязь. Используя данные опроса, проведенного в Великобритании, Германии, Франции, Италии, Канаде, Швейцарии и Соединенных Штатах Америки в рамках пятой волны Всемирного исследования ценностей, Фрейтаг и Браун определили, что доверие людям другой национальности и религии представляет собой отдельный от генерализованного доверия конструкт [Freitag, Bauer, 2013]. Действительно, как показывает анализ, доверие людям другой национальности в большинстве стран пятой волны выше обобщенного доверия и, таким образом, является необходимым, хотя и недостаточным условием для формирования последнего [Алмакаева, 2014].

Приведенные выше результаты заставляют сделать вывод о том, что необходимо четко разделить различные типы доверия. В частности, имеет смысл говорить о двух измерениях: «ингрупповое-аутгрупповое» и «генерализованное-партикуляризованное». Наиболее адекватным и всеохватывающим показателем обобщенного доверия целесообразно считать доверие незнакомым. Более того, логично рассмотреть процесс формирования обобщенного доверия как перемещение по своеобразным «кругам»: от ингруппового к партикуляризованному, от партикуляризованного к аутгрупповому, от аутгруппового к генерализованному.

Литература

1. Алмакаева А. Измерение генерализованного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С.34-45.

2. Alesina A., Giuliano P. *Family Ties*. Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 2013. Доступно по адресу <http://www.nber.org/papers/w18966.pdf>
3. Banfield E.C. *The moral basis of a backward society*. New York: Free Press, 1958. 188 c.
4. Bjornskov C. The Happy Few: Cross-Country Evidence on Social Capital and Life Satisfaction // *Kyklos*. 2003. Т. 56. № 1. С. 3–16.
5. Brewer M.B. The psychology of prejudice: Ingroup love and outgroup hate? // *Journal of social issues*. 1999. Т. 55. № 3. С. 429–444.
6. Byrne B. *Structural equation modeling with Mplus : basic concepts, applications, and programming*. New York: Routledge Academic, 2012.
7. Delhey J., Newton K., Welzel C. How General Is Trust in «Most People»? Solving the Radius of Trust Problem // *American Sociological Review*. 2011a. Т. 76. № 5. С. 786–807.
8. Delhey J., Welzel C. Generalizing Trust: What Extends Trust from Ingroups to Outgroups? // *World Values Research*. 2012. Т. 5. № 3. С. 45–69.
9. Freitag M., Bauer P.C. Testing for Measurement Equivalence in Surveys: Dimensions of Social Trust across Cultural Contexts // *Public Opinion Quarterly*. 2013. Т. 77. № S1. С. 24–44.
10. Freitag M., Traummüller R. Spheres of trust: An empirical analysis of the foundations of particularised and generalised trust // *European Journal of Political Research*. 2009. Т. 48. № 6. С. 782–803.
11. Fukuyama F. *Trust: the social virtues and the creation of prosperity*. : Free Press, 1995.
12. Hu L., Bentler P.M. Fit indices in covariance structure modeling: Sensitivity to underparameterized model misspecification. // *Psychological Methods*. 1998. Т. 3. № 4. С. 424–453.
13. Hu L., Bentler P.M. Cutoff Criteria for Fit Indexes in Covariance Structure Analysis: Conventional Criteria Versus // *Structural Equation Modeling*. 1999. Т. 6. № 1. С. 1–55.
14. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. : Cambridge University Press, 2005. 345 c.
15. Marsh H.W., Hau K.-T., Wen Z. In Search of Golden Rules: Comment on Hypothesis-Testing Approaches to Setting Cutoff Values for Fit Indexes and Dangers in Overgeneralizing Hu and Bentler's (1999) Findings // *Structural Equation Modeling: A Multidisciplinary Journal*. 2004. Т. 11. № 3. С. 320–341.
16. Newton K., Zmerli S. Three forms of trust and their association // *European Political Science Review*. 2011. Т. 3. № 02. С. 169–200.
17. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. : Simon and Schuster, 2001. 550 c.
18. Realo A., Allik J., Greenfield B. Radius of Trust: Social Capital in Relation to Familism and Institutional Collectivism // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2008. Т. 39. № 4. С. 447–462.
19. Rothstein B., Stolle D. The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust // *Comparative Politics*. 2008. Т. 40. № 4. С. 441–459.
20. Steenkamp J., Baumgartner H. Assessing measurement invariance in cross-national consumer research // *Journal of Consumer Research*. 1998. Т. 25. № 1. С. 78–90.
21. Tokuda Y., Fujii S., Inoguchi T. Individual and Country-Level Effects of Social Trust on Happiness: The Asia Barometer Survey // *Journal of Applied Social Psychology*. 2010. Т. 40. № 10. С. 2574–2593.
22. Uslaner E.M. *The Moral Foundations of Trust*. New York: Cambridge University Press, 2002. 298 c.
23. Vandenberg R.J., Lance C.E. A Review and Synthesis of the Measurement Invariance Literature: Suggestions, Practices, and Recommendations for Organizational Research // *Organizational Research Methods*. 2000. Т. 3. № 1. С. 4–70.
24. Yamagishi T. *Trust: The Evolutionary Game of Mind and Society*. : Springer, 2011.
25. Zak P.J., Knack S. Trust and growth // *The economic journal*. 2001. Т. 111. № 470. С. 295–321.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИЗМЕРЕНИЮ ДОВЕРИЯ¹

Для многих областей научного знания, таких как социология, психология, экономика и других областей, феномен доверия представляет особый интерес. Исследование доверия предполагает связь с вопросом о способе его измерения. Существует значительное количество различных методик измерения данного феномена, которые постоянно развиваются, появляются новые подходы к его измерению². Разнообразие взглядов, существующих в отношении доверия, заставляет психологов считать, что попытки измерить доверие на сегодняшний день имеют пилотный характер [Купрейченко 2008, С.32].

Эмпирические исследования по выявлению влияния выбора конкретного метода измерения доверия на результаты его применения практически не проводились³, хотя особенности различных методов могут быть одним из факторов такого влияния. Таким образом, складывается противоречие: разрабатывается большое количество различных методик измерения доверия («Вера в людей» М.Розенберга [Robinson, и др. 1991], экспериментальные игры на доверие [Bolle и др. 2005], методика измерения доверия Р.Левицки, М. Стивенсон, Б.Банкер [Lewicisky и др. 1997], методика оценки уровня доверия в организации Р.Б. Шо [Шо 2000] и др.), однако, как следствие, перед исследователем стоит вопрос выбора конкретной методики. Зачастую этот вопрос решается, прежде всего, на основании временных и финансовых издержек, связанных с использованием конкретной методики. Иные отличия в инструменте измерения, связанные с восприятием формы и содержания предлагаемых вопросов, различием в теоретических подходах, на основе которых разработаны методики, мало изучены. Поэтому **проблемой данного исследования** стал недостаток данных о наличии значимой разницы в результатах измерения доверия с использованием разных методик, представляющих различные подходы к измерению доверия. Стоит отметить, что эта работа имеет разведывательный характер, в ней была совершена попытка предварительного обследования подходов к измерению доверия.

Исследование феномена доверия усложняется тем, что в данный момент даже внутри одной дисциплины нет единого взгляда на понимание данного термина, его типологии. Разные авторы продолжают спорить о соотношении доверия и других близких ему понятий (например, уверенность, вера)⁴.

В данной работе требовалось определить границы понятия «доверие». Рассмотрение подходов к определению феномена доверия обеспечило более четкое понимание методов его измерения, разработка которых, так или иначе, ориентировалась на определенное понимание исследуемого феномена.

С. Касталдо [Castaldo 2002] отмечает, что во всех исследованиях доверия можно увидеть разнообразие типологий данного феномена, однако четкого и ясного определения доверия нет. Причину этого он видит в том, что доверием часто называют различные явления. Им были проанализированы самые цитируемые определения доверия. В результате он пришел к следующим выводам:

1. Доверие обычно связывают с ожиданиями, убеждениями, установками.
2. Доверие может проявляться по отношению к разнообразным объектам (сам индивид, другие люди, группы, организации).

¹ Автор выражает благодарность своему научному руководителю, Ворониной Наталье Дмитриевне.

² Среди психологов не так давно сформировался новый подход к измерению доверия – как амбивалентной переменной [Купрейченко 2008].

³ Исключение: [Glaeser и др. 2000] в работе которых была реализована попытка сравнить на одной выборке результаты реализации метода прямого опроса и экспериментальной игры на доверие.

⁴ Здесь можно привести в качестве примера Н.Лумана и Э.Гидденса. Так, для Лумана уверенность и доверие – разные способы снижения социальной комплексности, и он вводит даже критерии их различения [Gambetta 2000. р. 94-107], в то время как Гидденс предлагает не различать эти понятия из-за их тесной связи между собой (Giddens 1990.).

3. «Деятельностный аспект доверия» - субъект проявляет доверие через какие-то действия по отношению к объекту.

4. При определении доверия часто упоминается результат его проявления – субъект предсказывает и оценивает последствия оказанного доверия.

5. Доверие связывают с ситуацией риска при принятии решений.

По мнению Ю. Веселова [Веселов и др. 2004], работы социологов, в которых рассматривался феномен доверия, можно поделить на два направления. К первому направлению он причисляет Э. Гидденса, Ф. Фукуяму. Они рассматривают доверие как уверенность в других людях, социальных институтах или системах, основанную не на рациональной оценке объекта своего доверия, а на чувствах, которые данный объект вызывает. Иного подхода придерживаются Н.Луман, П.Штомпка, Д.Гамбетта, А.Селигмен, Дж.Коулман. Для представителей данного течения в основе доверия лежит рациональный расчет, который позволяет снизить уровень неопределенности и рисков, существующих в обществе.

Анализ источников, посвященных рассмотрению различных методов измерения доверия, эмпирических исследований, позволил выделить следующие **основания для деления подходов к измерению доверия**:

1. Количественный [Robinson и др. 1991, Rotter 1971], и качественные подходы к измерению доверия [Вельтер и др. 2004,],

2. Измерение доверия как наблюдаемой [European Social Survey, База данных ВЦИОМ] и как латентной переменной [Glaeser и др. 2000, Lewicicky и др. 1997],

3. Измерение доверия как одномерной [Glaeser и др. 2000, Тысячнюк 2010] и амбивалентной переменной [Lewicicky и др. 1997, Купрейченко 2008],

4. Измерение уровня общего доверия [European Social Survey, База данных ВЦИОМ] или содержания доверия [Johnson George и др. 1982, Rempel и др. 1985, Скрипкина 2000].

В эмпирической части данного исследования были выбраны следующие методы измерения доверия:

➤ Измерения доверия как наблюдаемой и как латентной переменной,

➤ Методы измерения уровня общего доверия – методы измерения классификации доверия.

Следующие методики были реализованы в рамках выбранных методов измерения доверия для их последующего сравнения:

1. ВЦИОМ: еженедельные измерения доверия россиян политикам [База данных ВЦИОМ],

2. ESS: доверие политическим институтам [European Social Survey],

3. Методика «Вера в людей» М. Розенберга [Robinson 1991],

4. Методика измерения межличностного доверия (Р. Левицки, М. Стивенсон и Б. Банкер) [Lewicicky и др. 1997].

Все выбранные методики были адаптированы для измерения доверия президенту В.В. Путину. Методика, используемая ВЦИОМ для измерения доверия россиян политикам и методика ESS для измерения доверия политическим институтам не претерпели значимых изменений, так как изначально формулировки вопросов в данных методиках направлены на измерение институционального доверия. Методика М. Розенберга «Вера в людей» и методика Р.Левицки, М.Стивенсон и Б.Банкер направлены на измерение межличностного доверия, поэтому их содержание было изменено таким образом, чтобы оно соответствовало выбранному объекту доверия в данном исследовании. Это дало возможность респондентам оценивать В.В.Путина не только с точки зрения его должности и обязанностей, но и как личность: как совокупность качеств, которые могут оцениваться вне его статуса в обществе.

В исследовании были использованы такие **методы сбора данных**, как анкетирование и когнитивное интервью.

Для сбора данных использовалась целевая невероятностная выборка. Расчет объема выборки был осуществлен при помощи формулы Рукавишниковой, разработанной для целевых групп, в которой были использованы такие параметры как возраст и пол опрашиваемых. Объем выборки составил 205 человек. Выборку составили жители г. Москвы в возрасте от 17

до 65 лет, являющиеся гражданами Российской Федерации и проживающие в столице в апреле-мае 2014 года.

Результаты исследования

Сравнение выбранных методик измерения доверия проводилось по двум направлениям:

- Сходимость результатов проверялась путем поиска статистических различий между проверяемыми методиками.

- Адекватность восприятия вопросов методик была реализована благодаря использованию когнитивного анализа опросного инструмента, разработанного Дмитрием Рогозиным [Рогозин 2002]. Он направлен на выявление мыслительных процессов, определяющих речевое поведение респондента. В этом исследовании он воплотился в двух формах: в анкете в виде заданий на парафразу суждений и вопросов тестируемых методик, а также в когнитивном интервью, в котором фиксировалась рефлексия респондентов об анкете.

Характеристика уровня доверия респондентов

Прежде всего, при сравнительном анализе требовалось описать уровень доверия респондентов президенту Российской Федерации В.В.Путину, полученный по разным методикам его измерения.

Таблица 1

Содержательная интерпретация мер средней тенденции и разброса уровней доверия в сравниваемых методиках

Меры центральной тенденции и разброса		ВЦИОМ: еженедельные измерения доверия россиян политикам	«Вера в людей», М. Розенберг	Методика Р. Левицки, М. Стивенсон, Б. Банкер	ESS: институциональное доверие
Среднее			Средний уровень	Средний уровень	Средний уровень
Медиана		Слабо выраженное доверие	Средний уровень	Средний уровень	Средний уровень
Мода		Слабо выраженное доверие	Средний уровень	Средний уровень	Отсутствие доверия
Квартили	25%	Слабо выраженное недоверие	Низкий уровень	Низкий уровень	Низкий уровень
	50%	Слабо выраженное доверие	Средний уровень	Средний уровень	Средний уровень
	75%	Выраженное доверие	Средний уровень	Средний уровень	Высокий уровень

Результаты оценки мер центральной тенденции дали схожие результаты (см. табл. 1). В среднем, уровень доверия президенту РФ В.В. Путину можно оценить как умеренный. Стоит обратить внимание, однако, что мода сильно отличается только в методике измерения доверия политическим институтам ESS и демонстрирует показатель отсутствия доверия, в остальных же опросниках мода совпадает со средним уровнем доверия. В методике измерения доверия политическим институтам ESS показан самый сильный разброс в значениях уровня доверия респондентов. Это может говорить о более высокой чувствительности этой методики к различиям в доверии респондентов. Кроме того, по переменной, соответствующей вопросу из еженедельного измерения доверия россиян политикам ВЦИОМ, получились показатели пограничные между средним и высоким уровнями доверия. Однако подобное смещение может быть вызвано тем, что в данной методике не предусмотрено нейтральное значение.

Сравнение результатов применения методик измерения доверия на различных подвыборках респондентов

Для оценки способности выявления уровня доверия исследуемыми методиками оценивалось, насколько хорошо методики разделяют те группы респондентов, которые довольно стабильно в разных исследованиях показывали значимые различия в уровне доверия президенту. Так, Ю. Левада [Левада 2001] упоминал, что доверие президенту более высоко проявляется среди женщин и представителей самых младших и самых старших возрастов. В данной работе также оценивалось, как методики дифференцируют респондентов в зависимости от их политических предпочтений (оценивалось через вопрос о том, за кого респонденты голосовали (бы) 4 марта 2012 года на выборах президента РФ).

По результатам проведенных дисперсионных анализов сравниваемые методики показали себя по-разному на разных группах респондентов. Так, методика Р. Левицки, М. Стивенсон, Б. Банкер лучше всего выявила различия в уровне доверия президенту у респондентов разного пола, методика ESS выявляет различия в уровне доверия респондентов разного возраста, а методика М. Розенберга лучше всего работала на респондентах с разными политическими предпочтениями.

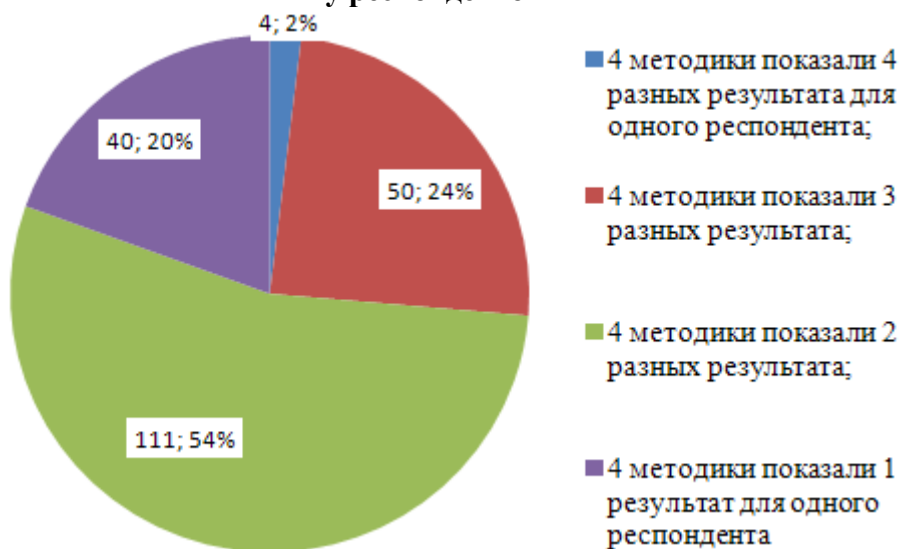
Причины различия в способностях исследуемых методик дифференцировать респондентов могут состоять в заложенной в измерение модели, а именно в формулировках вопроса.

Совпадение методик по уровню измеренного доверия

Количество респондентов, у которых все методики показали одинаковый уровень доверия, невелико относительно всей выборки (см. Диаграмма 1). У 80% респондентов фиксировался разный по величине разброс значений уровня доверия президенту РФ. Таким образом, можно судить о том, что определенные различия между исследуемыми методиками измерения доверия есть. Однако количество респондентов, у которых все 4 методики показали разные результаты, мало, и можно утверждать, что рассматриваемые методики соответствуют своему назначению – измерению доверия.

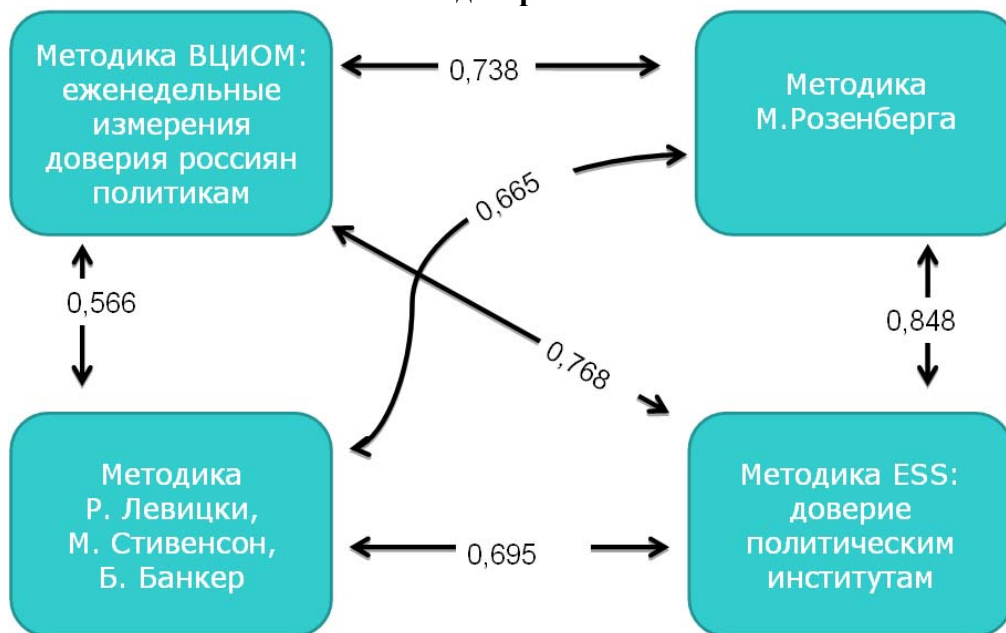
Диаграмма 1

Степень совпадения уровней доверия по разным методикам у респондентов

Ранговая корреляция Спирмена на переменных уровнях доверия по всем четырем методикам позволила оценить, насколько зафиксированные различия сильны. Результаты представлены на Схеме 1.

Корреляция Спирмена уровня доверия респондентов в разных методиках измерения доверия

Самая тесная связь наблюдается у пары методик: измерение доверия политическим институтам ESS и модифицированная «Вера в людей» М. Розенберга (см. Схема 1) – это позволяет полагать, что при измерении доверия можно отдавать предпочтение более простым методикам измерения. У методики ESS наблюдается тесная корреляция со всеми остальными методиками. Данный факт не говорит о качестве данной методики, однако, учитывая результаты выявления различий между уровнями доверия респондентов в разных подвыборках респондентов (каждая методика показала себя по-разному в зависимости от способа деления респондентов), в данном случае можно полагать, что методика ESS имеет способность приближаться к качествам остальных методик.

Структура понимания вопросов методик измерения доверия, используемых в исследованиях ВЦИОМ и ESS

В измерениях доверия, проводимых ВЦИОМ [База данных ВЦИОМ] и ESS [European Social Survey] термин «доверие» фигурировал в самом тексте вопроса, что давало возможность определить, что скрывается для респондентов за этим феноменом. Ответы опрошенных были классифицированы в зависимости от того, на чем они делали акцент в собственном варианте вопроса. Полученная классификация подходит для обеих рассматриваемых методик, согласно ей доверие для респондентов – это:

- оценка опыта принятых решений;
- оценка личностных качеств;
- готовность дать возможность решать государственные вопросы;
- согласие с легитимностью президента
- голосование на выборах;
- оценка событий на Украине и Крымский вопрос в 2013-2014 гг.

Полученная классификация строилась для обеих методик по отдельности, однако в результате была получена одна классификация. Это говорит о том, что, несмотря на разницу в формулировках, методики порождают схожие мыслительные процессы в сознании респондентов.

Ассоциации респондентов, возникающие при ответе на вопросы сравниваемых методик

В качестве «речи» кодировались ответы, которые представляли собой текст, связанный с вопросом лишь лексически. Несмотря на то, что «речь» формально считается невыполнением задания в данной работе, тем не менее, зафиксированная рефлексия респондентов требует внимания. Речевые ответы респондентов удалось классифицировать следующим образом:

○ Крымский вопрос

Данная тема упоминалась респондентами для подкрепления своего положительного отношения к президенту В.В.Путину. Некоторые респонденты указывали на то, что Крымский вопрос заставил их пересмотреть свое отношение к действующему президенту РФ и изменить его в лучшую сторону:

«После того как Путин действовал при решении крымского вопроса, мое доверие к его политике увеличилось».

Наличие коммуникации, посвященной Крымскому вопросу, как в анкетах, так и в интервью, дает основания полагать, что этот информационный повод являлся сензитивным для респондентов, поэтому может быть латентной переменной, которая влияла на результаты исследования и стала причиной «выравнивания» респондентов по уровню доверия, сглаживания различий, которые могут существовать между методиками измерения доверия.

○ «Анкетное» доверие и «реальное»

По окончании интервью, некоторые респонденты приходили к выводу, заключавшемуся в том, что их реальное доверие В.В.Путину и то, которое по их ощущениям было создано ими в анкете, различаются:

«...Знаешь, и вообще эти вот вопросы, я бы не сказала, что вот я доверяю. [...] В жизни я вообще ему [В.В. Путину] как-то не особо доверяю. А в анкете как-то так получалось, что доверяю, ну, более-менее...».

Рефлексия респондентов относительно их выводов о несоответствии их реального доверия тому, которое они продемонстрировали в анкете, имеет определенное значение. С одной стороны, можно полагать, что методики не всегда способны перевести в точности на доступный исследователю язык то доверие, которое испытывает респондент. С другой стороны, ассоциации респондентов позволяют предположить, что здесь присутствует разделение доверия на наблюдаемое и латентное – то, которое мы демонстрируем на политических выборах, на митингах, и то доверие, которое проявляется в чем-то отличных ситуациях, но деятельно не всегда выражаемое.

Выводы

Данное исследование было направлено на проведение сравнительного анализа подходов к измерению доверия. Для достижения цели исследования были классифицированы основные подходы к пониманию термина «доверие», были выделены способы классификации методов измерения доверия. Для проведения сравнительного анализа выбранных методик измерения доверия были сформулированы два критерия: сходимость результатов и адекватность восприятия вопросов методик.

Сравнительный анализ реализованных методик измерения доверия позволил получить следующие выводы об их особенностях. Во-первых, удалось выяснить, что методика измерения доверия политическим институтам ESS обладает более высокой чувствительностью к различиям в доверии респондентов. Во-вторых, сравниваемые методики измерения доверия не совпадают в выявлении различий между уровнями доверия в разных подвыборках респондентов (Методика Р. Левицки, М. Стивенсон, Б. Банкер лучше выявляет различия в уровне доверия президенту у респондентов разного пола, методика ESS выявляет различия в уровне доверия респондентов разного возраста, а методика М. Розенберга выявляет различия в уровне доверия респондентов с разными политическими предпочтениями).

В-третьих, сильная корреляция между методикой измерения доверия политическим институтам ESS и методикой М. Розенберга позволяет выдвинуть предположение о том, что при измерении доверия позволительно отдавать предпочтение более простым для респондента методикам измерения. При этом высокая корреляция между методикой измерения доверия политическим институтам ESS и остальными методиками может свидетельствовать о ее способности повторять воздействие других сравниваемых методик на респондентов.

Анализ адекватности восприятия вопросов методик позволил определить, что разные формулировки вопроса о доверии порождают у респондентов схожие мыслительные процессы в сознании. Кроме того, рефлексия респондентов о собственных ответах при анкетировании

нии позволила выдвинуть предположение о существовании такой типологии доверия, в которой можно разделить его на наблюдаемое и латентное.

Стоит отметить, что полученные выводы требуют дальнейшей проверки в силу пилотного характера данного исследования. Следует проверить, как выбор метода измерения доверия может влиять на иные виды доверия. Кроме того, можно полагать, что в данном исследовании различия между методиками не проявились достаточно сильно из-за субъективных причин. Так, стоит учитывать то, что сбор данных для исследования происходил во время процесса самоопределения Крыма, его отделения от Украины и присоединения к Российской Федерации. Стоит отметить, что в этот период произошел значительный рост уровня доверия В.В. Путину, который фиксировался в разнообразных социологических исследованиях, данный рост связывается именно с вхождением Крыма в состав России [РБКdaily]. Присоединение Крыма, таким образом, может быть латентной переменной, которая повлияла на результаты исследования и стала причиной «выравнивая» групп по уровню доверия, и, можно утверждать, что, с учетом сложившейся ситуации, любая методика на данный момент весны лета 2014 года была способна показать высокие и однородные результаты.

Библиография:

1. *Bolle F., Kaehler J.* Meta-Studies Maybe Misleading – the Case of Coleman’s Hypothesis on Trusting Behavior // *Absurdity in the Economy*. 2005. No. 30. P. 76-93.
2. *Bertrand M., S. Mullainathan,* Do People Mean what they say? Implications for Subjective Survey Data // *American Economic Review, Papers and Proceedings*. 2001. No. 2. P. 67–72.
3. *Castaldo S.* Meanings of Trust: a Meta Analysis of Trust Definitions: Paper presented at Second Euram Conference. Stockholm, 2002.
4. *Entrepreneurial Strategies and Trust: Structure and Evolution of Entrepreneurial Behavioural Patterns in East and West European Environments – Concepts and Considerations.* Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Arbeitspapiere und Materialien / Ed. H. Höhmann & F. Welter. Bremen: FSO. 2002. No.37. P. 19–24.
5. European Social Survey. URL: <http://www.ess-ru.ru/> (дата обращения 30.05.2014).
6. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
7. *Glaeser E., Laibson D., Scheinkman J., Soutter C.* Measuring trust // *Quarterly Journal of Economics*. 2000. No. 3. P. 811-846.
8. *John Ermisch, Diego Gambetta, Heather Laurie, Thomas Siedler and S. C. Noah Uhrig* Measuring people's trust. *Journal of the Royal Statistical Society*: 2009. No. 172, P. 749–769.
9. *Johnson-George C., Swap W.C.* Measurement of specific interpersonal trust: Construction and validation of a scale to assess trust in a specific other // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. V43. P.1306-1317.
10. *Lewicicky R.J., Stetevenson M., Bunker B.B.* The three components of interpersonal trust: instrument development and differences across relationships. Ohio: WPS, 1997.
11. *Measures of personality and Social Psychological Attitudes.* of Measures of Social Psychological Attitudes / Ed. J.P. Robinson, P.R. Shaver, L.S. Wrightsman. Vol. 1 San Diego, NY, Boston: Academic Press, 1991.
12. *Rempel J.K., Holmes J.G., Zanna M.P.* Trust in close relationships // *Journal of personality and social psychology*. 1985. No. 49. P. 95–112.
13. *Rotter J.B.* Generalized expectancies of interpersonal trust // *American Psychologist*. 1971. No. 26. P.443-452.
14. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* / Ed. By D. Gambetta. Oxford: University of Oxford, 2000. p. 94-107.
15. *Вельтер Ф., Каутонен Т., Чепуренко А., Мальева Е.* Структуры управления сетевыми сообществами малых предприятий и роль доверия: германо-российское сопоставление // *Экономическая социология*. 2004. № 2. С. 13–36.
16. *Веселов Ю.В., Капусткина Е.В., Минина В.Н.* Экономика и социология доверия. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2004.
17. *Дмитриев М.Г., Белов В.Г., Парфенов Ю.А.* Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. СПб.: ЗАО «ПНИ», 2010.

18. Доверие политикам. База данных ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/> (дата обращения 30.05.2014).
19. *Крыштановский А.О.* Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. М.: ГУ ВШЭ, 2006.
20. *Купрейченко А.* Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008.
21. *Левада Ю.* Механизмы и функции общественного доверия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 3. С. 7-12.
22. *Опалев С.* Опрос: уровень симпатии и доверия к Путину близок к рекордному // РБКdaily. 2014. URL: <http://rbcdaily.ru/politics/562949991204143> (дата обращения 05.04.2014).
23. *Рогозин, Д.* Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.
24. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия: Учебное пособие. М.: Академия, 2000.
25. *Тысячнюк М. С.* Маркёры доверия в цепочке поставок: от древесины на корню в России до конечного потребителя в Европе и США // Экономическая социология. 2010. № 3. С. 58–83.
26. *Шитиков В.К., Розенберг Г.С., Зинченко Т.Д.* Интервальные и бинарные структуры // Jahrbuch fur EcoAnalytic und EcoPatologic URL: <http://www.ievbras.ru/ecostat/Kiril/Library/Book1/Content363/Content363.htm> (дата обращения 17.05.2014).
27. *Шо Р.* Ключи к доверию в организации: Результативность, порядочность, проявление заботы. М.: Дело, 2000.

РАЗДЕЛ 4.

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИИ

Н.И.Лапин
(Институт социологии РАН)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ (10 ЛЕТ ПРОГРАММЫ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ РЕГИОНОВ РОССИИ»)

Для целей нашей конференции и данного доклада я считаю приемлемым понимание междисциплинарных исследований, изложенное известным специалистом в области методологии науки Э.М.Мирским: «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ – способ организации исследовательской деятельности, предусматривающий взаимодействие в изучении одного и того же объекта представителей различных дисциплин». И далее: «Успешное осуществление междисциплинарных исследований предполагает одновременное решение трех видов проблем: методологической (формирование предмета исследований...); организационной (создание сети коммуникаций и взаимодействия исследователей...); информационной (обеспечение передачи прикладных результатов в практику принятия решений... и одновременно передачу собственно научных результатов, полученных участниками, для экспертизы в системе дисциплинарного знания)».¹

Содержание исследований, выполненных в течение 10 лет (2005-2014) в рамках программы «Социокультурные портреты регионов России», соответствует изложенному пониманию. В процессе этих исследований достаточно решены первые два вида проблем, а третий их вид - лишь частично, во многом из-за известных провалов в институциональной среде российской науки.

Напомню: в 2014 г. сошлись две даты становления и развития социокультурной компаративистики российских регионов. Во-первых, **25 лет** с начала проведения Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН опросов в рамках всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», который стал первой формой (или этапом) осуществления программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» и предпосылкой сопоставления результатов региональных исследований с общероссийскими. Во-вторых, **10 лет** с начала работы по созданию социокультурных портретов регионов России, которые служат основным способом реализации названной Программы, а их результаты рассматриваются на ежегодных конференциях. Именно эта работа придала Программе междисциплинарный характер. О ней и пойдет речь в докладе.

Хорошо зная Эдуарда Михайловича Мирского по совместной работе в Институте системных исследований и многим публикациям, я, в соответствии с принятыми тогда правилами, начал работу по Программе как раз с решения **методологической проблемы № 1, с формирования предмета исследований**, в котором объект был бы отражен таким образом, чтобы его можно было изучать средствами всех участвующих дисциплин. В качестве методологической предпосылки исследований я принял социокультурный подход в предложенной мною современной, антропно-деятельностной интерпретации. Он соответствует комплексной природе региона как объекта изучения и обладает полипарадигмальным потенциалом, необходимым для междисциплинарных исследований. В докладе на первой конференции по Программе (Москва, 2005) я отмечал: «Общую методологическую основу проекта составляет **социокультурный подход**: регион рассматривается как территориальное *сообщество*, которое образуется в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп,

---

¹ Мирский Э.М. Междисциплинарные исследования // Новая философская энциклопедия. Том второй. М., Мысль, 2001. С. 518.

организаций региона, выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции и служит средой, которая мотивирует социальных акторов».¹

В соответствии с этим подходом, я предложил сначала 8 комплексных параметров, которые характеризуют жизнедеятельность региона и образуют основные разделы его социокультурного портрета. Спустя 5 лет, опираясь на опыт первых портретов, я дополнил структуру портрета двумя разделами. В итоге инструментарий ныне включает 10 комплексных параметров жизни населения региона, которые аккумулируют три основные сферы жизнедеятельности региона: антропо-культурную, социо-экономическую и институционно-регулятивную (см. табл.). При этом параметр «1. Регион как социокультурное сообщество (в целом)» относится ко всем трем сферам, а параметр «8. Реалии инновационной деятельности» близок институционно-регулятивной сфере, но в то же время находится и под непосредственным воздействием двух других сфер.

Таблица

Сферы и параметры региона как социокультурного сообщества
(Разделы социокультурного портрета региона)

1. Регион как социокультурное сообщество (в целом)		
I. Антропо-культурная сфера	III. Институционно-регулятивная сфера	II. Социо-экономическая сфера
2. Население и поселения	10. Государственное и муниципальное управление	7. Социальная стратификация и мобильность
3. Социальное самочувствие населения	9. Правопорядок и правонарушения	6. Уровень жизни, проблемы ее качества
4. Культурный потенциал и капитал населения	8. Реалии инновационной деятельности	5. Трудовая мотивация и экономическая активность населения

Социокультурный портрет региона – это интегрированный результат междисциплинарных научных исследований региона как локального социокультурного сообщества, исторически сложившегося в составе большого общества. Каждый параметр жизнедеятельности региона представлен в инструментарии портрета в виде особого раздела, но и как часть целого. Инструментарий этого целого имеет нестандартную структуру, которая отражает особенности «портрета» как междисциплинарного способа исследований и своеобразного жанра представления их результатов: в левой колонке – лаконичные тезисы-заголовки ожидаемого содержания, а в правой – конкретные источники данных (эмпирической информации) для каждого тезиса-заголовка (они изначально предполагают получение данных, относящихся к компетенции около 10 дисциплин). Используются два взаимодополняющие вида данных: статистические и социологические, позволяющие получить непосредственно от населения оценки статистически фиксируемых показателей и параметров. При этом авторы исследований должны использовать типовые параметры и источники данных, но могут самостоятельно дополнить их своими.

Конкретное содержание разделов разрабатывали Л.А.Беляева и Н.И.Лапин (авторство каждого отмечено в инструментарии).

Исходную методологию я доложил на одном из заседаний президиума СоПСо в начале 2005 г. и получил поддержку, а также конкретные замечания и пожелания. Это была первая экспертиза, которая дала путевку в жизнь методологии инструментария. Другой экспер-

¹ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». М., 27 июня – 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., ИФРАН, 2006. С. 15). При этом я опирался на результаты, обстоятельно изложенные мною в учебном пособии (по сути, научной монографии): Н.И.Лапин. Общая социология (М., Высшая школа, 2006. 455 стр.; второе издание - 2009). Ранее основы авторской интерпретации социокультурного подхода я изложил в ряде статей («Социологические исследования», 2000, № 7 и др.).

тизой, уже в отношении первой версии всего инструментария, стала Первая конференция потенциальных участников Программы в Институте философии РАН (лето 2005 г.). Участники конференции, представлявшие 19 регионов из 6 федеральных округов, также поддержали методологию и в целом первую версию инструментария. После доработки с учетом замечаний инструментарий был опубликован в 2006 г. и начал самостоятельную жизнь в деятельности добровольных исследовательских коллективов.

Это стало началом решения второго вида проблем – **организационных**: создание сети коммуникаций и взаимодействия исследователей с тем, чтобы они могли профессионально участвовать в получении и обсуждении новых знаний, а также привлекать к нему своих коллег из соответствующих дисциплин. В результате добровольной активности участников Программы возникло *сетевое социальное движение* специалистов-обществоведов в низовых территориальных ячейках государства – субъектах Российской Федерации.

Созданию такой сети значительно способствовала поддержка Программы со стороны РГНФ в рамках основного и регионального конкурсов – как исследовательских проектов, так и проектов по проведению конференций и изданию их материалов.

Со своей стороны, мы обеспечили добровольный обмен базами данных всероссийского мониторинга «Ценности населения России» и регионов, включая контроль за соблюдением стандартных правил заполнения баз данных, что обеспечивает компьютерную совместимость всех баз данных. Такие обмены позволяют участникам Программы проводить межрегиональные сопоставления и получать более значимые выводы. Это – интеллектуальный стимул участия в программе.

Обобщая количественные данные о работе, проведенной в течение 10 лет, мы получили впечатляющие цифры: с 1990 г., преимущественно в 2005-2014 годах, выполнены около 70 социологических исследований, в ходе которых методом интервью на дому опрошены почти 80 тысяч респондентов и в фокус-группах – свыше 1500 экспертов; результаты исследований нашли отражение в более чем 1170 публикациях, в том числе в 110 коллективных монографиях и сборниках.¹ Авторами публикаций стали свыше 240 специалистов (доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, аспиранты и студенты), представляющих кафедры, лаборатории, центры ведущих университетов и научно-исследовательских институтов 24-х регионов – субъектов Российской Федерации.

Судя по сборникам материалов ежегодных конференций Программы, в подготовке социокультурных портретов регионов **участвуют представители свыше 10 специальностей**. Большинство участников, имеющих ученые степени (74%) – доктора и кандидаты наук по трем специальностям: социология (39%), экономика (22%), философия (13%). Кроме того, 13% участников примерно поровну представляют еще две гуманитарные специальности – политические и исторические науки. Близко к ним представлены географические науки (4,3%). Остальные являются специалистами в области психологических, педагогических, филологических, архитектурных, технических наук (по 1-3%). Около 20% участников не имеют ученой степени – это, как правило, молодежь: преподаватели и ассистенты, студенты, магистранты, аспиранты, обучающиеся или преподающие преимущественно по названным специальностям.

Междисциплинарность как ограничение. Ясно, что междисциплинарность – необходимое качество исследований, проводимых при подготовке портретов регионов. Но необходимость такого качества существенно ограничивает возможности создания требуемых исследовательских коллективов. Нередко такие коллективы предполагают полуформальную консолидацию специалистов из разных кафедр или иных подразделений университета, института; дополнительные качества требуются и от руководителей таких коллективов – не только высокий профессионализм, но и авторитетность за пределами своего подразделения, способность быть медиатором при контактах исследователей с работниками региональных органов управления и средствами массовой информации. Есть и другие ограничения. Поэтому отнюдь не случайно, что к настоящему времени лишь в трети регионов сложились и

---

¹ Подробнее см.: Социологические исследования и публикации участников программы «Проблемы социокультурной эволюции России и регионов. Отв. ред. и сост. Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. М., Канон+, 2014. С. 1-137. Размещено также на сайте Института философии РАН, страница ЦИСИ.

успешно действуют коллективы, ведущие междисциплинарные исследования в области сравнительной компаративистики регионов.

Тем не менее, обнадеживает позитивный тренд: почти каждый год появляются 1-2 новых волонтерских коллектива. Но иногда мы несем и потери. Эти потери не остаются незамеченными для всего нашего движения. В 2014 г. большой утратой стала преждевременная кончина Александра Леонидовича Салагаева - известного социолога, профессора, заведующего кафедрой социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета. Под его руководством в 2009 г. издана коллективная монография «Социокультурный портрет Республики Татарстан», а в 2011 году благодаря его организаторским талантам в Казани состоялась наша 7-я ежегодная научно-практическая конференция на тему «Новые проблемы социокультурной эволюции регионов».

Различные *разделы* портрета в разной мере требуют междисциплинарности. Например, для раздела «социальная стратификация и мобильность» достаточны традиционные социологические подходы, методы. Но для многих разделов необходимы подходы, методы смежных дисциплин. Особенно это относится к трем разделам: «Регион как социокультурное сообщество», «Государственное и муниципальное управление», «Реалии инновационной деятельности». В одном случае требуется широта кругозора и умение сжато представить основные вехи истории региона, актуальные сегодня; в другом – искусство проникновения в тайны работы бюрократической машины; в третьем – сочетание знаний и подходов из всех сфер жизнедеятельности региона, включая механизмы воплощения знаний в ноу хау, производство новых товаров и услуг, востребованных рынком. Об этом третьем случае скажу подробнее.

Название раздела - «**Реалии инновационной деятельности**» - ориентирует авторов на максимальное приближение к действительному состоянию процессов и результатов инновационной деятельности специалистов, управленцев, всего населения региона. В качестве примеров приведу результаты, опубликованные в монографических портретах регионов, которые относятся к различным федеральным округам России. Буду двигаться с запада на восток.

Начну с *Курской области*. Центрально-Черноземный экономический район Центрального федерального округа. На данных статистики показано, что в сравнении с соседними регионами и всей Россией инновационный потенциал области достаточно высок, но с 2006 по 2008 гг. произошло резкое снижение инновационной активности. Рынки и масштабы экономических процессов расширяются быстрее, чем растут технологический, финансовый и человеческий факторы. Региону не хватает динамичности. Стратегия социально-экономического развития региона требует активного участия федерального центра.¹

Ульяновская область, Приволжский ФО. Индекс инновативности (разработан НИСП) выше среднероссийского, но средний по сравнению с соседними регионами. В 2000-2006 гг. число инновационно активных организаций снизилось на 20%. Экспертный опрос показал, что бизнесмены не имеют четкого представления о роли инноваций, предпочитая заимствовать технологии для поддержания бизнес-процессов. А функция инновационного развития региона в значительной степени переносится с предпринимателей на государственные органы управления.²

Тюменская область, Уральский ФО. Научно-технический и инвестиционно-инновационный потенциал региона весьма противоречив. По затратам на одного исследователя область занимает первые места в ФО. Но по численности персонала организаций, выполняющих исследования и разработки, в 2-3 раза отстает от Свердловской и Челябинской областей. Инновационно активные организации сконцентрированы на юге области, но в целом инновационный потенциал региона направлен на разведку и освоение нефтегазовых ресурсов на севере. Быстро развивавшийся инновационный потенциал ХМАО-Югры стал снижаться с 2005 г. Экономические и политические интересы *элит* нефтегазодобывающих субрегионов тяготеют к Москве и Екатеринбургу как административным центрам, а интересы населения этих регионов – к Тюмени как региональному центру, где учатся дети и куда

¹ См.: Е.А.Когай и др. Курская область в динамике социокультурных измерений. Курск, ООО «Учитель», 2011. С. 177-189.

² Динамика социокультурного развития Ульяновской области: 1991-2008 годы. Под ред. Н.В.Дергуновой, А.В.Волкова. Ульяновск, УлГУ, 2009. С. 68-73.

взрослые стремятся переехать в преддверии пенсии. Налицо недоиспользование инновационных возможностей Тюмени и Тюменского региона в целом, в первую очередь человеческой составляющей.¹

Омская область, Сибирский ФО. Отметив наличие Закона «Об инновационной деятельности на территории Омской области», авторы охарактеризовали инновационные процессы и их результаты в области в 2000-2008 гг. и пришли к выводам: «В Омской области имеются предпосылки для увеличения вклада инноваций в динамичное социально-экономическое развитие. К конкурентным преимуществам территории можно отнести сформированные инновационно-производственные кластеры, обеспечивающие связь между наукой, инжинирингом и производством... Необходимо преодолеть не востребованность науки, создать механизм ориентации проектов и программ НИР, основанный на нормативных и экстраполяционных прогнозах, разработать и освоить новые технологии управления инновациями, создать условия для распространения адаптивных организационных форм поддержки инновационной деятельности».²

Таковы печальные реалии инновационной деятельности в регионах, далеко не худших в России по этому комплексному, действительно междисциплинарному параметру. А главное – поистине судьбоносному для развития всей страны, для повышения благополучия ее населения и обеспечения безопасности в условиях обострения глобальной конкуренции стран и цивилизаций.

Результаты, получаемые в рамках Программы, проходят *несколько уровней экспертизы*. Во-первых, при обсуждении в первичных исследовательских коллективах и с представителями администрации и общественности своих регионов, при публикациях в региональных СМИ, научных изданиях региональных вузов и институтов. Во-вторых, при подготовке и проведении ежегодных всероссийских научно-практических конференций по Программе, которые являются по своему составу многодисциплинарными и представляют собой определенный фильтр качества результатов. В-третьих, при обсуждении итоговых результатов в высокопрофессиональных сообществах – таких как Институт социологии РАН, Всероссийский социологический конгресс, международные конференции Института научной информации РАН и других международных форумах, а также при публикациях результатов в ведущих научных журналах – таких как «Социологические исследования», «Вопросы философии», «Общественные науки и современность» и другие.

Можно отметить **три основных итога** рассматриваемых междисциплинарных исследований.

Во-первых, **создана социокультурная компаративистика** российских регионов как новое направление научных исследований. Основной ее содержательный результат имеет фундаментальный характер: *эмпирически доказана исходная гипотеза о невостребованности все еще значительного социокультурного потенциала населения в экономической и общественно-политической жизни большинства регионов России*.

Во-вторых, **возникла волонтерская исследовательская организация**, по сути, сетевой институт социокультурной компаративистики регионов России.

В-третьих, **эта организация продемонстрировала способность к развитию своей исследовательской программы**. Результаты, полученные при осуществлении Программы в 2005-2011 годах, побудили нас к поиску способа концентрации своих усилий на более конкретном и одновременно комплексном, теоретически и практически значимом направлении исследований, не утрачивая преимуществ методологии социокультурного портрета, а повышая ее эвристичность. На 7-й конференции в Казани (2011 г.) был предложен замысел такого направления: **«Проблемы модернизации в социокультурных портретах регионов России»**. Инициатива была поддержана и зафиксирована в резолюции конференции. Уже следующая, 8-я конференция, которая состоялась в рамках 4-го Всероссийского социологического

¹ Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография. Науч. ред. Г.Ф.Ромашкина, В.А.Юдашкин. Тюмень, изд-во ТГУ, 2011. С. 217-231.

² Социокультурный портрет Омской области. Сост. и общ. ред. В.С.Половинко. Омск, Изд-во ОмГТУ, 2011, С. 296-297.

конгресса (Уфа, 2012 г.), была посвящена названной теме.

Эта предметная и теоретико-методологическая инновация потребовала от участников Программы овладеть инструментарием Центра исследований модернизации АН Китая (ЦИМ АНК, руководитель профессор Чуаньци Хэ), с помощью которого китайские коллеги с 2001 г. осуществляют мониторинг стадий и уровня модернизации в 130 странах, включая Россию. В 2011 г. я инициировал перевод обобщающего доклада китайских коллег на русский язык.¹ В 2012 г. по инициативе ЦИСИ в Институте философии РАН состоялась **российско-китайская конференция** на тему «Цивилизация и модернизация», ее материалы изданы на русском и английском языках.² ЦИМ АНК инициировал **Первый международный форум по модернизации** (Пекин, 2013 г.). Наряду с профессором Чуаньци Хэ, координатором Форума стал широко известный профессор Петр Штомка, который представил 10 тезисов по модернизации.³ В Форуме приняли участие несколько активных членов нашей Программы. В большинстве региональных проектов немало сотрудников овладели новым инструментарием, усвоили социокультурно-модернизационное понимание региона и вошли во вкус исследований объекта, имя которого - **социокультурная модернизация**.

На 9-й конференции (Вологда, 2013 г.) мы приступили к рассмотрению вопросов стратегии социокультурной модернизации регионов. На юбилейной, 10-й конференции (Пермь, 2014 г.) мы углубились в более конкретные факторы сбалансированности модернизации. А на предстоящей, 11-й конференции (Омск, 2015г.) приступим к системному рассмотрению **социокультурных факторов новой индустриализации регионов**.

Благодаря этому предметно-методологическому развороту Программы мы начинаем конкретнее и глубже понимать состояние и динамику не только процессов модернизации, но и в целом социокультурной эволюции регионов и всей страны - как предпосылки и *вызова российской модернизации*. А также начинаем сознавать необходимость формирования *поэтапной интегрирующей модернизации*, которая отвечает культурно-историческим особенностям России и ее регионов, традициям и ценностям ее населения.

Благодаря междисциплинарности предмета и методологии исследований мы начинаем глубже уяснять социокультурное значение технологических укладов и инновационных проектов. Начали конкретно анализировать структуру и уровень информационной модернизации, баланс региональных факторов качества жизни, социокультурные конкурентные преимущества регионов. Мы также уяснили необходимость изучать *низкую патентную активность специалистов, потоки знаний* от лабораторий в производство новых технологий и товаров, под новым углом зрения начинаем рассматривать проблемы молодежи и в целом демографические процессы.

Мы более четко понимаем *неразвитость сферы услуг* как фактор, сдерживающий развитие регионов. Возникла потребность состыковать социокультурные и маркетинговые исследования. Соответственно, и в портретах как таковых требуется междисциплинарная картина таких процессов и факторов. Это сделает портреты более убедительными.

Более того, мы вплотную подошли к решению одной из исходных задач, озвученных уже на первой нашей конференции – подготовке **Социокультурного атласа России и ее регионов** («карта» – неподходящий термин). Но мы поднимаемся на эту «гору» не прямо, а «в обход» - через изучение и визуализацию процессов социокультурной модернизации в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31.⁴ В последние два года руководители и активные участники ряда региональных проектов осуществили развернутый

¹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010). Гл. ред. Хэ Чуаньци. М., «Весь мир», 2011. 256 с.

² *Цивилизация и модернизация*. Материалы российско-китайской конференции. 29-31 мая 2012 года. Со-председатели Н.И.Лапин, Чуаньци Хэ. М., Институт философии РАН, 2012. 197 с.; *Civilization and Modernization*. Chuanqi He, Nikolay Lapin. World Scientific Publishing Company Pte Limited, Aug 13, 2014 – History – 200 pages.

³ *Петр Штомка*. Модернизация как становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены. Вологда, ИСЭРТ РАН, 2013, № 6 (30).

⁴ См.: Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. Отв. ред. академик М.В.Котляков. М., Медиа-Пресс, 2013. 664 с.

диагноз состояний модернизованности регионов *в масштабе федеральных округов РФ*. При этом полезным стало выделение **четырёх основных компонент модернизации**: технико-технологической, социоэкономической, социокультурной, институционно-регулятивной. Сделаны первые шаги по определению **ближайших этапов** стратегии интегрирующей модернизации макрорегионов – федеральных округов РФ. Это *новое наше серьёзное продвижение*. Его результаты частично представлены в сборнике материалов 10-й конференции,¹ а в первых номерах журнала «Социологические исследования» за 2015 г. запланирован цикл статей наших коллег о проблемах модернизации (социокультурная и социоэкономическая компоненты) федеральных округов Российской Федерации. Отдельное спасибо за возможность такой экспертизы редакции журнала, его главному редактору – члену-корреспонденту РАН Тощенко Ж.Т.

Мы намерены широко использовать этот опыт при дальнейшей работе по подготовке портретов регионов. Видимо, *зреет потребность в новой модификации нашего типового инструментария, соответствующей новым задачам*.

В заключение отмечу: социокультурная компаративистика имеет научно-исследовательскую и учебно-просветительскую функции, а также прикладные задачи. В качестве наиболее актуальных в настоящее время целесообразно выделить две междисциплинарные задачи, которые интегрируют обе названные функции и одновременно имеют прикладной характер:

во-первых, **диагностика состояний регионов как социокультурных сообществ**, основанная на комплексном их исследовании, включая использование системных методов диагностики;

во-вторых, опирающееся на результаты диагностики **выявление потребностей и коридоров возможностей социокультурного развития регионов**: в целях повышения благополучия населения и консолидации регионов, тем самым - повышения конкурентоспособности, безопасности и целостности России перед лицом новых вызовов глобального характера.

Уточню: речь идет прежде всего о диагностике состояний социокультурной модернизации российских регионов, о разработке возможных способов завершения первой, индустриальной стадии их модернизации и перехода к второй, информационной ее стадии. Основным таким способом может стать, как отмечено, поэтапная интегрирующая модернизация. Вернее, возможная следующая ее стадия - **гуманистическая модернизация**, ориентированная на сохранение и обогащение **фундаментальных ценностей человеческой цивилизации, прежде всего – российской**.

Ю.А. Дроздова
(Волгоградский филиал РАНХиГС)

ИМИДЖ РЕГИОНА В ДИСКУРСЕ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)²

Имидж региона – это реальный управленческий ресурс, в существенной мере предопределяющий успешность его политических, экономических и социальных позиций. Необходимость формирования собственного имиджа каждого региона и усиление моментов узнаваемости территорий очевидна, так как это способствует привлечению внимания к региону, дает возможность более эффективно лоббировать региональные интересы, улучшать инвестиционный климат, получать дополнительные ресурсы для развития региональной экономики, становиться кадровым резервом федеральных элит.

¹ См. Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России. Материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14-17 октября 2014 г. Редк., предс. Н.И.Лапин. Перм. гос. исслед. ун-т, 2014, 459 с.

² Статья подготовлена в рамках реализации научного гранта РГНФ № 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ».

Средства массовой информации играют важнейшую роль в построении имиджа территории. Так как имидж – явление динамическое, то и одним из наиболее важных факторов в его формировании является контент СМИ, который поставляет свежую информацию (в отличие, от учебников, справочников, энциклопедий). Однако стоит понимать, что когда мы говорим средства массовой информации, мы имеем в виду и печатные СМИ, и радио, и ТВ, и, конечно же, Интернет – СМИ, которые нередко являются онлайн-версией печатного издания.

Использование термина СМИ основывается на деятельностно-активистском подходе (В.А. Ядов), рассматривающем СМИ как социальный институт, формирующий определенную идеологию, имидж региона.

СМИ можно рассматривать как дополняющий фактор в процессе создания новой социальной реальности, что является важной имиджевой функцией и способствует расстановке приоритетов, формированию доверия к власти, её деятельности и лидерам, конструированию положительного образа страны и её регионов.

В связи с данным расширением взгляда на роль СМИ важным представляется учет следующих факторов: 1) источник информации (как подается, кем подается); 2) контекст сообщения; 3) необходимо учитывать «помехи» и «шумы» между источником информации и коммуникатором; 4) важным является наличие референтных групп, не позволяющих считать коммуникацию прямолинейным процессом; 5) целью коммуникации является передача смыслов, при этом транслируемые сообщения, образуют некоторое знаковое пространство, являющееся неотъемлемым компонентом имиджа региона.

СМИ и интернет (в том числе социальные сети), а также, в некоторой степени, реклама, отражают имидж региона в действительности, в меняющемся мире. Информационные технологии имиджа региона основываются на так называемом «информационном маркетинге региона», при котором происходит продвижение положительной информации о регионе с целью создания, как во внутренней, так и во внешней среде благоприятного к нему отношения, «положительной узнаваемости», прямой или косвенной заинтересованности потребителей контента в развитии данной территории.

В контексте нашего исследования понятия «регион», «имидж», «региональная идентичность», «региональное сообщество» являются языковыми и смысловыми конструктами, формирующими дискурс [3]. Дискурс представляет собой некоторые единые правила описания регионального пространства, которые мы определяем общностью установок индивидуумов, участвующих в коммуникации, целью которой является формирование имиджа региона как символического капитала, информационного конструкта, оказывающего функциональное, мотивационное, эмоциональное, оценочное влияние на отношение акторов социального пространства к экономическим, социальным и политическим процессам в регионе и в стране [5].

Дискурс характеризует социально обусловленные типы региональных ценностей, которые находят свое выражение в текстах массовой коммуникации. Дискурс также является социально опосредованным феноменом, а потому влияет на уровень восприятия сообщений СМИ в данном обществе.

Соотнесение себя с региональным сообществом, регионом осуществляется посредством соотнесения с другими элементами знаковой системы. При этом знаки, по мнению Ж. Дерриды, обязательно должны иметь точки идентичности переживания [1; С. 187]. Так понятие «волгоградец» будет иметь свое значение только при наличии «не – волгоградца». СМИ ничто не сделали так эффективно и результативно, как формирование образа Москвы, как фактора мешающего / помогающего развитию регионов. Знаковые конструкты определяют значение понятия «регион» через наличие оппозиции «столицы», и их можно рассматривать одним из факторов консолидации регионального сообщества.

Региональное сообщество как ««воображаемое сообщество» (Б. Андерсон), которое конструируется институтами власти, культуры, образования, СМИ, можно определить как медиатизированное, значительную часть своих представлений о регионе, региональных событиях население получает именно из медиа – текстов. Медиа – текст несет в себе информацию, характеризующуюся ориентированностью на массовую аудиторию, актуальностью за-

тронутой тематики. Он транслируется по широкодоступным каналам передачи массовой информации и обладает мультиплицированностью в пространстве и во времени [4; С. 27 – 29].

Учитывая, что существует два типа информационного продвижения территории на внутреннем рынке (фокус на региональные СМИ) и на внешнем рынке (фокус на федеральные СМИ, Интернет), в рамках реализации гранта был проведен контент-анализ региональных и федеральных печатных и электронных СМИ. В июне – августе 2014 года в региональных печатных СМИ: «Волгоградская Правда», «Аргументы и факты (Нижнее Поволжье)»; федеральных печатных СМИ: «Коммерсантъ», «Российская газета»; а также в электронных региональных СМИ: «Высота 102», V1.ru – были выявлены 802 статьи в региональных печатных СМИ, 24 статьи в федеральных печатных СМИ, 1350 статей в электронных СМИ, в которых формируется дискурс имиджа Волгоградской области. Как видим, дискурс имиджа Волгоградской области активно формируется региональными печатными и электронными СМИ. При этом электронные СМИ на сегодняшний день являются активными акторами формирования имиджа региона, учитывая возросшую аудиторию электронных СМИ, на сегодняшний день их можно считать одними из самых важных субъектов формирования и продвижения имиджа региона. Федеральные СМИ редко освещают события/ проблемы / категории имиджа Волгоградской области, что связано, как показало проведенное комплексное социологическое исследование, не только со слабым интересом к провинциальному региону, но и с неактивностью региональных акторов, нерегулярностью в их взаимодействии с федеральными СМИ, что затрудняет продвижение имиджа Волгоградской области во внешней среде.

Реальность процессуальна, событийность мира предполагает конкуренцию социальных событий за право стать публично обсуждаемой новостью. СМИ производят когнитивные, нормативные и оценочные координаты, необходимые для дальнейшего взаимодействия и коммуникации. Имидж региона мы считаем «удвоенной реальностью», продуктом управленческой и коммуникативной деятельности, актуализируемым СМИ конструктом. Главный вопрос любого конструирования реальности – это вопрос взаимодействия различных социальных институтов и индивидов. При этом СМИ, являясь акторами коммуникативного процесса, оставляют за властью право селекции социального текста. Возможностью селекции событий, представления их значимости и, следовательно, их публичности обладают институциональные и индивидуальные акторы, экономические, политические, административные или иные ресурсы которых позволяют им это сделать.

Основными категориями в «Волгоградской правде» являются: «А. И. Бочаров» как ВРИО губернатора и кандидат в губернаторы региона (207 статей), что отражает позицию учредителя издания – администрации Волгоградской области; «спорт» (132 статьи); «культура» (113 статей); «образование» (61 статья); «сельское хозяйство» (57 статьи); «промышленность» (41 статья), которые можно рассматривать как направления формирования и продвижения имиджа региона. Представленные категории в главной областной газете, позволяют говорить о большом внимании к деятельности главы региона, спорту и военной истории региона, что позволяет разрабатывать дальнейшее имиджирование территории и выявить проблемные направления, нуждающиеся в развитии и продвижении в СМИ – туризм, природные парки, заповедники, промышленность и т.д.

«Аргументы и факты. Нижнее Поволжье» освещает следующие основные категории: «происшествия» (18 статей); «спорт» (16 статей); «ЖКХ» (14 статей); «Сталинградская битва» (12 статей); «культура» (12 статей), «образование» (11 статей). Данные категории почти полностью совпадают с контентом «Волгоградской правды», что позволяет говорить о совпадении и трансляции относительно общей позиции по направлениям формирования и продвижения имиджа региона. В меньшей степени представлен имидж А.И. Бочарова, будущего губернатора Волгоградской области, что свидетельствует о большем дистанцировании учредителей ЗАО «Аргументы и факты» от органов власти и управления. Интерес к происшествиям, который усилится в электронных СМИ, наглядно демонстрирует стремление данного издания к востребованности у широкой целевой аудитории.

Слабая представленность Волгоградской области в федеральных печатных изданиях – «Российской газете», «Коммерсанте» – затрудняет формирование имиджа региона во внешней среде. Относительно большее, чем другие категории, упоминание о А.И. Бочарове, ВРИО

губернатора, кандидате в губернаторы, на наш взгляд, формирует традиционную ассоциацию региона с политическим лидером. В данной позиции есть слабые стороны, связанные с затруднительным продвижением других образов территории и возможностью в дальнейшем, при неблагоприятной оценке деятельности политического лидера, вызвать повторно негативное восприятие региона, как это уже было неоднократно в истории Волгоградской области.

Электронные региональные СМИ освещают следующие основные категории: «происшествия» (403 публикации); «спорт» (75 публикаций); «культура» (72 публикации); «образование» (40 публикаций), «ЖКХ» (34 публикации); «дороги» (29 публикаций); «Сталинградская битва» (19 публикаций). При этом ИА «Высота 102», которое было названо экспертами, принявшими участие в исследовании, как основной источник информации о Волгоградской области, формирует противоречивый, во многом конфликтный образ Волгоградского региона – происшествие, что, с одной стороны, позволяет данному каналу массовой коммуникации быть популярным, о чем свидетельствуют и высокие рейтинги цитируемости по данным «Медиалогии», но, с другой стороны, вызывает трудности при формировании и продвижении положительного имиджа региона. Но при более глубоком анализе публикаций, можно обратить внимание на нейтральное отношение авторов к категории «происшествие», что также, на наш взгляд, является искусственно формируемым шумом в массовой коммуникации, но востребованным определенной целевой аудиторией.

Данные, полученные в ходе контент-анализа коррелируются с данными экспертных интервью, в которых отмечали сформированный образ Волгоградской области в СМИ как «региона-происшествия»: *«Если что-то случается, так это в Волгоградской области. И даже мост у нас «танцует» (внутренний эксперт № 36)*. Отвечая на вопрос: «Какой образ Волгоградской области, на Ваш взгляд, сформирован в медийном пространстве страны?» – респонденты выбрали следующие варианты ответа: «положительный, но проблемный» – 36,8% респондентов; «безликий, бесперспективный» – 23,9% опрошенных; «затрудняюсь ответить» – 16,1%; только 8,3% респондентов ответили, что образ Волгоградского региона, созданный в медийном пространстве страны, является «положительным, динамичным»¹.

Средства массовой информации в современном мире являются важнейшим инструментом формирования имиджа региона. Отсутствие упоминаний о регионе, либо приоритетное освещение негативных сторон его жизни, закрепление в федеральных, региональных СМИ образа «региона – происшествия» не способствуют эффективным маркетинговым и PR – мероприятиям по продвижению имиджа Волгоградского региона.

Большая ответственность за организацию социальной коммуникации, в процессе которой происходит формирование имиджа региона лежит на региональных СМИ. Региональные СМИ выполняют две взаимосвязанные функции: являются прямым отражением развития регионального сознания и выступают в качестве субъектов, формирующих смыслообразующие ценности регионального взаимодействия и региональную идентичность. Социально одобряемое знание формируется хорошо информированными субъектами, которыми являются представители органов власти и СМИ [3].

Это подтверждают и ответы опрошенного населения на вопрос: «Как бы Вы оценили работу Волгоградских СМИ в создании имиджа региона?» Положительную оценку и успешность в создании имиджа региона выбрали всего 7,7% респондентов; «положительно, но отсутствие стратегии формирования имиджа региона» отметили 12,8% опрошенных; «удовлетворительно, но СМИ создают положительный имидж губернатору, чиновникам, а не региону», – так считают 32,9% респондентов, «затруднились с ответом» 24% населения, участвовавшего в опросе, и данный ответ также можно интерпретировать как слабую деятельность региональных СМИ в создании имиджа региона.

К сожалению, идеология работы печатных и электронных федеральных и региональных СМИ в настоящее время такова, что чаще всего объектами внимания становятся негативные проявления в жизни регионов и криминальные события. Количество информационных материалов, посвященных происшествиям, существенно превышает число сообщений о

---

¹ Опрос населения Волгоградской области «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» проводился в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 (N =1000, июль- сентябрь 2013 года).

положительных событиях в Волгоградском регионе. В отсутствии целенаправленной политики взаимодействия с федеральными средствами массовой информации трудно ожидать изменения существующих тенденций в освещении преимущественно негативных характеристик региона, которые наносят ущерб его имиджу на российском и международных уровнях.

СМИ должны обеспечивать аудиторию таким видением региона, событийным рядом, которые принимаются всем сообществом и оказываются знакомыми для всех людей. Каждый аспект жизни региона – от чистоты улиц до работы промышленных предприятий, социального самочувствия населения – влияет на имидж региона. Слияние различных аспектов, таких как экономика, культура, инвестиционная привлекательность, уровень жизни, туризм, образование, деятельность органов власти и управления формируют имидж региона [2].

Региональные СМИ являются связующим коммуникационным звеном между властью и обществом и призваны освещать наиболее значимые события в жизни области. Однако не во всех случаях можно наблюдать соответствие транслируемой информации происходящим событиям или потребностям населения. Региональные и федеральные печатные СМИ, учредителем которых являются органы государственной и муниципальной власти (в нашем исследовании – «Волгоградская правда», «Российская газета»), демонстрируя лояльность, отражают интересы последних и ориентируются на достижение задач, поставленных властью.

У главных субъектов формирования и продвижения имиджа Волгоградской области, – власти и СМИ противоречивым является и представление о технологиях и каналах его формирования. Так в маркетинговых, PR- технологиях, отчасти информационных технологиях представители органов власти активно продвигают туристический имидж региона. Но в дискурсе СМИ слабо представлена Волгоградская область как туристический центр, что вступает в явное противоречие с федеральными, областными программами развития региона как туристической территории. Опрошенное население и эксперты также говорили о перспективности развития данного направления позиционирования Волгоградской области. Незначительные упоминания о природных парках и заповедниках в основном представлены информацией о рыбалке, что не требует обустроенности туристических территорий и позволяет не говорить о проблемах в развитии туристической индустрии.

В региональных печатных и электронных СМИ представлены разнообразные категории, по отношению к которым фактически отсутствует негативное отношение автора, что, с одной стороны, свидетельствует о попытках конструирования положительного имиджа региона, но, с другой, и о несовпадении кодов населения, которое в большинстве своем, как выявил опрос и интервью, проведенные в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ», или отрицательно относится к таким категориям, как «промышленность», «сельское хозяйство», «рекреационные зоны», особенно «дороги», актуализируя проблемное, депрессивное развитие Волгоградской области и необходимость изменения этой ситуации, без чего *«имидж региона останется только вишенкой на торте, который не испекли»* (внешний эксперт № 30, Санкт-Петербург)¹.

Проанализированные публикации представляют нейтрально информативную констатацию фактов, и в большинстве материалов отсутствует глубокий анализ с формированием собственного мнения редакции по актуальным проблемам развития региона. На наш взгляд, недостаточное количество обзорно-аналитических статей для восполнения пробела в этой сфере и отражение в СМИ реальных проблем населения, что является причиной несовпадения кодов в системе коммуникации «ВЛАСТЬ – СМИ – ОБЩЕСТВО».

Было выявлено проблемное, противоречивое формирование имиджа Волгоградской области, несовпадение кодов населения и СМИ по основным вопросам позиционирования, включая в целом представление о будущем имидже региона. Учитывая влияние органов государственного и муниципального управления на СМИ, их тесное взаимодействие, незначительно ослабленное в электронных СМИ, можно констатировать, что коммуникативная стратегия власти и СМИ в Волгоградском регионе по формированию и продвижению имиджа региона находится только в стадии разработки и пока не учитывает

---

¹ Интервью с внешними экспертами в рамках реализации гранта РГНФ 13-13-34009 «имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ» (N=30, Москва, Санкт-Петербург, апрель- август 2013 года)

мнение населения об имидже региона, что может сформировать инертную среду управления, со свойственной ей социальной апатией и убежденностью в бесперспективности области, желанием её покинуть, или с латентной конфликтностью, отсутствием доверия взаимодействующих акторов регионального пространства друг к другу. Таким образом, анализ публикаций, освещающих изменения системы управления регионом, приобретает особое значение, как темы, затрагивающие интересы всех жителей региона (дороги, ЖКХ, рабочие места и др.)

Результаты авторского социологического исследования позволили выявить степень доверия к СМИ, освещающим проблемы Волгоградского региона. Так, только 4,3% опрошенного населения полностью доверяет СМИ, освещающим проблемы Волгоградского региона; 12,1% респондентов «совсем не доверяют» СМИ; 46,6% – выбрали ответ «скорее доверяю, чем нет», а вариант: «Скорее не доверяю, чем доверяю», – выбрали 30,2% населения, участвовавшего в опросе.

Можно говорить о противоречивом характере взаимодействия СМИ и населения региона, что обусловлено несоответствием репрезентируемого социального контекста социальным практикам реципиентов.

Имидж региона естественным путем не создается, он является продуктом сознательного и управляемого осмысления, продуктом искусственно организованной общественной рефлексии и проектирования. Имидж региона напрямую связан с тем, какая информация о регионе попадает в СМИ. Сегодня необходимо постоянно высвечивать различные, наиболее привлекательные, стороны региона с помощью активной и грамотно поставленной информационной политики. В современном медиатизированном обществе характер взаимоотношений власти и средств массовой информации оказывает влияние на направленность и глубину социальных процессов, определяет качество социальных связей.

Социальная реальность конституируется коммуникациями, а общество трактуется как самовоспроизводящаяся структура, приобретающая целостный характер, благодаря коммуникативному взаимодействию его членов. Роль власти и СМИ в конструировании социальной реальности заключается в том, что именно эти субъекты социального управления определяют и формируют культурные смыслы, передающиеся в процессе массовой коммуникации.

По мнению населения, участвовавшего в исследовании «Имидж региона как коммуникативная стратегия власти и СМИ», активную позицию и поддержку СМИ для регионального развития отметили как «очень важную» 26,6% респондентов, а «важную» – 49,9% опрошенных. Таким образом, абсолютное большинство населения считает СМИ важным субъектом регионального развития.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о необходимости долгосрочной системы коммуникаций органов власти, СМИ и населения по формированию имиджа региона, в основе которой находятся доверие население, удовлетворение информационных потребностей населения и освещение его реальных проблем, совпадение кодов населения и СМИ, постоянное взаимодействие с другими субъектами регионального пространства в процессе модернизации системы управления, формирования и продвижения положительного имиджа Волгоградской области.

Библиографический список

1. *Деррида Ж.* Голос и феномен, и другие работы по теории знака Гуссерля / Пер. С.Г. Калинина. Н.В. Сулова. – СПб, 1999.
2. *Важенина И. С.* Имидж, репутация и бренд территории. Монография. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2013.
3. *Золина Г. Д.* Имидж региона в системе социальной и информационной политики. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2011.
4. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования / Под общ. ред. Б. А. Грушина, Л. А. Оникова. – М., 1980.
5. *Филипс Л., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер.с англ.– 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.

Е.В.Полухина
(НИУ ВШЭ)

ОСНОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО ПОДХОДОВ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ (ОТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА К 3-Х ПАРАДИГМАЛЬНОМУ КОНТИНУУМУ)¹

Современные социологические подходы трудно классифицировать в рамках одной модели и определенного континуума. Это явление получило название «когнитивного» [Denzin, 2005 p. 42] или «методологического плюрализма» [Батыгин, 1994 с. 42]. Современный исследователь оказывается перед сложным выбором теоретических направлений, стратегий и методов. Подобный эффект называют «социологической травмой» - «ситуация растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности» [Татарова, 2006 с. 198]. Г. Татарова ставит диагноз: «...методологическая травма проявляется и в понятийном релятивизме, и в изяществе жонглирования понятиями, где иногда теряется смысл оппозиции «означающее - означаемое», и в методологическом анархизме, и т.д.» [Татарова, 2008].

Задача обозначить четкий методологический континуум является приоритетной. Так, подобно китайскому дуалистическому символу методология социальных наук обладает амбивалентной природой, сочетая в себе мягкое и жесткое, индукцию и дедукцию, частное и целое. На протяжении десятилетий в социальных исследованиях наблюдались методологические разногласия среди приверженцев количественных и качественных подходов [см. Campbell, Stanley, 1963; Lincoln, Guba, 1985]. Представители обоих направлений долгое время существовали автономно.

Во многих дисциплинах количественная исследовательская парадигма, включающая в себя различные дизайны количественных исследований, была первой и единственной (примерно до 19 века). Количественная исследовательская парадигма рассматривалась как единственно «научная», так как только она одновременно включала в себя онтологические, эпистемологические, аксиологические, риторические и методологические допущения и принципы. В конце 20 века исследователи поставили под сомнение основные предположения и принципы количественной парадигмы и обратились к качественной методологии [Leech, Onwuegbuzie, 2009]. В период с 1900 по 1950 гг. произошел исторический сдвиг в сторону качественной методологии [Denzin, Lincoln, 2000].

В отечественной науке качественно-количественные споры были начаты в середине 1990-х гг. [Девятко, Батыгин, 1994; Воронков, 2004]. Существует ряд международных исследователей, которые отстаивают тезис о несовместимости парадигм и методов. Этот подход называют *радикалистской* позицией [Готлиб, 2014]. Так, Виктория Семенова выделяет методологические различия в подходах. Она отмечает следующие: «...теоретические расхождения по поводу понимания и возможностей изучения социальной реальности: как непосредственной реальности (позитивизм) и как «конструированной реальности»; различие логики продвижения от первичных данных к их осмыслению в ходе анализа данных: дедуктивная и логика абдукции (индукции); разные аналитические процедуры, используемые для представления данных об объекте: объяснение и описание (или интерпретация); ориентация на разные типы социального знания: обобщенное знание и эмпирически-локальное знание» [Семенова, 2014, С. 8-9].

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14-28-00217»

Отечественные социологи дискутируют о возможностях интеграции исследовательских практик в одну структуру. «Методологическая ткань социологии не должна быть разорвана на куски, хотя и окрашена в разные цвета» [Татарова, 2008, с.12]. Наиболее актуальны идеи об интеграции с помощью классификации исследовательских практик, выделения принципов развития интеграционных процессов [Татарова, 2008, с. 14]. Так, В. Ядов предполагает, что путь к интеграции микро и макро процессов находится в единстве объяснительных концептов [Ядов, 2009, с. 128-130]. И. Девятко, вступая в дискуссию, указывает на отсутствие единых концептов и акцентирует внимание на существовании принципиально разных уровней описания и объяснения [Девятко, 2009 с. 156-161]. Г. Татарова отмечает: «...противостояние методологических подходов существовало, существует, и будет существовать. Другой вопрос представляет ли это угрозу для развития методологии как целостности. Думается, что нет, но при условии методологической толерантности исследователей» [Татарова, 2008, с. 13].

В наши дни разногласия, получившие название «Q/Q-дискуссия», постепенно потеряли актуальность. Ведется постепенный диалог в сторону интеграции методов и подходов [Татарова, 2014]. Как отмечает Виктория Семенова, обе стратегии имеют ряд сходств. Среди общих черт она выделяет «...направленность на изучение социальной реальности как объекта (качественная рассматривает ее с позиции «участника»; количественная — как общее представление об объекте «извне», согласно схеме — программе исследования); изучение внутренней структуры объектов и определенных социальных закономерностей; наличие в ходе применения селективного отбора отдельных социальных фактов; проблема валидности, решаемая по-разному; ориентация на гипотезы: в качественной стратегии — на построение гипотез, в количественной — на проверку гипотез; в результате - конструирование данных в абстрактной форме: в качественной стратегии — в виде категорий, основанных на текстуальных или визуальных данных, а в количественной — в виде цифровых данных; концептуальное представление об объекте: качественная стратегия имеет целью дискриптивное комплексное описание, а количественная — функциональный анализ» [Семенова, 2014, с. 9-10].

Одновременно с этим, В.В. Семенова, подытоживает «...поворот социологии к текстуальности и визуальности способствует увеличению множественности и разнородности данных о социальном мире, что, соответственно, должно вести к *многовидовому подходу (микс-методу) (курсив авт.)* при изучении социальных феноменов, что видится как интеграция или одновременное использование качественной и количественной стратегии при изучении социальных объектов» [Семенова, 2014, с. 8].

Микс метод как третья стратегия

Так, часть западных исследователей полагает, что социальная наука находится среди трех методолого - научных парадигм: количественной, качественной и «смешанной»¹ (mixed methods research или кратко микс метод) [Johnson, Onwuegbuzie, Turner, 2007]. Подобную трехэлементную классификацию развивает, например, в своих работах Л. Ньюман, основываясь на различиях в понимании реальности и призвания социальной науки, выделяет среди подходов – позитивизм, понимающую социологию и критическую социальную науку [Ньюман, 1998]. Однако, на наш взгляд, трехэлементная классификация более логична с точки зрения количественно-качественной парадигмы, где понимающая социология и критическая социальная наука – части единой качественной методологии. В свою очередь, позитивизм

---

¹ Западные исследователи выделили подобный тип проектов в направлении mixed methods research (MMR или микс метод). Так, среди наименования подобных исследовательских практик, в западной литературе встречаются упоминания о «сочетаемых» исследованиях [blended research, Thomas, 2003], интегративных исследованиях [integrative research, Johnson, 2004], мульти/многочетных исследованиях (multi/multiplemethod research, Hunter, Brewer, 2003; Morse, 2003], триангуляционных исследованиях (triangulated studies) [Sandelowski, 2003] и смешанных исследованиях [mixed methods research; Croswell, 2003; 2011; Tashakkori, Teddlie, 1998; 2003 и др.]. Однако интегральным и конвенционально принятым стал именно термин – исследования со «смешанными» (микс) методами (mixed methods research, микс метод, MMR). Здесь акцент сделан скорее ни на статусе и «глубине» получаемых данных («комплексных»), а на *познавательных возможностях от методической интеграции*.

представлен как методология количественных исследований. Таким образом, качественная и количественная методология - крайние точки единого методологического континуума, «двигающиеся» на встречу друг к другу и образующие третью, объединяющую парадигму.

В отечественной академической школе, исследования, объединяющие качественные и количественные методы, принято называть «комплексными». Данный вид исследований востребован в оценочных работах (где важна экспертная оценка ситуации / реализации программы), а также в прикладных и академических проектах. Это вид исследований, где группа исследователей сочетает элементы качественных и количественных исследовательских методов (процедуры сбора и анализа данных и пр.) для всестороннего и глубокого анализа, направленного на решение задач.

Основания и возможности «смешанной» стратегии

Парадигма микс методов активно развивается в западной науке. Однако и там она находится в стадии развития и остается относительно проблематичной для многих исследователей. В самом общем виде «смешанные» методы представляют сбор, анализ и интерпретацию количественных и качественных данных в едином исследовании или в нескольких последовательных исследованиях, изучающих один и тот же феномен [Leech, Onwuegbuzie, 2009]. Так, начиная с 1960-х гг. микс методы стали более популярны в таких дисциплинах как образование, психология, социология, медицина, социальная работа, менеджмент, программы оценивания и другие [Leech, Onwuegbuzie, 2009]. В последнее время смешанные методы применяются все чаще в эмпирических исследованиях. Западные журналы публикуют на постоянной основе исследования с этой методологией (например, *Field Methods*, *Educational Evaluation and Policy Analysis*, *Quality and Quantity*, *Evaluation*, *Evaluation Practice*, *Research in Nursing and Health*, *Research in the Schools*, *The Qualitative Report*). Список таких журналов постоянно растет. В большинстве публикаций микс методы применяются в случаях, когда решение поставленной проблемы не может быть найдено в рамках одной парадигмы [Leech, Onwuegbuzie, 2009].

Микс методология подробно описана в нескольких изданиях [см., например, Brewer, Hunter, 1989; Creswell, 2003, 2011; Greene, Caracelli, Graham, 1989; Newman, Benz, 1998; Tashakkori, Teddlie, 1998, 2003]. С 2007 года в английском издательстве Sage выходит ежеквартальный научный журнал «*Journal of Mixed Methods Research*». Летом 2014 года в Бостоне (США) был проведен тематический конгресс, приуроченный к встрече в рамках профессиональной ассоциации (*Mixed Methods International Congress Association*, MMIRA, URL: <http://mmira.wildapricot.org/>). Указанные факты свидетельствуют о постепенной институционализации подхода и потенциальному расширению горизонтов его возможностей.

Очевидными преимуществами микс методов является *взаимообогащение познавательных возможностей, данных и интерпретаций*. Качественные данные (слова, фотографии и нарративы) могут быть использованы для адекватного понимания цифр. В свою очередь, наоборот, цифры могут использоваться для понимания слов, фотографий и нарративов. В целом, в комплексном качественно-количественном дизайне заложена возможность ответа на более широкий спектр исследовательских вопросов, предполагаются более обоснованные обобщения данных. Таким образом, *детализируя тезис о взаимообогащении*, важно отметить пять ожидаемых положительных результатов: во-первых, *триангуляция* данных (процедура подтверждения результатов применения различных методов при изучении одного и того же явления); во-вторых, *взаимодополняемость данных* (расширение и уточнение результатов одного метода результатами других методов); в-третьих, поступательная *проблематизация* (обнаружение парадоксов и противоречий, которые приводят к уточнению вопроса/ответа исследования); в-четвертых, *развитие* (использование результатов одного метода для обогащения результатов другого) *расширение* (увеличение корпуса данных исследования с использованием различных методов для более глубокого изучения проблемы исследования) [Greene, Caracelli, Graham, 1989]. Еще одним значимым преимуществом парадигмы смешанных методов является *возможность построения теории*. Исследователь может не только сформулировать теорию на микро – уровне (качественные методы), но и протестировать ее на макро-данных, статистически проверить гипотезы, заложенные в основе создаваемой теории.

Этот подход не лишен недостатков. Среди наиболее очевидных – процедурные, связанные с *повышенными затратами на ресурсы*: во-первых, временные (длительные по времени), во-вторых, финансовые («дорогие» комплексные проекты), в-третьих, человеческие (обычно требуются специалисты, сочетающие подходы обеих парадигм). Более того, многие методико-методологические вопросы в поле смешанных исследований остаются трудноразрешимыми. К таким можно отнести вопросы о том, как «качественно» анализировать количественные данные, как интерпретировать противоречивые результаты, как корректно «сочетать» данные разных подходов и подобные.

Философской платформой исследований со смешанными методами является *классический прагматизм*, представленный, в первую очередь, идеями Ч. Пирса, У. Джеймса и Дж. Дьюи. Считается, что прагматизм – это своеобразное, «американизированное» продолжение позитивизма, получившее развитие в Америке в конце 19-го века. Прагматизм показывает как может быть достигнута наибольшая эффективность, полезность от объединения различных способов действия [Hoshmand, 2003]. Приверженцы школы прагматизма полагают, что научные методы должны быть применены для поиска «наилучшего» ответа из всех возможных. Здесь реализуется попытка рассмотреть различные точки зрения, перспективы и взгляды, включая оптику качественных и количественных исследований. В самом широком смысле, прагматизм – это некая концептуальная основа, которая позволяет объединить методы и исследовательские задачи.

Традиционно количественные исследователи опираются на допущения реалистов, качественные чаще опираются на конструктивистские предположения. Прагматический подход предполагает взаимный интерес двух подходов. Его мало интересует природа изучаемой реальности и вопросы «истины», он подчеркивает приоритетность действия как основы знания. Прагматиков скорее волнует насколько получаемое знание *полезно* [Morgan, 2014: 42-43]. С прагматической точки зрения, исследование является одной из форм действия по достижению цели, в основе которой лежат решение исследовательских вопросов.

Коротко о качественно-количественном дизайне

Американские исследователи провели контент-анализ исследовательских дизайнов в микс методологии. Результаты показали, что дизайны могут быть представлены на континууме трех уровней: а) *уровень смешивания* (частично или полностью смешанные); б) *ориентация во времени* (конкурентные или последовательные); в) *акцент на подходе* (эгалитарный статус или доминирующий статус) [Leech, Onwuegbuzie, 2009]. Уровень смешивания означает то, что исследование может иметь как полностью, так и частично смешанную методологию. Ориентация во времени соотносится временным промежутком проведения количественной и качественной фазы. Если количественный и качественный этап происходят приблизительно в одно время, то они являются конкурентными, а если они проводятся после другого – последовательными. Наконец, акцент на подходе относится к тому, какой статус в исследовании имеют количественная и качественная части: как количественная, так и качественная компоненты могут иметь приблизительно равный (эгалитарный) статус по отношению к постановке исследовательских задач; или одна компонента может иметь более значительное преимущество, чем другая (доминантный статус) [Leech, Onwuegbuzie, 2009].

Американский социолог отмечает, что смешанные исследования предлагают три варианта интеграции *результатов* качественных и количественных методов. Во-первых, *вариант «пересекающихся»* (convergent) *данных* позволяет сравнивать результаты различных методов, отвечающих на один вопрос. Как правило, качественная и количественная части реализуются одновременно, схематично такой дизайн обозначается (Qual=Quant; Кач=Кол) Во-вторых, вариант *«дополнительного покрытия»* (additional coverage) предполагает достижение различными методами разных исследовательских задач. Схематично такой дизайн обозначается (Qual+Quant; Кач+Кол). Третий *принцип «последовательных вкладов»* (sequential contributions) позволяет выстраивать цепочку преемственности между данными: результаты одного метода послужат данными для «входа» к следующему методу (Qual->Quant; Кач->Кол). По мнению Д. Моргана, это наиболее продуктивный подход интеграции результатов качественных и количественных исследований [Morgan, 2014].

В целом, микс стратегия на данный момент представлена как удобная аналитическая рамка, подход для современного исследовательского мира. Сегодня она понимается преимущественно как качественно-количественная. Однако в ближайшей временной перспективе к ней можно будет отнести совокупность методов и данных различных классов: онлайн /оффлайн, вербальные /визуальные и другие методические дихотомии.

Список литературы

1. Campbell D. T., Stanley, J. C. Experimental and quasi-experimental designs for research. In N. L. Gage (Ed.), Handbook of research on teaching. Chicago, IL: Rand McNally, 1963. P. 171–246.
2. Denzin, N.K. Introduction: the discipline and practice of qualitative research. N.K. Denzin. Y.S. Lincoln. The sage handbook of qualitative research. Ed. by N.K. Denzin, Y.S. Lincoln. 3rd ed. Thousand Oaks. CA et al.: Sage Publications. 2005. P.1-32.
3. Denzin, N.K., Lincoln, Y.S. : Introduction: the discipline and practice of qualitative research. In: Denzin, N.K., Lincoln, Y.S. (eds.) Handbook of Qualitative Research, 2nd edn., pp. 1–28. Sage, Thousand Oaks, CA. 2000.
4. Greene J. C., Caracelli V. J., Graham W. F. Toward a conceptual framework for mixed-method evaluation designs. Educational Evaluation and Policy Analysis, 1989, Vol. 11, P. 255-274.
5. Hoshmand L.T. Can lessons of history and logical analysis ensure progress in psychological science? Theory and Psychology, 2003. Vol. 13. P. 39-44.
6. Johnson B., Onwuegbuzie A., Turner L. Toward a Definition of Mixed Methods Research // Journal of Mixed Methods Research. 2007. № 2 (1). P. 112–133.
7. Leech N. L., · Onwuegbuzie A. J. A typology of mixed methods research designs. Qual Quant. 2009. № 43. P. 265–275.
8. Lincoln Y. S., Guba E. G. Naturalistic inquiry. Beverly Hills, CA: Sage, 1985. P. 416.
9. Morgan D. Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach. Sage Publications, 2014. P. 288.
10. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о качественной социологии. Социологический журнал. № 2. 1994. С. 28-42.
11. Воронков В. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // Неприкосновенный запас. 2004. №3 (35). С. 23-26.
12. Готлиб А. С. (ред.). Процедуры и методы социологического исследования. Практикум. Кн. 2. Качественное социологическое исследование: учебное пособие. / А. С. Готлиб А.С., Крупец Я. Н., Алмакаева А.М. Под общ. Ред А.С. Готлиб.– Самара. Изд-во «Самарский университет». 214. С. 354.
13. Девятко И. Ф. Комментарий к статье В. А. Ядова. Социологический журнал. № 1. 2009. С. 156- 161.
14. Ньюман Л. Значение методологии: три основных подхода //Социологические исследования. 1998. № 3. С.122-134.
15. Семенова В.В. Стратегия комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений. Интер. № 8. С. 5-15.
16. Татарова Г.Г. Интеграция методологического знания: миф или реальность? 2008. Режим обращение: URL:<http://www.isras.ru/publ.html?id=905>. Дата обращения: 20.08.2011.
17. Татарова Г.Г. Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России. Социологические исследования. 2014. №7.
18. Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу об интеграции знания. Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3-11.
19. Татарова Г.Г. Методология эмпирической социологии: амбивалентность факторов развития. Социология 4М: методология, методы, математическое моделирование. 2008. №27. С. 1- 19.
20. Ядов В. А. К вопросу о макро – микро дилемме в социологии. Социологический журнал. № 1. 2009. С. 128-130.

ЗЕМЛЯЧЕСКИЕ СЕТИ МИГРАНТОВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС

Переселяясь временно или навсегда в большие города, выходцы из глубинки, как правило, не преодолевают в полной мере эффект социальной колеи, сложившейся в родном селе (path dependency или зависимость от прошлого пути). Колея, будучи порождением прошлого, в той или иной мере продолжает оказывать влияние и на жизнь в совершенно новых условиях в настоящем. Одним из элементов, формирующих эффект колеи на новой почве являются земляческие сети, представляющие собой форму социальных ресурсов, которые, с одной стороны, дают дополнительные возможности, а с другой, как и любая сеть, накладывают ограничения, ибо сеть предполагает инвестиции в ее поддержание.

Данная статья представляет собой попытку концептуализации феномена земляческих сетей на основе синтеза двух теоретических моделей: сетевого подхода и зависимости от прошлого пути (path dependency).

Слово «земляк» прочно вошло в активно используемый словарь повседневного русского языка. Однако в научных исследованиях оно занимает совершенно периферийные позиции. Л. Лурье [1995, 1996, 1997] опубликовал ряд работ, посвященных крестьянским землячествам в имперском Санкт-Петербурге. Эта же тема раскрывается в книге Я.Смирнова [2002]. В политологических исследованиях сначала за рубежом, а затем и в постсоветской России, в рамках концепции патрон-клиентских отношений разрабатывался анализ роли земляческих связей руководителя при формировании им своей команды. Так в советологии уделялось внимание днепрпетровскому клану, который возглавлял генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев. В постсоветское время в политической публицистике часто вспоминается роль земляческих связей В.В. Путина, ставшего президентом РФ и приведшего с собой в столицу целую команду земляков, важным элементом которой стали члены кооператива «Озеро». Однако это сюжеты близкие данному исследованию методологически, но не тематически.

Категория социальной сети

Социальные сети — это каналы распределения разнообразных ресурсов. Они могут принимать разнообразные формы. Это и обычные повседневные дружеские, родственные связи и профессиональные связи, и общение, поддерживаемое в дистанционном режиме через телефонную (стационарную и мобильную связь, переписку — по обычной и электронной почте). Социальные сети существуют как «в реале», так и в виртуальном пространстве. В последние пару десятилетий они все больше сдвигаются в Интернет. Часто сети поддерживаются в комбинированном режиме, т.е. с использованием всех доступных средств связи. В качестве распределяемых по сетям ресурсов выступает и обычное общение ради общения, удовлетворяющее одну из базовых потребностей, и информация, являющаяся как самостоятельным ресурсом (информация ради информации), так и конвертируемым в иные ресурсы, и финансовые средства, и материальные предметы, и эмоциональная поддержка и т.д. Стремительное расширение виртуальных сетей существенно облегчило поддержание сетевых отношений на расстоянии и с большим количеством участников.

Сети имеют историю. В них прошлое материализуется как социальный ресурс настоящего. Один из главных исторических источников — место прошлого проживания. Из него вырастает несколько тесно взаимосвязанных сетей. Так, земляческая сеть включает в себя сети, опирающиеся на родственные отношения, совместную учебу, соседство.

Кастинг участников сети

Отбор членов сети может происходить по самым разным основаниям. Одно из них общность территории: люди, живущие или работающие рядом, имеют больше возможностей и потребностей формировать сети, обеспечивающие их взаимодействие. Нередко такое взаимодействие просто неизбежно. Так формируются сети соседей, проживающих неподалеку

друг от друга, коллег, работающих в одной организации, школьников, обучающихся в одной школе. Перечисленные общности опираются на двоякие основания: общность территории и интересов. Традиционно такие сети существовали в форме непосредственного взаимодействия: люди встречались, общались, помогали друг другу.

Формирование всепроникающих виртуальных сетей ведет к удвоению сетевых структур. Знакомые, родственники и друзья получили дополнительный эффективный и надежный канал поддержания своих сетевых отношений.

Сети — это инструмент, обладающий собственной логикой: будучи порожденными для решения определенных проблем в родном селе или городе, они имеют тенденцию к сохранению в новых условиях, где причины их создания уже неактуальны. Мигранты, переехавшие из глубинки в большие города, проявляют склонность к сохранению, хотя и в угасающем режиме, прежних сетей.

Земляческие сети на новой территории — это потенциальный социальный ресурс, особенно ценный на начальной фазе после переезда. И чем более мигрант отчужден от местной среды, тем ценнее этот ресурс. Он используется для достижения разных целей: обычное общение, обмен важной прикладной информацией, необходимой для поиска жилья, работы, получения рекомендаций, материальная поддержка.

Виртуальные социальные сети

В ходе нашего исследования российской глубинки мы обнаружили, что жители одного маленького населенного пункта, проживающие в шаговой доступности друг от друга, школьники, обучающиеся в одной школе, активно используют виртуальные сети и для простого общения ради общения («трэпа»), и для обмена полезной или любопытной информацией. Это характерно не только для населенных пунктов суровых климатических условиях, где выход зимой на улицу чреват неприятным общением с природой, но и в южных регионах.

Сначала функцию дублирования непосредственных отношений начал выполнять стационарный телефон, потом - мобильник. С середины нулевых лет ядром параллельных сетей стали виртуальные сообщества. Институционализация таких виртуальных сетей, т.е. их превращение в устойчивый механизм взаимодействия, опирается на новые технические возможности, придающие социальным сетям форму фиксируемых членских групп. В электронной почте это список адресатов, а также возможности быстрой и простой активации связи со случайными корреспондентами. Новый этап в удовлетворении потребности в технической поддержке социальных сетей — создание виртуальных сетевых ресурсов типа «в контакте», «Face book», «Одноклассники» и т.п., где предусмотрена фактическая регистрация в социальной сети, формируемой каждым участником, в статусе «друга». В результате каждый участник постоянно имеет перед глазами список членов своей сети, ему приходят напоминания об их днях рождения, по этой же сети расходятся праздничные поздравления, имеется режим распространения информационного сообщения всем «друзьям». Как ни странно, но ядро дружеских молодежных сетей жителей малых населенных пунктов составляют, люди живущие там же.

Трансформация социальных сетей в процессе миграции

Миграция жителей глубинки в большие города — это испытание для социальных сетей. Траектории их трансформации можно разбить на несколько типов:

- 1) Сеть в реале умирает. Друзья становятся бывшими друзьями.
- 2) Сеть переносится в новое место и воспроизводится в форме землячества.
- 3) Виртуальная сеть, возникшая в конкретном месте на почве непосредственного общения и личного знакомства, отрывается от реала, приобретая сугубо виртуальный характер.
- 4) Земляческая сеть воспроизводится на новом месте в реальной и виртуальной формах, приобретая вид землячества.
- 5) Организация труда отходников опирается на ресурсы земляческих отношений.

Особенности земляческих сетей мигрантов из глубинки

Стремление к формированию земляческих социальных сетей особенно сильно у мигрантов из глубинки.

С одной стороны, их предшествующая жизнь дома разворачивалась в контексте сообщества, для которого характерны более плотные, чем в большом городе, межличностные отношения. При переезде в большой город группами земляков, эти сети и воспроизводятся, и расширяются за счет привлечения новых выходцев из тех же мест. Жители мегаполиса, оказавшись вдали от родного города, редко рассматривают друг друга как земляков, с которыми стоит устанавливать особые отношения. У выходцев из одного места в глубинки эта тяга заметно сильнее.

С другой стороны, миграция из глубинки в большой город порождает ситуацию культурного шока, одной из форм защиты от которого является сплочение с земляками. В основе этого процесса категоризация по принципу «свой — чужой». Выходцы из одного населенного пункта, которые там плотно не общались и в одну сеть не входили, порою распознают друг друга как «своих», формируя новую сеть, представляющую собой дополнительный, а порою и решающий ресурс социального выживания в новых условиях.

Однако силу земляческой солидарности не стоит преувеличивать. Ее действие не имеет универсального характера. Если одни, оказавшись в чужом большом городе, ищут земляков как опору на новом этапе своей жизни, то другие (обычно более уверенные в себе) нередко сторонятся их, стараются начать новую жизнь, не обременяя ее старыми отношениями. Кроме того, не все по разным причинам заинтересованы в том, чтобы детали их жизни на новом месте стали предметом обсуждения в родном селе или городе.

Землячество как социальный ресурс отходничества

Особым типом миграции является отходничество, т.е. отъезд из родных мест на заработки на относительно ограниченный отрезок времени с обязательным возвращением домой. Отходничество организуется и в индивидуальном, и в коллективном формате. Во втором случае земляческие отношения выступают социальным капиталом, играющим заметную роль в организации труда этого типа.

Ю.М. Плюснин (2014: 83–84), руководитель проекта по изучению отходничества, отмечает в местных провинциальных сообществах «постоянные и повсеместные отношения», которые он определяет как общинные. Они проявляются в следующих формах:

1. Бригады (или артели), формируемые в основном из ближайших соседей и реже — родственников.

2. «Трудовые колонии» людей, связанных соседскими или родственными отношениями, и выезжающие на вахтовые работы в удаленные районы страны. Порою эти вахтовые колонии приобретают постоянный характер и состоят в существенной мере из людей, связанных общностью территориального происхождения.

Жители глубинки часто отправляются на промыслы в коллективах своих земляков или делятся с соседями и друзьями информацией, полезными контактами. Это объясняет феномен специализации глубинных районов по направлениям отходничества и в географическом, и профессиональном разрезе (см. Плюснин и др. 2013: 97–112).

Сети как социальный ресурс и капитал

Социальные ресурсы — это самые разнообразные связи, которые обеспечивают ту или иную деятельность. Эти ресурсы могут и полезными, и бесполезными. Социальным ресурсом является знакомство, позволяющее совместно убивать пустое время ничегонеделаньем или занятием бесполезной или даже вредной деятельностью. Знакомство как ресурс конвертируется в общение, потребление алкоголя, табака, наркотиков. В то же время социальный ресурс может обеспечить и удовлетворение жизненно важных потребностей. Например, знакомство или родственные связи — это ресурс, который нередко обеспечивает взаимопомощь в трудной ситуации.

Люди, живущие близко друг от друга, имеют гораздо больше шансов стать знакомыми, чем находящиеся на больших расстояниях. В малом населенном пункте все живут более или менее близко друг от друга. Формированию земляческих отношений по месту жительства способствует образ жизни, доминирующий в малых городах и селах.

Социальные сети — это ресурс. Однако не всегда ресурс имеет сетевой характер. Сети — это относительно устойчивые каналы, а в качестве социального ресурса могут выступать и сугубо поверхностные знакомства.

Социальный капитал — это превращение отношений — как сетевых (т.е. устойчивых), так и разовых — в ресурс, который, будучи включенным в рыночный оборот, способен самовозрастать (т.е. приносить доход) и конвертироваться в иные типы ресурсов. Социальный капитал — это разновидность социального ресурса. Иначе говоря, социальный капитал — это всегда ресурс, но далеко не всегда социальный ресурс превращается в капитал. данный подход опирается на классическую марксистскую традицию и существенно отличается от ставшего популярным подхода П. Бурдьё, для которого ресурсы и капиталы фактически являются синонимами.

Земляческие сети могут при определенных обстоятельствах превращаться в земляческий социальный капитал. По месту жительства это не имеет смысла, т.к. здесь все живут на одной территории и этот факт не выполняет дифференцирующей функции. В чужом же городе отнесение кого-то к категории «своих», нередко выступает основанием для формирования доверительных отношений.

Земляческие отношения превращаются в социальный капитал на основании трех основных процессов. Во-первых, земляки просто физически имеют больше шансов быть знакомыми в чужом городе, чем выходцы из разных населенных мест. Во-вторых, вероятность формирования на основе земляческих связей отношений доверия вытекает из большей осведомленности о предшествующей жизни друг друга. Доверие — это разновидность позитивных социальных ожиданий, вытекающих из знания биографии другого участника взаимодействия. В-третьих, общность территориального происхождения — это рычаг дополнительного социального контроля, что является одним из оснований доверия. Земляк не исчезнет в никуда, т.к. все его родственные сети на виду. Его прокол, является пятном и для его родственников и знакомых на родине.

Этничность как фактор формирования социальных сетей

Формирование социальных сетей — это процесс, погруженный в культурный контекст, имеющий внутренние и внешние аспекты. С одной стороны, есть культурные ресурсы, стимулирующие земляческую солидарность. Это ценности и нормы, ориентированные на поиск своих в чужом городе. Как правило, такие культурные ресурсы формируются в результате коллективного опыта отходничества и миграции. С другой стороны, стремление к земляческой солидарности возрастает при попадании мигрантов в культурно чуждую среду. В России это особенно характерно для мигрантов в русские города, прибывших с Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии. В этом случае социальные сети формируются в результате синтеза земляческой, этнической и религиозной солидарностей. Чем сильнее отчуждение внешней среды, тем заметнее стремление к формированию земляческих сетей. Русские мигранты из глубинки сталкиваются с социально необычной, но культурно близкой средой, что позволяет им легче вливаться в локальные сети, опирающиеся только на земляческую солидарность.

Виртуальные земляческие сети

В современном обществе общение все больше сдвигается в сторону дистанционного режима: через мобильную связь, электронную почту, разные системы виртуальных социальных сетей («В контакте» «Одноклассники», «Фейсбук», «Instagram» и др). Нами была предпринята попытка статистического анализа эго-сетей жителей одной из кубанских станиц¹. В качестве объекта было избрано сообщество местной школы в сети «В контакте». Основная гипотеза состояла в том, что выпускники станичной школы, уезжая в большие города, сохраняют свое членство в земляческой социальной сети, что проявляется, во-первых, в структуре их эго-сетей, где сохраняется ядро из жителей родной станицы, а с другой — сохраняется их членство в школьном сообществе. Однако возможности данного исследования были ограни-

¹ Анализ виртуальных социальных сетей осуществлен с помощью полученные на базе РЦ «Центр социологических и Интернет-исследований», Научный Парк, СПбГУ (Юдина Д., Цыганов Д., Цыганова К.).

чены техническими параметрами сети «В контакте»: для анализа доступны только списки друзей и тексты на открытой доске. Эти параметры обладают большой силой инерции: списки друзей почти не сокращаются, но в них растет доля спящего компонента (формальные связи, не актуализируемые в нынешнем общении). Отследить процесс засыпания оказывается невозможно. В силу этого данная методика в самостоятельном виде имеет ограниченные возможности. Реальность эго-сетей молодежи, уехавшей из станицы, и логика их трансформации выявляется только через интервью, в т.ч. и через саму виртуальную сеть.

Изначально виртуальные эго-сети формируются как дополнение к традиционным сетям, опирающимся на контакты лицом к лицу. Школьники даже малых населенных пунктов, несмотря на плотность общения в школе и небольшие физические расстояния, отделяющие их друг от друга, формируют местные виртуальные сети, исходя и из прагматической потребности упрощения общения, и требований модного стиля жизни. База таких сетей носит земляческий характер: люди, знающие друг друга в реале как одноклассников и/или соседей, формируют свои эго-сети.

Логика общения в Интернете достаточно автономна по отношению к реалу, поэтому постепенно в эго-сети включаются и люди, которые в режиме лицом к лицу не пересекаются. Кроме того, в эго-сети остающихся в родных местах сохраняются те, кто уехал. В результате в эго-сетях уехавших в числится в среднем 57 виртуальный френд, а у живущих в станице — 71. Таким образом, основная часть френдов у живущих в станице — это те, кто находится вдалеке, а соседи составляют только 19 %. Таким образом, в эго-сети происходит формирование двух пластов: первый — это совокупность людей, дополняющих в дистанционном режиме свое общение в реале, второй — сугубо виртуальные «френды».

После окончания школы абсолютное большинство выпускников уезжают из своих сел и малых городков в региональные центры и в Москву — кто учиться, кто работать. В новой жизни, с одной стороны, сохраняется старая земляческая виртуальная эго-сеть, хотя ослабление контактов лицом к лицу ведет к падению активности внутри нее. В то же время одноклассники, уезжающие в одно место, нередко (особенно на ранней фазы новой жизни) поддерживают в городе старые эго-сети и в реале, и в Интернете. Правда, территориальные масштабы большого города меняют структуру сетей: в них происходит сдвиг из реала в Интернет и мобильную связь.

С другой стороны, в новой жизни происходит формирование новых пластов эго-сетей за счет людей, с которыми возникает взаимодействие в новой физической реальности. В нашем кейсе члены школьного сообщества, живущие в станице, имеют в среднем по 105 друзей, а уехавшие — по 138. Разницу можно в основном интерпретировать как прирост за счет людей из нового города.

Библиографический список:

Лурье Л. Земляческие связи и профессиональная мобильность петербургских рабочих к. XIX — н. XX века // Мониторинг социально-экономической ситуации и состояние рынка труда Санкт-Петербурга. 1996. № 2. С. 21–27.

Лурье Л. Крестьянские землячества в российской столице: ярославские «питерщики» // Невский архив: историко-краеведческий сборник. Вып. 2. М., СПб.: Феникс: 1995. С. 307–354.

Плюснин Ю.М. Общинные и сословные элементы в социальной структуре современного общества // V Международная научная конференция «Социальная география, социобиология и социальные науки: моделирование и прогностика процессов развития регионов Ближнего Севера России. Угорский проект. 2–4 мая 2014 года. М.: Грифон, 2014. С. 77–89.

Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013.

Смирнов Я. Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи. Ярославль, 2002.

Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

О НАПРАВЛЕНИЯХ ПОЛИТИКИ ВОЗРАСТА¹

Словосочетание «политика возраста» актуализирует те же ассоциации, что когда-то «политика пола»/«Sexual Politics» [цит. по: Гапова, 2008]. За прошедшие годы социологи-феминистки сумели доказать, что пол и гендер – разные категории и, тем самым, вывели множество проблем женщин из-под диктата биологической обусловленности, показав, как много значит идентичность. Оказалось, что специфика здоровья, проблемы образования, уровень занятости и положение на рынке труда, социальные роли и статус – все это связано с социально-экономическим неравенством больше, чем с биологическими особенностями женщин. Впрочем, вопрос остается дискуссионным и по сей день, поскольку затрагивает основы социально-экономического доминирования мужчин, а сегодня никто не спорит с тем, что в социогуманитарных науках велика вовлеченность автора в отстаивание определенной позиции.

В последние годы аналогичному переосмыслению подвергнуто понимание возраста и, особенно, пожилого возраста, или возраста старения. Долгое время возраст считался, скорее, антропологической, нежели социологической категорией. Так, возрасто однородные группы вошли в социологию постепенно, начиная с изучения подростковых дневников Ш.Бюлер, через молодежные «группы на углу улицы» чикагских социологов и окончательно став социологическим сюжетом во время студенческих волнений 1968 года. При этом не было сомнений, что ювенология является частью социологии. А пожилые отнесены к ведомству медицины, социальной работы и психиатрии, так что к «геронтологии» сегодня нужно прибавлять определение «социальная», чтобы оказаться в социологическом пространстве. При этом биологи и медики признают, что для объяснения старения их профессиональных подходов совершенно недостаточно, а в социальной работе очевидно разочарование в опекающих технологиях обслуживания.

Действительно, в современной социальной политике уже невозможно отказаться от рассмотрения вопросов доминирования и подчинения в межпоколенных или возрастных отношениях. Но социальный статус пожилых в современном обществе неясен, вопрос социально-экономического и политического доминирования оказывается довольно запутанным, особенно в такой стране, как Россия, в условиях фрагментированной и неустойчивой социальной структуры. Нам кажется, что символическое доминирование молодых в пространстве масс-медиа контрастирует с традиционным экономическим и властным перевесом пожилых, а В.Костюшев отмечает ценностные рассогласования с перспективой межпоколенных конфликтов [Костюшев 2011].

Формальное равенство поколений в нормативно предписанном «обществе для всех (возрастов)» постоянно нарушается рассуждениями о ценности детей или рисках старения и, особенно, чрезмерных тратах, которых требуют пожилые. Реализация социокультурного проекта «пожилой человек» требует новых институциональных практик, для чего нужна «политика возраста». И не только пожилого, поскольку в настоящее время оказалось, что противоречивый и рассогласованный социальный статус имеют и молодые, и взрослые, и пожилые.

Старение. Здоровье. Уход

В настоящее время процесс старения населения принял глобальный характер, в него включены все страны мира. Даже в развивающихся странах с все еще высоким уровнем рождаемости после 2025 г. к пожилым можно будет отнести более 20% жителей, что связано с быстрым старением населения в самых густонаселенных странах мира – Китае и Индии. Быстрое увеличение числа пожилых в структуре населения сначала развитых стран, а теперь практически всех стран мира, привело к нарастанию публикаций об «угрозе (риске, вызове)

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта РНФ 14-18-03434 «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

старения». Эту ситуацию можно сравнить с периодом середины 1960-х - начала 1970-х, когда после «революции 1968 года» социологи активно занялись изучением молодежи.

Старение уже стало одной из актуальных проблем современного общества и социальной политики. При этом социального опыта, связанного с жизнью в стареющем обществе, пока нет нигде, а мышление в терминах рисков и угроз весьма широко распространено. Поэтому, на наш взгляд, не хватает моделей рационального отношения к старению общества. Люди пожилого возраста рассматриваются как растущая «группа риска» - *vulnerability group*, в отношении которой часто действуют различные практики исключения, обусловленные биологизированными и медикализированными взглядами на жизненный путь человека, которые изрядно устарели [Смелзер 1994; Яцемирская 2006]. Исследователи констатировали, что «в обществе значительное распространение получили представления о людях позднего возраста, как о беспомощных, болезненных субъектах, неспособных самостоятельно принимать решения, успешно выполнять общественные функции. На основании изучения этой группы старых людей, пожилые были стереотипизированы, т.е. стали рассматриваться как однородная группа, у которой индивидуальные различия стираются, интересы и проблемы одинаковы». По результатам других исследований, пожилые люди не рассматривались более негативно, чем молодые [Краснова 1998; Смирнова 2008]. Согласно Писареву А.В., четверть опрошенных считает данную социальную группу тормозом для социального развития, а 78% видят в пожилых обездоленных людей, нуждающихся в социальном обеспечении. Однако 60% рассматривают их как потенциал, который следует вовлечь в социально активную жизнь [Писарев 2004].

Существующий набор стереотипов по отношению к пожилым людям в России не меняется в течение последних 20-25 лет: «в общественном сознании прочно укоренился стереотип восприятия данной возрастной группы, который, в основном, несет геронтофобные установки по отношению к периоду старости и проецируется не только обществом, но и самими пожилыми людьми в отношении своего старения» (Бутуева 2014, Ковалева 2007). Наше поведение, меняясь с возрастом, строится на воспринятых значениях того, что считается в обществе правильным молодежным, взрослым или «стариковским» поведением. Но действительная ситуация оказывается значительно более разнообразной, а различия между возрастными теряют смысл, если исходить из нормальности нелинейного жизненного пути.

Необходимо менять представления общества, а главное – самих пожилых о том, что в пожилом возрасте человека обязательно настигнут болезни, слабость и недомогания. Норвежские исследователи Хаген и Мо после двадцати лет работы собрали доказательства того, что с возрастом не обязательно происходит ухудшение здоровья: «Ожидаемая продолжительность жизни без функциональной ограниченности или инвалидности возросла еще больше для обоих полов.<...> Более того, пропорция оставшейся жизни в хорошем здоровье также выросла» [Мое, Hagen 2011. P. 35]. Социальный тренд, связанный с «либерализацией старения», проанализирован Д.Рогозиным. Но и он отмечает, что «объективное ухудшение здоровья часто усугубляется субъективным конструированием немоги, а сокращение круга общения – искусственным исключением из социальных отношений» [Рогозин 2012].

«Субъективное конструирование немоги» самими пожилыми провоцирует развитие «оптики заботы», более приемлемой для отношения к людям не 3-го, а 4-го возраста. Впрочем, в странах с нормальным, т.е. здоровым старением, например, Швеции, двое из трех людей 90-летнего возраста не нуждаются в посторонней помощи. Современное общество, кажется, разобралось с тем, что не все пожилые заканчивают старческой сенильностью. Но теперь на повестке дня реалистичная оценка нуждаемости в уходе/заботе и возможностей как государства, так и коммерческого сектора в предложении стационарных и домашних услуг по уходу за пожилыми.

Гибкая система обслуживания и помощь семье с пожилым человеком, а не только одиноким пожилым, позволит рационализировать проблему чрезмерной занятости женщин среднего возраста уходом за престарелыми родителями. Поддерживающая женщин система ухода и социализации детей организационно давно отработана и проблемой является только дефицит учреждений. Для пожилых также существует множество возможностей гибкого ухода, типа «дневных яслей», циклов реабилитации, соседской помощи и т.п., не говоря о

технических устройствах ухода, значительно облегчающих повседневную жизнь пожилого человека и того, кто ухаживает за ним. Но все это требует более широкого развития нестационарной помощи и информирования населения о технических возможностях ухода. Пока же СМИ эксплуатируют тему заботы о пожилых, а гендерная социология нашла для себя новую точку приложения сил, в которой причудливо сплетаются характерные мотивы освобождения женщин от «домашнего рабства» и озабоченность чрезмерной вовлеченностью самих женщин в ситуации заботы о пожилых и перегрузкой «сэндвич-поколения».

Возраст и время, социальное и индивидуальное

Принято считать, что индустриализация и урбанизация быстро переформатировали время общества. Равномерная температура, которой была подчинена социально-экономическая жизнь, сложилась за последние 3-4 столетия. В обществе типа модерн для большинства населения существовало принудительное жизненное расписание, которое можно интерпретировать как организующее, равно как подавляющее. Длительность периодов получения образования и занятости, время вступления в брак и другие события жизни довольно сильно различались у разных социально-экономических групп. Однако многие процессы, становясь всеобщими, например, рост длительности периода образования, унифицировали возрастное структурирование жизни, создали предпосылки линейного разворачивания жизненного пути. Получение образования мыслилось как предпосылка профессиональной квалификации и включения в рынок труда, на входе в который не полагалось задерживаться.

Традиционным взглядам соответствует теория возрастной стратификации, связанная с символическим интеракционизмом Дж.Г.Мида. Он описывает общество как совокупность возрастных групп, которые имеют различия в способностях, ролях и функциях, правах и привилегиях, что обусловлено возрастом. Хронологический возраст является основанием для данной стратификации и объяснения характерных особенностей разных поколений.

Но современное общественное сознание вместо рассуждений о различиях возрастов, контрастов молодости и старости, выдвинуло идею фрактальности, т.е. самоподобия пяти основных возрастов внутри каждого из них [Эпштейн, 2006]. Множество идентификационных событий, таких как получение образования, вступление в брак, смена работы и т.п. рассыпаны и/или повторяются в течение жизненного пути. В повседневной жизни давно никого не удивляют молодожены в 50-60 лет или «вечные студенты». А популярная идея «образования через всю жизнь» не только фиксирует необходимость переучивания/доучивания, но на социально-статусном уровне закрепляет нормальность вечного студента, т.е. никогда окончательно не взрослеющего «ученика». Так и возникают фрактальные «старость детства» или «юность зрелости» и т.п.

На индивидуальном уровне теперь встает задача осознания степени своей зависимости или, напротив, независимости, от внешних фиксаций возраста в паспорте и культурных стереотипов. Рассогласование хронологического, биологического и социального возраста давно известно современной медицине, которая научилась довольно точно определять реальный возраст человека и давать рекомендации по продлению жизни и улучшению здоровья. «Рокировка возрастов особенно характерна для современных обществ, где социальная ответственность все больше перекладывается на молодых; уже школьники в старших классах испытывают ее подчас нестерпимый гнет (что ведет к росту юношеских самоубийств). Зато ее бремя снимается с плеч 50-летних — 60-летних: социальная инерция или разгон, достигнутый к середине жизни, дальше уже сравнительно легко толкает их с уровня на уровень, позволяя заново или даже впервые пережить юность на переходе из зрелости в старость» [Эпштейн 2006]. Мы думаем, с этой мыслью не согласятся многие, которые к пожилому возрасту почему-то «недостаточно разогнались», т.е. в более позитивистском языке — не набрали образования, квалификации, адекватного социального капитала и не накопили имущества для спокойного старения или вершин самореализации...

В такой ситуации нужен ли обязательный уход на пенсию, т.е. исключение из трудовых отношений, как в молодости обязательно включение? В обществе знаний и квалифицированного труда — по видимому, нет, можно считать, что фиксированный пенсионный возраст превращается в архаическую практику. Положение молодежи и пожилых становится

асимметричным в наиболее образованных слоях населения, но и длинные жизненные планы характерны для наиболее образованной части общества. У менее образованных возникает ситуация, когда «времени больше, чем жизни», чем интересных занятий, наполняющих жизнь, что влечет тотальную, направленную вовне, обиду... Мнения социологов также расходятся. Кто-то видит основную проблему старости в оставленности, заброшенности, ненужности стариков. Другие в наступлении старости видят возможность «решительной полноты самореализации» (Пигров 2002).

Увеличение скорости социальных изменений и расписание жизни

Представления о расписании жизни радикально изменилось с появлением понятия «пенсионный возраст». В конце XIX в. в Германии, а затем в других странах Западной Европы, сложились государственные пенсионные системы, которые четко структурировали процесс выхода с рынка труда, облекли его в возрастные рамки, определив время, когда человек становился нетрудоспособным, т.е. старым. В протестантских странах установленный возраст старости был 65 лет, как правило, для мужчин и женщин, что определялось требованиями эффективной системы страхования, которая не должна была прибегать к заимствованиям из государственного бюджета для пенсионного обеспечения в течение расчетного периода 13 лет (усредненный период дожития) после 35 лет страхового стажа. Логика пенсионной системы здесь была иной, чем логика системы медицинской. Так, по классификации ВОЗ, до сих пор «пожилой возраст» начинается с 60 лет. Эта граница была установлена в 1948 г. и, как ни странно, до сих пор не пересмотрена.

Но в советской пенсионной системе принцип старости как возраста нетрудоспособности был изначально нарушен еще в 1956 г. ради демонстрации преимуществ социализма. Понимание раннего ухода на пенсию и короткого трудового стажа как преимущества, которое дает социалистическое государство, наложилось на православную трудовую этику, которая не поощряла чрезмерные трудовые усилия.

В современной России, по мнению примерно 25% опрошенного ВЦИОМ населения, старость наступает в возрасте 60-65 лет, а 18% уверены, что человек становится пожилым в 70-74 года. 2% предлагают считать людей старыми в 40-49 лет, а 1% - начиная с 90 лет. Впрочем, 5% считают, что старость наступает в разное время, 2% связывают это понятие с окончанием трудовой деятельности [Пожилая, 2009].

Хаотичные преобразования последних десятилетий также не способствовали формированию жизненных планов и рефлексивных биографий. Для современного человека становится естественным мышление в терминах риска и обеспечения безопасности от любых видов рисков. Однако главным риском, пожалуй, становится неопределенность, защиту от которой тем более трудно планировать сверху [Zinn 2008]. Отсутствие в современной России продуманных и понятных населению стратегий социально-экономического развития усугубляет представление о старении как опасном для общества риске, хотя по большому числу параметров старение лишь переносит акценты со сложившихся областей общественного регулирования на новые.

Однако здоровое и активное старение не могло стать такой разделяемой целью в ситуации, когда старение было легитимизировано как «трудная жизненная ситуация» [Закон]. Это создало у значительной части населения мотивы стареть «быстрее и болезненнее», вполне понятные с точки зрения возможностей получения помощи в условиях трудностей жизни из-за трансформации ее условий. Все вместе результировалось в комбинации противоречивых мотивов, когда никто не хочет стареть, но значительное число хочет на пенсию как можно раньше, и добивается этого, поскольку средний возраст ухода на пенсию в России равен для женщин 53 годам, а для мужчин – 57 [Малева Т., Синявская О. 2008]. Ясно, что никакая пенсионная система такую нагрузку не может выдержать. Да и общество, где пенсионеров больше, чем людей пожилого возраста, выглядит довольно странно...

Особенностью нашей страны является ведущая роль носителей власти в культивировании деструктивных социально-экономических практик, что ярко проявилось в изучаемом вопросе. Вместо анализа отклонений от намеченных результатов Пенсионной реформы, которая началась в 2002 г., причины ее неуспешности власть продолжает искать в демографиче-

ских процессах и других очевидных вещах. Забывается, что современная технология, рост производительности труда и аккуратно собранные социальные отчисления могут радикально поменять соотношения занятых и пенсионеров, нужные для нормального страхового пенсионирования.

Социальные изменения в современном обществе случаются слишком быстро и хаотично для успешной адаптации к ним, особенно в пожилом возрасте, считают многие обществоведы. Это приводит к ощущению потери своего места в истории; людям трудно провести грань между прошлым, настоящим и будущим, достичь упорядоченности и целостности в планировании жизни. Грани между этапами более доступны при линейном протекании жизни, но, если жизнь ветвится, что мы видим довольно часто, то наблюдается размывание или ускользание границ.

Образ жалких, несчастных, бедных пожилых, все проблемы которых сводятся к низкой пенсии, эксплуатируют СМИ. Они же подхватили тему недостатка денег на выплату пенсий из-за роста числа пожилых, без указаний на существующую недоплату налогов или реальные просчеты пенсионной системы, из-за которых необходимо ее реформирование. Часто о пожилых пишется как жертвах социальных изменений и объектах дискриминации. Витимизация, однако, не является безобидным дискурсивным механизмом, поскольку «жертва» всегда требует обслуживания, внешней заботы. Согласимся, что «государство воспроизводит жертвенность субъектов своего права, чтобы обозначить власть и возможность регулирования их поведения» [Кондаков 2014]. Ответственность за нарушения прав пожилых, за их положение, тем не менее, фактически накладывается на самих пожилых – «их слишком много».

***

Для «либерализации старения» (*age's lib*) необходимо переосмысление отношений власти, пронизывающих межпоколенческие отношения. Тогда, возможно, внесение изменений в жизненное расписание, по крайней мере, образованной части общества, будет происходить без ощущения системного насилия. Нужно добиваться, чтобы пенсионные отношения стали, наконец, понятны населению и уменьшилась сегрегация по возрастному признаку. Маниакальное желание государства меньше тратить на пенсионеров, которое сопровождается муссированием проблемы старения населения, выглядит странно, если в бюджете на 2014-2015 гг. и дальше затраты на оборону существенно больше трат на пенсионирование. Несмотря на определенную популярность у населения такой «воинственной» политики, для развития страны нужно больше тратить на образование, охрану здоровья и культуру, т.е. на человеческий, а не оборонный потенциал.

Политическая задача здесь – поменять имидж старости, отказаться от жалостливого гуманизма в пользу более уважительного и либерального отношения, нормализовать продолженную за пределы пенсионного возраста занятость и перестать связывать ее с крайней нуждой, которая заставляет продолжать работать. Возможно, это и есть основной вопрос социально-экономического развития страны или обновления социальной политики.

Следующая политики старения – стать более чувствительной к разнообразию жизненных сценариев людей. В современном обществе пожилые должны получить больше «прав на авторство», на признание за ними различных жизненных стратегий, траекторий и типов самоидентификации в качестве первичных блоков биографии.

Библиография:

Бутуева З.А. Особенности социального самочувствия людей старшего возраста, находящихся в трудной жизненной ситуации // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. 5. с. 127–129.

Гапова Е. Кейт Миллет: личное как политическое // «Неприкосновенный запас» 2008, №4(60).

Костюшев В.В. Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // ПОЛИС. 2011. №4.

Краснова О.В. Стереотипы пожилых и отношение к ним // Психология зрелости и старения, 1998, весна, с. 16–28.

Малева Т.М., Синявская О.В. Модели занятости пенсионеров // Демоскоп Weekly, 2008, 341– 342, 18–31 августа [<http://demoscope.ru/weekly/2008/0341/tema04.php>] (дата обращения 20.05.2014)

Пигров К.С. Экзистенциальный смысл настоящей старости // Философия старости: геронтология. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 24. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 2002. С. 5.

Пожилая Россия: чем живет 30-миллионное поколение? Исследование ВЦИОМ, Москва, 2009.

Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. №4. С. 62-93.

Смелзер Н. Социология. Учебник. Пер. с англ. М.: Феникс, 1994.

Смирнова Т. В. Пожилые люди: Стереотипный возраст и социальная дистанция // Социологические исследования, 2008, 8, с. 80–87.

Хёйзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и X 35 вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича -М.: Прогресс - Традиция, 1997. - 416 с.

Эпштейн М. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица Возрастов. Философский комментарий // «Звезда» 2006, №4.

Яцмирская Р.С. Лекции по социальной геронтологии. М.: Академический проект, 2006.

Moe J. O., Hagen T.P. Trends and variation in mild disability and functional limitations among older adults in Norway, 1986–2008 // European Journal of Ageing. № 3. 2011.

Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction. Ed. by Jens O. Zinn. 2008. Blackwell Publishing.

А.Е.Колобова
(СГТУ им. Ю.А.Гагарина)

ПРАКТИКА ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РЕГИОНЕ

Современная политика в отношении пожилых людей в России постепенно трансформируется в направлении поддержки активной жизнедеятельности представителей этой социальной группы. Хорошим примером таких изменений выступает распространение практик организации в российских регионах так называемых «университетов третьего возраста» как формы инклюзивного образования.

В Саратовской области уже несколько лет функционируют «университеты третьего возраста», предоставляющие пожилым людям образовательные услуги разнообразного содержания (от юридической грамотности до валеологии). Важной, на наш взгляд, особенностью «университетов третьего возраста» в регионе является то, что их создание и функционирование обеспечено взаимодействием трех секторов – государственного, коммерческого и общественного. Этот синтез позволяет более эффективно и полно удовлетворять потребности как со стороны проекта «Университеты третьего возраста», так и со стороны его получателей.

Надо признать, что на сегодняшний день инклюзивное образование представителей старшего возраста в Саратовской области не стало массовым, что характерно и для других российских регионов. Это обусловлено многими факторами (дефицит информации у пожилых людей о возможностях пролонгирования активной жизни после выхода на пенсию, давление стереотипов о «ущербности» пожилого человека и др.), часть из которых могут быть нивелированы (например, путем проведения пиар-кампаний «университетов третьего возраста» и др.).

Необходимо отметить, что «университеты третьего возраста» необходимо рассматривать в более широком с точки зрения функциональности смысле, так как это площадка не только для инклюзивного образования, но общения, самореализации, культурного развития пожилых людей.

ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ

Естественный ход общественного развития обусловил интенсификацию социальной технологизации как гарантии устойчивого развития. Применение технологического подхода и термина «технология» к социальным процессам – это относительно новое явление для социального управления.

Это понятие охватывает класс технологий, отличающихся не только особенностями применяющего их субъекта и используемых научных знаний, но, в первую очередь, объектом применения, а также целями и ожидаемыми результатами. Если технология в традиционном смысле направлена на преобразование природных (как правило, физических) объектов, то объектом социальной технологии является социальное взаимодействие и структуры, вырастающие из этого взаимодействия. Цели применения социальных технологий связаны с влиянием на людей, изменением их знаний, установок, поведения.

Не случайно именно в эпоху информации возникло понятие социальной технологии. Актуализация социально-технологической проблематики в современном управлении обусловлена тем, что в настоящее время объекты управления отличаются друг от друга не наличием или отсутствием управленческого воздействия на них, не степенью этого воздействия, а тем, как и каким образом осуществляется процесс управления этими объектами. Технологизация управления – это своего рода реакция на совершающиеся перемены, это, по сути, единственный способ добиться в современных условиях рационализации и оптимизации управленческой деятельности.

Технология в общем смысле слова – совокупность программных, алгоритмизированных способов и средств осуществления той или иной деятельности для достижения определенного результата. Таким образом, технология является системой алгоритмов для решения задач, возникающих в определенной сфере деятельности, либо деятельностью по выработке таких алгоритмов.

Социальные технологии – стандартизированные методы решения социальных проблем, включенные в контур социального управления. Их следует рассматривать как важнейшие элементы механизма управления, составляющие целую систему методов выявления и использования потенциалов социальной системы в соответствии с целями ее развития; как совокупность операций и процедур социального воздействия на объекты социального управления, направленных на получение оптимального социального результата.

Назначение любой социальной технологии состоит в том, чтобы оптимизировать управленческий процесс, исключить из него все виды деятельности и операции, которые не являются необходимыми для получения социального результата.

Особое место в ряду современных социальных технологий занимают технологии управления системой социальных коммуникаций. Отметим, правомерность их именованья именно таким образом. У В.В.Смоляковой термин «коммуникация» толкуется двояко: «...с одной стороны как информация, информационное сообщение, передача мыслей, сведений, новостей, а с другой – как известие, общение как процесс, но при этом как сама связь, средство связи»¹. В связи с этим образуется два производных понятия: «коммуникационный» и «коммуникативный». При рассмотрении коммуникации как структуры Ф.И.Шарков предлагал вести речь о коммуникационных структурах, системах и процессах. В данном случае коммуникационный процесс выступает как изменение структуры, состояния системы коммуникации. В случае же, если рассматривается понятие «коммуникация» как процесс, то, очевидно, будет более правильным рассуждать о коммуникативных связях, отношениях. Коммуникативный процесс здесь представляет собой процесс обмена информацией или же передачи информации от одного коммуникатора другому. Понятием «коммуникативный» чаще обозначают внутренние про-

---

¹Смолякова, В.В. Коммуникативное пространство как объект политологического анализа [Текст] / В.В.Смолякова // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2001. № 1. С.19–29. -

цессы, протекающие в системе, а слово «коммуникационный» отображает характеристики самой системы¹. Поэтому при определении данных технологий более предпочтительным оказывается употребление термина «коммуникационный», если речь идет об управлении социальной коммуникацией на уровне структур, реализующих хранение, передачу и обработку информации, и «коммуникативный», если рассматривается управление процессом и информационным наполнением социальной коммуникации. А родовым понятием в этом случае как раз и может выступить понятие «технология управления социальными коммуникациями».

В коммуникативных технологиях субъект управления имеет право рассматривать реципиентов как объект управления (воспитания, формирования), а себя – как носителя или транслятора управленческих программ разного типа и уровня. Если попытаться одним словом охватить конечный смысл данной технологии, то этим словом окажется «влияние» («воздействие»). Такое воздействие представляет собой доведение до сознания личности специально созданной субъектом управления социальной информации, призванной произвести изменение диспозиционной и ценностно-нормативной системы регулирования жизнедеятельности личности в выгодном для субъекта управления аспекте. Е.Д.Павлова предлагает под термином «информационное воздействие на сознание» личности понимать целенаправленный или случайный процесс изменения смыслов (знаний, мнений, представлений, понятий, суждений личности и т.д.) посредством трансформации информационной матрицы сознания.² Характерной особенностью коммуникативной технологии является то, что в большинстве случаев результатом, на получение которого она направлена, является изменение общественного сознания и, как следствие, поведенческая реакция индивида. Но сегодня меняется отношение людей к воспринимаемой информации, растет резистентность массового сознания убеждающему воздействию масс-медиа.

В коммуникационной технологии субъект управления рассматривает себя как заинтересованного участника совместного с аудиторией поиска решений сложных жизненных проблем. Главная идея такой технологии заключается в том, что коммуникаторам следует рассматривать реципиентов не как фон или пассивных наблюдателей, не как жертв различных обстоятельств, а как участников решения важных вопросов. Основной задачей коммуникатора становится задача быть «модератором диалога». Он должен быть способным к управлению сетью коммуникации, то есть созданию правил и границ коммуникации, выбор места, способа, каналов, средств коммуникации. В этом случае индивиду создаются условия (без жесткого регламентирующего воздействия) для осуществления согласованной в процессе диалога стратегии деятельности.

Объектом технологий управления социальными коммуникациями можно считать систему коммуникаций определенных социальных групп, общностей или организаций. Непосредственно объектом коммуникационных технологий является общественное мнение, которое и подвергается информационному воздействию с помощью определенных PR-средств с целью его изменения, формирования или усиление нужного состояния. В данном случае внимание будет нацелено на поведение, сознание и отчасти подсознание людей, которыми управляют посредством специально направленных информационных воздействий. Коммуникативные технологии коммуникативного воздействия в свою очередь могут быть направлены на манипулирование и коррекцию общественного сознания. В обоих случаях объектом воздействия является общественное сознание, но манипуляции его изменение происходит через влияние на подсознание человека, а при коррекции через осознанное изменение диспозиционной и ценностно-нормативной системы регулирования жизнедеятельности человека.

Нельзя забывать, что общественное мнение возникает внутри группы людей, общающихся друг с другом, вместе согласовывающих суть проблемы, ее вероятные социальные последствия и обдумывающих, какие меры необходимо предпринять. И хотя данный процесс, без сомнения, затрагивает личные суждения, все же мнения индивидов о социальной проблеме

---

¹Шарков, Ф.И. Коммуникология: энциклопедический словарь-справочник: учебное пособие. – М.: Дашков и К^о: Альтехсофт "Изд-во Шаркова", 2010. – 766 с.

²Павлова, Е.Д. Проблема информационного воздействия на сознание в постиндустриальном обществе [Текст] / Е.Д. Павлова // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. IX. Вып. 1(34).

ме по своей форме и содержанию в значительной мере зависят от коллективного (общественного) обсуждения. Поэтому значимой оказывается та коммуникационная структура, в которую включен индивид. Объектом коммуникационных технологий выступает система социального взаимодействия (в виде определенной коммуникационной сети), в которую вовлечены представители целевых аудиторий.

Исходя из того, что коммуникативные технологии алгоритмизируют деятельность в рамках коммуникативного процесса, будем считать, что их основными непосредственными целями являются: достижение известности, внимания и доверия к субъекту управления; формирование его положительного имиджа и защита репутации, взаимопонимание и гармонизация отношений между организацией и общественностью; профилактика и разрешение возможных конфликтов между ними. Цель – ориентация общественного мнения путем пропагандистской деятельности, в ходе которой формируются идеи, поведение, менталитет, вкусы и ценности целевой аудитории через повторяющееся усиление определенных сообщений так, чтобы превратить их в установки как независящее от конкретной ситуации стойкое предпочтение индивида в отношении определенного объекта. Субъектами, реализующими коммуникативные технологии воздействия, являются специализированные подразделения, которые занимаются организацией и проведением PR-деятельности. Классические публик рилейшнз ориентированы на эффективное информирование через каналы коммуникации внутренней и внешней среды организации.

Целью коммуникационной технологии, исходя из её объекта, будет создание эффективной системы коммуникаций не только между субъектом и объектом управления, но и внутри объекта управления. Сегодня возникает необходимость управления системой социальной коммуникации общества, а не только коммуникационными каналами между органами власти как управляющей системой и обществом как управляемой системой. Задачей управления коммуникацией является не управление всем «броуновским» движением информационных потоков, а создание в рамках системы коммуникаций общества определенного фрагмента коммуникативного пространства, позволяющей органу власти находиться в центре информационных потоков. Именно в этом случае произойдет оптимизация социальных взаимодействий со значимыми для него сегментами среды. Субъект управления при помощи коммуникационных технологий управления социальными коммуникациями может осуществлять целенаправленное воздействие, в определенной степени способствуя, препятствуя или направляя развитие процессов самоорганизации. Одним из вариантов коммуникационной технологии можно считать создание специализированных социальных сетей, для этого осуществляется привлечение к сайту внимания целевой аудитории и создание на нем активного сообщества постоянных посетителей сайта (community), которое является заинтересованным в деятельности организации лицом. В качестве успешного применения такой технологии можно назвать сайт e-executive.ru, владельцем которого является кадровое агентство по подбору руководящих кадров WardHowellInternational. Целью данного сайта является привлечение профессионалов бизнеса. Для этого на сайте создано постоянно действующее в режиме онлайн сообщество, члены которого имеют доступ к информационно-познавательным материалам сайта, могут получать консультации, а также активно общаются друг с другом в целях обмена опытом по своей сфере деятельности и просто ради самого общения.

А.А.Чернецкая, В.П.Малянов
(СГТУ имени Ю.А.Гагарина)

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОТЕЗИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ АМПУТАНТА (тезисы доклада)

В докладе рассматриваются некоторые результаты серии исследований инновационных технических средств реабилитации инвалидов в практике социальной работы, в частности, протезов нижних конечностей.

Как показывает анализ академических источников, понятийное поле протезирования имеет общие области с различными теоретическими концепциями. К числу ученых, на чьи работы опираются наши рассуждения, относятся: А.Бандура, Х.Беккер, А.Гелен, Э.Гофман, Э.Дюркгейм, Р.Кюн, Дж.Мид, Х.Плеснер, Е.Ярская-Смирнова и П.Романов. Протезирование развивается очень быстро и в контексте медицинских знаний и практик. Это объясняется высокой травматичностью на производстве, авариями на дорогах, что становится причиной ампутаций нижних конечностей у лиц молодого и среднего возраста. Ампутация конечности, безусловно, оказывает влияние на психическое состояние человека, рассматриваться как стрессовая ситуация и психологический кризис. Реабилитационным мероприятием здесь может выступать адаптивная физическая культура и спорт. Возможность проведения такого рода реабилитации в полной мере открывается при помощи современного протезирования и новейших технологий.

В данном докладе мы представляем исследование, которое включает в себя фокусированное интервью с людьми, имеющими инновационные протезы ног и анализ рассказов ампутантов в журналах, интернет-форумах и личных страницах в социальных сетях. В контексте наших исследовательских интересов были сформулированы следующие вопросы. Как воспринимает себя и свою жизненную ситуацию ампутант с протезом нижней конечности? Как он видит перспективы развития отношений с окружающими. Как складываются его отношения с протезом, какую роль в реабилитации играют технические и эстетические свойства протеза.

По результатам проведенного исследования мы пришли к выводу, что травматический опыт ампутации становится базовым концептом смыслового ядра личностного тезауруса ампутанта. Протез или отсутствие протеза, отношения с протезом становятся воплощением этого концепта. Поэтому, протез, несомненно, выступает как главное средство социальной реабилитации. Применение технических средств реабилитации, а именно протезов нижних конечностей положительно сказывается на психо-эмоциональном состоянии инвалида, открывая доступ к самоактуализации, повышает жизненное благополучие. Новейшие разработки и научные достижения в сфере протезирования подтверждают ее значимость.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что наиболее адекватным приложением реабилитационных усилий со стороны социальной работы, должно стать развитие протезно-ортопедических услуг, во-первых, и ориентация на высшие достижения в этой области, во-вторых.

М.О.Спирина
(НИУ ВШЭ)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ: СРАВНЕНИЕ ОПЫТА РОССИИ И ФРАНЦИИ

(Organizational Specifics of the Volunteer Movement: Comparing the Experience of Russia and France)

Краткая аннотация

В работе представлен критический сравнительный анализ внутренней структуры и принципов организации деятельности формальных (обладающих юридическим статусом) волонтерских объединений в России и во Франции с позиции социологии организаций.

На основании проведенного исследования был выдвинут тезис о том, что формальные волонтерские организации в России и во Франции функционируют в соответствии с различными внутренними логиками. Французским добровольческим объединениям, существующим в сильно институционализированной организационной среде, в большей степени релевантно применение теории нового институционализма в экономической социологии, тогда как в случае российских волонтерских объединений, ведущих деятельность в слабо институционализированной среде, большей объяснительной силой обладает сетевой подход в организационном анализе. Полученный вывод задает абсолютно иное видение природы волонтерских организаций в России и говорит об ошибочности слепого заимствования техник и методов ор-

ганизации добровольческих объединений у западных стран. Данные тезисы сформулированы по результатам анализа серии глубинных экспертных интервью с руководителями формальных волонтерских организаций, имеющих социальную направленность, в России и во Франции.

В работе была предпринята попытка соотнесения эмпирических результатов исследования с формальными теориями организационной структуры в социологии. При этом автор не ставил своей задачей противопоставление неинституционального и сетевого подходов, а, наоборот, стремился продемонстрировать возможность их совместного эффективного применения для анализа одного и того же эмпирического объекта. Так, наличие элементов сетевой структуры и децентрализации даже в сильно институционализированной волонтерской организации во Франции может быть в дальнейшем осмыслено как специфическая характеристика волонтерского движения в целом.

Обзор теоретических концепций в русле теории организаций в исторической перспективе показывает, что волонтерские объединения гораздо реже привлекают внимание ученых в области социологии организаций, чем коммерческие или государственные структуры.¹ Кроме того, в рамках исследования феномена волонтерства обычно изучаются типы волонтеров, их мотивация и ценностная ориентация, степень и виды вовлеченности в добровольческую деятельность, тогда как традиционная проблематика социологии организаций остается проигнорированной.²

Вместе с этим, организационный аспект внутренней деятельности волонтерских объединений также достоин внимания и представляет исследовательский интерес. Так, например, принципы внутреннего функционирования волонтерских ассоциаций изучались французскими социологами с точки зрения изменений и даже «мутаций» в их структуре, которые обусловили наблюдаемые сегодня процессы коммерциализации, бюрократизации и профессионализации французского добровольчества [Caillé, Laville, 1998]. В российской науке относительно мало внимания уделяется принципам внутреннего устройства и правилам функционирования волонтерского объединения с точки зрения социологии организаций, что оставляет широкий простор для исследовательской деятельности в этой сфере.

В целом, некоммерческий сектор³, куда входят и волонтерские организации, является важнейшим объектом социальных исследований, прежде всего потому, что он занимает весомое место как в политической, так и в экономической жизни общества [Weisbrod, 1988; Anheier, 2000]. Так, говоря о формальных волонтерских объединениях, стоит отметить, что вес организаций этого типа в развитых странах очень значителен в сфере занятости населения и предоставления рабочих мест [Tchernog, 2012]. Кроме того, было замечено, что некоммерческие объединения оказывают также важное влияние на политическую жизнь общества, несут в себе основы демократии и акцентируют внимание государства на важных социальных проблемах [Anheier, 2000].

---

¹ См. пример одного из таких обзоров: Барсукова С. Ю., Карачаровский В. В. Неформальные структуры в организациях как феномен и ресурс управления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 3. С. 99-115.

² См. исследования по теме в России: Косова У. П. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2(20). С. 123-127. URL: <<http://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-volonterskoj-deyatelnosti>>;

Киселева Т. Г. Исследование доминирующей мотивации к участию в добровольческой деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2(2). С. 44-48. URL: <http://vestnik.yspu.org/releases/2013_2pp/14.pdf>. См. зарубежные исследования по теме:

Wilson J. Volunteering // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26, PP. 215-240. URL <<http://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.soc.26.1.215>>.

Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: a Sociological Modernization Perspective // Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2003. Vol. 14, No 2, PP. 167-187. URL <<http://link.springer.com/article/10.1023%2FA%3A1023948027200>>.

³ Под некоммерческой организацией (НКО) в данном исследовании мы будем понимать организацию, не имеющую в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли, а также не распределяющую прибыль между участниками.

Одним из самых важных моментов данной работы является проведение линии сравнения между принципами функционирования волонтерских объединений в России и во Франции, которое позволяет добиться ряда существенных преимуществ. Прежде всего, исследователь получает возможность расширить горизонт анализа и выйти за пределы привычных понятий и категорий, что позволяет глубже понять смысл и природу изучаемых социальных процессов [Azarian, 2011]. Другими словами, через сравнение с аналогичными процессами в других сообществах, мы получаем возможность лучшего понимания наших собственных особенностей [Коска, 1996].

Стоит отметить, что Франция была выбрана в качестве референта при проведении сравнительного анализа с Россией далеко не случайно. Как известно, при проведении исследования по сравнению нескольких стран (*few-country comparison*), критически важно выбрать единицы сравнения, которые обладали бы как сходствами, так и различиями, имеющими особое значение в контексте поставленных целей и задач [Log, 2011].

С одной стороны, государственное сдерживание гражданской волонтерской инициативы в прошлом (политика ограничения свободных объединений времен Великой Французской Революции¹ и политика «добровольно-принудительного» волонтерства в период СССР [Локтионова, 2012]) является связующей нитью между Францией и Россией. С другой стороны, радикальное различие количественных показателей развития добровольческого движения в этих странах в настоящем наталкивает на мысль о важных концептуальных различиях в самой природе волонтерства и принципах организации и функционирования волонтерских организаций. Так, например, согласно последним статистическим данным за 2013 г., 40,3% населения Франции когда-либо участвовали в добровольческой деятельности, при этом 24,5% когда-либо состояли в волонтерской организации.² Для сравнения, по самым оптимистичным подсчетам, в 2013 г. только 9% опрошенных россиян выступали когда-либо в качестве волонтеров.³ Таким образом, наличие как общих черт, так и различий между волонтерским сектором Франции и России обуславливает продуктивность сравнительного подхода в данном исследовании.

В данной работе мы утверждаем, что для того, чтобы понять причины трудностей развития добровольческого движения в нашей стране, необходимо взглянуть вглубь тех процессов, которые происходят внутри самой добровольческой организации, попытаться объяснить их смысл и специфику с помощью тех инструментов, которые предоставляет в распоряжение исследователя экономическая социология и методология исследований в сравнительной перспективе. Представляется, что выводы, полученные по результатам данной работы, в дальнейшем могут быть с успехом использованы при разработке социальной политики в области некоммерческих добровольческих объединений в России.

Список литературы:

1. Anheier, H. K. *Managing Non-profit Organizations: Towards a New Approach*. Civil Society Working Paper series 1. Centre for Civil Society, London School of Economics and Political Science, London, UK. 2000. P 2. URL: <<http://eprints.lse.ac.uk/29022/1/cswp1.pdf>>.
2. Azarian R. Potentials and Limitations of Comparative Method in Social Science // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2011. Vol. 1 No. 4, PP. 113-125. URL <http://www.ijhssnet.com/journals/Vol._1_No._4;_April_2011/15.pdf>.
3. Caillé A., Laville J. Une seule solution, l'association ? *Socio-économie du fait associatif // La revue du MAUSS*. 1998. Vol. 11.
4. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering: a Sociological Modernization Perspective // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*.

---

¹ Study on Volunteering in the European Union. Country Report France. URL: <http://ec.europa.eu/citizenship/pdf/national_report_fr_en.pdf>.

² La situation du bénévolat en France en 2013. France bénévolat. Du cœur à l'action. 2013. URL <<http://www.francebenevolat.org/uploads/documents/3e656ec9e424ae9e724ba0187045eb04c5da478b.pdf>>

³ О волонтерах: о помогающем поведении и добровольческой деятельности // Фонд «Общественное мнение». База данных ФОМ. 2013. URL <<http://fom.ru/obshchestvo/10927>>.

2003. Vol. 14, No 2, PP. 167-187. URL < <http://link.springer.com/article/10.1023%2FA%3A1023948027200>>.
5. Kocka J. The Use of Comparative History / Societies Made up of History: Essays in Historiography, Intellectual History, Professionalizations, Historical Social History, and Proto-Industrialization / edited by Bjork R. and Molin K. Stockholm. 1996. PP. 197-209.
  6. La situation du bénévolat en France en 2013. France bénévolat. Du cœur à l'action. 2013. URL< <http://www.francebenevolat.org/uploads/documents/3e656ec9e424ae9e724ba0187045eb04c5da478b.pdf>>.
  7. Lor P. International and Comparative Librarianship, Chapter 4, draft 2011-04-20. URL < <http://pjl.org.files.wordpress.com/2010/06/chapter-4-draft-2011-04-20.pdf>>.
  8. Study on Volunteering in the European Union. Country Report France. URL: <http://ec.europa.eu/citizenship/pdf/national_report_fr_en.pdf>.
  9. Tchernonog V., Vercamer J. Les associations entre mutations et crise économique : Etat des difficultés // Associations et Fondations, 2012.
  10. Weisbrod A. B. The Nonprofit Economy. Harvard University Press, 1988.
  11. Wilson J. Volunteering // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26, PP. 215-240. URL <<http://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.soc.26.1.215>>.
  12. Барсукова С. Ю., Карачаровский В. В. Неформальные структуры в организациях как феномен и ресурс управления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. № 3. С. 99-115.
  13. Киселева Т. Г. Исследование доминирующей мотивации к участию в добровольческой деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2(2). С. 44-48. URL: <http://vestnik.yspu.org/releases/2013_2pp/14.pdf>.
  14. Косова У. П. Мотивация волонтерской деятельности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2(20). С. 123-127.
  15. Локтионова Т. А. История возникновения и становления волонтерства в России // Молодой ученый, 2012. №8. С. 267-269. URL : <<http://www.moluch.ru/archive/43/5210/>>.
  16. О волонтерах: о помогающем поведении и добровольческой деятельности // Фонд «Общественное мнение». База данных ФОМ. 2013. URL <<http://fom.ru/obshchestvo/10927>>.

Е.А.Конобеева (НИУ ВШЭ)

ПРОИЗВОДСТВО СМЫСЛОВ В РАБОТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: СЛУЧАЙ ПОЧТЫ РОССИИ

Предпосылки и проблемная ситуация

«Взять почту, телефон, телеграф!»

Именно такую форму приобрела уже теперь крылатая фраза В.И. Ленина о первых обязательных условиях успешного восстания. Несмотря на то, что непосредственно почтовая отрасль и отделения не упоминаются в оригинале послания¹, значимость национального почтового оператора переоценить действительно сложно – почта обеспечивает коммуникацию, распространение и перемещение материальных объектов, обмен сообщениями и массу других непрофильных услуг.

Федеральное Государственное Унитарное Предприятие (ФГУП) «Почта России» со времени своего основания в 2002 г. пережило уже три масштабных реорганизации, последняя из которых продолжается и в настоящий момент. Одной из основных целей текущей трансформации выступает коммерческий успех предприятия. И для этого предусмотрены такие шаги, как развитие потенциально прибыльных блоков логистики и посыльного бизнеса, создание «почтового банка», акционирование организации, а также многое другое. Тем не менее, одним из первых этапов на пути реорганизации стало обновление руководства компании.

¹ «...Чтобы непременно были заняты а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции...». В.И. Ленин, «Советы постороннего». Газета "Правда", 7 ноября 1920 г №250. Электронная версия издания: <http://www.marxists.org/russkij/lenin/works/lenin006.htm>

С приходом команды топ-менеджеров с богатым опытом работы на различных рынках в значительной мере обновился и состав среднего руководящего звена, а также специалистов. При этом постепенно сложилась ситуация напряжения между «новыми» и «старыми» сотрудниками: новое руководство проводило реформы в соответствии со своим видением эффективной бизнес-организации, а «старые» исполнители данных реформ не всегда имели и получали представление о том, куда и зачем организация движется, и почему вчера было важно доставлять отправления и обслуживать население, а сегодня – зарабатывать деньги.

Поворот от обслуживания интересов государства и жителей к коммерческой успешности не является вехой развития исключительно российской почты. Так, неэффективность американской USPS до реформы 1970 г. объяснялась тем, что почта в принципе не подходила под определение экономически рациональной и эффективной организации. Она имела другую логику функционирования и другие цели: демократические права пользователей услуг, национальный суверенитет, стратегическую важность почтовых сообщений между частями страны и т.п. Максимизация прибыли **не** входила в эту задачу [Biggart N. W. 1977].

Другая концепция, объясняющая трансформацию британской Royal Mail, предполагает, что одним из наиболее острых вопросов в дискуссии о ее приватизации и реструктуризации стала «неработоспособная миссия организации», которая требовала соединения *двух миров*: коммерческого, с упором на рентабельность бизнес – процессов; и социального, с задачами обеспечить связь и коммуникацию между всеми членами сообщества. [Ellis S. 1998].

Еще одна интерпретация сложностей выбора между «коммерческой» и «социальной» ориентацией обращает внимание на социальное и политическое значение почты. Так, в послевоенной Японии, почтальоны и сотрудники отделений получили большое влияние в локальных сообществах, что позволило им выстроить политическую сеть и оказывать косвенное влияние на мнение электората. [MacLachlan P.L. 2004; Goydke T. 2009].

С учетом сказанного, противопоставление «финансовая – социальная» не является ключевым и для Почты России и понимания ее реорганизации, однако оно является существенным для интерпретации того, как повели себя в этой ситуации сотрудники и как это стало отражаться на дальнейшей работе организации.

По различным экспертным оценкам, одними из основных причин финансовой неэффективности Почты являются избыточность сети отделений и низкий доход на отделение¹. Для решения этих проблем, созвучно выводам Н. Биггарт, Почте нужна сильная вертикаль власти и не старая почтовая администрация, а команда эффективных управленцев от бизнеса².

После описанного прихода Д.Страшнова такая «команда» стала постепенно стягиваться на Почту из бывших сотрудников TELE-2 – Россия, Сбербанк РФ, ООО Yota, работников банковской сферы, а также других коммерческих организаций. Обновлен был также весь состав заместителей генерального директора, большая часть менеджеров формально или де факто понижена в должностях, а новые сотрудники встроились в организацию уже на совершенно иных условиях и позициях.

«Новая команда» стала активно продвигать новые ценности: эффективность, проактивность, самоотдачу на работе, ориентацию на результат. Впервые на официальном уровне было предложено ввести Key Performance Indicators (KPIs) для мониторинга деятельности сотрудников и подразделений, в штате появились специалисты нового профиля - аналитики, консультанты, разработчики бизнес-процессов, «бизнес-партнеры» в различных областях. Нельзя сказать, что эти ценности прежде отсутствовали, однако сложилось так, что почта «привыкла быть госкомпанией и отвечать перед государством, а не клиентом»³, а это не всегда совпадает с представлениями об эффективности [коммерческой организации].

¹ Это связано с числом отправок на человека, которое в России составляет 14,7, в то время как даже в Беларуси это 52 отправления, а в ведущих по этому показателю Лихтенштейне и Швейцарии – 915 и 705 отправок на человека, соответственно

² Из выступления разработчиков стратегии развития «Почты России» на мастер-классе Business Consulting Group 25.03.14 на Экономическом факультете МГУ

³ Из выступления разработчиков стратегии развития «Почты России» на мастер-классе Business Consulting Group 25.03.14 на Экономическом факультете МГУ

Постепенно стало давать знать о себе напряжение между «новыми» и «старыми» сотрудниками. Если вновь пришедшие исходили в действиях из своего опыта работы на рынке, то более знающие ориентировались на то, «как оно здесь на Почте устроено». А поскольку при обновлении кадров разрушилась существенная доля неформальных связей и большая часть сотрудников со специфическим знанием процессов «вымылась» из организации, многие процессы замедлились, по части вопросов возникла ситуация неопределенности. И чем удаленнее по цепочке исполнители находились от Аппарата Управления (АУПа), тем выше могла быть эта неопределенность.

Согласно К.Вейку, в ответ на существующую неопределенность [uncertainty] и двусмысленность [ambiguity] деятельности индивиды стараются «придавать смысл» событиям и решениям [sensemaking]. В рассматриваемом случае процесс осложняется тем, что АУП не только территориально удален от непосредственных клиентов, но и не всегда представляют себе происходящее и производственный процесс на местах. Сотрудники же отделений не всегда понимают политику управления, и решения «начальства» иной раз принимаются на веру (что отдаленно напоминает описанную Л.Смит форму сосуществования двух почтовых «миров» - «офиса» и «производства» [Smith, L.T. 2004]). И у тех, и у других существует некий «собираемый образ» другого, а прецедентов личного взаимодействия крайне немного. Поэтому устройство коммуникации и наделение происходящего смыслом – важный сюжет, позволяющий понять внутреннюю кухню организации и самого процесса реорганизации.

В «Процессе организации и производстве смыслов» К. Вейк с коллегами указывают на то, что производство смыслов отвечает на два вопроса: «какова история?» [what's the story?] и «что теперь?» [now what?]. Ответ на первый заключается в рефлексии и ретроспективном анализе опыта взаимодействия в конкретных ситуациях, ответ на второй – в артикуляции текущих действий и в предположениях о будущем, о прояснении ситуаций по мере действований [Weick, K. E., Sutcliffe, K. M., Obstfeld, D., 2005]. «Sensemaking» относится к взаимосвязи действий участников [interplay of action] и их интерпретациям, а не к влиянию оценки этих действий на дальнейший выбор участников. Актеры «производят смыслы» не только в непосредственной ситуации выбора, но при любом взаимодействии, хотя при изменениях внешней среды эти процессы легче уловить и пронаблюдать [Weick, 1995].

Согласно исследованию Д.А. Джойи и Дж.Б. Томаса, ориентация на будущий образ компании является одним из основных источников формирования идентичности сотрудников, их действий и ожиданий [Gioia D.A., Thomas J.B. 1996]¹. «Правдоподобное, привлекательное или даже в чем-то идеалистическое представление об организации в будущем должно помочь сотрудникам представить весь процесс и масштаб изменений и подготовиться к изменениям среды и принятию руководством стратегических решений. Если о стратегических переменных говорить в сослагательном наклонении, естественным образом складывается ситуация, когда в своих словах и мыслях люди ориентируются на будущее время, а организация может выглядеть более гибкой и способной к изменениям, чем она в действительности является» [Gioia D.A., Thomas J.B. 1996].

Помимо сказанного выше, произведенные смыслы и сам процесс являются неотъемлемой частью социализации новых сотрудников, позволяющей справиться с эмоциями и объемами информации на «входе» в организацию [Louis M.R., 1980; Reichers, A. E., 1987]. С данной точки зрения ориентация на идеальный образ Почты, выстраиваемый каждой вновь пришедшей командой, задает тон организации и внутренним процессам, при этом не всегда с отсылками к предыдущему опыту (подробнее об этом будет сказано в части анализа).

С учетом того, что за описанные нами двенадцать лет Почта пережила три смены команд, достаточно актуальным является вопрос, каким образом ее сотрудники социализируются и решают для себя «какова история?» и «что теперь?». Постоянно происходящее переопределение ситуации, задаваемое новыми руководителями, ставит исполнителей нововведений в шаткое положение, когда старые правила могут уже не работать, а новые еще не вступить в силу. Это снова возвращает нас к необходимости анализа на микроуровне и более детального разбора происходящих изменений.

---

¹ При этом авторы оставляют открытым вопрос, что первично в отношении будущего для организации, формирование нового представления у сотрудников или формирование идентичности

Эмпирическая база исследования

Вследствие множества таких факторов, как специфика эмпирического объекта и интересующих исследователя данных, возможности доступа в поле и личных предпочтений автора, основным методом сбора данных было выбрано включенное наблюдение (также дополнявшееся проведением интервью и анализом документов). Наблюдение проводилось в Дирекции маркетинга АУП Почты России (в дальнейшем – Департаменте маркетинга и развития бренда) на позиции главного специалиста.

Вход в поле осуществлялся следующим образом: на этапе работы над концептуальной рамкой исследования появился проводник в организации, порекомендовавший подать резюме на официальную позицию; через общение с руководителем и несколько собеседований было получено предложение о работе. С 13 по 19 июня была пройдена практика в почтовом отделении, а с 20 июня 2013 г. – началась работа в качестве сотрудника Дирекции Маркетинга Аппарата Управления ФГУП «Почта России». Так, сроки проведения исследования можно определить как период 06.2013 – 09.2014. Время наблюдения, соответственно, совпадало с рабочим временем на данной должности (в большинстве случаев, 9.00 – 18.00).

Поскольку заход в поле оказался максимально приближен к формальной процедуре найма, специфической рабочей легенды не потребовалось. Руководители и заинтересованные лица¹ были поставлены в известность, что исследователь занимается изучением работы почтовых организаций и реформированием Почты России в частности. Тем не менее, вопрос степени открытости – закрытости наблюдения, а также баланса между ролями участника и наблюдателя является достаточно актуальным и представляет собой совершенно особый сюжет, который мы вынуждены оставить за рамками данной статьи.

Для сбора данных использовались дневник, фотографии и аудиозаписи. Большая часть информации на первоначальном этапе записывалась в качестве полевых заметок, которые перечитывались и анализировались для выделения «фокусов» наблюдения. Также анализировались и просматривались доступные документы и проводились интервью в свободной форме с действующими и бывшими работниками структурного подразделения (всего было проведено 12 интервью). Полученные в дневниках и интервью данные использовались и обрабатывались с помощью открытого и осевого кодирования в соответствии с фокусами наблюдения.

В результате автором сделаны следующие выводы:

1. Несмотря на то, что почта выступает «столкновением интересов», тон в ее реорганизации всегда задает стоящее выше Министерство (которое иной раз мыслится как абстрактное). Далее выбранные агенты экстраполируют изменения и новые взгляды до нижних уровней

2. Почта «балансирует» между государственностью и коммерцией, убыточностью и доходностью, специфичностью и типичностью. Это не простые комбинации, можно предположить существование двух больших представлений: о Почте – как государственной, убыточной и специфической, и как о вполне обычной компании, которую можно «окоммерчить» и сделать доходной. Отсутствие единого видения, особенно на этапе изменений, порождает *неопределенность* и *двусмысленность*

3. Сложившаяся структурная «двойственность» привела к сложностям в интерпретациях сотрудниками разных уровней действий друг друга; часть внутренних процессов «рассыпалась» - по-старому работать было нельзя, а по-новому еще никто не понял, как

4. Почта объединяет в себе множество разрозненных частей, которые живут, работают и что-то производят независимым друг от друга образом, а иногда и напрямую могут мешать друг другу в реализации целей и задач

5. Едва ли не единственным, в чем все сотрудники согласны, является необходимость сохранения и возвращения доверия населения Почте, поскольку лишь оно способно удержать вместе социальную направленность деятельности почты и ее новую коммерческую ориентированность; если его не будет и Почта не восстановит качество базовых услуг, о других рынках можно не задумываться

---

¹ В данном случае все те, кто как-либо был затронут в рамках наблюдения

Список литературы:

1. Biggart N. W. 1977. The creative-destructive process of organizational change: The case of the post office. *Administrative Science Quarterly*, pp. 410-426.
2. Ellis S. 1998. A new role for Postal Service: an investigation into issues behind strategic change at Royal Mail. *Total Quality Management*, Vol. 9, No 2-3, pp. 223-234
3. Gioia D.A., Thomas J.B. 1996. Identity, Image, and Issue Interpretation: Sensemaking During Strategic Change in Academia. *Administrative Science Quarterly*, Vol. 41, No. 3, pp. 370-403
4. Goydke T. 2009. The transformation of Japan Post into a global player. *Asia Pacific Business Review*, Vol. 15, No. 3, pp. 347–368
5. Louis M.R. 1980. Surprise and Sense Making: What Newcomers Experience in Entering Unfamiliar Organizational Settings. *Administrative Science Quarterly*, Vol. 25, No. 2, pp. 226-251
6. Maclachlan P.L. 2004. Post Office Politics in Modern Japan: The Postmasters, Iron Triangles, and the Limits of Reform. *Journal of Japanese Studies*, Vol. 30, No. 2, pp. 281-313
7. Reichers, A. E. 1987. An interactionist perspective on newcomer socialization rates. *Academy of management review*, 12(2), 278-287.
8. Weick, KE 1995, Sense-making in organizations, Sage Publications
9. Weick K. E. 2012. Organized sensemaking: A commentary on processes of interpretive work. *Human Relations*, 65(1), pp. 141-153.
10. Weick, K. E., Sutcliffe, K. M., Obstfeld, D. 2005. Organizing and the process of sensemaking. *Organization science*, Vol. 16 No. 4, pp. 409-421

А.С.Смирнова (НИУ ВШЭ)

УСЛОВИЯ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ ГРАЖДАНСКОГО (НЕ)УЧАСТИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ИНТЕРВЬЮ С ЖИТЕЛЯМИ Г. КАЗАНИ)

В рассуждениях о российском гражданском обществе встречаются различные позиции о гражданском участии, ведении активной общественной жизни. С одной стороны, некоторые исследователи признают деструктивность различных элементов от низкого благосостояния, подлинно не институционализированных демократических отношений, сочетания традиционализма массового сознания в сложной обусловленности социальными реалиями и тенденциями разрыва социальных связей, и вместе с тем кризиса гражданской идентичности по причине разочарования в возможности проявления гражданской активности. С другой стороны, в фокусе исследования оказываются и примеры солидаризирующих практик, изучается потенциал развития индивидуальных и коллективных инициатив.

Признавая значимость изучения индивидуального опыта граждан, мы уделили внимание тому, как воспринимаются социально-политические реалии гражданами и как эти восприятия отражаются на их поведении, а именно, включении в гражданские сети взаимодействий – выборе стратегии гражданского участия или неучастия. Объектом исследования явились среднересурсные жители г. Казани (имеющие заработок, находящиеся в трудоспособном возрасте). Предметом – субъективные представления о роли и месте гражданских инициатив в обществе. Действуя в рамках качественной стратегии, мы стремились показать узловые проблемные точки в представлениях.

На основе материалов, полученных в ходе интервью, можно выделить несколько условных групп относительно оценки социополитической ситуации.

Среди тех, кто дает положительные оценки, доминируют суждения о том, что возможности по реализации гражданских прав широки, а те, кто действительно озабочен какими-либо вопросами, будут услышаны. Информантам представляется, что власть препятствия этому со стороны власти минимальны или их нет. При этом информанты не стремятся к каким-либо действиям, признавая, что их все устраивает, часто используются конструкция: «нет, меня это не касается». Деятельность тех, кто стремится принять участие, помочь другим оценивается скорее положительно. Но при этом заметно, что приоритет отдается решениям

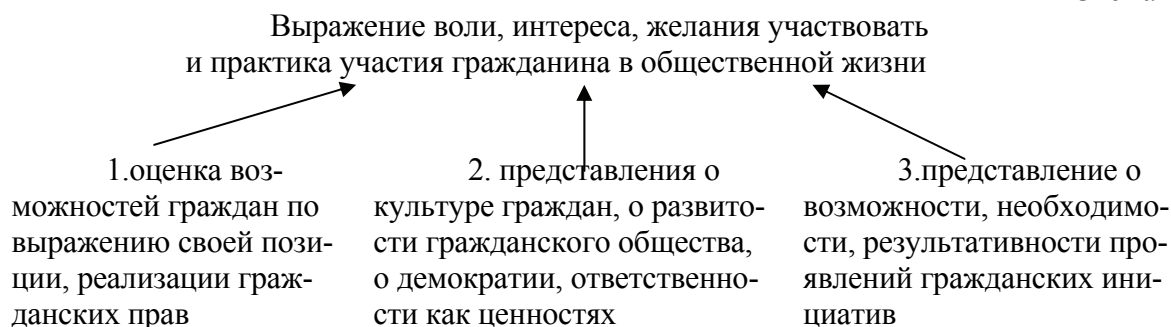
власти, а общественные инициативы относятся в сферу политики, которой должны заниматься уполномоченные лица.

В подгруппе дающих положительные оценки в целом, но рисующих противоречивую картину социально-политической реальности, заметны сомнения в возможности свободного выражения и отстаивания мнений и в необходимости проявлять гражданам свою волю по причине неуверенности в положительном эффекте, а также в отсутствии негативной реакции вышестоящих лиц и органов на общественные инициативы. Среди информантов этой группы участие в общественной жизни минимальное, проявляется в нескольких случаях через помощь бедным, пострадавшим; в рассуждениях о социальной активности заметны такие обороты, как «это просто людям делать нечего».

Резко отличаются суждения тех, кто дает негативные оценки социально-политическому контексту. Можно выделить мысль о том, что власть препятствует развитию гражданского общества, стремится защитить себя, и хотя есть определенные способы воздействия, они не оказываются эффективными. Информанты, считая, что сложно продвинуть идею отличную от властной, имея негативный опыт, отстраняются от инициатив, в которых затрагивались бы властные интересы. В то же время, выражается надежда на то, что инициативные группы могут повлиять на происходящее, выражается мнение о том, что диалог с властью должен быть, общество должно брать определенную ответственность за происходящее. В целом же, признается, что и само общество не готово к ведению активной гражданской жизни. В связи с этим во многих интервью появлялась тема необходимости повышения уровня и качества жизни. Признавая то, что на микроуровне возможно влиять на происходящее информанты чаще говорят об участии в форме помощи в сборе средств для детей-сирот, бедных, пострадавших. Упомянулось об участии в сборе подписей при подаче коллективных писем, участии в митингах, демонстрациях.

Обобщая полученные интерпретации, можно графически представить условия выбора стратегии гражданского участия (схема 1).

Схема 1.

Мы условно выделяем две доминирующие линии аргументации:

1) негативные оценки возможностей реализации своих прав, представления о том, что другие не поддержат инициативы, что уровень культуры невысок, а для большинства ценностью являются только деньги, а также представление о том, что на общественно важные решения, принятые властью повлиять сложно или невозможно ведет к отказу от активного участия в общественной жизни;

2) положительные оценки возможностей осуществления гражданских прав связаны с доверием власти, одобрения правительственного курса, властных решений, вследствие чего не представляется особенно значимой и нужной деятельностью граждан и их объединений.

Примечательно, что говоря о гражданских инициативах, информанты чаще обращают внимание на сферы, которые интерпретируют как политические, редко говорится о социальных взаимодействиях как не затрагивающих властных интересов.

В большей степени информанты оказываются включенными в деятельность семейных кругов, дружеских, профессиональных, иные социальные связи в большинстве случаев не поддерживают и не стремятся. Особые интерпретации получают идентификации себя как россиян, при которых речь ведется скорее об отношениях подчинения власти, не выражается осознание принадлежности к российскому обществу, проявляется негативное отношение к согражданам, что представляется деструктивным.

САМОПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ФОРМА ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современной социокультурной ситуации функционируют новые средства массовой коммуникации, релевантные новому коммуникационному сообществу - социальные сети или социальные медиа. Они представляют собой симбиоз социальной и технической реальности, призванный удовлетворить коммуникативные потребности людей в сети Интернет.

Аудитория социальных медиа достигла впечатляющих объемов. Есть более чем 845 миллионов активных пользователей Facebook по всему миру. Каждую неделю LinkedIn получает около миллиона новых пользователей, а в Twitter`е публикуют почти два с половиной миллиарда новых сообщений. Ежедневно пользователи Instagram ставят и получают 1,6 миллиардов «лайков» по всему миру, а социальную сеть ВКонтакте посещают более 42 миллионов человек.

Используя в процессе исследования методы группировки, анализа и контент-анализа, а также проведя фокус-группу мы пришли к следующим выводам:

Все цели использования социальных сетей можно объединить в четыре категории: социальные, проведения досуга, профессиональные и поисковые. Ставя перед собой те или иные цели, человек формирует свой образ в онлайн-среде. Расширение формы самопрезентации человека от реальной к виртуальной позволило говорить о новом виде поведения – пользовательском поведении. Особенность электронной среды в том, что пользователь способен управлять своим стилем самопрезентации, который включает в себя стратегии, элементы и также средства самопрезентации.

Поведение пользователей в социальных сетях отражается в том, какие платформы они используют, для каких целей, как вовлечены в генерацию контента и с какой частотой. Анализ данных параметров позволил выделить два ключевых отслеживаемых эмоциональных драйвера вовлечения пользователей в сетевую коммуникацию: контроль и доверие. Эти два фактора легли в основу матрицы пользовательского поведения, где изменение фактора контроля влияет на активность пользователя в социальной сети, а изменение фактора доверия – на участие, или вовлечение в сетевую коммуникацию. С помощью данной матрицы были определены шесть типов он-лайн личностей по типу вовлечения в сетевую коммуникацию: «Новички», «Спрятавшиеся», «Следящие», «Хозяева», «Многоликие» и «Креаторы».

Успешная коммуникация бренда с пользователем в социальной сети требует обеспечения механизмов доверия и контроля, которые потребители могли бы использовать в своих аккаунтах.

Вопрос вовлечения аудитории в сетевую коммуникацию наиболее остро стоит перед печатными СМИ. В связи со снижением спроса к печатной прессе, издатели предлагают новые способы монетизации, к примеру, выпускают версии для планшетов и предоставляют платный доступ к расширенному контенту. Эти изменения определяют контент-стратегии брендов печатных СМИ в социальных сетях.

Анализ контент-стратегии четырех русскоязычных брендов журналов - Esquire, RollingStone, Vogue и Interview - показал, что данные журналы активно представлены в социальных сетях. Цель такого присутствия – демонстрация продукта (журнала) и привлечение аудитории на официальный сайт.

Так как сам по себе материал журналов обладает высоким вирусным потенциалом (цитаты, цифры, фотографии), процесс генерации эксклюзивных постов в социальных сетях достаточно прост. Самая популярная форма публикаций представляет собой ссылку на материалы с официального сайта, лид или анонс и медиафайл (фотография, аудиозапись или видео). Такая форма, в сочетании с эксклюзивностью, обеспечивает вовлечение групп пользователей, которые соответствуют выделенным типам «Многоликих», «Хозяев» и «Следящих».

Несмотря на эффективность существующих контент-стратегий, нельзя сказать, что присутствие брендов в социальных сетях преследует долгосрочные цели.

Тенденции перехода прессы из оффлайн в онлайн среду позволяют предположить, что в ближайшем будущем перед брендами встанут задачи не только монетизации сайтов, но и монетизации аккаунтов в социальных сетях. Для этого брендам журналов придется найти новые формы вовлечения пользователей в коммуникацию в Сети. Такими формами может быть создание рекламного контента на основе коллаборации (взаимовыгодное сотрудничество брендов с целью расширения целевой аудитории), создание отдельных тематических проектов и приложений и т.д.

Развитие социальных медиа идет параллельно распространению Интернета и увеличению его активной аудитории. Совокупность технологических и социальных факторов влияет на поведение пользователей, в соответствии с которым изменяют контент-стратегии брендов в социальных сетях. Поэтому перед контент-менеджерами стоит задача предугадать, какие изменения ждут социальные сети в ближайшем будущем, и как эти изменения можно использовать для продвижения брендов.

А.М.Полякова

«ДАЧНОЕ» ДВИЖЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЦЕСС ДЕЗУРБАНИЗАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ, СИСТЕМА ИНДИКАТОРОВ, ПРИКЛАДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Феномен «дачного движения» далеко не новое явление в истории России. Развитие капитализма в России конца XIX - начала XX вв. (рост городов, радикальные изменения в системе землепользования и землевладения) создало основу для возникновения феномена «дачи», можно сказать, уникального для зарубежного мира. В советское время дача стала экономически важным ресурсом рекреации и пополнения запасов продовольствия для большинства городского населения. В современной России феномен «дачи» не только не исчезает, но, напротив, получает еще более широкое распространение, превращаясь в своего рода «дачное» движение. Дачное движение – весьма многогранное явление. «Дачники» - довольно сложная социальная группа. Ее участники различаются по степени включенности в дачную жизнь, по роду своих базовых профессиональных занятий в городе, по видам использования домохозяйств на дачном участке и другим параметрам (например, социально-психологическим типам, мотивациям).

Данная работа посвящена изучению специфики феномена «дачного движения» на территории Южных регионов России, а именно Волгоградской области. В ее рамках предполагается создание социального портрета и типологизации так называемых «дачников» с использованием критериев «включенность в загородную жизнь» и «вид преобладающих занятий на территории загородных участков». Задачей исследования является выявление роли «дачников» во все более расширяющемся процессе дезурбанизации. Исследование также будет содержать ответ на вопрос: встречаются ли в Южных регионах России наряду с «дачниками», совершающими сезонные миграции и использующими дачный участок для производства сельскохозяйственной продукции, «инфокоммуникационные дауншифтеры», т.е. молодые специалисты интеллектуальных профессий, периодически переезжающие жить в экологически чистые районы, не теряя при этом контактов с городом, которые поддерживаются посредством инфокоммуникаций. Заключительным этапом работы будет определение доли фрилансеров в данной среде.

На сегодняшний день по предварительным оценкам можно сказать, что «инфокоммуникационные дауншифтеры» - явление нетипичное для «дачного движения» в целом. При этом в большей мере оно заявляет о себе в экономически депрессивном регионе Ближнего Севера России с его разреженностью местного населения, деградирующими сельскими поселениями, с одной стороны, и, с другой стороны, огромными массивами экологически чистой и эстетически привлекательной природы. Сочетание этих факторов дает возможность дауншифтерам в наиболее полной мере включиться в загородную жизнь с сохранением своих про-

фессиональных занятий в телеинфокоммуникациях. В научном дискурсе изучением данной проблематики занимается ряд ученых, таких как Н.Е. Покровский, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш¹, работающих в рамках Угорского проекта.

Что касается сел южной России, то они пока еще остаются «полнокровными» в экономическом и демографическом плане и потому не дают многочисленных примеров инфокоммуникационного дауншифтинга. Тем не менее, гипотетически можно предположить, что отдельные кейсы инфокоммуникационного дауншифтинга теоретически могут перерасти в устойчивый тренд. Таков прогностический аспект исследования. Более конкретно исследовательская задача фокусируется на выявлении общей типологии дачников и дополнительной концентрации на присутствии в среде дачников «инфокоммуникационных дауншифтеров». В качестве исследовательского поля определяются несколько сел на территории Волгоградской области, различающиеся по ряду социогеографических параметров: удаленность от областного центра, уровень концентрации дачников, ландшафтно-экологические параметры и др. В качестве контрольной группы будут взяты аналогичные замеры в Костромской области (по материалам Угорского проекта). В исследование используются качественные методы, а именно структурированные интервью (с дачниками и сельскими жителями) и экспертный опрос. Предполагаемое исследование может внести вклад в такие социологические дисциплины, как социальная теория (концепция «клеточной глобализации»), урбанистика (процесс дезурбанизации), социальная экология (роль среды в указанном выше процессе), социология села, *rural sociology* (взаимодействие городских дачников и сельских жителей).

---

¹ Дезурбанизация и природный капитал: миграционные тренды, инфокоммуникация и новые сельские поселения/ Под ред. Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2013. – 291 с.; Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века// Проблемы урбанизации на рубеже веков. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2002. – С. 71-87.

РАЗДЕЛ 6

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИАСФЕРЫ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Ю.Л.Войнилов

(НИУ ВШЭ, Исследовательская группа ЦИРКОН)

МЕДИАСФЕРА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПОПЫТКА ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗРЫВА МЕЖДУ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛЬЮ И ЭМПИРИЧЕСКИМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ

Специалисты в области медиаизмерений, как правило, фокусируют свое внимание на изучении прикладных вопросов. Попытки перейти на более высокий уровень абстракции, который требует более масштабного представления самой медиасферы, сопряжен с определенными рисками.

Так, в комплексных исследованиях медиасферы достаточно сложно осуществить решающий переход с уровня теоретически выделенных параметров ее модели к эмпирически регистрируемым показателям. На теоретическом уровне модель медиасферы может выглядеть вполне обоснованной и полной, однако при переходе к подбору эмпирически измеримых показателей, раскрывающих тот или иной параметр, нередко перед исследовательским коллективом встают серьезные проблемы: как перевести разнородные показатели к единой шкале, одинаково ли важны все показатели в рамках одного параметра или же для них необходимо присвоить различные весовые коэффициенты, корректно ли для одного показателя использовать лишь данные статистики или же их необходимо дополнить данными массового опроса населения, как определить баланс между умеренной стоимостью исследования и его теоретической обоснованностью?

Опыт ряда международных и российских систем индексирования медиа представляется в данном контексте вполне релевантным. Речь идет о разработанной ЮНЕСКО системе индикаторов развития медиа [1], рассчитываемых рядом организаций индексах развития свободы слова [2], деятельности Института развития информационного общества по составлению индекса готовности регионов России к информационному обществу [3], а также проектах компании "ГфК-Русь" "Региональные рекламные рынки" и "Уровень развития Интернета в регионах России" (последний - совместно с Региональным общественным центром Интернет-технологий). Однако в такого рода исследованиях зачастую оказывается непрозрачной сама методика разработки индексов развития медиа.

В данном докладе будут изложены результаты аналитической работы исследовательской группы, занимавшейся разработкой модели оценки состояния институционального состояния СМИ в регионах РФ¹. В ходе работы была утверждена трехуровневая модель, которая включает в себя аспекты (первый уровень деления), параметры (второй уровень деления), показатели (третий уровень деления).

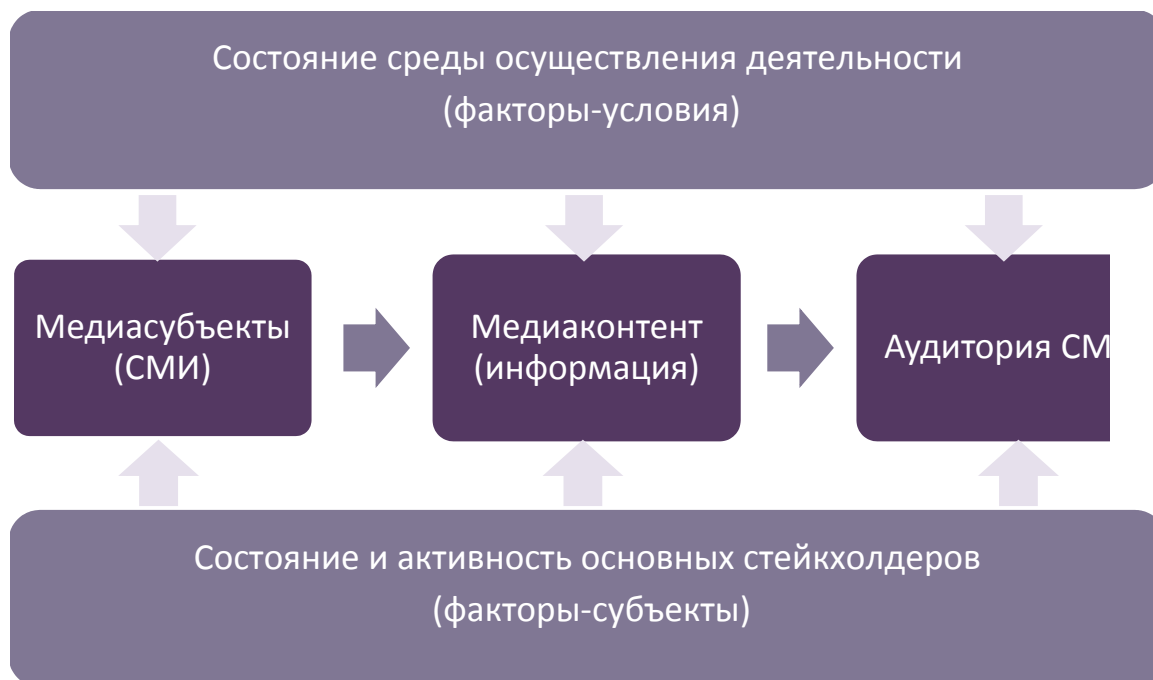
Процесс разработки операциональной модели может быть разделен на несколько ключевых шагов, каждый из которых соответствует определенному уровню детализации базового понятия.

Первый шаг связан с выделением ключевых *аспектов*, которые должны выражать саму концепцию институционального развития СМИ в регионе. В качестве таковых были выделены 5 следующих аспектов: медиасубъекты (СМИ), аудитория СМИ, медиаконтент (информация), взаимодействие с основными институтами (стейкхолдерами), среда осуществле-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Разработка методики измерения институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ» при поддержке Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив.

ния деятельности. Первые три аспекта отражают наиболее упрощенную модель коммуникации[4], два последних дают возможность охарактеризовать условия, в которых осуществляется данная коммуникация. Выделение сразу двух аспектов, характеризующих условия, связано с необходимостью избежать смешения данных, имеющих принципиально разную природу (генезис) (см. Рис. 1).

Рис. 1. Аспекты медиасферы

В дальнейшем для каждого из выделенных аспектов был разработан набор **параметров**, позволяющих оценить некоторые качества аспекта, значимо влияющие на состояние медиасферы в регионе. В целом в ходе работ было выделено 20 параметров, являющихся вторым уровнем операционализации базового понятия. Данные параметры представляют собой результат в большей степени аналитической работы. В силу специфики проводимого исследования они не могут быть соотнесены с аналогичными разработками, применяемыми в схожих исследованиях. Сводный набор параметров оценки представляет собой оригинальный интеллектуальный продукт, задающий формат для расчета промежуточных индексов развития медиасферы в регионе.

Третий уровень разрабатываемой модели включает в себя спектр конечных **показателей (индикаторов)**, наполняющих каждый из параметров оценки, и имеющий реальное или потенциальное эмпирическое воплощение. Индикаторы отличаются по характеру данных, которые они фиксируют. В соответствии с этим можно выделить 4 основных группы индикаторов: а) получаемых на основе вторичного анализа статистических данных из открытых источников, б) получаемых на основе экспертной оценки, в) получаемых на основе массового опроса населения г) получаемых на основе контент-анализа публикаций в СМИ.

Такой разнородный набор индикаторов разной природы (методология социологической «триангуляции») позволяет получить адекватное представление состоянию институционального развития СМИ в регионе. При этом разнородность индикаторов является одновременно как наиболее сильной, так и уязвимой стороной разрабатываемой модели. Уязвимость заключается в том, что, например, проведение массового опроса является достаточно затратной процедурой в финансовом и временном бюджете исследования. Однако необходимо учитывать, что некоторые параметры оценки не могут быть адекватно охарактеризованы лишь через обращение к данным из открытых источников. Отсюда возникает необходимость использовать массовые опросы населения, как единственный метод получения уникальных данных об аудитории и медиаконтенте СМИ в регионах.

Представленная модель на уровне показателей была подвергнута экспертизе. В ходе экспертизы прототипа модели эксперты должны были оценить каждый из 148 индикаторов по двум критериям: важности – насколько тот или иной индикатор важен для оценки состояния медиасферы в субъектах РФ – и валидности – насколько адекватным является способ измерения конкретного индикатора. Полученные оценки были внесены в матрицу для обработки данных.

Однако простой механический отбор индикаторов на основании оценок экспертов в данном случае нецелесообразен. Есть высокий риск деформирования изначальной структуры модели при механическом отборе индикаторов. Потому при отборе индикаторов для финальной модели разумно использовать несколько дополнительных критериев, помимо оценок экспертов.

В целом, при отборе индикаторов для итоговой модели наиболее важными являются следующие 4 критерия:

1. Индикаторы должны получить от экспертов высокие оценки своей важности;
2. Индикаторы не должны иметь низких оценок своей валидности;
3. По поводу важности и валидности индикаторов не должно быть высокой рассогласованности среди экспертов;
4. В итоговую модель должны войти те индикаторы, которые, по возможности, позволят сохранить структуру из 20 параметров оценки

Таким образом стоит подчеркнуть, что результаты экспертизы дают лишь общие основания для модификации модели, но определяют однозначно ее конечный вид. За рамками экспертизы остаются вопросы, связанные с определением практической применимости конечной модели.

Применимость модели, в свою очередь, определяется тем, насколько реально провести оценку региона по той организационной схеме, которая в неявной форме заложена в модель. Речь идет о том, что структура, основанная на выстраивании модели «сверху-вниз» (от аспектов к параметрам, от параметров к индикаторам) несколько затеняет другой возможный способ упорядочивания индикаторов. Они могут быть рассортированы не только по своей принадлежности к тому или иному параметру, но и по способу измерения индикаторов. В этой связи можно говорить о реструктурировании модели «снизу-вверх» с учетом того, что индикаторы могут быть объединены в 4 основных категории: статистические данные, данные массовых опросов населения, данные экспертных опросов, данные контент-анализа.

Сортировка индикаторов по категориям дает возможность увидеть насколько применимой окажется конечная модель. Дело в том, что индикаторы, принадлежащие к разным категориям, имеют разную стоимость своего измерения. Так, не обращаясь сейчас к точным оценкам, можно сказать, что наиболее дорогостоящим является измерение индикаторов, которые относятся к категории массовых опросов. Наиболее экономичными являются индикаторы из категории статистики. Некоторое промежуточное положение занимают индикаторы из категорий экспертных опросов и контент-анализа. В зависимости от того, в каком соотношении окажутся индикаторы из разных категорий, конечная модель оценки состояния медиасферы будет более или менее применимой.

Так, преобладание в конечной модели индикаторов, измеряемых в массовом опросе, делает модель трудно применимой в силу того, что она выйдет чрезвычайно дорогостоящей для реализации на практике. Вместе с тем, если исходить исключительно из стремления сделать процедуру оценки регионов максимально экономичной – использовать лишь данные статистики – может привести к искажению параметризации модели, то есть отсечения ряда параметров. В следствие этого будет возможно рассчитать лишь очень небольшое количество субиндексов, тогда как для расчета значительной их части просто не будет иметься необходимых данных.

В ходе доклада будут подробнее изложены процедуры оценки показателей, приведены их результаты в формате таблиц оценок, представлен прототип модели оценки состояния развития медиасферы.

Источники:

1. Media Development Indicators: A Framework for Assessing Media Development. - Paris: UNESCO, 2010.
2. Burgess J. Evaluating the Evaluators. Media Freedom Indexes and What They Measure. - Washington, 2010.
3. Индекс готовности регионов России к информационному обществу. 2009-2010. – М.: Институт развития информационного общества, 2011.
4. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации – Санкт-Петербург: Издательский дом «Питер», 2011

И.В.Задорин

(Исследовательская группа ЦИРКОН)

РЕКОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «МЕДИАГРАМОТНОСТЬ»

Аннотация:

В современном мире, все более становящимся «информационным», развитие любой страны во многом определяется тем, насколько ее граждане готовы и способны работать с информацией и ее различными источниками. Совокупность знаний, умений и навыков, характеризующая индивида с точки зрения его компетентности в области использования информации и различных медиа, называется медиаинформационная грамотность (или просто медиаграмотность).

Ясно, что уровень медиаграмотности населения страны является крайне важным показателем развития и дифференциации общества, и его пытаются измерять в разных странах и иных локализациях. К настоящему моменту разработаны подробные методики измерения медиаграмотности, в том числе методика ЮНЕСКО [1], методика National Association for Media Literacy Education США [2]. В России с 2009 года в рамках частно-государственного партнерства ведется мониторинг медиаграмотности населения по оригинальной методике, разработанной в группе ЦИРКОН, включающей в себя около 30 показателей [3]. Известна также методика, разработанная Фондом развития Интернета [4].

В целях повышения конкурентоспособности российской медиаотрасли и уровня осведомленности гражданами современных средств массовой коммуникации, предполагается разработать комплексные меры по повышению уровня медиаграмотности населения. При этом следует учитывать, что само понятие «медиаграмотность», как и составляющие его показатели, трансформируются в связи с развитием информационных технологий и изменением социальных практик обращения с медиа, что актуализирует потребность в ревизии и пересмотре некоторых компонент концепции медиаграмотности, ранее использовавшихся при ее измерении (с 2009 года).

В связи с этим возникла необходимость провести работу по формированию модифицированного операционального определения понятия медиаграмотности и обновленного набора ее индикаторов, чтобы затем иметь возможность адекватно оценить текущий уровень медиаграмотности населения России.

Это стимулировало проведение работ по реконцептуализации понятия медиаграмотности и по новой оценке динамики показателей медиапотребления и медиаграмотности населения.

В ноябре 2014 года по заказу Минкомсвязи РФ Исследовательская группа ЦИРКОН провела реконцептуализацию понятия «медиаграмотность» и ревизию его компонент (отдельных параметров). Процедура включала в себя три этапа:

1) Проведение анализа опыта разработок аналогичных критериев и методик в России и за рубежом.

2) Формирование расширенного списка параметров, которые могут быть включены в методику измерения медиаграмотности, на основе интегрирования показателей из разных источников.

3) Проведение экспертной оценки целесообразности включения в методику параметров из расширенного списка, а также значимости и валидности различных групп параметров.

В экспертизе расширенного набора показателей приняло участие более 10 известных и высококвалифицированных специалистов.

В итоге были сформированы модифицированное операциональное определение понятия медиаграмотности и обновленный набор ее индикаторов. Данный набор лег в основу инструментария массового опроса российского населения, в рамках которого был осуществлен очередной тур измерения уровня медиаграмотности россиян.

Одним из результатов реконцептуализации понятия стало увеличения веса таких показателей, которые характеризуют уже не умение эффективно искать и находить необходимую информацию (приоритетные индикаторы медиаграмотности в методике 2009 года), а умение обезопасить себя от вредоносного и избыточного контента.

В итоговом докладе по результатам проекта будут представлены данные как предварительной экспертизы набора показателей медиаграмотности, так и данные очередного тура измерения ее уровня в России.

Литература:

1. Московская декларации о медиа- и информационной грамотности от 28 июня 2012 г. / Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», электронный ресурс, URL: <http://www.ifapcom.ru/ru/news/1347>

2. Literat I. Measuring New Media Literacies: Towards the Development of a Comprehensive Assessment Tool / The National Association for Media Literacy Education's Journal of Media Literacy Education Volume 6: Issue 1, pp. 15-27.

3. Текущее состояние и перспективы медиаграмотности населения РФ на основе национального мониторинга медиаповедения // Исследовательская группа ЦИРКОН, 2013 / электронный ресурс, URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/548/Monitoring_Mediagramotnosti_2013.ppt

4. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. — М.: Фонд Развития Интернет, 2013. — 144 с.

5. Гендина Н.И. Информационная и медиаграмотность в России: результаты исследования, выполненного по заказу ЮНЕСКО / Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Медиа- и информационная грамотность в информационном обществе» 25-26 апреля 2013 г.

6. Медийная и информационная грамотность: программа обучения педагогов / Под ред. А. Гриззл, К. Уилсон, ЮНЕСКО, 2012 / Пер.: Е.Малявская, науч. ред. русского издания: Н.И.Гендина С. Г. Корконосенко. - 200 с.

7. Цифровое будущее. Каталог навыков медиа- и информационной грамотности. — М., Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества (МЦБС), 2013. — 68 с.

8. Информационная грамотность и медиаобразование для всех / Электронный ресурс, URL: <http://www.medigram.ru/>

РАЗВИТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В РОССИИ

Словосочетание "социальные сети" получило в последнее время широкое распространение не только в кругах исследователей-социологов, но и в обыденной жизни и особенно активно в дискурсе СМИ. Однако в это словосочетание нередко вкладывается совершенно другой смысл по сравнению с тем, который сложился в социологии. Б.Латур указывает: «Слово «сеть» имеет настолько двусмысленное значение, что нам следовало бы давно от него отказаться»¹.

Существует множество подходов к исследованию социальных сетей, среди которых выделим следующие: социальная сеть как базовая структурная единица общества; как совокупность связей между элементами какой-либо общественной единицы; как «инструмент, помогающий в описании чего-то другого»². При этом ничего общего с такими явлениями сегодняшнего дня как «ВКонтакте» и «Facebook» данные подходы не имеют. Более того, полностью омонимичное в России понятие, относящееся к веб-сайтам, в англоязычном варианте все-таки имеет несколько иное название: *social network services* – дословно "*сервисы социальных сетей*". Так как в данной работе нам важны оба явления – и социальные сети в традиционном социологическом понимании, и веб-сайты – мы вынуждены разграничить определения. Далее, говоря о веб-сайтах с сетевой архитектурой, мы будем употреблять термин «*веб-сервисы социальных сетей*»; говоря же о тех или иных социальных явлениях (связях, структурах, инструментах – в зависимости от подхода), мы оставим термин «*социальные сети*».

Интерес к социальным сетям как явлению возник в 1920-1930-е гг., хотя конкретное определение было дано лишь в 1954 году Дж. Барнсом в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе»³. Барнс, исследовавший общественную структуру Бремнеса, – города на западе Норвегии – определил социальную сеть как поле (field), где у каждого человека есть друзья, которые, в свою очередь, имеют других своих друзей. «Картина, которая мне представляется, это набор точек, некоторые из которых соединены линиями. Точки на картине – люди или группы, линии же обозначают людей, взаимодействующих друг с другом. И мы, конечно же, можем воспринимать всю общественную жизнь как непрерывное образование сетей такого рода»⁴.

Однако еще до Дж. Барнса в 1921 г. о социальных сетях упоминает У. Липпман в своей работе «Общественное мнение», определяя их (social sets) как круг людей, чье одобрение является для нас важным.⁵ Примечательно, что в русской версии (в переводе Т. В. Барчуновой) выражение social set переведено и как «социальная сеть», и как «социальный круг». Каждый член той или иной сети (которая часто представляла собой семейный круг) воспитывался в соответствии с представлением этой сети о себе самой. «Каждая социальная сеть достаточно ясно представляет свое положение в иерархии социальных сетей. Связи между сетями одного уровня устанавливаются легко; индивиды из одной сети быстро получают доступ в другую; прием гостей считается делом нормальным и необременительным. Но при контактах между сетями разного уровня всегда возникают взаимная неловкость – вроде слабого недомогания – и осознание различия»⁶. Таким образом, мы получаем картину, где социальные сети/круги, расположенные одни над другими, практически не связаны вертикально, но имеют многочисленные связи по горизонтали.

Идею связности кругов («социальных атомов») мы впервые встречаем у основателя социометрии Я. Л. Морено. Каждый человек, по его мнению, включен в собственный «соци-

¹ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом "Высшей школы экономики", 2014. С. 182.

² Там же. С. 184.

³ Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. 1954. № 7. P. 39–58.

⁴ Ibid. P. 43.

⁵ Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. С. 69.

⁶ Там же. С. 69.

альных атом» – «ядро эмоционально связанных друг с другом индивидов».¹ Этот «социальный атом», ядро отношений, окружающее человека, является наименьшей социальной структурой сообщества (как части общества). При этом «социальные атомы» существуют не отдельно, и не в вертикальной иерархии, а в тесной взаимосвязи, поскольку могут включать одних и тех же индивидов, а значит, пересекаться. В результате образуются сложные цепи отношений – психологические сети, которые, в свою очередь, становятся частью "психологической географии" сообщества и, дальше, общества².

Веб-сервисы социальных сетей

Уточним, какой круг объектов описывает термин "веб-сервисы социальных сетей". Сегодня под веб-сервисами социальных сетей обычно понимаются сайты такого рода, как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook», «Instagram», «Twitter» и др. Причем, зачастую, к этому кругу объектов также относят сервисы блогов (например, «LiveJournal») или видеохостинга (например, «YouTube»). Одной из главных особенностей всех перечисленных сервисов является создание сети равноправных пользователей, где каждый имеет собственную личную страницу – "профайл" – и потенциально способен устанавливать неограниченное количество связей с другими пользователями.

Веб-сервисы социальных сетей в современной социокультурной ситуации насчитывают большое количество пользователей. По данным ВЦИОМ, в 2012 году в них было зарегистрировано более 82% российских пользователей интернета³. За сравнительно короткое время они стали важной составляющей жизни общества и начинают оказывать влияние на многие социальные процессы. По мнению Б. Латура, тотальная цифровизация привела к тому, что веб-сервисы социальных сетей становятся все менее виртуальными и все более материальными⁴.

По сути, веб-сервисы социальных сетей представляют собой адаптированную для интернета и расширенную версию социальных сетей - первые тоже состоят из связанных и взаимодействующих между собой акторов. Но интернет предоставляет возможность связаться с любым незнакомым человеком (установить новую связь), если тот также пользуется сетью. По мнению американского исследователя *даны бойд*⁵, веб-сервисы социальных сетей можно определить по совокупности следующих характеристик: они позволяют создавать публичные или полупубличные профили внутри границ собственной системы, открывать список пользователей, с которыми уже установлены связи, и, благодаря открытым спискам, устанавливать новые связи внутри системы⁶. Веб-сервисы социальных сетей – это специализированные веб-сайты, структуру которых можно также представить в виде взаимосвязанных и взаимодействующих между собой акторов. Взаимодействие в этом случае может быть выражено в виде обмена сообщениями, публикации фотографий, цитат, заметок, новостей и т.д. на собственную страницу и дальнейшего их *репоста* (копирование и «перепубликование» материала другими акторами на своих страницах).

Таким образом, в качестве веб-сервиса социальной сети сегодня может быть рассмотрено практически любое сообщество в сети Интернет, пользователи которого имеют возможность общения на форуме (чате, конференции) или ведут собственные блоги. Нас же, ввиду особой популярности в России, интересуют сервисы «ВКонтакте» и «Facebook», которые схожи по своей функциональности, но при этом имеют различную специфику использования.

---

¹ Морено, Я. Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический Проект, 2001. С. 117.

² Там же. С. 75.

³ Россияне «в Сети»: рейтинг популярности социальных медиа // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1951. 13.02.2012. [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112476>. (дата обращения: 02.12.2014).

⁴ Latour B. Networks, Societies, Spheres: Reflections of an Actor-network Theorist // Keynote speech for the International seminar on network theory: Network multidimensionality in the digital age, 2010.

⁵ дана бойд настаивает, чтобы ее имя и фамилия записывались строчными буквами. - *Прим.ред.*

⁶ boyd, d.m., Ellison, N.B. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship // Journal of Computer Mediated Communication. Indiana, 2007. №13. P. 211.

Новизна и масштаб данного явления ставят ряд вопросов о функциональности веб-сервисов социальных сетей в современном обществе. В связи с этим, на факультете медиакоммуникаций Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" в 2013-2014 гг. было проведено специальное пилотное исследование, *цель которого - выявить специфику функциональности веб-сервисов социальных сетей в России на примере сайтов "ВКонтакте" и "Facebook"*. Ниже будут описаны результаты начальной фазы данного исследования, которое на момент написания настоящей статьи еще не завершено. Учитывая, что понятие "социальные сети" появилось до возникновения интернета и разного рода веб-сервисов, была выдвинута следующая *гипотеза: веб-сервисы социальных сетей обладают тем же набором социальных функций, что и традиционные социальные сети; в деятельности веб-сервисов социальных сетей не наблюдается каких-то иных социальных функций по сравнению с традиционными социальными сетями как социальными структурами.*

Для выявления основных функций веб-сервисов социальных сетей были проведены неформализованные глубинные интервью с продвинутыми пользователями веб-сервисов социальных сетей, которые позволили обнаружить основные функциональные направления в использовании сервисов. На основе полученных сведений, был организован анкетный интернет-опрос пользователей веб-сервисов социальных сетей, проживающих в Москве. Пилотная выборка составила 20 человек. Отбирались только те респонденты, которые регулярно заходили на веб-сайты «ВКонтакте» и «Facebook» (и на тот, и на другой). Выборка, в самых грубых чертах, моделировала гендерно-возрастную структуру российских пользователей веб-сервисов социальных сетей в возрасте от 16 лет и старше. Основным методическим приемом в анкете стала техника шкалирования (шкала Терстоуна).

Опрос позволил выявить статистически значимые различия между функциональностью веб-сервисов «ВКонтакте» и «Facebook». На первой фазе опроса глубинных интервью были выявлены основные функциональные направления в использовании этих веб-сервисов. Выделилось 11 позиций (см. таб.1). В процессе анкетирования респондентов попросили оценить по десятибалльной шкале эти позиции отдельно для каждого из двух веб-сервисов. Оказалось, что их функциональность для одних и тех же респондентов различается. Если на веб-сервис «ВКонтакте» чаще всего заходят, чтобы посмотреть видео и/или послушать музыку (средняя оценка 7,0 балла), пообщаться с друзьями (6,4) и знакомыми (5,1), то на «Facebook» заходят не столько для того, чтобы просматривать видеозаписи и прослушивать музыку (1,4), сколько для общения с друзьями (5,4) и знакомыми (5,1). В то же время «Facebook» чаще, чем «ВКонтакте» используется для профессиональных целей: решения деловых вопросов (3,5 против 2,9), поиска достоверной информации (3,2 против 1,7).

Таблица 1. Значимость использования того или иного функционального направления веб-сервисов социальных сетей "ВКонтакте" и "Facebook" среди их пользователей (средняя оценка по десятибалльной шкале)

Функциональное направление	ВКонтакте	Facebook
<i>просмотр видео и/или прослушивание музыки</i>	7,0	1,4
<i>общение с друзьями</i>	6,4	5,4
общение со знакомыми	5,1	5,1
отслеживание новостей о личной жизни друзей	4,5	3,6
получение "отфильтрованной" информации по интересам	4,4	3,9
размещение собственных фотографий, постов о жизни	3,7	3,9
просмотр картинок	3,4	1,6
решение деловых/профессиональных вопросов	2,9	3,5
обсуждение интересующих тем, комментарии	2,9	3,0
<i>размещение ссылок на аналитику, общественно-политическую информацию</i>	2,0	1,9
<i>получение достоверной информации</i>	1,7	3,2
Среднее значение	4,0	3,3
Среднее квадратическое отклонение	1,7	1,3
Максимальное значение доверительного интервала	5,7	4,6
Минимальное значение доверительного интервала	2,3	2,0

Функции социальных сетей и веб-сервисов социальных сетей

Условимся придерживаться следующего определения: «Функция (от лат. *functio* - исполнение, свершение) – это роль, выполняемая определенным субъектом социальной системы в ее организации как целого, в осуществлении целей и интересов социальных групп и классов»¹.

Анализ специальной литературы позволил обнаружить пять функций социальных сетей, описанных авторами, начиная с работы У.Липпмана. Это *функции формирования общественного мнения, информирования, коммуникации, регулирования (или поддержание образцов) поведения и развлечения*. Кратко остановимся на каждой из них.

Еще в самом начале XX века У.Липпман и Я. Морено, не используя термин "социальные сети" (*social networks*), подчеркивали одну важную функцию подобных образований. Социальные сети, грубо говоря, представляя весь круг ближних, дальних и даже гипотетически возможных знакомств человека, влияют на его поведение, формируя социальные традиции². Эта функция известна как "*регуляционная*", задающая образцы поведения человека. У Липпмана находим и функцию *формирования общественного мнения*, также одну из важнейших³. Развитие систем коммуникаций, распространение телевидения, появление и распространение интернета помогли превратить жестко ограниченные социальные круги в сети, предоставляющие актору возможность построить максимальное количество связей. В результате «детрадиционализации»⁴ социальная сеть, не будучи жестко регламентированной традициями структурой, предоставляет возможность ее участникам выбирать среди разных мнений или строить дополнительные связи в поисках людей "своего круга".

Кроме того, нельзя забывать, что раньше (в первой половине XX века) доступом к информации, поставляемой теми же средствами массовой информации, обладали не все, да и самих СМИ было сравнительно немного. Сегодня же все чаще говорят о слишком высоком уровне информационного шума, когда получить действительно важную информацию становится крайне сложно. И в том, и в другом случае помогают социальные сети, одной из функций которых является *информирование*.

Таблица 2. Степень доверия пользователей веб-сервисов социальных сетей к различным видам источников социально значимой информации (по десятибалльной шкале)

№	Источник	Степень доверия
1	<i>Интернет-СМИ</i>	6,9
2	<i>Веб-сервисы социальных сетей</i>	5,6
3	Друзья	3,9
4	Родственники	3,4
5	ТВ	3,2
6	Знакомые	3,2
7	Радио	3,1
8	Профессиональный круг	2,4
9	<i>Журналы</i>	1,8
10	<i>Газеты</i>	1,6
	Среднее	3,5
	Среднее квадратическое отклонение	1,6
	Максимальное значение доверительного интервала	5,2
	Минимальное значение доверительного интервала	1,9

Веб-сервисы социальных сетей также становятся важным источником социально значимой информации, которым доверяют пользователи. В пилотном опросе респондентов про-

¹ Российская социологическая энциклопедия /Под общ.ред. Г.В.Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 571.

² Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. С. 69.

³ Там же.

⁴ Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 62-66.

сили оценить по десятибалльной шкале, каким видам источников социально значимой информации они доверяют больше (см. таб.2). На первое место вышли интернет-СМИ (средний балл 6,9), на второе - веб-сервисы социальных сетей (5,6). Остальные источники оказались менее значимыми. Как выяснилось в ходе глубинных интервью, доверяют не столько веб-сервисам как таковым, сколько "значимым другим": прежде всего, экспертам, на страницы которых подписаны респонденты и которые в данном контексте выступают "лидерами мнений", во многом определяющими отношение респондентов к получаемой информации.

За счет этих «фильтров» также происходит формирование общественного мнения. Причем у каждого индивида может быть множество «фильтров», позволяющих ему получать проверенную информацию из разных сфер человеческой жизни. Однако и сам этот индивид может стать информационным «фильтром» для других. И чем больше количество людей, для которых индивид является такого рода «фильтром», тем выше становится степень его влияния на формирование общественного мнения.

По мнению М. Грановеттра, «наличие или отсутствие доверия у человека к данному конкретному лидеру в большей мере зависит от того, есть ли среди его личных контактов посредники, которые могут, апеллируя к своему собственному знанию, убедить его в том, что лидеру стоит доверять, и – при необходимости – походатайствовать за него перед лидером или его помощниками»¹. Таким образом, от *информирования* мы переходим к *коммуникации* как средству конструирования и поддержания отношений между людьми².

Связи между акторами, обеспечивающие возможность взаимодействия, не являются однородными. Так, М. Грановеттер, разделял сильные и слабые связи, отмечая особую значимость последних. Сильные связи обеспечивают наибольшее влияние индивидов друг на друга и, таким образом, группа людей или социальная сеть, имеющая исключительно сильные связи, будет, скорее всего, иметь не только одинаковые взгляды на вещи, но и ограниченные возможности в распространении информации. При этом слабые связи обеспечивают не просто взаимодействие между группами, социальными сетями или кластерами, они дают возможность информации пройти более длинную дистанцию и охватить намного большее количество людей, а кроме того они делают возможной регулируемую (поддерживающую) функцию. Так, через социальные сети индивидами легче усваиваются социальные нормы, правила и инновации. С помощью коммуникаций, информационного обмена и формирования взглядов, индивиды легче воспринимают все происходящие в обществе изменения. «Базируясь на доверии и тем самым сокращая транзакционные издержки, социальные сети выступают дополнительным или альтернативным по отношению к институтам регулятором взаимодействия. <...> Иными словами, социальные сети есть механизм, корректирующий несовершенство формальных институтов»³.

Главное преимущество веб-сервисов социальных сетей по сравнению с традиционными социальными сетями – это возможность установить любой контакт практически за два клика за счет видимых списков «друзей». Таким образом, любой возникающий в коммуникациях пробел восстанавливается быстрее, не говоря уже о том, что веб-сервисы социальных сетей – это удобный инструмент для общения (развитие коммуникативной функции).

Большое количество слабых связей в веб-сервисах социальных сетей увеличивает эффективность поддерживающей функции. Так, еще Я.Л.Морено отмечал, что с возрастом, когда по тем или иным причинам распадается «социальный атом» человека, его психическое, а следом и физическое состояние ухудшается, поэтому необходимо пополнять социальный круг всю жизнь⁴. И с веб-сервисами социальных сетей человеку становится легче восполнять «социальный атом», а также адаптироваться к происходящим социальным и технологическим изменениям (хотя бы за счет информирования и обсуждения многих вопросов).

¹ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология, 2009. Т. 10. № 4. С. 44.

² Sillars, A.L., & Vangelisti, A.L. Communication: Basic properties and their relevance to relationship research // The Cambridge Handbook of Personal Relationships. – New York: Cambridge University Press, 2006. P. 331.

³ Ткачев Д. Ш. Особенности функционирования институтов и социальных сетей на постсоветском пространстве // Политические исследования, 2006. №1. С. 85.

⁴ Морено, Я. Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академический Проект, 2001. С. 125-127.

Развлекательная функция, также присущая социальным сетям, как нам кажется, не требует дополнительных объяснений. Вечеринки, совместные походы в кафе, просмотры кино и даже балы – неотъемлемая часть функционирования социальной сети, делающая ее более устойчивой, и в то же время предоставляющая возможность «проявить себя» другим функциям. Веб-сервисы социальных сетей сделали данную функцию возможной "здесь и сейчас": любой фильм или музыкальная композиция достаточно легко находится в интернете с помощью веб-сервисов социальных сетей. В то же время, подобное медиапотребление стало еще более индивидуализированным, чем раньше.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что сам набор функций социальных сетей с появлением веб-сервисов социальных сетей принципиально не изменился, появились лишь новые возможности и инструменты для выполнения уже известных функций.

* * *

Итак, гипотеза пилотного исследования подтвердилась: *веб-сервисы социальных сетей обладают тем же набором социальных функций, что и традиционные социальные сети; в деятельности веб-сервисов социальных сетей не наблюдается каких-то принципиально иных функций по сравнению с традиционными социальными сетями как социальными структурами.*

В самом деле, пять функций традиционных социальных сетей, выделенных различными авторами (*формирование общественного мнения, информирование, коммуникация, регулирование поведения и развлечение*), находят свое проявление в веб-сервисах социальных сетей, и при этом не наблюдается появления каких-то принципиально иных функций. Как и сто лет назад, относительно "кругов друзей", не знавших интернета, современные "социальные медиа" информируют, развлекают, обеспечивают коммуникацию, формируют общественное мнение и задают образцы поведения членов сети.

Впрочем, небольшой размер выборки и статус пилотного исследования, строго говоря, еще не позволяет считать такой вывод надежным и достоверным, а позволяет лишь валидизировать гипотезу, которая становится теперь эмпирически обоснованной. Необходимо провести масштабный репрезентативный опрос на статистически значимой выборке, который бы подтвердил полученные выводы.

Тем не менее, можно говорить и о развитии известных функций традиционных социальных сетей, прежде всего о расширении информационной и коммуникативной функций, а также функции развлечения, что обусловлено значительно большим выбором виртуальных объектов и контактов, доступных современному человеку, которые позволяет сделать интернет.

Д.В.Мальцева
(Исследовательская группа ЦИРКОН)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЭЛЕКТРОННОЙ Д ЕМОКРАТИИ В РОССИИ: ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ VS. ТЕХНИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

В ходе выступления на конференции предполагается представить основные результаты исследования «**Социологический анализ опыта использования современных технологий электронной демократии (порталы публичных обращений/петиций и открытого голосования)**», проведенного Исследовательской группой ЦИРКОН в ноябре 2013 – марте 2014 гг., которое было нацелено на анализ опыта, проблем и перспектив использования современных технологий электронной демократии.

В последние несколько лет были запущены сайты, которые позволяют гражданам объединяться вокруг общих социально-значимых проблем, совместно создавать и обсуждать тексты коллективных обращений в органы государственной власти и местного самоуправления, а также контролировать состояние работы по указанным коллективным обращениям – например, независимые (негосударственные) порталы «OnlinePetition.ru» и «Демократор.ру» или официальная государственная площадка «Российская общественная инициатива». Такие

площадки потенциально несут в себе возможность для развития инициативы, солидаризации и консолидации граждан в деле их вовлечения в принятие управленческих решений органами государственной власти и местного самоуправления. Однако отсутствие комплексной информации о том, в какой степени российское общество испытывает потребность, и насколько оно готово к развитию электронной демократии, как оценивает эффективность использования подобных площадок для выражения общественных интересов, участия в управлении государством, защиты своих прав и свобод, говорит о важности и актуальности изучения данного феномена.

Проведенное ЦИРКОИ исследование было призвано не только проанализировать *текущий уровень вовлеченности* граждан во взаимодействие с органами власти, МСУ и другими организациями посредством применения новых технологий, но и *выявить потенциал и перспективы* электронной демократии в России, а также *определить проблемные места*, связанные как с отношением россиян к подобным формам участия в управлении (информированность, доверие, готовность к поддержке и т.п.), так и с состоянием, возможностями, ограничениями самих площадок.

Исследование носило комплексный характер. Объект изучения был разделен на несколько категорий – 1) *информационные системы (сайты)*, реализующие принципы электронной демократии; 2) *инициаторы и «подписанты»* публичных обращений; 3) *население-территории*, где расположен объект (проблема и т.п.), ставший предметом обращений граждан через систему электронной демократии. В связи с этим для достижения цели и решения задач исследования были использованы такие *качественные и количественные процедуры сбора социологической информации* как 1) *статистический и контент-анализ* публичных обращений (петиций); 2) *полуформализованные интервью* с инициаторами и «подписантами» публичных обращений (петиций); 3) *количественный опрос* населения. Информационная база исследования составила *430 обращений* (5% от генеральной совокупности), проанализированных в результате контент-анализа; *21 личное полуформализованное интервью*; *301 анкету*, полученную в рамках массового опроса.

Проведенное исследование позволило проанализировать текущую практику использования технологий электронной демократии и показало, что информационные системы электронной демократии потенциально несут в себе **возможность для развития инициативы, солидаризации и консолидации граждан** в деле их вовлечения в принятие управленческих решений органами государственной власти и местного самоуправления. В то же время, эти возможности не реализуются из-за существующих **препятствий и барьеров для развития электронной демократии**. Среди них можно отметить как барьеры, носящие «социальный» характер происхождения, так и проблемы технического характера.

Так, среди первых можно отметить 1) слабую осведомленность населения о существовании систем электронной демократии, 2) невысокие оценки эффективности использования таких технологий, 3) низкую социальную активность граждан, 4) позицию властей, для которых, во многом ввиду действующей законодательной базы, существующие площадки электронной демократии не являются инструментами влияния. Очевидно, что для развития электронной демократии нужно активное движение граждан «снизу», широкое участие граждан во взаимодействии с органами государственной власти и местного самоуправления, проявление инициативы по публичному, открытому обсуждению и продвижению общественно значимых вопросов, а также соответствующее отношение со стороны органов власти.

Другим явным барьером на пути использования технологий электронной демократии является недостаточный уровень интернетизации населения, а также низкий уровень технической и интернет-грамотности (особенно в старших возрастных группах). Далек от идеала на порталах предоставляется удобный функционал, понятный для «неискушенных» пользователей. С другой стороны, будучи виртуальными, площадки электронной демократии могут быть не защищены от возможных рисков технического характера – примером тому может быть портал Демократор.ру, где в январе 2014 года в результате возникших технических проблем значительная часть данных (в т.ч. и подписи, полученные пользователями) оказалась безвозвратно утеряна.

Таким образом, площадки электронной демократии нужно рассматривать как сложные социоинженерные системы, поскольку строящиеся на них социальные отношения опосредованы серьезным техническим инструментарием. Однако в ситуации с низкой технической и интернет-грамотностью населения, государство или другие субъекты, двигаясь ему навстречу, предлагают по сути неадекватные для использования членами общества инструменты – а этом может грозить переходом сугубо технических проблем в проблемы политического характера. Следовательно, сама разработка подобных систем должны быть основана на кооперации представителей разных наук - как технических инженеров, так и инженеров социальных.

В настоящее время площадки электронной демократии предстают скорее в виде экспериментальных площадок; тем не менее, как показало исследование, их уже можно рассматривать как один из потенциальных (но пока не реальных) инструментов активизации гражданской инициативы, пробуждения общественного сознания, вовлечения россиян в решение социально значимых проблем, а также привлечения внимания властей к актуальным социальным проблемам.

В.Л.Римский (Фонд ИНДЕМ)

СВЯЗИ КОРРУПЦИИ С НАРУШЕНИЯМИ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ И ИХ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В СОЦИО-ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ

Введение

В 2011-2012 годах совместными усилиями представителей четырёх некоммерческих организаций – Центра развития демократии и прав человека, Фонда ИНДЕМ, Института прав человека и Transparency International – Россия – был выполнен проект «Коррупция и права человека в современной России». По его результатам был написан и опубликован доклад о результатах анализа связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан [2]. Выполненный проект позволил получить вполне определённые подтверждения связей коррупции с нарушениями прав и свобод граждан. Эти связи определяются некоторыми общими характеристиками социальной природы коррупции и нарушений прав и свобод граждан, взаимной обусловленностью мотивации совершения как коррупционных действий, так и нарушений прав и свобод человека, тем, что многие коррупционные действия приводят к нарушениям прав и свобод человека и наоборот, а также высоким уровнем общественной опасности этих социальных явлений.

Уже в процессе завершения этого проекта исследователями было принято решение продолжить анализ связей коррупции с нарушениями прав и свобод граждан. Одними из наиболее значимых причин такого решения были относительно слабая изученность этой темы и ограниченность ресурсов первого исследования в анализе многих сфер деятельности, в которых высоки уровни и коррупции, и нарушений прав и свобод граждан. Во втором исследовательском проекте, продолжающем первый и выполненном в 2013 году, объектами анализа стали две такие сферы – деятельность полиции, а также набор призывников в Вооружённые силы РФ и служба в них. Предметом исследования, как и в первом проекте, стали связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан. По результатам выполнения второго проекта, как и первого, был написан и опубликован второй доклад [7], многие положения которого стали основой для написания этой статьи. Направленность настоящей статьи исключительно на социальные практики в российской полиции как объект исследования определяется тем, что именно это направление во втором проекте было сферой ответственности автора.

Концептуализация понятия коррупции

Коррупция – это довольно сложное и неоднозначно понимаемое понятие, отражающее сложность соответствующего социального явления. Это социальное явление развивается во времени, имеет исторический характер, существенно зависит от социальных условий и тра-

дидий той или иной страны, от сложившейся в ней системы социальных институтов, от действующего социального порядка. В силу сложности и неоднозначности понимания коррупции крайне редко какие-то действия граждан или должностных лиц могут однозначно квалифицироваться как коррупционные. Чаще всего, при оценивании таких действий могут обнаруживаться свидетельства, как наличия, так и отсутствия коррупции в них [5, с. 62].

Примером сложности такого оценивания социального поведения «может служить подарок пациента врачу государственного лечебного учреждения после осуществления им хирургической операции. Свидетельством того, что в этом действии нет коррупции, обычно является желание пациента просто отблагодарить врача за помощь в поддержании или сохранении своего здоровья, за проведённое лечение. Свидетельствами того, что в этом действии есть коррупция, могут являться высокая дороговизна подарка или то, что врач вынуждал пациента на такой подарок. Ещё более явными станут признаки коррупции в этом действии, если вместо подарка пациент передал врачу деньги за осуществление хирургической операции, особенно, если эти деньги были переданы до начала этой операции» [5, с. 62].

Этот пример иллюстрирует один из выводов из социологических исследований коррупции, а именно – необходимость концептуализации этого понятия, которое бы позволило с помощью конкретных исследовательских методик достаточно определённо, по тем или иным характерным признакам, выявлять те или иные коррупционные практики и изучать их [5, с. 62].

Неадекватной при этом является концептуализация понятия коррупции на основе её юридических квалификаций, если эту концептуализацию предполагается использовать для целей проведения социологических исследований. Можно выделить три основные причины такой неадекватности. Во-первых, в современном российском законодательстве те или иные действия оцениваются как коррупционные, только если они являются преступными. В этом смысле коррупция в нашей стране криминализована. Но криминализация тех или иных социальных действий, того или иного социального поведения индивидов в любом государстве является результатом конвенционального процесса, а он весьма субъективен. В лучшем случае этот результат отражает в нормах законодательства нормы общественной морали большинства общества, его нравы и обычаи, а в худшем отражает во многом произвольный выбор узких групп правящей элиты, какие именно социальные действия следует оценивать как криминальные. И когда такая субъективность, даже субъективность большинства, имеющего, как правило, только бытовые представления о коррупции, накладывается на сложность самого этого явления, изучать его причины и связи с другими социальными явлениями, выявлять соответствующие закономерности становится затруднительно.

Во-вторых, даже самые компетентные законодатели «в квалификации того, что отнести к коррупционным действиям, всегда отстают от существующей практики», поскольку только реагируют на уже выявленные типы коррупционных действий [5, с. 68]. А коррупционеры, адаптируясь к складывающимся в государстве и обществе условиям, постоянно меняют способы совершения коррупционных действий. Более того, некоторые высокопоставленные коррупционеры оказываются способными не допускать криминализации тех или иных действий, которые позволяют им участвовать в коррупции, если её понимать, например, как получение каких-то льгот или преимуществ от своих социальных статусов и исполняемых должностей вопреки общественным или государственным интересам. Поэтому при использовании юридического понимания коррупции не только социологи, но и правоохранительные органы с трудом выявляют доказательства участия в ней тех или иных индивидов. И тогда в силу существенной ограниченности объектов проведение социологических исследований сильно затрудняется или становится просто невозможным. В подтверждение этого суждения можно привести оценку доли выявленных взяточников в нашей стране, сделанную автором. В соответствии с этой оценкой при массовом распространении взяточничества в нашей стране в 2010 году «правоохранительными органами было выявлено лишь менее 0,09% от общего числа реально совершенных актов взяточничества и около 0,04% взяточников» [5, с. 70].

В-третьих, сами юридические квалификации признаков коррупции, как и других преступлений, всегда являются неоднозначными, требуют конкретизации в юридической прак-

тике, в первую очередь, в деятельности следствия и судов. В качестве примера приведём определение коррупции из Федерального закона «О противодействии коррупции», в котором коррупция понимается как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»¹. В этом определении практически все признаки коррупции могут иметь неоднозначные социальные квалификации. Например, такими неоднозначными могут быть квалификации того, каким должен быть уровень злоупотреблений служебным положением или должностными полномочиями, или что является законными интересами общества и государства, потому что эти интересы только в обобщённом виде представлены в нормах законодательства. И даже факты дачи или получения взяток, а также коммерческого подкупа чаще всего сложно устанавливаются, как это было показано в нашем примере с подарком пациента врачу государственного лечебного учреждения.

Кроме того, необходимое для проведения социологических исследований понимание коррупции должно включать и «возможности осуществления так называемой институциональной коррупции, когда действующие социальные институты² и социальная среда³ определяют совершение индивидами коррупционных действий, во многом независимо от их приоритетов и желаний» [5, с. 71].

Наиболее адекватным российским условиям, по-видимому, является признание коррупционными любых действий, нарушающих нормальное, нормативное регулирование и развитие той или иной отрасли, сферы деятельности, региона и страны в целом посредством использования публичных возможностей для реализации личных или корпоративных интересов в ущерб общественным [6, с. 71]. При этом интересы не обязательно должны быть материальными, они могут быть и нематериальными, когда действия производятся в соответствии с какими-то идеями или по идеологическим мотивам, например. Нормальным, нормативным регулированием и развитием той или иной сферы деятельности и страны в целом можно считать такое, которое к настоящему периоду зафиксировано в действующих международных документах и соглашениях, планах и программах развития нашей страны, её отдельных отраслей и регионов, в Конституции РФ и принятых на её основе законах и других нормативно-правовых актах [6, с. 71].

Коррупцией поэтому следует считать осуществляемое любыми способами и при любых условиях извлечение выгоды в корыстных целях из своего социального статуса или по-

---

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О противодействии коррупции». П. 1, ст. 1. Сайт «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156929> (дата обращения: 30.11.2014).

² Социальный институт (social institution) здесь понимается как совокупность норм, предписаний и требований, связанных с определенной организационной структурой, посредством которых общество контролирует и регулирует деятельность индивидов в наиболее важных сферах общественной жизни. Социальные институты, как правило, являются исторически сложившимися устойчивыми формами организации совместной деятельности и взаимодействий индивидов. Институты не всегда осознаются индивидами, но регулируют их действия. А для обеспечения соблюдения норм, предписаний и требований социального института в обществе, как правило, создаются и функционируют соответствующие социальные организации.

³ Социальная среда (social environment) здесь понимается как совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп. Социальная среда включает политику, экономику, некоммерческую и общественную сферы, а также общественное сознание и культуру в широком смысле, т.е. не только искусство и литературу, но и нормы взаимодействий индивидов между собой, стереотипы социального поведения и т.п. Поэтому социальная среда для каждого индивида включает и его ближайшее социальное окружение, т.е. семью, трудовую или учебную и другие социальные группы, в которые индивид входит. Социальная среда во многом неосознанно для индивида формирует его психику и его бессознательное, а также неосознаваемые мотивы его социального поведения.

ложения в системе государственной власти, в частном бизнесе, в некоммерческой или общественной сфере. Коррупцией в этом смысле следует признавать не только незаконные, но и неэтичные и аморальные действия, а также действия, признаваемые в нашем обществе несправедливыми. Безусловно, юридически наказуемыми могут являться только действия, нарушающие нормы закона, но коррупция ими не исчерпывается: возможность юридической квалификации коррупционных действий не должна быть единственным её признаком [6, с. 71].

К коррупции в соответствии с прямым смыслом этого понятия, кроме того, следует относить любые действия, способствующие разложению государственной власти и системы государственного управления, способствующие разрушению процедур функционирования органов власти в общественных и государственных интересах при формировании и укреплении процедур их функционирования в личных или корпоративных интересах, а также в интересах очень узких социальных групп и т.п. [6, с. 71].

Общие социальные закономерности совершения коррупционных действий и нарушений прав и свобод граждан

В реализованном исследовательском проекте обоснованиями связи коррупционных действий с нарушениями прав и свобод граждан считались общие социальные закономерности осуществления соответствующих действий. К общим социальным закономерностям таких действий можно отнести, например, их мотивации, не всегда осознаваемые и рационализируемые, способы их осуществления, сходные способы их рефлексии в индивидуальном сознании, в массовом сознании, наличие общих социальных причин совершения таких действий и т.п. Эти общие социальные закономерности были выявлены ещё в первом из упомянутых в начале статьи исследований, а затем – были применены автором к деятельности полиции (до 1 марта 2011 года – милиции). Ниже описаны несколько из основных таких общих социальных закономерностей, выявленных в проведённых исследованиях.

Избирательность применения в полиции норм права

В современной российской ситуации нормы законов, если и применяются полицией, как и другими органами власти, то избирательно, в соответствии с теми или иными личными или частными интересами. Поэтому российские законы оказываются неспособными защитить граждан от правоприменителей. Такое положение одновременно способствует и совершению коррупционных действий, и нарушениям прав и свобод граждан, а в некоторых случаях одни и те же действия должностных лиц полиции могут быть оценены и как коррупционные, и как нарушающие права и свободы граждан.

Подтверждение этого вывода можно обнаружить, в частности, по результатам анализа траектории уголовного дела от его возбуждения до судебного решения по нему. Большая часть стимулов, определяющих деятельность сотрудника криминальной милиции¹ задана системой отчетности соответствующих подразделений. Эта отчётность основана на показателях числа зарегистрированных и раскрытых преступлений, а также деятельности подразделений милиции в сравнении показателей текущего периода с аналогичными показателями периода предыдущего². В соответствии с нормами этой отчётности для отделов и подразделений внутренних дел показатели предыдущего периода определяют планы аналогичных показателей текущего периода, а те, в свою очередь, определяют показатели следующего периода. Динамика изменений этих показателей должна быть «позитивной»: например, преступность – снижаться, а раскрываемость повышаться. Но как будет меняться реальная ситуация с пре-

¹ Исследование проводилось до вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

² Приказ МВД России от 5 августа 2005 г. № 650 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования и органов внутренних дел на транспорте». Приказ МВД России от 19 января 2010 г. № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования».

ступностью в будущих периодах ни начальствующий состав, ни сотрудники криминальной милиции не знают. Поэтому они не стремятся к формированию объективных показателей своей деятельности, а насколько это возможно обеспечивают их «позитивную» динамику. Средством такого формирования значений показателей стало их вписывание в очень узкий диапазон: результат предыдущего периода плюс минимально возможное увеличение или соответственно уменьшение в текущем периоде [4, с. 157]. Это делается для того, чтобы и в последующих периодах оставались возможности столь же «позитивного» увеличения или соответственно уменьшения этих показателей.

Необходимость демонстрации «позитивной» динамики изменения «раскрываемости» стимулирует сотрудников криминальной милиции не регистрировать случаи преступлений, которые имеют низкую вероятность их раскрытия, а также максимально быстро раскрывать зарегистрированные преступления [4, с. 157-158]. С теми же целями выяснить, насколько перспективно расследование преступления, оперативники стараются в максимальной степени попытаться его расследовать ещё до регистрации.

Именно по этой причине в оперативной работе милиции так часто используются незаконные методы сбора доказательств совершения преступлений, нарушающие права граждан: прослушивание телефонов, незаконные обыски, подкидывание фальшивых улик, давление на подозреваемых, чтобы получить необходимые доказательства их вины и т.п. Незаконные методы позволяют определить «перспективность» преступления до его регистрации и открытия уголовного дела [4, с. 159], а законными методами этого сделать невозможно, по закону – необходимо открывать уголовное дело, чтобы можно было его расследовать.

Но до регистрации преступления и открытия уголовного дела у оперативника есть по закону только не более 3 часов на принятие решения о том, что делать дальше с подозреваемым и имеющейся информацией о возможном преступлении. «Предположительно нередкие случаи «пытки в милиции», запугивания, фальсификации вещественных доказательств (подкинутые наркотики, патроны) объясняются не садизмом милиционеров и даже не желанием сэкономить время и силы, а этой спешкой и ситуацией давления. Важно не просто «расколоть» фигуранта, но сделать это максимально быстро, так как промедление означает все большую и большую ответственность оперативника за неблагоприятный (для него) исход дела» [4, с. 160]. Такие «пытки в милиции», а теперь и в полиции являются как нарушениями прав граждан, так и совершениями коррупционных действий, поскольку вместо реального расследования возможных преступлений оперативники заботятся о выгодных им показателях их «раскрываемости».

В расследовании преступлений в полиции и другими способами в массовом порядке и совершаются коррупционные действия, и нарушаются права и свободы граждан. С одной стороны, сравнительно редко оперативники за взятки открывают уголовные дела, ведь даже за взятки они не могут превышать плановые показатели отчётности о преступности. Но, с другой стороны, те же оперативники с существенно большей готовностью возбуждают уголовные дела за взятки по заказам, когда все доказательства им уже предоставляют заинтересованные в обвинении стороны. И, кроме того, пользуясь правовой неграмотностью российских граждан, оперативники нередко вымогают взятки и берут их с подозреваемых до регистрации преступлений, а также вообще с невиновных, но опасющихся уголовного преследования. Ведь «главный дефицит для милиционера – это время (с одной стороны, он перегружен отчетностью, с другой стороны, система планирования «от достигнутого» заставляет его наращивать темпы работы), и, потратив его на человека, которого нельзя превратить в «палку», он хочет хотя бы получить «компенсацию» и ставит выплату таковой условием освобождения» [4, с. 161].

Защита своих прав гражданами с помощью совершения коррупционных действий

Связь коррупции с правами и свободами граждан может быть и в том, что совершение коррупционных действий в некоторых случаях позволяет гражданам защищать свои права. Так при запугиваниях подозреваемых и фальсификациях совершения преступлений полицейскими, как, например, это описано в предыдущем разделе, для граждан нередко остаётся только одна

возможность избежать незаслуженных наказаний – давать взятки, чтобы не открывалось уголовное дело, либо чтобы вина за совершение преступления была переложена на другое лицо. В результате – подозреваемые защищают свои права в полиции, но за счёт других лиц, которые имеют более низкие социальные статусы или не имеют денег для дачи взяток, и права которых нарушаются. Такое поведение и подозреваемых, и сотрудников полиции, берущих взятки, является, безусловно, и коррупционным, и нарушающим права граждан.

Другим примером защиты прав гражданами во взаимодействиях с полицией с помощью коррупции являются нередкие случаи, когда инспекторы ГИБДД останавливают автомобили на дорогах не с целями регулирования дорожного движения, а с целями вымогательства денег у водителей. Например, распространена практика, когда за взятку инспектор ГИБДД отказывается от необоснованных обвинений водителя в пьяном вождении, а также в вынужденных нарушениях правил дорожного движения, например, когда, например, было необходимо объехать препятствие, но только с выездом на встречную полосу. В некоторых случаях инспекторы ГИБДД такие ситуации сами организуют с целями вымогательства взяток и ждут, когда тот или иной водитель вынужденно нарушит правила дорожного движения. Безусловно, в таких ситуациях взятки со стороны водителей являются преступлениями, но эти преступления позволяют им избегать необоснованных обвинений в нарушениях правил дорожного движения, что можно оценивать как защиту ими своих прав с помощью коррупции.

Рентоориентированное поведение должностных лиц полиции

Социальная позиция полицейского в современной России не является престижной и не вызывает уважения со стороны граждан. Профессиональная группа сотрудников полиции стремительно маргинализируется: в ней остаются и в неё приходят те, кто лишён возможности найти себе применение в других областях деятельности. Поэтому российская полиция практически не оказывает гражданам услуг по безопасности и поддержанию правового поведения, что следует считать нарушением прав граждан. Российская полиция стала скорее социальной группой, работающей на свои интересы, использующей имеющуюся у них власть и оружие для достижения личных или корпоративных целей [3, с. 129]. Такая работа российской полиции является, безусловно, коррупционной деятельностью. А те материальные и нематериальные блага, которые полицейские таким образом получают, являются их рентой от занимаемых должностей.

Таковыми рентами являются взятки, получаемые инспекторами ГИБДД на дорогах и при регистрации автотранспортных средств, взятки сотрудников соответствующих подразделений полиции за выдачу лицензий на приобретение гражданского и служебного оружия, лицензий на осуществление частной детективной (сыскной) деятельности и на осуществление охранной деятельности, взяток за открытие или отказ от возбуждения уголовных дел и т.п.

Используя своё служебное положение, российские полицейские получают также дополнительные неформальные доходы от предпринимательской деятельности, им запрещённой. Например, от платного оформления различных документов, которые граждане должны получать от государства бесплатно, от сопровождения и охраны грузов, от обеспечения безопасности коммерческих организаций, осуществления частного сыска и проверок по заказам легальности коммерческих структур [2, с. 177]. Такое рентоориентированное поведение российских полицейских почти всегда является коррупционным, оно одновременно нарушает права граждан, потому что не обеспечивает большинство из них, не ставших источниками неформальных доходов полицейских, услугами по безопасности и поддержанию правового поведения в их социальном окружении.

Осуществление карательно-репрессивных действий полиции в отношении граждан

В социологическом исследовании 2006-2008 годов, которое было выполнено силами двух независимых исследовательских центров – Институтом социальных исследований и гражданских инициатив (Казань) и Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) – было установлено, в частности, что «милиция относится к числу социальных институтов, которые, вопреки многочисленным реформированиям и нововведениям, во многом сохранили до настоящего времени советскую организационную структуру, совет-

ские традиции и советские формы работы». Все попытки реформирования милиции социологи оценили как действия случайные, бессистемные и даже конъюнктурные для руководства МВД России и страны, направленные «больше на демонстрацию активности, чем призванных на деле реформировать российскую милицию» [3, с. 101-102].

Как наследие советского прошлого следует оценить выявленное в ходе этого исследования доминирование карательно-репрессивных действий милиции над оказанием социальной помощи гражданам, что противоречит современным приоритетам деятельности полиции в развитых странах мира. И при этом со стороны милиции «репрессии осуществляются в основном в отношении наименее защищенных слоев населения: молодежи, мигрантов и «новых бедных», то есть социальных групп, лишенных экономических, статусных или каких-либо других конвертируемых ресурсов». А граждане, чувствуя эту направленность деятельности милиции на репрессии, понимают, что милиция крайне редко осуществляет социальную помощь гражданам не только потому, что у её сотрудников низкие зарплаты, но и потому, что выполняет другие задачи, а осуществление социальной помощи почти всегда оценивает как дополнительные проблемы и неприятности для себя [3, с. 106-110].

Следует признать, что современная теперь уже полиция, как и ранее милиция, сохраняет направленность карательно-репрессивную направленность своих действий в отношении граждан. В частности, как раньше в отделениях полиции осуществляются попытки в отношении подозреваемых, а сотрудники ГИБДД не столько предупреждают водителей о сложных условиях проезда тех или иных мест на дорогах, сколько, стоя после этих мест, собирают с них штрафы и взятки за нарушения правил дорожного движения.

Карательно-репрессивную направленность действий полиции в отношении граждан можно считать проявлениями того, что Эрих Фромм назвал «авторитарным характером», активно формировавшемся у большинства советских граждан и не изжитого до сих пор у того же большинства граждан уже советских. Не являются исключением в этом отношении и российские полицейские, ведь они осуществляют репрессии именно в отношении социально слабых и незащищённых потому, что для авторитарного характера такие индивиды вызывают презрение и «желание напасть, подавить, унижить. Человек другого типа ужасается самой идее напасть на слабого, но авторитарная личность ощущает тем большую ярость, чем беспомощнее ее жертва» [9, с. 145]. Репрессивные действия полиции в отношении граждан следует считать искажением исполнения этими представителями органа власти государственных функций по обеспечению безопасности и защите граждан, что одновременно можно оценить как признаки и коррупции, и нарушений их прав и свобод.

Этос коррупции и Низкий уровень морали в полиции

Как массовые проявления в социальном поведении особенностей того же авторитарного характера большинства служащих полиции, не изжитого с советского периода, следует оценивать и сформировавшийся в этом органе власти своеобразный этос коррупции. Этос в данном аспекте следует понимать как стиль жизни, характерный в этой профессиональной среде, как ориентацию норм и правил поведения полицейских на те или иные виды социальной активности, на приоритетные для их профессиональной среды ценности, нормы морали и стереотипы социального поведения [3, с. 76]. И приходится признать, что в современной российской полиции этос профессионального поведения стал фактически этосом коррупции, который постоянно поддерживается социальными практиками, а потому – постоянно воспроизводится.

Так, в частности, среди сотрудников ГИБДД преобладают те, кто совершает коррупционные преступления по мотивам корысти или самоутверждения. По мотивам корысти коррупционные действия совершаются в основном с помощью взяток и с целью получения материальных благ: денег, имущества или других материальных ценностей. И только такие корыстные действия могут квалифицироваться как преступления по нормам Уголовного кодекса РФ. Но аналогичные коррупционные действия сотрудники ГИБДД могут осуществлять и «с целью самоутверждения или поддержания своего авторитета в глазах других взяткодателей», они не хотят быть «белыми воронами» среди них [8, с. 15].

Этот вывод показывает, что сотрудники ГИБДД в коррупционные действия вовлекаются нередко не по корыстным мотивам, а чтобы не выделяться из социальной среды, в кото-

рой проходят службу. Следовательно, в ГИБДД сложилась такая социальная среда, которая провоцирует сотрудников на включение в совершение коррупционных действий, нередко с нарушениями прав граждан, и противостоять которой большинство сотрудников практически не в состоянии. Они вынуждены либо подчиняться своеобразному этосу коррупции этой среды, либо увольняться из ГИБДД.

Такой этос коррупции в ГИБДД противоречит общепринятым нормам морали и этики, а следование ему – приводит одновременно и к совершению коррупционных действий, и к нарушениям прав и свобод граждан. А выше было показано, что аналогичные особенности профессионального этоса сложились и поддерживаются и в некоторых других подразделениях российской полиции.

Какой должна быть направленность реформ российской полиции?

Проведённый анализ связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан в полиции позволяет сделать вывод, что противодействие обоим этим негативным для общества и государства социальным явлениям должно осуществляться совместно и с помощью системного воздействия на факторы, их порождающие и поддерживающие.

В частности, реформирование полиции не должно ограничиваться только принятием норм законодательства или изменением других формальных норм деятельности этого органа власти. Необходимо изменять и неформальные нормы и правила поведения полицейских, социальную среду и профессиональный этос полиции, которые должны исключать коррупционное и массовое, непропорциональное социальной опасности нарушителей репрессивное поведение, содействовать защите прав и свобод граждан, поддерживать оказание социальной помощи гражданам и правовое поведение в обществе и государстве.

Для достижения этих целей недостаточным является разъяснение сотрудникам и начальствующему составу полиции необходимости защиты прав и свобод граждан, а также отказа от коррупционного поведения. Недостаточным является и обучение их этике службы, нормы которой исключают как коррупцию, так и нарушения прав и свобод граждан. Ведь в соответствии с современными концепциями социальной психологии и социологии многие мотивы поведения индивидов являются неосознаваемыми, имеют причинами конструкты их бессознательного. А разъяснения тех или иных норм и правил поведения, обучения им, воздействует только на конструкты сознания индивидов, осуществляя то, что Эрих Фромм назвал рационализацией. Он писал, что, даже искренне веря в эти рационализации, индивид может руководствоваться в своём социальном поведении неосознаваемыми мотивами. Рационализации в таких случаях только прикрывают, сглаживают противоречия в мотивациях индивидах, но не разрешают имеющихся в них проблем [9, с. 65]. И потому необходимо не только декларировать отказ от коррупции и от нарушений прав и свобод граждан, но и целенаправленно преобразовывать деятельность полиции в орган, реализующий эти идеи, в частности, отказывающийся от поддержки авторитарных характеров своих сотрудников и начальствующего состава.

Российская полиция должна переходить от контроля действий граждан, что нередко провоцирует и коррупцию, и нарушение их прав и свобод, к обслуживанию запросов граждан. А основной направленностью деятельности полиции должно становиться предупреждение преступлений, что признаётся в развитых странах мира наилучшим способом снижения уровня преступности и обеспечения безопасности граждан. Если же преступление совершается, полиция обязана пресечь его негативные последствия, задержать преступника, обеспечить безопасность потерпевших и исполнить другие свои государственные функции по обеспечению безопасности.

Полиция должна в своей деятельности ориентироваться на потребности и общества, и государства, а, кроме того, должна исходить из принципа минимальной и пропорциональной репрессии. Для этого приоритетом в деятельности полиции должна стать работа с причинами преступности, с факторами, на неё влияющими. Но эти причины и факторы во многом являются социальными, а полиция сама по себе не обладает для этого достаточными ресурсами. Поэтому полиция нуждается в поддержке граждан и общественных организаций для успешного осуществления своих государственных функций и полномочий. А для обеспечения такой общественной поддержки полиции необходимо проведение публичных дискуссий о

принципах её деятельности, о системах оценивания её эффективности, о взаимодействиях с гражданами и о других проблемах, имеющих общественную значимость. Так будет повышаться доверие граждан к полиции и легитимность органов власти в целом.

Литература:

1. Дубова Анастасия, Косалс Леонид. Включенность российских полицейских в теневую экономику. «Отечественные записки», № 2 (47), 2012, с. 175-183. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/vklyuchennost-rossiyskih-policeyskih-v-tenevuyu-ekonomiku> (дата обращения: 30.11.2014).

2. Коррупция и права человека в современной России. Доклад о результатах анализа связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан. / Редакторы-составители: Владимир Римский (Фонд ИНДЕМ) и Андрей Калих (Центр развития демократии и прав человека). – М.: Центр развития демократии и прав человека, 2012. 78 с. URL: http://indem.ru/PUBLICATION/Rims/Cor_HR_2_report_2013_fin.pdf (дата обращения: 29.11.2014).

3. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Л. Сагитовой. - СПб: Алетейя. 2011. - 640 с.

4. Панях Э.Л. Траектория уголовного дела и обвинительный уклон в российском суде // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / Под ред. В.В.Волкова. – М.: «Статут», 2011. – 317 с. – (Серия «EXTRA JUS»). – С. 150-177. http://www.enforce.spb.ru/images/misc/Extra_Jus.____.pdf (дата обращения: 30.11.2014).

5. Римский В.Л. Социальные практики российской коррупции // Бизнес. Общество. Власть (онлайн-издание). 2014. № 19. С. 61–79. – URL: http://www.hse.ru/data/2014/03/24/1319071336/005%20RimskiyVL_cor_3_1.doc (дата обращения: 04.10.2014).

6. Римский В.Л. Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России // Общественные науки и современность. 2004. № 6. – С. 68-79. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/12/1223769304/Rimski.pdf> (дата обращения: 30.11.2014).

7. Связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан в силовых сферах современной России. Аналитический доклад. / Редакторы-составители: Владимир Римский (Фонд ИНДЕМ) и Андрей Калих (Центр развития демократии и прав человека). – М.: Центр развития демократии и прав человека, 2013, 60 с. URL: http://indem.ru/PUBLICATION/Rims/Cor_HR_report_Rim_finalAK2.pdf (дата обращения: 29.11.2014).

8. Сухов Дмитрий Сергеевич. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ГИБДД (по материалам Восточной Сибири). Специальность: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Иркутск – 2009. – 24 с.

9. Фромм Э. Бегство от свободы: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.

О.О.Савельева (НИУ ВШЭ)

АКТУАЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАК РЕКЛАМНЫЙ ПОСРЕДНИК В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

В современный научный дискурс стремительно ворвался новый термин – «медийный город». Им обозначается поселение (как правило, крупное, а то и вообще городская агломерация), в котором активно идёт процесс конвергенции каналов и средств массовой коммуникации и городского пространства¹. Город становится как бы посредником между коммуникатором и аудиторией, донося с помощью самых различных платформ соответствующие сообщения, формируя, тем самым, новые социальные связи и отношения.

¹Маккуайр С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. – М.: StrelkaPress, 2014. С. 10.

Один из основных контентов, социально и визуально формирующих современную городскую среду, является реклама, размещённая на городском пространстве. Традиционные её виды стали привычным элементом городского пейзажа и ландшафта. Но рутинность такой рекламы приводит к малой коммуникационной эффективности. Большое же её количество вызывает раздражение горожан, т.е. той самой аудитории, на установление связи с которой она рассчитана. Едкую сатиру по поводу такой ситуации создали авторы французского мультфильма «Logorama», получившего в 2010 г. премию Оскар. Место его действия – город, состоящий из домов-логотипов, по улицам которого ходят рекламные персонажи различных брендов.

Наиболее очевидным средством, регулирующим избыточность рекламной коммуникации на городском пространстве, являются различного рода запреты и ограничения. Иногда наружная реклама тотально изымается с городских улиц. Например, с 2007 г. полностью запрещена наружная реклама (за исключением вывесок и витрин) в крупнейшем мегаполисе всего южного полушария - Сан-Пауло. Но, как ни странно, городская среда, перестав быть рекламным посредником, стала выглядеть уныло, лишившись всех ярких пятен. Велик и материальный урон – почти \$150 млн. от недобора сборов с рекламодателей. В 2012 г. Правительством Москвы были приняты «Новые правила установки и эксплуатации рекламных конструкций», вследствие чего 20 тыс. рекламных конструкций были демонтированы (треть от общего числа)¹. Город, особенно в центре, несколько разгрузился от «информационного шума», но коммуникационная эффективность оставшихся традиционных рекламных конструкций не повысилась. Эффективность городских рекламных коммуникаций по-прежнему невысока. Уровень социального доверия к рекламе как институту низок, стандартные рекламные сообщения воспринимаются изначально как недостоверные.

Не удивительно, что наружная реклама на городском пространстве в самых разных странах пытается мимикрировать – принять форму «не рекламы». Особенно востребованным становится сегодня мимикрия рекламной коммуникации под художественное оформление городского пространства. И так называемое «актуальное искусство» (contemporary art) предоставляет для этого довольно широкие возможности. По поводу самого этого термина среди искусствоведов нет единства. Им обозначают весьма пёструю совокупность различных художественных практик и направлений, сложившихся во второй половине XX века и построенных на разрыве не только с классической, да и почти любой иной традицией. Для «традиционных» художественных произведений, созданных во второй половине XX века и в XXI веке, используется термин «Modern Art» - современное искусство. Впрочем, чётких критериев отнесения произведения искусства к «modern» или «contemporary» нет.

Впервые термин contemporary для характеристики направлений и произведений искусства использовала в 1971 г. Розалинда Краусс – известный американский искусствовед, редактор нескольких журналов по искусству². Использован он был для характеристики произведений, которые появились в 60-70-е годы XX века и отличались радикальным новаторством по технике, материалам, приёмам решения задач художественного отражения мира. Перевод «актуальное искусство» стал популярен в России в 90-е годы. Он применялся (и применяется) к тем произведениям, которые созданы, прежде всего, за счёт расширения так называемого «языка искусства» - специально созданных средств художественной выразительности. Именно в «расширении языка» лежит сегодня, на наш взгляд, основные возможности «приращения искусства». Модернизируется этот язык за счёт включения в него новых, не закреплённых пока в традиции материалов, технологий и приёмов выразительности. Такое экспериментальное искусство, место которого в теории и истории искусства ещё не определено, а иногда под сомнение ставится и сама принадлежность полученных результатов к искусству, и называется «актуальным искусством».

¹ Заседание Правительства Москвы от 11.12.2012. Официальный портал Мэра и правительства Москвы. http://www.mos.ru/press-center/transcripts/index.php?id_4=23881. Дата обращения: 20.06.2014.

² Rosalind E. Krauss, Terminal Iron Works: The Sculpture of David Smith. Mass. Press, 1971.

Основа этих технологий и приёмов – замена картины, скульптуры, т.е. всего того, что принято называть «произведением искусства» (workofart / artwork) так называемым «арт-объектом» (art-object), т.е. некоторым «участком» коммуникативного пространства, передающим эстетическое переживание автора, заключающее в себе созданный им художественный образ. Это может быть световая композиция, виртуальная реальность, присутствующая на экране, специально сделанный или типовой объёмный предмет, осуществляемое человеком или группой действие, наконец, тело художника или другого человека. Другой типовой приём contemporary art - использование нестандартных для искусства материалов. Скульптуры, буквально связанные из проволоки или накрученные из скотча, созданные из гофрированной папиросной бумаги, из литой резины, из силикона. В арсенале «актуального искусства» композиции из ниток, мусора, пуговиц, перьев, гвоздей, коллажи географических карт, старых открыток, картины на человеческом теле и даже картины из человеческого праха... Нет, кажется, такой субстанции, из которой «актуальные» авторы не смогли бы сотворить своё художественное высказывание. Третья важная черта актуального искусства – стремление к прямому интерактиву с аудиторией, получению от неё реакции в режиме реального времени, «здесь и сейчас».

В дискурс актуального искусства входят самые разные варианты нового «языка искусства»: ассамбляж, видео-арт, инсталляция, перформанс, хэппенинг, стрит-арт, лэнд-арт. Очень часто это принимает форму так называемых «городских интервенций», когда перформанс, инсталляция или другой тип произведений искусства включают в качестве своей органической части элементы городской среды. Даже этот далеко не полный перечень показывает, что возможности приспособления этого нового «языка искусства» к решению коммуникационных рекламных задач на пространстве города практически безграничны. Фактически, эти новые художественные средства способны превратить город в тотальную рекламную площадку, но так, что люди будут воспринимать это как художественные акции.

Как это выглядит на практике? Под влиянием актуального искусства, прежде всего - «городских интервенций», в наружной рекламе бурно развивается направление «эмбиент» (ambient – окружающий), т.е. размещение рекламы на не предназначенных для неё поверхностях. Реклама как бы выходит за границы той части городского пространства, где она легко опознаётся как реклама, становится элементом среды. Как сказал один из специалистов по этим технологиям, из станковой картины, отделённой рамой от среды, эмбиент-реклама становится наскальной живописью, органично в интегрированной в эту среду.

Любое произведение искусства предполагает некоторую «рамку» - сцену, музей, выставку, экран, страницы альбома... Подобные «кавычки» отделяют сакральный арт-объект от профанной реальности. Соответственно, даже просто перемена места экспонирования предмета становится методом создания произведения искусства нового типа. Этот приём широко используется в современном искусстве с начала XX века (направление Ready-made). М. Дюшан, поместив фаянсовое изделие из магазина сантехники в музей (вставив, тем самым, в «рамку»), придал этому объекту совершенно иное измерение. Этот художественный эксперимент оказал столь значимое влияние на всё искусство XX века, что некоторые критики не без доли эпатажа признали его самым выдающимся произведением искусства прошедшего столетия. В случае с эмбиент-рекламой происходит обратное: идентифицирующие рекламу рамки уничтожаются, что также придаёт ей иное измерение. Техники создания подобной рекламы могут быть самые разнообразные. Одна из форм разрушения «кавычек» в рекламе — использование для рекламы не предназначенных для этого поверхностей (например, мостовых), таких мест, где человек может даже перепутать рекламу с артефактами реальности. Рекламу можно даже сделать частью ландшафта (вспомним о лэнд-арте).

Большинство приёмов эмбиент-рекламы взяты из арсенала стрит-арта. В частности, нередко для создания подобной рекламы используются граффити, особенно в варианте спрей-арта¹. К уличным росписям прибегали фирмы Cola, McDonalds, Toyota, MTV. Бренд Smirnoff рекламировал свой товар с помощью так называемых «реверсивных (обратных) граффити»:

---

¹Спрей-арт (англ. sprayart) — одна из разновидностей граффити: нанесение на здания и другие объекты городской среды рисунков и надписей с помощью аэрозольной краски.

художники стирали грязь и пыль с разных элементов городского пространства так, чтобы чистые места читались как рекламное сообщение. Один из наиболее удачных примеров эмбиент-рекламы - социальная реклама «Заставь чиновника работать» екатеринбургского рекламного агентства «Восход». РА «Восход» за ночь нарисовало вокруг нескольких ям городских дорогах портреты чиновников, ответственных за состояние улиц. Дорожная яма имитировала открытый рот должностного лица. Результативность этой кампании была максимальной: на следующий же день все отмеченные мастерами стрит-арта ямы были заделаны. Сам же проект получил небывалое число призов на фестивале рекламы «Каннские львы-2013» - семь. В Бельгии аналогичный использовали не для социальной, а для коммерческой рекламы жвачки Orbit: портрет человека с открытым ртом написали на тротуаре вокруг люка ливневой канализации (канализационная решётка напоминала о дурном запахе изо рта).

Среди художников стрит-арта есть свои признанные мастера в различных жанрах. Один из них – англичанин Джулиан Бивер (JulianBeever). Цветными мелками он рисует на асфальте или на полу общественных зданий плоские изображения, кажущиеся даже вблизи трёхмерными. По договору с РА DDB Amsterdam он сверхнатурально изобразил на полу одного из городских моллов жуткий провал, снабдив его надписью «JustCallUs». Это был всем известный в Голландии слоган страховой компании CentraalBeheer. В 2005 г. Бивер работал в России: на Андреевском мосту через Москву-реку он по заказу BritishAmerikanTobacco нарисовал пачку рекламируемых сигарет размером 2x8 так натурально, что люди старались её обойти.

Большинство художников стрит-арта занимается этим видом искусства не по заказу, но иногда их работы сами по себе становятся рекламой: социальной, политической, а то и коммерческой. В Британии и в США широко известен художник-аноним под псевдонимом Бэнкси (Banksy). По ночам он рисует граффити остро социального содержания на стенах Лондона, Нью-Йорка, Бристоля, Лос-Анджелеса и других городов¹. Иногда их замазывают, но чаще сохраняют, а то и продают на аукционах². На стене клиники сексуальных расстройств в Бристоле Бэнкси в 2006 г. нарисовал картину: обнаженный мужчина на одной руке держится за раму окна, из которого выглядывает разгневанный муж. Жители города решили сохранить граффити, а клиника рассматривает его как своеобразный визуальный образ своего заведения.

В городской рекламе сегодня «в моде» инсталляции, задействующие элементы городской среды. Так, широко известна реклама в Бразилии, направленная против курения: на стене дома нарисован револьвер, а его дуло – чадящая труба небольшого заводика. На стене дома нарисовано стадо мамонтов, а около стены припаркован автомобиль, которому не страшна их тяжесть (реклама грузового пикапа Toyota). Особенно широко инсталляции из разнородных предметов представлены в витринах магазинов: продаваемые товары становятся частью настоящего художественного полотна. Моде на инсталляции не чужд и городской транспорт. В Праге «Музей пыток» развесил в вагонах метро вместо ремешков... петли висельника и наручники. Рядом крепилась табличка с названием музея. Решение сомнительное с моральной точки зрения, но привлекающее внимание.

Примета актуального искусства – «развеществленные» арт-объекты. В этом случае художественное переживание вмещено не в вещь, а в действие. Таковы перформансы и хэппенинги. Примером использования технологии перформанса в рекламных целях может служить акция, проведённая недавно в городском торговом центре Амстердама. Работники Рийкс Музея из этого города решили для рекламы своего музея оживить картину Рембрандта «Выступление стрелковой роты капитана Франса Баннинга Кока и лейтенанта Виллемаван-Рейтенбюрга», более известную как «Ночной дозор». И вот по улицам города проследовала кавалькада всадников в костюмах городской стражи: в магазине украли кошелек! Солдаты с мушкетами входят, к изумлению публики, в торговую галерею, стражники спускаются сверху на канатах, карлик преследует воришку в рванье... Впечатление как от спектакля.

Рекламные перформансы сегодня востребованы. Одним из удачных примеров стал спонсорский проект фирмы Адидас: перформанс «Тело в городском пространстве», созданный хореографом Вилли Дорнером из Австрии. В 2012 г. группа танцоров в одежде этой фирмы

¹ Такой же художник есть в Симферополе. Он работает под псевдонимом «Шарик».

² Его вырезанное из стены граффити «Рабский труд» было продано в 2012 г. за 750 тысяч евро.

своими телами создавали иронические иллюстрации на тему городской жизни в разных мегаполисах, в том числе и в Москве (на Патриаршем мосту).

По технологии хэппенинга организованы акции группы Femen. Её создатель – Ирина Шевченко – назвала группу «новым типом женского активизма, который, определенно, агрессивен, но, в то же время, ненасильственен, провокационен, но постулирует абсолютно ясный месседж». Femen получили всемирную известность организацией своих провокационных акций. Но со временем выяснилось: то, что начиналось как добровольный политический активизм, превратилось в коммерциализированный проект. Так, в 2013 г. в Милане активистки участвовали в fashion-рекламе ювелирных украшений Cartier и Faberge: во время своей очередной акции появились в украшениях этих фирм, о чем были широко оповещены журналисты.

К переходной форме от перформанса к хэппенингу можно отнести «развеществлённую рекламу», созданную в 2011 г. PA DDB Paris для Национального общества железных дорог Франции. Кампания называлась "Bienvenue, Aurevoir"/"Добро пожаловать, Прощайте" и рекламировала сервис on-line бронирования билетов на поезд. Главными участниками были ни о чём не подозревающие пассажиры поезда. Рекламисты выбрали пять пассажиров, заранее купивших билеты, узнали об их предпочтениях, желаниях и вовлекли их на вокзале в театрализованное представление. Одну романтическую девушку провожал на поезд певец за белым роялем (подиум с роялем двигался по зданию вокзала и перрону), а поклонницу тяжёлой музыки встречала в месте прибытия группа рокеров, для занимающегося кунг-фу мужчины устроили показательный бой, детей порадовали клоуны, любвеобильного молодого человека целовали прекрасные незнакомки. Именно непредсказуемость поведения пассажиров как участников действия и позволяет отнести это событие к полу-перформансу, полу-хэппенингу. Ролики о каждом из ошарашенных пассажиров были выложены на YouTube и показывались на телевидении. Интеграция различных коммуникаций повышала эффективность кампании.

Выше уже обращалось внимание на то, что приметой актуального искусства является его стремление к интерактивности, т.е., в самом общем смысле слова, к информационному обмену между арт-объектом и аудиторией. Как максимум, предполагается, что арт-объект прямо и непосредственно взаимодействует с аудиторией, изменяется в связи с её действиями и изменяет аудиторию. Взаимодействие произведения искусства с аудиторией имело место всегда. Но оно в абсолютном большинстве случаев представляло собой мысленную интерпретацию художественного произведения, предоставляющую аудитории гипотетическую возможность изменить своё сознание и поведение. Воздействие же аудитории на художественный объект носило, как правило, характер пассивной его оценки, которая, опять же гипотетически, могла привести к изменению самого произведения и его автора¹.

Но современное понимание интерактивности предполагает, что аудитория может реально воздействовать на арт-объект, физически его трансформируя. Аудитория превращается из интерпретатора искусства в соавтора. Наиболее очевидными случаями интерактивности в искусстве и смежных областях являются хэппенинги, компьютерные игры, интерактивное телевидение, гиперлитература, перформансы². Обратная связь осуществляется в таких случаях в режиме реального времени.

Интерактивная реклама - не редкость сегодня. Суть её – переход от воздействия на потребителя к взаимодействию с ним. В первом номере журнала InteractiveAdvertising, вышедшем в 2000 г., редактором дано такое определение интерактивной рекламы: "оплачиваемые и неоплачиваемые представления и продвижения продуктов, услуг и идей посредством совместных действий между потребителем и производителем"³. Чаще всего это какая-то игра, в которой потребитель сам выбирает последовательность действий или же сценарий событий. Но, опять же, как правило, наиболее частый случай интерактивной рекламы – это on-line реклама. Варианты интерактивности в наружной рекламе всё ещё редки. Но сегодня получают

¹Мы не рассматриваем, в данном случае, маргинальные попытки зрителя (слушателя) изменить или уничтожить произведение искусства во время его демонстрации.

²Впрочем, и вполне традиционные виды искусства – прежде всего исполнительского, театрального – имеют признаки интерактивности. Публика формирует на спектакле, концерте особую атмосферу, которая влияет на исполнителей в ту или иную сторону.

³<http://jiad.org/issue1, 2000>

распространение такие виды интерактивной городской рекламы как интерактивная витрина, интерактивная проекция на элементы городского пространства, интерактивная стена (стена-сенсорный экран), интерактивные билборды, интерактивный промоутер. Но наиболее перспективным направлением представляется использование в рекламе технологий дополненной реальности. Уже сегодня в видеопроекцию реального пространства (очки, экран в автомобиле, изображение на планшете и т.д.) в рекламных целях внедряются не видимые объекты, например, показывается ресторан за углом и приводится его меню, или сообщается о премьере в театре, мимо которого проезжает потенциальный зритель.

Наверное, наиболее впечатляющий пример интерактивной наружной рекламы с использованием on-line технологий – проект «Дверь в Европу», который придумали креаторы из рекламного агентства DDB Paris для французских железных дорог. Цель кампании – пригласить людей в путешествие в разные города и страны Европы. На улицах Парижа установили двери, открыв которые, прохожие виртуально попадали в Женеву, Брюссель и другие европейские города. В режиме реального времени на видеоэкране за дверью транслировалось то, что происходит в данный момент на городской площади в одном из этих мест. Есть отдельные примеры интерактивной рекламы и у нас.

Подведём итог: направления, приёмы художественного освоения и репрезентации мира, взаимодействия с аудиторией, разработанные актуальным искусством, помогают рекламистам уменьшить дальнейшее экстенсивное расширение рекламы на городском пространстве, приводящее, в конце концов, к исчезновению идентичности городской среды. Заимствованные у актуального искусства приёмы и технологии позволяют рекламодателям, не уменьшая объём давления на аудиторию, уменьшить негативную реакцию аудитории на засыле рекламы в городе. С другой стороны, задействованные в рекламе элементы актуального искусства как бы хабиитулизируют это искусство, вводят его дискурс в повседневную жизнь горожанина, облегчают его восприятие уже именно как искусства.

О.А.Тимофеева (НИУ ВШЭ)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВИДЕОИГР

В данной статье будут рассмотрены различные подходы к изучению видеоигр как феномена современной медиакультуры. Приведены различные взгляды на понятие «игра». Проведен статистический анализ электронной базы научных работ, затрагивающих область видеоигр. Рассмотрены составляющие классической видеоигры в контексте применимых к их исследованию научных направлений.

Одной из сфер, отражающих динамику развития общества в XXI веке стали видеоигры. Очевидно, что область видеоигр должна была привлечь внимание и научного сообщества, которое, в свою очередь весьма многогранно и непрерывно развивается. Процесс дифференциации научного сообщества по мере углубления знаний в различных областях – явление естественное, но так же естественно применение методов и технологий различных направлений для изучения чего-то, что нельзя всецело отнести ни к одной области научного познания. Таким явлением стали видеоигры – относительно молодое, но невероятно популярное явление.

Их история началась в 1961 году в Массачусетском Технологическом институте, с явлением первой игры в жанре «аркада», сделанной сотрудниками института для самих себя. По причине небольшой распространенности компьютеров в то время игра так и не вышла за пределы очень узкого круга разработчиков. Аудитория современных игровых проектов уже не ограничивается разработчиками, но насчитывает миллионы пользователей. Нередко игра приобретает мировую известность и собирает поклонников из разных стран.

Еще десять лет назад видеоигры считались уделом детей и подростков, они до сих пор составляют существенную часть аудитории, но уже не являются подавляющим большинством пользователей игровых проектов. Во-первых, те, кто десять лет назад были подростками, уже выросли, но продолжают играть. Во-вторых, существующее многообразие видеоигр

самых разных жанров и направлений может удовлетворить представителей любых возрастов и каждому игровому проекту находится своя аудитория. Безусловно, развитие и распространение интернета и компьютеров влияет на развитие видеоигр и увеличение интереса к ним со стороны обычных пользователей.

В пользу тезиса о развитии игровой индустрии и повышении интереса к исследованию игр говорит, например, увеличивающееся количество диссертаций, в которых, так или иначе, затрагивается тема видеоигр.

Результаты статистического анализа электронной базы научных работ

Нами был проведен анализ электронной диссертационной базы Российской Государственной Библиотеки им. Ленина по следующим леммам и сочетаниям лемм: «компьютерн* игр*», «видеоигр*», «онлайн* игр*», – поиск указанных лемм осуществлялся в названиях диссертаций и в их содержании. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Запрос	Количество результатов
Компьютерн* игр*	996
Видеоигр*	88
Онлайн* игр*	23

Как видно из таблицы 1, наибольшее количество результатов пришлось на запрос «компьютерн* игр*». Это предполагалось заранее, т.к. формулировка «компьютерные игры» наиболее распространена при обращении к теме игровых проектов, но при детальном рассмотрении предмета исследования, она оказывается неполной. Слово «компьютерные» определяет основное средство, используемое игроком, как компьютер, что существенно сужает предмет рассмотрения, т.к. к игровым проектам в настоящее время можно получить доступ не только с помощью компьютера (персонального компьютера или ноутбука), но и, например, смартфона, и игровой приставки, подключенной к телевизору. Именно поэтому в данной статье используется формулировка «видеоигры», по этому запросу результатов намного меньше – 88. На последний запрос, «онлайн* игр*», было получено всего 23 результата, что тоже было ожидаемо. Во-первых, онлайн игры – сравнительно молодое направление, во-вторых, это частный вид видеоигр, который, тем не менее, имеет свои особенности.

Разумеется, множества «компьютерн* игр*», «видеоигр*», «онлайн* игр*» могут пересекаться или даже входить одно в другое, но, учитывая сравнительно малое количество результатов по запросам «видеоигр*» и «онлайн* игр*», этим можно пренебречь.

Распределение всего множества диссертаций по годам продемонстрировано на рисунке 1.

Рис. 1

Из представленного графика видно, что со временем обнаруживается все большее количество диссертаций, так или иначе затрагивающих сферу видеоигр. Снижение количества написанных диссертаций в 2012 и 2013 годах обусловлено чисто технической проблемой, связанной с актуализацией электронной базы диссертаций. Предполагается, что через несколько лет, в эти годы можно будет наблюдать более высокие показатели, соответствующие основной тенденции

Для анализа специальностей, по которым были написаны диссертации, попавшие в нашу выборку, были использованы общие специальности из перечня Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации. Результаты распределения диссертаций по специальностям (от большего к меньшему) представлены в таблице 2.

Таблица 2

Научное направление	Запрос «компьютерн* игр*»	Запрос «ви- деоигр*»	Запрос «онлайн* игр*»	Итого:
Педагогические науки	463	20	3	486
Психологические науки	98	10	3	111
Технические науки	97	7	2	106
Философские науки	89	6		95
Филологические науки	48	14	4	66
Социологические науки	53	3	6	62
Культурология	49	5	1	55
Экономические науки	19	7	3	29
Искусствоведение	22	4		26
Юридические науки	16	3	1	20
Медицинские науки	19	1		20
Политология	11	2		13
Исторические науки и археология	7	3		10
Физико-математические науки	3	1		4
Биологические науки	2	2		4
Химические науки				
Сельскохозяйственные науки				
Науки о земле				
Итого:	23	88	996	1107

Из таблицы видно, что к видеоиграм обращаются практически во всех специальностях. Только по трем из выбранного для рассмотрения списка не были получены результаты, соответствующие какому-либо сделанному запросу: «химические науки», «сельскохозяйственные науки» и «науки о земле». Наибольшее количество результатов соответствует специальностям «педагогические науки», «психологические науки» и «технические науки».

Если провести условное разделение на гуманитарные и технические специальности, при этом определив естественнонаучные и экономические в категорию технических, распределение результатов будет в пользу гуманитарных специальностей. Это объясняется тем, что, несмотря на сильную техническую составляющую любой видеоигры, главным в ней все же является ее контент, влияние на аудиторию и возможность применения не только в развлекательной индустрии.

Различные подходы к определению понятия «игра»

Литературы по вопросам видеоигр в последние 4 года появилось больше, чем за предыдущие несколько десятков лет. Тем не менее, среди этого многообразия сложно найти фундаментальные научные труды. Поэтому стоит обратиться к литературе, затрагивающей феномен игры как таковой.

Рассмотрение можно начать с трудов древнегреческих философов, включавших игру в процесс образования и обучения. В «Законах» Платона¹, написанных в форме диалогов, некий афинянин выдвигает тезис о необходимости игры, воспитывающей вкус и склонность к определенным занятиям, с ранних лет. Клиний всецело одобряет эту идею. Таким образом, игра – это способ познания, модель будущих дел, которую необходимо создать, чтобы получить базовый необходимый опыт, который потом можно и должно совершенствовать.

Немецкий философ Иммануил Кант в книге «Критика способности суждения»² связывает игру с ощущениями, вводя понятие «свободная игра ощущений», которое в свою очередь делится на «азартную игру», «игру звуков» и «игру мысли». При этом с культурой связаны только последние два вида, «азартная игра» провоцирует развитие тщеславия и не может быть «прекрасной». Можно проследить определенную связь между «азартной игрой» и математической теорией игр³, в которой участники не являются добровольцами и стремятся получить максимально возможный выигрыш.

Нидерландский философ Йохан Хейзинга вопросам определения понятия «игра» и выявлению значения этого явления посвятил трактат «Человек играющий»⁴. Игру Й. Хейзинга определял как исходный пункт всех научных исследований и суждений, при этом антитезой понятию «игра» выступает понятие «серьезность». Игра имеет определенную структуру, участники игры фактически оказываются вовлеченными в добровольное состязание. Одной из функций игры является формирование и развитие культуры.

В книге «Понимание медиа»⁵ М. Маклюэн комментирует жизнь племени Новой Гвиней: «эти люди обнаруживают в таких играх своеобразную модель мира, в смертельном гаво-те которой они благодаря ритуалу военных игрищ могут принять участие». Фактически игра у Маклюэна – это отражение уровня развития общества и проводник для новых технологий. Как и Хейзинга, Маклюэн подчеркивает, что игра возможна лишь при добровольном согласии ее участников.

Нельзя не упомянуть книгу «Игру в бисер»⁶ Г. Гессе, в которой игра в бисер – это фундамент для существования общества, свод законов, правил, культурных ценностей.

Пожалуй, приведенные труды уже дают представление о том, что такое «игра», насколько широко это понятие, с каким большим количеством областей его можно связать и как трудно вывести единое определение. Если полученные знания и представления перенести на поле видеоигр, мы увидим множество совпадений. Но в отличие от фундаментального понятия «игра», которое преимущественно рассматривалось в гуманитарном ключе, видеоигры имеют совершенно определенное техническое начало.

Для лучшего понимания рассмотрим составляющие любой видеоигры. Во-первых, это некий замысел или идея. Во-вторых, в каждой видеоигре есть совершенно определенный контент, он может быть вполне ясно представлен графически или текстом. В-третьих, существование видеоигры невозможно без аудитории, игроков. В-четвертых, о ней должны узнать те, кому она предназначена, в данном случае мы говорим о стратегиях продвижения и информирования. Практически любая видеоигра современности является коммерческим проектом, следовательно, добавляется последняя составляющая – экономическая.

Эти пять базовых составляющих можно несколько детализировать, схема подобной детализации представлена на рисунке 2.

¹ Платон. Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998.

² Кант И. Критика способности суждения. – СПб.: Наука, 2006.

³ Нейман, Д. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. – М.: Книга по Требованию, 2012.

⁴ Хейзинга Й. Человек играющий. – Азбука-классика, 2007.

⁵ Маклюэн М. Понимание медиа. – М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007.

⁶ Гессе Г. Игра в бисер. – М.: АСТ, 2008.

Рис. 2

Рассмотрим составляющие видеоигры в контексте научных направлений, которые могут применяться для исследования этих элементов.

Когда мы говорим о замысле игры, мы подразумеваем некую идею, которая легла в основу игрового мира, общую концепцию. Это гуманитарная абстрактная область, изучение которой представляет определенную сложность, но может быть реализовано, например, с помощью сравнения идеи игры с различными философскими концепциями. В основе многих видеоигр лежит условный поиск справедливости, в данном случае можно обратиться к античной традиции или договорной традиции Нового времени. Другой угол рассмотрения приводит нас к сравнению с различными литературными жанрами.

Сюжет игры – величина более конкретная, чем идея. Сюжет не может существовать вне игры, таким образом, исследовательский материал имеет жесткие границы и состоит из определенных элементов, складывающихся в мозаику. Именно это приводит нас к возможности использования, например, структурно-типологического анализа нарратива, основоположником которого является В. Я. Пропп¹. Кроме того, сюжет можно исследовать с точки зрения теории построения драматического произведения, приемов, которые усиливают погружение игрока в виртуальную реальность.

Графическая и аудиальная составляющая контента видеоигр непрерывно совершенствуется и напрямую зависит от технологического прогресса. Тем не менее, задача графического и аудиального ряда в первую очередь – эстетизация, которая неразрывно связана с представлениями о прекрасном, распространенными в обществе, и с живописью и музыкой.

Текстовый контент в видеоиграх присутствует не всегда. Если он есть, для его анализа применима все та же система В. Я. Проппа, т.к. зачастую текстовая составляющая является носителем сюжетной линии. Методы компьютерной лингвистики (парсинг, лемминг и т.д.) позволят составить актуальный словарь данной видеоигры. Кроме того, наличие текстов открывает возможность, как для литературного анализа, так и семиологического.

Изучение горизонтального и вертикального контента сопряжено с развитием сюжета, обновлением графической и аудиальной составляющей, а также с изучением потребительских предпочтений и ожиданий.

Аудитория видеоигр уже давно изучается наравне с аудиторией, например, СМИ. В данном случае в научном поле может появиться статистика, математика и социология, если мы говорим о социально-демографических характеристиках пользователей. К этому ряду до-

¹ Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2003.

бавляется психология, если речь идет о психографических параметрах или пользовательских стратегиях.

Зачастую игроки могут общаться между собой в видеоиграх определенных жанров. Таким образом, в поле внимания попадает свободная речь, которая, конечно, имеет свои стилистические особенности, что дает нам право опять воспользоваться методами компьютерной лингвистики или, например, языкознания или психологии.

Внешнее продвижение отвечает за распространение информации об игровом проекте во внешнем мире, популяризацию игры, привлечение аудитории. Внутреннее продвижение ближе к информированию, чем к рекламированию, и отвечает за удержание аудитории, привлечение внимания существующей аудитории к различным нововведениям. В любом случае будут затронуты сферы маркетинга и психологии.

Экономические теории и методы могут быть реализованы при изучении бизнес-моделей видеоигр или бизнес-моделей непосредственно виртуального мира, а также в вопросе получения и максимизации прибыли от проекта.

Наибольшее количество диссертаций, так или иначе затрагивающих сферу видеоигр, связано с педагогикой. Пожалуй, изучение возможностей игр как площадки для обучения, - наиболее стабильная область научного познания. Действительно, из игр жанра «симулятор» можно почерпнуть базовые знания об управлении техникой. В настоящее время существует немислимое количество видеоигр по разным областям научного познания (география, биология, физика, химия, история и т.д.), направленных исключительно на обучение. Тем не менее, если мы говорим о видеоиграх, главной функцией которых является развлечение, стоит упомянуть и о негативном влиянии на игроков. Очень часто о нем пишут и вспоминают в связи с девиантным поведением индивидов в реальной жизни, говорят «переиграл в компьютерные игры». Подобные истории зачастую тесно связаны со сферой юриспруденции, законами, этикой, нормами и правилами поведения человека в обществе, которые могут существенно отличаться от того, что считается нормальным и приемлемым в виртуальном пространстве.

Последнее, о чем следует упомянуть в контексте изучения видеоигр, – это техническая составляющая их создания: языки программирования, написание кодов и оптимизация под различные платформы, именно этим обусловлено такое большое количество результатов по специальности «технические науки».

Из всего вышесказанного можно сделать ряд выводов:

1. Научный интерес к видеоиграм растет.
2. На данном этапе развития индустрии видеоигр, наибольшую ценность они представляют в первую очередь для исследователей в сферах педагогики и психологии.
3. Изучая видеоигры, невозможно ограничиться одной научной областью в чистом виде - это междисциплинарная область исследования.

Н.И.Ловцова (СГТУ им. Ю.А.Гагарина),
Г.Г.Карпова (СГТУ им. Ю.А.Гагарина)

ПРОИЗВОДСТВО НОВОГО РОДИТЕЛЬСТВА: ДОВЕРИЕ МЕДИЙНЫМ ОБРАЗАМ МАТЕРИ

Первые пятнадцать лет XXI века стали для России временем стремительных социально-политических преобразований, связанных с глобальным развитием всех сфер жизни общества. Трансформации социального устройства значительно повлияли на сферу семейных отношений, как на уровне социально-политического регулирования, так и на уровне повседневной жизни семьи.

Наибольшая часть дебатов и дискуссий, посвященных теме семейных отношений, происходит по поводу репродуктивной функции семьи, конструированию нормативной модели родительства. Активное возрождение ценностей и правил материнства, новый поворот в

дискуссиях о роли женщины в обществе связаны с очередной сменой мирового социально-политического курса. Либеральные реформы конца XX века и первых нескольких лет XXI века поставили на первое место принцип отказа от государственного патернализма, что привело к тому, что для многих женщин стало жизненно необходимым получить работу прежде, чем вступить в брак и родить ребенка.

Современные исследования содержат идеи о том, что политическая власть обладает высокой степенью влияния на процессы репродукции в обществах [11,120]. Несмотря на то, что репродуктивная сфера является скорее естественным явлением, проблемы социального устройства сделали эту область человеческих отношений важной политической задачей, объектом регулирования с помощью идеологических институтов. Явные и латентные политические меры, направленные на повышение рождаемости, конструирование социально-одобряемых моделей родительства, чаще всего материнства, становятся главным сюжетом медийного контента. СМИ являются, несомненно, наиболее влиятельным агентом формирования мнений, убеждений, и как следствие ценностей, активно включились в решение задачи содействия повышению народонаселения. Практика влияния на формирование установок относительно тех или иных социальных проблем с помощью идеологических воздействий на граждан, безусловно, не нова. Более того, историческая апробация возможностей изменения гендерных и семейных ценностей доказала эффективность использования СМИ, поскольку, несмотря на навязчивость и интенсивность посылов, воздействия тем не менее интерпретируются в качестве развлекательных сюжетов.

Анализ калейдоскопической картины советских и современных российских масс-медиа вскрывает властные отношения, которыми пропитана «сфера пола». Одним из выразительных средств государственной идеологии выступает организация праздничного медийного пространства. Среди наиболее заметных технологий формирования социально одобряемых образов женщины выделяются «медиа-компании» советского периода [2].

Советская пресса, политический плакат, кинематограф, а позднее и телевидение являлись мощными проводниками реализации идеологии семейной политики, неотъемлемой частью которой были мероприятия, по замыслу ее разработчиков способствовавшие культурному и социальному раскрепощению женщины. Упрощенная процедура заключения брака и развода, декрет о разрешении медицинских аборт по желанию женщины – все перечисленные положения нашли свое подкрепление в изданном в 1926 г. законодательстве о браке и семье и должны были способствовать созданию новой, эмансипированной женщины, освобожденной от «ига» домашней работы и даже от обязанностей по воспитанию детей [7]. Советский женский идеал – «работающая мать» предполагал институциональную поддержку трудовой и материнской мобилизации «советских гражданок». В прессе достаточно четко определялось семантическое поле образа советской женщины: «трудящиеся женщины, женщины-работницы, ученые, колхозницы, женщины-матери, воспитывающие новое поколение строителей коммунизма».

Спад рождаемости, уменьшение размеров семьи, постарение населения, бывшие следствием урбанизации, индустриализации и людских потерь, в 1970-е гг. вызывали к жизни дискуссию о том, как поощрить многодетную семью. При этом роль мужчины как отца семейства и воспитателя детей не проблематизировалась. В середине 1980-х гг. публичный дискурс и социально-экономические реалии заставили идеологов задуматься на том, как вернуть женщину в семью. Появление в конце 1980-х гг. новых концептов, связанных с попытками решить «женский вопрос» в период «перестройки» политической и социально-экономической системы, внесло в общественную дискуссию «идеологический диссонанс» [14, 195], поскольку отныне, наряду с продвижением женщин по службе и улучшением условий их труда, им настойчиво предлагалось «вернуть истинное призвание».

Именно этим противоречивым требованием объясняются публикации начала перестройки, призывающие «вернуть женщину домой». В 1987 г. сам М.С.Горбачев заявлял, что – поскольку социалистическое развитие не оставило для женщин времени для их домашней работы, воспитания детей и семейной жизни, перестройка может вернуть женщинам утраченное. Аргументы М. Горбачева беспрецедентны для советского прошлого и конфронтуют с марксизмом: перестройка приведет к экономической эффективности и

избытку рабочей силы, а женское участие на рынке труда плохо влияет на демографию, поэтому часть женщин рекомендуется высвободить из экономики, тем самым будет смягчен и эффект безработицы.

Начиная с 1990-х гг., «изменение положения женщин вновь стало рассматриваться как один из приоритетов социальной политики. Однако, по-прежнему различия между мужчинами и женщинами признавались непреложными: материнство и воспитание детей рассматривалось как «неотъемлемые и незаменимые функции» женщин» [9,48].

Дискуссии относительно семьи и родительства в период с 2000 по 2006 годы связаны с озабоченностью по поводу резкого сокращения рождаемости и необходимостью поиска ресурсов для преодоления данной проблемы. С точки зрения идеологических подходов к определению нормативного родительства, подобная установка привела к формированию ценности ответственного родительства [4], суть которого связывается с планированием рождения ребенка, оценкой возможностей родителей (чаще матерей) исполнять свою роль, пропаганду «безопасного секса» и контрацептивов [1]. На семью возлагается задача обеспечения общества исполнителями социальных ролей, следовательно, общество объективно заинтересовано в том, чтобы семья эффективно выполняла свои специфические социальные функции, а «выход России из демографического кризиса, в первую очередь, могут обеспечить среднететные и многодетные семьи, которые должны иметь возможности к реализации своих семейных устремлений», «более полную реализацию репродуктивных намерений...» [6]. Заметной чертой семейно-ориентированного дискурса того периода является возложение ответственности за решение многих социальных проблем на тех, кто от этих проблем страдает.

Неолиберальный поворот в социально-политическом устройстве большинства стран сместил акценты в оценке роли либеральных ценностей свободы выбора в сторону большей значимости потребностей государства и рынка. Превалирование ценностей эффективного производства в сфере экономических отношений предполагает специфическое видение семьи и сексуальных отношений, основной функцией которых декларируется функция репродуктивная. Активно конструируемый риск депопуляции прирастает новыми аргументами, связанными с угрозой потери рынков труда, сокращения рабочей силы, невозможности государственной поддержки пенсионеров в будущем. Современный нео-консерватизм становится не только реакцией на быстрые социальные перемены, но и усиливает поиск решения проблем в практиках исторического прошлого, среди которых репродукция необходима не столько с точки зрения любви к детям, «сколько ради «национальной безопасности», чтобы было кому служить в армии и работать» [3]. Именно поэтому нужна новая система репродуктивных институтов, чтобы вновь мотивировать деторождение, сотворить новые жизненные стили, социальную моду и спровоцировать культурные изменения [14], при которых социальные факторы, влияющие на принятие семьей решения о ее составе и численности, начинают проигрывать на фоне безусловной ценности воспроизводства.

Современные дискурсы материнства вновь легитимизируют точку зрения о наличии тесной связи материнства, женственности и женской социальной роли [16,18]. Такая точка зрения формирует убежденность в естественной неизбежности желания всех женщин реализовать себя в качестве матери, что является ядром женской социальной роли, традиционности гетеросексуальной нуклеарной семьи, важности материнства для понимания женской идентичности.

О. Хазова указывает на существование в современной России тенденции к возрождению традиционной семьи с четким распределением ролей («патриархальный ренессанс») [10,44]. Вследствие господства культурных дискурсов такого рода бездетность, как вынужденная, так и добровольная, становится примером «недостаточной (неполноценной) феминности», противоположностью того, что в целом сконструировано как «нормальное» в современной конструкции женственности, подразумевающей гетеросексуальность, фертильность, рождение детей, самоотдачу и плодовитость.

Женщины, не имеющие возможности стать матерью по независящим от них причинам, вызывают жалость, симпатию, стремление оказать им поддержку. Одним из наиболее влиятельных источников акцентуирования необходимости материнства для конструирования феминности и неполноценности женской бездетности была и остается медицина.

В профессиональном медицинском дискурсе и социокультурных репрезентациях в медийном пространстве проблематизируется суррогатное материнство и ЭКО. СМИ выступает в качестве арены публичного повседневного обсуждения, легитимного в данной культуре, ориентированного на понимание максимально широкой аудитории, задействующего и производящего признаваемые и разделяемые культурные коды, смыслы, знаки и символы" [5, 146]. Многие сайты в сети Интернет рассматривают суррогатное материнство именно как возможность, предоставляющаяся бездетной паре обрести радости родительства. Как правило, речь идет о медицинских аспектах данной репродуктивной технологии: "Новые репродуктивные технологии рассматриваются в текстах как средства для реализации своей детородной функции каждой женщиной, независимо от физиологических показаний" [12]. В рамках религиозных суждений изучаемое явление ассоциируется с коммерциализацией материнства, предполагающей купле-продажу детей. Новый взгляд на проблему суррогатного материнства представляют хроники светской прессы, в которых репрезентируется опыт знаменитых людей, пользующихся новыми репродуктивными технологиями. Интернет-ресурсы постоянно сообщают о случаях рождения детей в так называемых "звездных семьях" благодаря суррогатному материнству, формируя, таким образом, модные тенденции в решении проблем деторождения. Например, один из интернет-источников сообщает: "Суррогатное материнство, популярное на Западе, набирает обороты и в России" [8]. Обращение к суррогатным матерям становится трендом, которому стараются следовать знаменитости и материально обеспеченные граждане, становится не просто способом, позволяющим семейной паре стать родителями, но и возможностью продемонстрировать статус и исключительность.

Снижение рождаемости, откладывание времени рождения первого ребенка, отказ от рождения детей являются непереносимыми составляющими политического и медийного дискурсов о кризисе семьи. Эта проблема нередко выступает ключевым поводом для обсуждения «женской судьбы» в ток-шоу «Пусть говорят», «Наедине со всеми», «Прямой эфир с Борисом Корчевниковым» и др.; смело обсуждается в биографических телевизионных репортажах о судьбах публичных людей, посвятивших себя карьере « в ущерб женскому счастью». Если в отношении звезд допускаются оправдания через самотреченность и жертвенность ради искусства и творчества, то сознательный отказ от рождения детей в обыденной жизни связывается с такими характеристиками, как эгоизм и трактуется как девиация, женщины рассматриваются как дезадаптивные и незрелые, а их выбор считается социальной проблемой [17,19]. Результатом таких влиятельных нормативных дискурсов является идея о том, что только материнство может позволить женщине полноценно реализовать себя, которая прочно укоренилась в повседневных представлениях. Таким образом, исторически зафиксирована точка зрения, что забота и вскармливание являются основным видом деятельности женщин, а женщина – это обязательно мать. В этом контексте подчеркивается ценность детства (к чести производителей такой продукции, любого детства). Дети с инвалидностью, которые раньше редко выступали в качестве героев фильмов, рекламных роликов, публицистических передач и теле-шоу в настоящее время абсолютно нормализуются и усиливают требования к самоотверженному материнству. Такая самоотверженность оказывается заразительной, поскольку мать с ребенком обязательно награждается замечательным отцом.

Вытеснение дискурса ответственного родительства, планирования семьи, контрацепции сопровождается акцентированием моральной ценности «детоцентризма»: дети превыше всего. Медийно транслируемая роль матери вновь начинает занимать верхнюю позицию в иерархии социальных ролей женщины, более того репрезентация матери, предлагаемая вниманию публики в художественных фильмах, публицистических передачах, ток-шоу, новостями из сферы шоу-бизнеса демонстрирует нам образ «самоотверженной матери». Женщины различного возраста, происхождения, экономического положения, семейного и брачного статуса, занятости не сомневаются в необходимости сохранения беременности, вне зависимости от того, насколько она желанна, а факторы, которые могут критически повлиять на качество исполнения материнской роли (отсутствие работы, жилья, средств, поддержки) героинями художественных и публицистических сюжетов зачастую не учитываются вовсе. Количество сериалов и телевизионных фильмов, главным сюжетом которого является жизнь женщины, доминирующим предназначением которой является материнство, причем материнство

выстраданное, где никакие сложности, трагедии, а подчас угрозы жизни не могут заставить отказаться от ребенка, когда ради ребенка женщина игнорирует все потенциальные сложности, с очевидностью обрекает себя на бедность, нарастает.

Поскольку уровень бедности в стране значительно не снижается, и занятость женщины необычайно важна, образы материнства с неизбежностью изменяются, модернизируются, становятся более сложными, поскольку в них должны учитываться социальные изменения. Кроме того, работа вне дома, рост идентификации женщин с профессиональной ролью, которая сочетается с материнством, привели к формированию образа «суперженщины». Следовательно, стоит говорить, скорее, не о снижении значимости материнства в жизни женщины, а о том, что социальные изменения повлияли на представления о человеческой репродукции, в частности о материнстве, таким образом, что заставили трансформироваться эти феномены.

Таким образом, возможно предположить, что социальные изменения все больше влияют на значение репродукции и материнства, значительно трансформируя эти понятия. Современные практики являются следствием пересмотра модели человеческой репродукции, тогда как контекст и смыслы репродукции и семьи радикально изменились.

Несомненно, что одинокие матери имеют больший риск попасть в ситуацию бедности, но в современном медийном пространстве дебатах по поводу родительства и материнства чаще всего используется практика «обвинения жертвы». Новый моральный императив детоцентризма во многих случаях удваивает обвинительный акцент: «нормальная» женщина при любых обстоятельствах должна сохранить беременность (хотя она и виновата в том, что беременность наступила вне брака), на неспособность такой женщины обеспечить благополучие ребенка усиливает бремя вины. И хотя медийные репрезентации полностью не игнорируют воздействие внешних социальных сил, которые фиксируют одинокое материнство в рискованной ситуации, альтернативные гипотезы экономических и социальных потрясений, переживаемых женщинами, таких, например, как экономический кризис, снижение реальной заработной платы населения, гендерное неравенство на рынке труда, а также социальная политика, которая «наказывает» женщин и их детей, не получили должного внимания в популярном медиа-пространстве.

Медийная риторика в современных условиях весьма интересна: требования занятости для женщин, что вызвано необходимостью преодоления бедности, а также необходимостью заботы о статусе женщины сочетаются с сетованиями по поводу ослабленного воспитательного потенциала семьи (читай «матери») и необходимости для женщин уделять больше внимания своим детям. Подобные репрезентации могут провоцировать у некоторых матерей личные моральные дилеммы, влияющие на возникновение субъективных переживаний в связи с трудностями и проблемами жизни. Подобная проблема свойственна не только современной России, Г. Дин отмечает существование подобных моральных дилемм и в западных обществах [15,274]. Возникновение популярного дискурса о «виновности родителей» связано, скорее, с деятельностью СМИ, наиболее активно освещающих общие направления социальной политики и акцентирующих негативные тенденции, нежели предоставляющие детальные и объективные материалы о реальном положении дел в социальной сфере. Таким образом, общественный дискурс характеризуется латентной неопределенностью, двусмысленностью новых «норм» материнства и родительства, с одной стороны, и моральными ожиданиями относительно родительской ответственности – с другой, и эта неопределенность для многих матерей является серьезной проблемой.

Литература:

1. Абрамова А.А. Несознательное родительство? (культурологический ракурс проблемы определения понятий и направлений деятельности в помощь современной семье). М., 2012 // <http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2012/10/Abramova1.doc> Обращение к ресурсу 26.06.2014
2. Карпова Г.Г. Социальное поле культурной политики. М: Вариант, 2011.
3. Кон И.С. Сексуальная культура XXI века // Сексология. Персональный сайт И.С.Кона <http://sexology.narod.ru/publ030.html>

4. Ловцова Н. И., Ярская-Смирнова Е.Р. Демографическая проблема: кто виноват и что делать? // Мир России. 2005. № 4.
5. Нартова Н. С. "Кто кому мать?": проблематизация суррогатного материнства в дискурсе СМИ // Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития / Под общей редакцией проф. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2008. .
6. Обращение участников Второго российского конгресса «Мир семьи» к участникам гражданского форума. Москва 17 ноября 2001 г. // Сайт Фонда «Мир семьи». <http://www.fw.ru>
7. Пушкарев А.М. А.М. Коллонтай и проблема «новой половой морали» (Обзор российских и зарубежных исследований) // Успенская В.И. А.М. Коллонтай: феминистка и революционерка. Тверь, 2002.
8. Семенова И. Суррогатное материнство: модно, законно, не одобряется церковью... // ВК Пресс. 07.10.2013 // http://www.vkpress.ru/news/vc_info/surrogatnoe-materinstvo-modno-zakonno-ne-odobryaetsya-tserkovyu-/. Обращение к ресурсу 13.10.2013.
9. Тартаковская И.Н. Социология пола и семьи. Самара: ИОО, 1997.
10. Хазова О. А. Семейное законодательство: результаты проведенной экспертизы // Гендерная экспертиза российского законодательства: теория и практика / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. М. 2002. № 4 (160).
11. Черняева Н. Производство матерей в Советской России. Учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // Гендерные исследования. №12. 2004.
12. Щурко Т. «Обязательное материнство»[1]: репродуктивное тело женщины как объект государственного регулирования (на материале газеты «Советская Белоруссия») // Laboratorium. 2012. №2 // <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/5/107>. Обращение к ресурсу 13.10.2013.
13. Buckley M. Women and Ideology in the Soviet Union. New York, London: Harvester Wheatsheaf, 1989.
14. Caldwell J. C., Caldwell P., McDonald P. Policy responses to low fertility and its consequences: a global survey // Journal of Population Research, May, 2002
http://www.findarticles.com/p/articles/mi_m0PCG/is_1_19/ai_105657362
15. Dean H. Working Parenthood And Parental Obligation // Critical Social Policy. 2001. Vol. 21(3).
16. Gittens D. The Family in Question: Changing Households and Familiar Ideologies. London: Macmillan, 1985.
17. McAllister F., Clarke L. Choosing Childlessness: Family and Parenthood, Policy and Practice. London: Family Policy Studies Centre
18. Nicholson P. Motherhood and Women's Lives // R. Richardson, V. Robinson (eds) Introducing Women's Studies. London: Macmillan, 1993
19. Somers M. D. A Comparison of Voluntary Childless Adults and Parents // Journal of Marriage and Family. 1993. №55..

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аверкиева Ксения Васильевна – кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН

Алмакаева Анна Михайловна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

Бобылев Сергей Николаевич - доктор экономических наук, профессор кафедры природопользования экономического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, академик РАЕН и Российской Экологической Академии

Васильева Марина Юрьевна - магистр Университета прикладных наук Люцерн (Hochschule Luzern или Lucerne University of Applied Sciences and Arts)

Войнилов Юрий Леонидович – член исследовательской группы ЦИРКОН, магистр программы «Комплексный социальный анализ» факультета социологии НИУ ВШЭ

Гофман Александр Бенционович – доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии НИУ ВШЭ

Глазков Константин Павлович – студент 2 курса магистратуры Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ.

Григорьева Ирина Андреевна – доктор социологических наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Гунько Мария Сергеевна – аспирант Института географии РАН, сотрудник факультета географии МГУ им. М.В.Ломоносова

Дроздова Юлия Алексеевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры корпоративного управления ФГБОУ ВПО Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

Дрючина Ирина Николаевна – адъюнкт Академии управления МВД России

Ермолаева Юлия Вячеславовна - младший научный сотрудник Института социологии РАН

Задорин Игорь Вениаминович – руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН

Землякова Анастасия Ивановна – магистр программы «социология публичной сферы и социальных коммуникация» социологического факультета НИУ ВШЭ

Землянский Дмитрий Юрьевич – кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Ильин Владимир Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии культуры и коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)

Карпова Галина Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры «Реклама и компьютерный дизайн» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Кеворкова Дарья Артуровна - магистр факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ

Кириллов Павел Линардович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова

Кирюшин Петр Алексеевич – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор по развитию Центра биоэкономики ЭФ МГУ

Колесникова Людмила Арнольдовна – доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры Экономики и финансов общественного сектора ИГСУ РАН-ХиГС при Президенте РФ

Колобова Анна Евгеньевна - доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.

Конобеева Елена Алексеевна - стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ, аспирант НИУ ВШЭ

Лапин Николай Иванович - член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный доктор Института социологии РАН

Ловцова Наталия Игоревна - доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Социология, социальная антропология и социальная работа» Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Лыткина Екатерина Ивановна - преподаватель кафедры общей социологии НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

Мальцева Дарья Васильевна – социолог, член исследовательской группы ЦИРКОН

Малянов В.П. - бакалавр направления «Социальная работа» СГТУ им. Ю.А.Гагарина

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Стелла Юрьевна - магистр университета Бата, Good Economy Partnership.

Неретин Александр Сергеевич – аспирант Института географии РАН

Нефедова Татьяна Григорьевна - доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Николаева Ульяна Геннадьевна – доктор экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения проблем народонаселения экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Покровский Никита Евгеньевич - доктор социологических наук, президент Сообщества профессиональных социологов, ординарный профессор, заведующий кафедрой общей социологии факультета социологии НИУ «Высшая школа экономики»

Полухина Елизавета Валерьевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социальных наук НИУ ВШЭ (НИУ ВШЭ)

Полякова Анна Михайловна – студентка факультета социологии НИУ ВШЭ

Римский Владимир Львович – заведующий отделом социологии Фонда ИНДЕМ

Савельева Ольга Олеговна - доктор социологических наук, профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ

Смирнова Александра Сергеевна – магистр программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» НИУ ВШЭ

Соловьева Софья Валентиновна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Спирина Марина Олеговна - стажер-исследователь ЛЭСИ, студентка 1 курса магистратуры НИУ ВШЭ

Старикова Александра Вячеславовна – аспирант географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Степанов Александр Константинович - магистр менеджмента МГУ им. М.В.Ломоносова, зав.сектором Института менеджмента инноваций НИУ «Высшая школа экономики»

Тимофеева Оксана Александровна - преподаватель факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ

Трейвиш Андрей Ильич - доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН.

Чернецкая Анжела Альбертовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета имени Ю.А.Гагарина

Ярская Валентина Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии, социальной антропологии и социальной работы, научный руководитель Социологического центра Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.